

Борис Карлов

Карлуша
на острове
Голубой Звезды

Роман в пяти частях

Часть первая ОПАСНОСТЬ ГДЕ-ТО РЯДОМ

ВЫЖЖЕННЫЙ КРУГ

Однажды, ближе к концу лета, в окрестностях Песочного города произошло странное событие, показавшееся тогда, на первый взгляд, малозначительным. Девчонка по прозвищу Капелька заблудилась в лесу и только поздней ночью, когда уже совсем стемнело, вышла на берег Мутной реки. Бедняжка успокоилась и перестала плакать, потому что теперь точно знала дорогу домой: нужно было просто идти вдоль берега и никуда не сворачивать. Так она и сделала. Шла вперёд, спотыкаясь, на ощупь, вытянув вперёд руки, под пение комаров и кваканье лягушек. А корзинку с ягодами она давно рассыпала и потеряла.

Вдруг наверху что-то вспыхнуло, и всё вокруг осветилось. Капелька упала на мокрый песок и прикрыла голову руками. Скосив глаза, она увидела, как огромный приплюснутый металлический предмет опустился неподалёку, ломая тростник и шипя огнём, словно тысяча газовых горелок.

На берег вышли трое гномов, силуэты которых можно было различить в отблесках пламени. Гномы были высокие, совершенно лысые, в тёмных очках, одетые в чёрные блестящие плащи, свисающие до земли.

— Далеко приняли на восток, — проговорил первый дребезжащим металлическим голосом. — Дальше ничего нет, надо лететь обратно, к башням.

— Если вернёмся на остров с пустыми руками, будет порка, — сказал другой.

При слове «порка» их всех разом передёрнуло.

— Надо поймать для директора хотя бы одного гнома, — подтвердил третий.

Но тут уже Капелька, не помня себя, вскочила на ноги и пропустила так, что только ветер свистел в ушах. Как она добежала до города и как перебудила весь дом, она не помнила.

На другой день она уговорила соседей отправиться на то место, где всё случилось. Однако, сколько там ни искали, никаких следов приземления летательного объекта найти не удалось. И все решили, что девчонка нафантазировала с перепугу.

Потом, недели через две, когда происшествие почти забылось, кто-то нашёл на берегу круг выжженного и примятого к земле тростника шагов пятнадцать в диаметре. Только он находился гораздо дальше того места, которое показывала Капелька. Вероятно, она пробежала расстояние значительно большее, чем сама думала.

Но обсуждать эти новые вскрывшиеся обстоятельства было уже не так интересно. Тем более, что как раз в это время Студент, Взломщик и Шестерёнка придумали нечто такое, что на ближайшее время совершенно преобразило жизнь Песочного города. Но подробнее об этом несколько позже.

Глава первая

«Лунная болезнь» Пухляка.
и «морская болезнь» Карлуши.
Известие о предстоящем морском походе

Первые путешествия в космос показали, что не все гномы одинаково хорошо переносят состояние невесомости. Кое-кого после возвращения на Землю приходилось буквально заново ставить на ноги. И доктор Глюк на время совсем запретил полёты — по крайней мере до тех пор, пока в больнице останется хоть один больной, жалующийся на недомогания, связанные с полётом. Космический городок опустел. Только астроном Звёздочкин, для которого далёкий космос был, что называется, родным домом, продолжал работать в обсерватории.

Тем самым единственным больным, жаловавшимся на общее недомогание, которое он сам называл «лунной болезнью», был Пухляк. С утра до вечера он валялся на больничной кровати или проветривался в гамаке на свежем воздухе, жалуясь на недостаток внимания со стороны персонала и скучный рацион питания. Требуя себе по два, а то и по три завтрака, обеда и ужина, он с каждым днём становился всё более раздражительным и капризным.

Такое затянувшееся недомогание стало казаться доктору Глюку подозрительным, и однажды он вызвал из Центральной дирекции знаменитого профессора Микстуру. Тот осмотрел больного, спросил о том о сём, пошептался с коллегой и уехал.

Проснувшись на другой день, Пухляк почему-то не увидел на столе свой первый завтрак, состоявший обычно из каши с маслом, тёплых ватрушек и какао пополам со сгущённым молоком. Несколько раз он позвал няню, потом доктора, но к нему никто не пришёл.

Полежав ещё несколько минут, он решил, что, как бы там ни было, даже если в городе случилось нечто ужасное, пожар или наводнение, это не повод, чтобы бросать его здесь одного, а главное, отменять завтрак.

И тогда Пухляк решил самостоятельно подняться с кровати. Он уже давно не двигался и почти разучился ходить.

Преодолевая слабость и головокружение, он встал и кое-как, шатаясь из стороны в сторону, двинулся прямо по середине пустынной из-за дневной жары улицы к своему дому... Это был долгий и трудный путь — с остановками возле лавочек и долгими привалами возле водопроводных колонок.

Только часа через полтора, мокрый и взъерошенный, он появился на пороге. Соседи уже закончили завтрак и убирали со стола.

К больному подошёл доктор Глюк и приставил слушательную трубочку.

— Как самочувствие?.. Пульс и дыхание учащённые, но в пределах нормы. Надо больше двигаться, голубчик! Я вас выписываю из больницы. С сегодняшнего дня будете находиться под моим личным наблюдением.

Отдышавшись, Пухляк доел прямо из кастрюли остатки холодной каши и лёг на свою кровать.

Когда же пришло время обеда, Глюк объявил, что все отправляются на берег Мутной реки. Гномы обрадовались, потому что обедать у костра интересней, а заодно можно искупаться и погонять мяч. Один только Пухляк окончательно расстроился. Ему совсем не улыбалось добираться до реки своим ходом. Но страх остаться без обеда был сильнее, и он, при общей поддержке, прогулялся туда и обратно и даже разочек окунулся.

С этого дня дело пошло на поправку. «Лунная болезнь» стремительно отступала под натиском нового метода лечения доктора Глюка.

Как выяснилось позднее, профессор Микстура суворо отчитал своего коллегу за попустительство, а Пухляка обозвал симулянтом. И тогда Глюк принял на вооружение новую методику лечения, благодаря которой больной сам себя вылечил.

Однажды Студент показал карту, которую он составил, фотографируя Землю из космоса. По карте выходило, что Мутная река впадает в огромный природный водоём — море или может быть даже океан. Человечки из Песочного города никогда не видели море, но знали, что оно очень большое и красивое. Что на море бывают бури и кораблекрушения, а также необитаемые острова с зарытыми сокровищами.

Особенно много про всё это знал Карлуша, который любил читать и легко увлекался — то сказками, то фантастикой, то детективными историями. Самая последняя его страсть называлась «морские приключения». Когда он, бывало, что только под утро, закрывал книгу, ему снились одноглазые пираты, надутые паруса и пенящиеся волны на бескрайних морских просторах...

Карлуша был впечатлительным и простодушным гномом. Из-за этого он, бывало, мог сморозить какую-нибудь глупость или пуститься в авантюру, но, к его чести, почти никогда не врал и не трусил.

Одевался Карлуша щегольски, по им самим выдуманной моде: в мягкую клетчатую кепку, клетчатые штаны, светлую рубашку с короткими рукавами и галстук «шнурок». Его единственный в Песочном городе друг по прозвищу Чек тоже со стороны выглядел по-пижонски. Он носил шорты, тёмные очки и надвинутую на глаза панаму. Чек старался казаться мрачным и невозмутимым. Вместе они то и дело придумывали какие-нибудь нелепые и опасные забавы, наводившие тревогу на окружающих.

Узнав о том, что Мутная река впадает в море, Карлуша погрузился в задумчивость. Потом они с Чеком шептались и выводили

на бумаге какие-то чертежи. После этого они стали подолгу исчезать в прибрежных зарослях ниже по течению реки, подальше от пляжа. В это же время в доме, где жил Карлуша, и в доме, где жил Чек, стали таинственным образом пропадать запасы продовольствия, гвозди, инструменты, простыни и бельевые верёвки.

Однажды с Чеком разговорилась Зубрилка и под большим секретом выведала, что приятели строят на берегу морское судно, на котором не сегодня завтра поплынут по реке к морю в поисках приключений.

— Не говори глупостей, — забеспокоилась Зубрилка. — Или ты уже забыл, как в прошлом году чуть не утонул Комарик?

Гном, которого звали Комарик, залез однажды в выдолбленную половинку сухой тыквы и поплыл по реке. Его унесло вниз по течению, тыква перевернулась, и его отыскали только к вечеру, далеко от города. Всё это время Комарик звал на помощь, уцепившись за стебель растущего из воды камыша.

— Да ведь мы не на тыкве поплыvём, — попытался объяснить Чек.

— Всё равно не смейте! Если вы сегодня сами обо всём не расскажете, тогда я расскажу! — решительно заявила Зубрилка.

— Ты же обещала... я же тебе по секрету!.. — в панике зашептал Чек.

— А если бы вы с крыши вниз головой собирались прыгать? А я бы пообещала и промолчала, как бы это называлось? — возмущённо парировала Зубрилка.

Оставшись одна, она подумала, что эти два друга могут и в самом деле уплыть по реке в море и там неминуемо погибнуть. Её воображение стало рисовать столь пугающие картины, что она, не медя больше ни минуты, поспешила к Студенту.

Героев отыскали в прибрежных зарослях, где они в спешном порядке готовились к отплытию. Морское судно представляло из

себя грубо сколоченный плот с парусом-простынёй и ящиком для провизии.

Студент был в ярости.

— Ты понимаешь, ослиная твоя голова, — кричал он на Карлушу, — что вас бы унесло и поминай как звали!..

Чеку тоже досталось.

Однажды Студент собрал друзей и сказал:

— Вот что, братцы. Ещё когда я первый раз увидел из космоса через телескоп наши края, то сразу же подумал о морской экспедиции. Ведь наша Мутная река впадает не в какую-нибудь лужу, а в большое настоящее море.

Гномы одобрительно загудели.

— Когда эти два олуха сколотили плот, у меня уже тогда был готов чертёж настоящего судна и план морской экспедиции.

Гномы загудели громче.

— Вместе со Взломщиком и Шестерёнкой мы доработали чертежи во всех деталях и разослали их на фабрики и заводы. Уже завтра сюда, в Песочный город, начнут прибывать готовые части нашей конструкции. И мы все, не откладывая, начнём постройку!

Под оглушительные крики «ура!» Студент поднял над головой модель будущего морского судна.

Расспросы и разговоры продолжались до глубокой ночи. Не радовались вместе со всеми только двое: Пухляк и затаивший на всех обиду Карлуша.

Глава вторая

Технические подробности.
Места есть даже для злопыхателей.
Отправление

Вскоре на расчищном и выровненном участке береговой линии начались работы. Именно здесь, в зарослях, Карлуша и Чек прятали свой плот. Теперь на этом месте, поднятая на опорах, красовалась удивительная и загадочная конструкция. Лёгкий обтекаемый корпус из серебристого металла, приплюснутый сверху и снизу, ничуть не напоминал по форме ни один из тех кораблей, какие привыкли видеть мы с вами...

— Что же теперь выходит — одних прогоняем, а других пускаем?.. — ворчал Карлуша. — Будто другого места не могли выбрать.

— Им просто завидно стало, — говорил Чек и презрительно сплёвывал. — Мы бы давно уже раньше их путешествовали.

— Путешествовали бы вы, — услышал их рассуждения Студент, — с рыбами по дну.

В экспедиции могли принять участие более тридцати пассажиров, девятнадцать из которых уже записались и имели свои собственные номера посадочных мест. Всего вдоль каждого борта располагалось по восемь кают с двумя откидными койками и большим круглым иллюминатором. Посередине находилась кают-компания, в которой путешественники могли собираться вместе. В трюме хранились водонепроницаемые контейнеры с запасами продовольствия, инструменты, снаряжение и спасательный катер, выстреливающийся как торпеда. В хорошую погоду можно было проводить время на палубе, а если шёл дождь или дул сильный ветер, крылья-батареи складывались, и судно превращалось в плотно закрытую, неуязвимую для дождей и штормов «раковину».

В носовой части располагалась капитанская рубка, лобовая часть которой была сделана из прозрачного стеклопластика. В корме было устроено машинное отделение с воздушно-водомётным двигателем. Вместо гребного винта судно толкала вперёд мощная струя перемешанного с водой воздуха. Насосы закачивали воздух в камеру сжатия, затем, на выходе, в него попадала отфильтрованная забортная вода, и этот мощный поток толкал судно вперёд. Боковые водомёты, расположенные ниже ватерлинии, позволяли круто маневрировать на самых трудных участках. Такое устройство было особенно удобным потому, что гребной винт мог бы запутаться в водорослях или сломаться о подводные камни. Округлое, почти плоское днище позволяло судну легко преодолевать мели, скользить по острым камням, а хорошо разогнавшись, даже перепрыгивать небольшие острова.

Учитывая эти замечательные качества судна, Студент предложил назвать его «Стрекозой».

В носу имелся специальный прибор — «автолоцман», посылавший вперёд невидимый луч, который ощупывал перед собой дно и поверхность воды. Если на пути торчал камень, плавало бревно или возникало другое препятствие, срабатывала автоматика и «Стрекоза» сама выбирала себе другой, безопасный маршрут.

Взломщик и Шестерёнка предусмотрели также возможность морской прогулки под парусом. Одним нажатием кнопки выдвигалась телескопическая мачта, увлекавшая за собой уложенные снасти. Из днища выдвигался киль, и судно превращалось в большую устойчивую яхту.

И, наконец, для экстренного случая существовала особая, закрытая стеклом, кнопка. При нажатии на неё радио посыпало в эфир сигнал «SOS», означавший, что путешественники попали в беду. В этом случае астроном Звёздочкин, принявший сигнал в обсерватории Космического городка, должен был немедленно выслать на место бедствия ракету, снабжённую прибором невесомости.

«Стрекоза» была уже почти на плаву. Оставалось только закончить внутреннее благоустройство, провести испытания на воде и загрузить трюмы. Карлуша с каждым днём мрачнел, а невозмутимый Чек сделался ещё более неразговорчивым.

Однажды Зубрилка, чувствуя себя в какой-то степени виноватой, подошла к Студенту и спросила, нельзя ли всё-таки зачислить их в команду. Она сказала, что было бы слишком жестоко оставить их на берегу и что она даже готова уступить кому-нибудь из них своё место.

На это Студент резонно ответил, что участвовать в экспедиции он никому не запрещал, что свободных мест ещё навалом и если Карлуша и Чек желают отправиться вместе со всеми, то им достаточно занести свои имена в список.

Обрадовавшись, Зубрилка тотчас побежала разыскивать приятелей. Стоит ли говорить, что дело кончилось общим примирением и участие их в экспедиции стало решённым.

И вот однажды, солнечным погожим утром, Песочный город собрался провожать путешественников в плаванье.

В этот день Карлуша проснулся раньше всех, умылся, сделал гимнастику (чего за ним раньше не замечали), сел на крылечке и стал дожидаться, когда солнце покажется из-за верхушек деревьев.

А поскольку время тянулось чрезвычайно медленно, он зашёл в дом и в нетерпении стал прохаживаться туда-сюда, что-то тихонько насвистывая и даже слегка пританцовывая. Через приоткрытую дверь он увидел на кровати спящего Пухляка. Этот несчастный был единственным из живущих в доме, кто не записался в экспедицию. Ссылаясь на подорванное болезнью здоровье и расшатанную нервную систему, Пухляк принял решение остаться, чтобы каким-нибудь внезапным приступом не отравить отдых своим товарищам.

Подумав хорошенько и придя к некому решительному умозаключению, Карлуша зашёл в комнату, где спал лёгкий на подъём Ловкач, и принялся его тихонько будить...

В назначенное время участники экспедиции собрались на палубе «Стрекозы». Студент сказал прощальную речь столпившимся на берегу жителям Песочного города:

— Прощайте, братцы! Мы попутешествуем недельки две и вернёмся. За нас не беспокойтесь!

Поднялся якорь, забурлил водомётный клапан, и через несколько минут судно скрылось за излучиной Мутной реки.

Глава третья

Непредусмотренный пассажир

Так как Пухляка никто не разбудил, он продолжал безмятежно спать с приятным ощущением того, что ему не надо рано вставать и отправляться куда-то, снова подвергая себя опасностям и невзгодам.

Ему снилось, что гномы Песочного города выбрали его главным дегустатором и в его обязанности теперь входит пробовать все завтраки, обеды и ужины, которые готовят на улице Солнечных зайчиков.

Вот он полулежит в удобном парусиновом кресле, и к нему выстроилась длинная очередь гномов с мисками, кастрюльками и котелками, над которыми витают соблазнительнейшие запахи.

Он без устали пробует супы, каши, пироги, кисели и компоты, с важностью отпуская замечания «сойдёт», «масла добавить», «в другой раз изюму не жалей»...

Гномы один за другим благодарят его и отходят.

Но вдруг появляется Карлуша и заявляет, что надо лететь на Марс и пробовать сухие колючки, которые употребляют в пищу местные жители.

Пухляк в испуге машет руками, но на него вдруг набрасываются, связывают верёвками и тащат в летающую тарелку.

Тарелка стартует, и противные зелёные существа сразу начинают пихать ему в рот сухой репейник.

Пухляк сilitся разорвать верёвки и делает несколько судорожных движений, от чего аппарат теряет управление и начинает падать.

В это мгновение Пухляк закричал и проснулся.

Он лежал на полу, запутавшись в шерстяном одеяле, угол которого забился в рот и противно кололся.

Отлевавшись, Пухляк осмотрелся вокруг и ничего не понял. Он увидел тесное помещение с иллюминатором, привинченным к полу столиком и двумя откидными кроватями.

В первое мгновение он вообразил, что на самом деле находится в космической ракете. Ощущив, однако, лёгкое покачивание, он поднялся и выглянул в иллюминатор. Мимо проплывали незнакомые берега, а за бортом плескалась вода. Бессмысленно глядя перед собой и раскрыв рот, Пухляк опустился на койку.

Разумеется, что всё было подстроено Карлушей. Но не из вредности, как некоторые могут подумать. Просто он хотел поддержать больного товарища. Он подумал, что свежий морской ветерок и новые впечатления пойдут ему на пользу, а пробуждение непосредственно на корабле, уже в плавании, будет для него приятным сюрпризом.

Карлуша разбудил Ловкача и уговорил того, плохо соображавшего спросонья, участвовать в своей затее. А поскольку Пухляк был очень тяжёлым, пришлось будить ещё Вихра и Хитрюгу. Крепко

взявшись вчетвером за уголки матраса, они благополучно перенесли спящего на «Стрекозу» и уложили на койку в одной из свободных кают.

Из-за того, что мерное покачивание судна и шум двигателя убаюкивали как нельзя лучше, Пухляк проснулся только к обеду. Смирившись с неизбежным и совершившимся, он решил впоследствии подумать, какую выгоду можно извлечь из сложившейся ситуации. Но прежде всего, как бы там ни было, следовало позавтракать. И мысли его сосредоточились в чётко определённом направлении — выражаясь на морском языке, в направлении камбуза.

Тем временем путешественники собирались на палубе. Они стояли вдоль перил и с интересом разглядывали незнакомые берега. Студент давал некоторые пояснения:

— Как видите, сейчас судно берет энергию от солнечных батарей. В хорошую погоду энергия будет накапливаться в особых солнечных аккумуляторах. Энергии, накопленной аккумулятором только за один час, хватит на целый день пути.

— Скажите, пожалуйста, — поинтересовался Сахарок, — это правда, что вода в море солёная, то есть совершенно непригодная для употребления ни в обычном, ни в газированном виде?

— Совершенная правда, — подтвердил Студент. — Однако в этом нет ничего опасного. Купаться и плавать в морской воде даже полезно. А для получения питьевой воды имеется специальная оросительная установка системы Взломщика и Шестерёнки. В сущности, это особый фильтр, мембрана которого свободно пропускает молекулы воды, но задерживает посторонние примеси, в том числе и морскую соль.

— Выходит, что воды у нас будет целое море, — удовлетворённо отметил Сахарок.

В это время прозвучал сигнал к обеду, и все спустились в кают-компанию.

Однако нормально пообедать в первый раз путешественникам не удалось.

Дежурный по кухне Растеряшка, который тоже выходил на палубу, стоял теперь в дверях камбуза, застыв на месте, словно обнаружив там змею. Из-за его спины гномы увидели одетого в полосатую пижаму Пухляка. Он уже умял почти до дна кастрюлю грибного супа и теперь приканчивал тринадцатую порцию блинчиков с творогом.

Потеряв от долгого сна ориентацию во времени и сильно проголодавшись, Пухляк вообразил, что все пассажиры на судне уже пообедали. И тогда он решил подкрепиться на камбузе без посторонней помощи. Отыскав нужное помещение по запаху, он принялся методично уничтожать суп и блинчики, пока за этим занятием его не застал дежурный по кухне.

— Ах ты обжора! — схватился за голову Растеряшка. — Откуда ты только взялся! Чем я кормить буду?..

Схватив поварёшку, он замахнулся, чтобы треснуть Пухляка по голове.

— Погоди, — встал между ними Студент. — Что это такое? Ты вообще как сюда попал?! — обратился он к Пухляку.

— А вот это я как раз хотел спросить у вас, — с расстановкой произнёс Пухляк, обретая уверенность в своей правоте. — Вот именно это и спросить, — повысил он голос, — КАК Я СЮДА ПОПАЛ. Кому это пришло в голову, — он постучал себя по голове, — меня сюда притащить. Воспользовавшись тем, что больной на некоторое время забылся сном...

Тут счёл необходимым подать голос доктор Глюк:

— Ну, ты не очень... Никакой ты не больной.

— Ах вот вы как? Уже не больной? — в голосе Пухляка появились истерические ноты. — И это я слышу от доктора, призванного как никто другой...

Но ему не дали договорить. С криком: «Так ты будешь больной!» — Растирашка, изловчившись, всё-таки треснул Пухляка по голове.

— А-а-а!!! — завопил тот противным голосом, схватившись за голову. — Ай-я-я-я-я!!!

Растирашка шагнул к нему, чтобы двинуть ещё раз, но его схватили за руки. Тогда Пухляк неожиданно зачерпнул из ящика горсть соли и бросил Растирашке в лицо. Соль попала в глаза, бедняга завопил и стал вырываться, но его держали, не поняв в чём дело, ещё крепче...

Виновник в суматохе скрылся.

Когда все кое-как угомонились, а Растирашка промыл глаза водой, расселись в кают-компании. Первый обед на «Стрекозе» состоял из булочек и тёплого клюквенного киселя, до которого Пухляк, по счастью, успел добраться.

Глава четвёртая

Благоустройство.

Первая остановка для ночлега.

Таинственное дупло

Остаток дня путешественники провели благоустраивая свои каюты, каждая из которых, как мы уже знаем, предназначалась для двух пассажиров.

В каюте номер один поселились Взломщик и Шестерёнка. Вся их каюта была завалена чертежами и инструментами. На месте они почти не сидели, а больше лазали по кораблю, проверяя надёжность работы его узлов и механизмов. Взломщик лучше разбирался в электронной системе управления, а Шестерёнка — в механике.

В каюте номер два поселились Студент и доктор Глюк. Здесь была чистота и образцовый порядок. Глюк выполнял свои привычные обязанности, Студент руководил экспедицией. Он также вёл подробный дневник путешествия, который называл судовым журналом.

Третью, четвёртую и пятую каюты занимали барышни: Ласточка и Кувшинка, Капелька, Мушка и Зубрилка. Свои каюты они украсили расшитыми салфетками, рукодельными ковриками, подушечками и занавесками. Огромные, до самого потолка, букеты ландышей распространяли аромат леса. У них было красиво и уютно.

В каюте художника Бантика и музыканта Скрипки царил, творческий беспорядок. Бантик делал путевые наброски в альбом, а Скрипка сочинял симфоническую поэму «Навстречу ветру». Повсюду были разбросаны нотные тетради, музыкальные инструменты, карандаши и тюбики с красками. Поскольку Бантик почти всё время проводил на палубе, стоя перед мольбертом, эти творческие натуры друг другу нисколько не мешали.

В других каютах расположились: фотоохотник Мазила и его собачка Колобок, Немой и Зануда, Ловкач и РаSTERЯшка, Вихор и Хитрюга, Карлуша и Чек.

В персональных каютах, по одному, расположились Сахарок и Пухляк. Сахарок вообще любил устраиваться с двойными, так сказать, удобствами. Большую часть времени он проводил в кают-компании, где всегда можно было попить чайку, сока или газированной водички.

Что касается Пухляка, то он решительно принял позу невинно пострадавшего. Он ни с кем не разговаривал, а встречаясь со Студентом, начинал требовать, чтобы его вернули домой. Но так как для этого пришлось бы разворачивать обратно судно с пассажирами, Студент, устав разъяснять Пухляку ситуацию, начал от него прятаться. Своим поведением Пухляк добился, что вокруг него образовалась тягостная и нелепая атмосфера всеобщей вины.

Таким образом, в тринадцати каютах расположились двадцать два путешественника и собачка Колобок. Поскольку кают всего было шестнадцать — по восемь с каждой стороны — ещё три оставались пустыми.

Вечером, когда солнце скрылось за деревьями, Студент объявил высадку для ночной стоянки.

Захлопнув солнечные батареи, «Стрекоза» наехала плоским дном на песчаный берег, и Шестерёнка намотал якорь на торчащий из земли корень дуба. Взломщик спустил трап, и нагруженные снаряжением путники ступили на незнакомый берег.

То там, то здесь выселились огромные камни, а могучие дубы, казалось, достают кронами до раскрашенных закатом редких перистых облаков. Не многие гномы из Песочного города видели такие большие деревья.

Студент выбрал поблизости ровную поляну и велел всем собраться. Обязанности распределились следующим образом.

Взломщик и Шестерёнка устанавливают четыре шестиместные палатки; Ловкач, Вихор и Хитрюга разжигают костёр; барышни собирают и укладывают в палатках сухие листья для мягкого ночлега, а все остальные идут за дровами. Дежурными по кухне были назначены доктор Глюк и Сахарок. Сам Студент отправился пилить замеченный им неподалёку белый гриб.

На «Стрекозе» остался только один Пухляк. Он соспался на плохое самочувствие и отсутствие верхней одежды. Действительно, он попал на судно в одной пижаме, в ней и разгуливал по «Стрекозе». Когда Сахарок любезно предложил ему примерить что-нибудь из своего гардероба, оказалось, что вся одежда толстенького Сахарка, за исключением сандалий, Пухляку мала. Так он раздался вширь за время своей болезни.

Теперь Пухляк сидел у окна своей каюты, грыз печенье, попивал какао из термоса и поглядывал на разгоравшийся огонёк

костра. «Ничего... — приговаривал он с удовлетворением, — пусть они там... А мне и здесь хорошо. Тепло, светло и мухи не кусают...»

В поисках подходящих дров для костра, человечки разбрелись по лесу. Сухие сучки и ветки постепенно образовали на поляне большую кучу, которой должно было хватить до утра. И костёр, по мере того, как сгущались сумерки, светил всё ярче, разгораясь, потрескивая и пуская в небо искры.

Вскоре со стороны лагеря потянуло ароматом грибного супа. Поскольку сегодняшний обед был подчистую уничтожен Пухляком, у всех путешественников текли слюнки.

Карлуша и Чек, подобрав для видимости несколько сухих веточек, тоже было двинулись в сторону лагеря, но тут их внимание привлёк Колобок. Он откуда-то спешил, держа в зубах тряпочную шапку с козырьком. Как показалось друзьям, это была шапка Растеряшки. По своей рассеянности он мог зайти далеко в лес и заблудиться. Покричали куда-то в темноту, но ответа не было. Все гномы уже вернулись в лагерь.

— Ищи! — приказал Карлуша собаке. — След!..

Колобок с довольным урчанием побежал в лес. Карлуша и Чек, спотыкаясь и налетая на деревья, — за ним. В считанные минуты они оказались так далеко, что за деревьями не стало видно костра.

— Погоди, погоди, — сказал Чек. — Этак мы и сами заблудимся. Колобок, ты где?

Колобок тявкнул. Он забрался в дупло дуба и теперь, опервшись передними лапами о край, звал за собой внутрь.

— Вот тебе раз, — пробормотал Карлуша. — Неужели Растеряшка в дупло залез?

— Подумаешь, дупло, — недовольно сказал Чек, которому совсем не хотелось лезть в темноту. — Ну, посидит там немного, пока не надоест, а потом сам вылезет. Пойдём лучше к нашим, есть охота.

Они покричали в дупло, но ответа не последовало.

— А почему мы решили, что это шапка Раsterяшки? — сказал Чек. — У Раsterяшки шапка старая, измятая. А это совсем новая. Только похожа.

Было уже совсем темно. Карлуша повертел шапку в руках и был вынужден согласиться, что в первый раз хорошенько её не рассмотрел. Он уже хотел предложить вернуться в лагерь, как вдруг ему показалось... что из дупла доносятся странные приглушенные звуки, похожие на музыку.

— Погоди-ка... — произнёс он, понизив голос. — А ну, послушай.

Друзья перегнулись через край дупла и сосредоточенно, не дыша, стали слушать. Откуда-то из глубины доносились едва различимые звуки весёленького марша.

— Что же это... — пробормотал Чек, позабыв о своём правиле ничему не удивляться. — Разве так бывает?.. Дерево...

— Ерунда какая-то... — согласился Карлуша, у которого по спине забегали мурashки.

Обоим стало сильно не по себе.

— Давай только заглянем... — прошептал Карлуша, глаза у которого от страха и любопытства сделались круглыми.

— Лезь первый! — прошептал Чек.

Закусив губу, Карлуша схватился за влажную от волнения руку приятеля и, осторожно перешагнув через край дупла, ступил на мягкие сухие листья.

— Ничего, — сказал он Чеку, — можешь лезть.

Глава пятая

Ступеньки, ведущие в неизвестность.
На террасе.

Карлуша и Чек залезли в дупло и стали таращить глаза в темноту. Через минуту-другую неподалёку стал различим слабый свет. Крепко держась за руки, приятели начали осторожно продвигаться в его сторону.

Сделав несколько шагов, они увидели затянутую паутиной приоткрытую деревянную дверцу и вырубленные в корневище дуба ступеньки. Сжав руки крепче, друзья начали спускаться.

По мере их продвижения становилось светлее, а музыка доносилась всё более отчётливо. Терпкий запах свежей сырой земли, дерева и сухих листьев остался позади; снизу отчётливо пахнуло теплом и цивилизацией.

Миновав ещё десяток ступеней, путешественники вышли на дощатую террасу с перилами, и их глазам открылось удивительное зрелище.

В подземной долине, в лёгкой дымке, раскинулся небольшой, будто игрушечный, сверкающий разноцветными огнями городок. «Небесную твердь» путешественники могли потрогать руками: она представляла собой паутину тонких стеклянных трубочек со светящимся газом. Земляной потолок над «паутиной» и земляные стены городка плотно оплетали узловатые корни растущих на поверхности дубов.

Карлуша и Чек стояли на опоясывающей городок узкой террасе под самым светящимся потолком.

Городок имел овальную, похожую на стадион, форму, а планировка его напоминала срез луковицы; то есть линии домов и зелёных насаждений расходились кольцами от центра до окраин. Повсюду были видны жители городка, которые как будто не ходили,

а скользили прямо по улицам. Из громкоговорителей доносилась приятная музыка. «Что же они, не спят никогда?..» — подумал Карлуша. В это время наверху наступила ночь.

— Приветствую уважаемых гостей Земляного города! — радостно сказал кто-то за спиной, и оба приятеля вздрогнули.

Незнакомец был небольшого роста, плотненький, с круглым улыбающимся лицом. На нём был жёлтый форменный комбинезон с надписью «ТЕХНИЧЕСКИЙ ОБХОДЧИК ЮГО-ВОСТОЧНОГО СЕКТОРА ЗЕМЛЯНОГО ГОРОДА».

«Так вот оно что! — переглянулись, сверкнув глазами, Карлуша и Чек. — Значит, это и есть Земляной город!..»

— Вот видите, как всё удачно сложилось, — говорил улыбающийся гном, — я забыл шапку, вернулся и — какой сюрприз — вижу вас, выходящих из вентиляционной шахты. Огромное спасибо.

Гном взял из рук оторопевшего Карлуши форменную шапочку и нацепил её себе на голову.

— Разрешите представиться: Бублик, технический обходчик погранично-наблюдательной линии. Моё дежурство как раз закончилось, и я уже собирался уходить, но тут заметил, что шапку-то я забыл у четыреста двадцать третьего... Иду обратно и — какой приятный сюрприз!.. Вообще-то через шахты у нас давно уже никто не лазает. Даже удивительно, что вы воспользовались таким оригинальным способом. Вы у нас впервые?..

Карлуша открыл рот, чтобы ответить, но Бублик, не дождавшись, продолжал:

— Да, да, конечно, я вижу, что вы у нас впервые. И я тем более счастлив, что имею возможность незамедлительно вам всё показать.

Тем временем на террасе появился ещё один гном в жёлтом комбинезоне.

— А это идёт мой сменщик, — пояснил Бублик. — Привет, Муха! Вот, познакомься с приезжими. Вообрази себе: забрались

прямо через старую вентиляционную шахту!.. Сейчас пойду показывать им город.

Приветливо улыбаясь, Муха пожал руки путешественникам, но Бублик его сразу энергично оттеснил. Как видно, он не собирался делиться своей добычей.

— Пройдёмте, пройдёмте сюда, здесь лучше видно... Нет, нет, ещё лучше, я сам провожу вас по городу, сам покажу все наши, с позволения сказать, достопримечательности!

— Коллега, — обратился Муха к товарищу, — но ведь возможно, что наши гости устали с дороги. Возможно, они хотят просто отдохнуть или перекусить. А вы их сразу тащите смотреть город.

— Нет-нет, — счёл нужным подать голос Карлуша, — мы ешё совсем не устали.

— Но ведь вы не можете, дорогой коллега, — продолжал настаивать Муха, — отправиться на экскурсию прямо в рабочей форме.

На самом деле ему тоже очень хотелось пообщаться с приезжими. Однако он только что заступил на дежурство и ни при каких обстоятельствах не мог покинуть свой пост на террасе.

— Хорошо, хорошо, — неохотно сдался Бублик. — Сейчас я мигом сбегаю домой, переоденусь и вернусь. — Подозрительно взглянув на Муху, он добавил: — Дайте слово, что никуда не уйдёте. Что будете дожидаться здесь, на этом самом месте.

Все трое охотно пообещали.

Бублик отошёл, но опять вернулся.

— Простите, я забыл вас спросить: насколько вы располагаете временем и не намереваетесь ли вы лечь спать?

— Нет, спать мы ешё не хотим, — ответил Карлуша. — Но... вы сами тут что, никогда не спите?

Предоставив отвечать на вопросы своему сменщику, Бублик спешно удалился.

После этого Муха почувствовал себя свободнее.

— Ну что вы, — заверил он своих собеседников, — конечно, иногда мы спим. Но теперь уже гораздо меньше, чем прежде. К тому же у каждого из нас имеется свой, наиболее удобный режим; ведь здесь совсем не бывает дня и ночи. К тому же, как вы могли заметить, повсюду горит свет, играет музыка — жизнь, что называется, бьёт ключом. Кстати говоря, это представляет некоторые неудобства для гостей, проживающих в гостинице. В ночное время на первых порах они просто-напросто бывают вынуждены воспользоваться специальными затычками для ушей. Привычка спать, знаете ли, такая вещь... Да, между прочим, — оживился Муха, — это случайно не ваше судно странной конструкции причалило у Серых камней?

— Да, это мы, — подтвердил Карлуша. — А откуда вы знаете?

— Ну, об этом уже сообщили по радио и телевидению. Это дело у нас хорошо налажено. Там наверху, на верхушках дубов, установлены камеры наблюдения. Поэтому каждый житель Земляного города может видеть всё, что делается снаружи.

— Скажите, — поинтересовался Карлуша, — а мы сейчас можем увидеть наших товарищей?

— Никаких затруднений. Пойдёмте к ближайшему экрану и посмотрим.

Муха открыл дверцу ближайшего металлического щитка, за которым обнаружились четыре телевизионных экрана. На двух из них транслировалось изображение лагеря путешественников. Первый показывал лагерь с большого расстояния: были видны только крошечные фигурки, палатки и вьющийся над поляной дымок. На другом крупный план выхватывал лица путешественников, которые сидели вокруг костра и ужинали. Судя по всему, Карлушу и Чека ещё не хватились.

— А что на этом экране? — спросил Карлуша.

— Это так называемый «говорящий глаз». В нашем городе совсем нет милиционеров, и если кто-нибудь нарушает порядок,

прибор может приблизиться к хулигану и поговорить с ним, как говорится, с глазу на глаз, вы уж извините за каламбур. Сам «глаз», как видите, крепится под куполом города на огромном кронштейне и в одно мгновение может оказаться у вас буквально перед носом. Если дежурный замечает где-то непорядок, то ему достаточно подвести камеру с громкоговорителем вплотную к нарушителю и сделать внушение. При этом громкость может колебаться от деликатного шёпота до громовых раскатов, от которых нарушитель ещё долго не в состоянии опомниться. Был случай, когда дежурный так рявкнул на гнома, который топтал газон, что бедняга после этого стал часто моргать и заикаться. Пришлось поместить его в больницу для поправки нервной системы. Ну а если «глаз» обращается к нарушителю по имени, то можете себе представить, какое мнение сложится в городе об этом товарище... Однако нарушения у нас бывают столь редко, что серьёзного случая я уже и не припомню.

— Скажите, — решился спросить Карлуша о том, что давно вертелось, — а почему вы живёте... ну, не как все. Ну, в смысле, не на поверхности?

— О-о... — протянул Муха, — это долгая история. Бублик, конечно, мне не простит... Но, раз уж вы сами спросили, так и быть, расскажу всё с самого начала.

Карлуша и Чек облокотились о перила террасы и, глядя на раскинувшийся перед ними городок, приготовились слушать.

Глава шестая

История Земляного города.

Клюковка-Огонёк.

Удивительные свойства пещеры

— Давным-давно, — начал свой рассказ Муха, — наш город был таким же, как все другие: он находился на поверхности. Немного дальше вниз по реке ещё сохранились заброшенные постройки. Он назывался Желудёвым городом, потому что вокруг под дубами было много жёлудей.

И вот однажды в городе объявилась дамочка, которую звали Огонёк. Кто она такая и откуда пришла, никто так и не узнал. Единственное, о чём она однажды сама проговорилась, было то, что на самом деле её зовут Клюковка. А имя Огонёк она сама себе придумала.

Так вот эта дамочка, появившись в городе, тут же стала изобретать всякие новшества: самодвижущиеся тротуары, которые жители почему-то обходили стороной; гусеничный велосипед, который трудно было сдвинуть с места; электронную сковородку, совмещённую с пылесосом; следящие за движением зрачка самоперелистывающиеся книги; универсальный карманный складной прибор, включавший в себя зубную щётку, вилку, ложку и расчёску; самораскрывающийся от попадания воды зонт; невидимые чернила и массу других, абсолютно не пользовавшихся спросом вещей.

Конечно, она была очень умной и придумала также много нужного и полезного. К примеру, большое, вертящееся от речного потока колесо, которое давало Желудёвому городу электричество. Ещё трамвай и текстильную фабрику, работавшую на сырье, получаемом из коры дуба.

И всё было бы по-прежнему, если бы Клюковка не загорелась однажды идеей полёта в космическое пространство. Тогда ещё никто не летал в космос, и ей приходилось начинать с самых, как говорится, азов.

Она стала изучать атмосферу Земли, для чего запустила в небо особый воздушный шар — зонд, начинённый разными приборами. Она выяснила, что Землю окружают разной степени плотности слои атмосферы, а также, на манер мыльного пузыря, тонкий озоновый слой, который защищает гномов и вообще всё живое от вредных солнечных излучений.

Однажды Огонёк в панике прибежала из своей лаборатории и объявила, что скоро всем гномам на Земле придёт конец, так как, по её последним исследованиям, этот озоновый защитный слой исчезает буквально на глазах. Она велела, чтобы каждый залез у себя дома в погреб и не вылезал до тех пор, пока она что-нибудь не придумает.

И вот все сидят в погребах, дрожат от холода, а она думает.

День думает, другой... Тут её кто-то надоумил, что за городом вверх по реке есть заброшенная шахта. Раньше на её месте была разрушенная и ушедшая под землю пирамида. Кто, когда и для чего её построил, осталось загадкой. Постепенно из пирамиды выбрали весь камень для строительства городов и дорог, а под землёй осталась огромная пещера — такая большая, что ни стен, ни потолка в сумраке не видно. Пещера прочная и надёжная, потому что не только каменная, но и оплела со всех сторон корнями растущих на поверхности дубов. Сохранилась ведущая туда ржавая, заросшая кустами железная дорога.

Огонёк немедленно отправилась в пещеру и всё там хорошенько осмотрела.

Вскоре её исследования показали, что озоновый слой Земли пришёл в норму. Она также выяснила, что Землю от излучений защищает не тонкий озоновый слой, а мощное магнитное поле в

сотни километров. Жизнь в городе потекла по-прежнему. Но мысль об огромной, словно созданной для подземного города пещере с тех пор не давала изобретательнице покоя. В том, что заброшенная шахта — самое подходящее место для строительства города, подтвердила открывшаяся волею случая его удивительная особенность.

Огонёк много времени проводила в шахте, занимаясь пла-нировкой будущего города, и носила туда с собой обеды и завтраки. Однажды она обратила внимание, что остатки продуктов на столе от времени никакого не портятся. (Как многие другие поглощённые наукой оригиналы, Огонёк была слегка неряшлива). Пролежавшие целую неделю на столе огрызки и обрезки продуктов оставались абсолютно свежими, а недопитое молоко никогда не прокисало. Один раз она сильно поранилась, но продолжала работать, наскоро перемотав руку носовым платком. Когда же вечером дома она размотала повязку, оказалось, что рана полностью зажила, и только небольшой розовый шрам на коже напоминал о случившемся.

Огонёк стала пристально изучать эти явления. На первых порах она предположила, что дубы собирают и накапливают под своими корнями огромную жизненную силу, которая обладает уникальными целительными свойствами. Но постепенно пришла к выводу, что дело, скорее всего, не в дубах, а в уникальном местоположении и форме древней постройки, тайны которой остались в глубине веков и тысячелетий.

Но и «корневая» теория принесла практическую пользу. Работая теперь в пещере почти безвылазно, Огонёк научилась вживлять в корни специальные электроды и получать из деревьев энергию, которую вбирают в себя от солнечного света дубовые листья. Эти потоки она преобразовала в электричество, и у будущего города открылись неограниченные источники энергии.

Со временем своды пещеры опутали светящейся «паутиной», и после того, как там стало светло как днём, на всей территории развернулось строительство подземного города. Работа кипела днем

и ночью, всем было удивительно и радостно оттого, что на их глазах и при их участии возникает невиданный, волшебный и поразительно красивый городок под землёй...

А когда строительство было закончено, праздники отгремели и город был окончательно благоустроен, Клюковка-Огонёк как-то незаметно исчезла. И никто не знает, где она теперь и что ещё изобретает.

Так радостно и печально закончил свой рассказ Муха.

А внизу, под террасой, появился Бублик. Он начал отчаянно жестикулировать, приглашая Карлушу и Чека спуститься.

— О, мне пора! — заторопился Муха. — Совсем позабыл снять показания с приборов. Будьте осторожны на лестнице!

Муха убежал, а приятели спустились по вертикальной металлической лестнице и тут же попали в объятия разговорчивого Бублика.

— Ну вот и славно! — говорил тот, поддерживая на нижних ступеньках Карлушу, а затем и Чека. — Теперь, самое главное, держитесь рядом со мной и не потеряйтесь. Сейчас тут о вас только и говорят! Я вам всё сам покажу и расскажу!

Бублик был одет в красивый клетчатый костюм, белую рубашку и бабочку. Его круглое лицо светилось удовольствием от предвкушения приятной прогулки. Почему-то он стоял на роликовых коньках, пристёгнутых специальными креплениями к выходным лаковым туфлям. Первым делом Бублик настороженно спросил:

— Муха вам что-нибудь рассказывал?

— Да... — признался Карлуша, невольно ощущая какую-то вину перед Бубликом. — Он рассказывал про Клюковку-Огонёк и про то, как строился Земляной город.

Бублик огорчённо всплеснул руками:

— Ну вот! Я так и знал, что вас нельзя с ним оставлять. Ладно, теперь уже ничего не поделаешь. Зато со мной вы будете смотреть город изнутри. Надеюсь, вам теперь это будет вдвойне интересно.

И он, как само собой разумеющееся, протянул Карлуше и Чеку по паре роликовых коньков. Поймав их недоумённый взгляд, Бублик хлопнул себя по лбу:

— Какой же я осёл! Ведь вы, наверное, никогда не катались на роликах. Сейчас я вам покажу. У нас здесь это обычное, так сказать, средство передвижения. Места не так много, зато на улицах нет никаких автомобилей, мотоциклов и даже велосипедов. На роликах можно пересечь весь город в считанные минуты.

Бублик помог Карлуше и Чеку закрепить ролики, и друзья стали учиться на пустынной кольцевой дороге, которая была покрыта чем-то вроде линолеума. Эта дорога замыкала город внешним кольцом. По всей видимости, сюда приезжали порисовать красками на вертикальной стене — вся она сплошь была раскрашена кое-где очень даже искусно выполненными картинами.

— Обратите внимание, — не теряя времени, говорил Бублик, — что на Дальнее кольцевое шоссе выходят только задние фасады домов, почти не имеющие окон. Сами посудите: кому захочется жить в комнате, окна которой выходят на глухую стену?..

За пару минут Карлуша и Чек научились стоять и даже чуть-чуть передвигаться на роликах. На этих устойчивых четырёхколёсных коньках имелся специальный рычажок, при помощи которого можно было регулировать степень скольжения. То есть в «нулевом» положении ролики вовсе не крутились, и, стоя на коньках, можно было передвигаться самым обыкновенным образом или просто стоять на месте. Если же регулятор перемещали в крайнее противоположное положение, ролики скользили по дороге как самые настоящие коньки по настоящему льду.

Крепко ухватившись с двух сторон за Бублика, путешественники направились в город. То есть, заехали под ближайшую арку в сплошной стене двухэтажных построек, протянувшихся вдоль опоясывающего город Дальнего кольцевого шоссе.

Глава седьмая

Экскурсия по Земляному городу.

Чек умывается в фонтане.

Назад, пока не хватились...

Едва путешественники очутились на жилой стороне, их взорам открылись симпатичные фасады с резными ставенками и крылечками, заросшие цветами уютные дворики, спортивные площадки и бассейны для купания. Некоторые играли в мяч, другие сидели в беседке за шахматами, играли в бадминтон или купались.

Бублик без устали комментировал:

— Как видите, жители нашего города предпочитают деревянные постройки, а также украшения ручной работы в отличие от замороченных, с позволения сказать, прогрессом жителей других городов. Взять к примеру Центральную дирекtorию. Вся эта штамповка из пласти массы, вертящиеся высотные дома, похожие на ульи, и тому подобное нагромождение форм напрочь лишает гнома индивидуальности...

В этот момент Бублик подумал, что его рассуждения гостям могут показаться обидными, и он осторожно поинтересовался:

— Скажите, а у вас в Песочном городе есть высотные дома?

Карлуша ответил, что Песочный город по архитектуре больше походит на Земляной, но что и в Центральной дирекtorии, где он бывал, ему тоже понравилось.

Бублик кивнул и продолжил:

— Сейчас мы минуем эти дворы и... — путешественники нырнули под арку следующего ряда домов, — ...и окажемся на проспекте.

Яркий свет ударили в глаза Карлусе и Чеку. Этот проспект был, конечно, не такой большой, как в настоящих городах, но здесь было так светло, шумно и весело, что хватило бы на несколько проспектов больших, привычных для гномов городов.

Пластиковое покрытие мостовой было фиолетовым, и Бублик подтвердил, что проспект называется Фиолетовый. По обе его стороны красовались витрины магазинов, рестораны, концертные залы, библиотеки и кинотеатры. Играла музыка, множество гномов на роликах неторопливо скользили вдоль витрин, ели мороженое, собирались кучками, болтали и смеялись.

Увидев продавщицу с тележкой, которая раздавала всем желающим мороженое, Чек предложил немедленно подкрепиться. Но Бублик попросил его не задерживаться, а поскорее добраться до Центральной площади и уж там где-нибудь отдохнуть по-настоящему.

Путешественники нырнули под очередную арку и снова очутились в тихих двориках с качелями, площадками для игр, беседками и водоёмами. Не задерживаясь, они выкатились на следующий проспект, такой же шумный и оживлённый, как и предыдущий. Он назывался Сиреневым, так как его пластиковая мостовая была сиреневого цвета.

Пройдя насквозь с десяток таких закольцованных, уменьшающихся по мере приближения к центру участков, друзья в конце концов добрались до Центральной площади.

Здесь было особенно светло и шумно. Посередине был огромный, подсвеченный разноцветными прожекторами фонтан. Круговая панорама фасадов домов была особенно нарядной, а мостовая, выложенная полупрозрачной матовой плиткой, светилась изнутри разбегающимися от середины радужными волнами.

Бублик подвёл, вернее, подкатил Карлушу и Чека к лотку с мороженым, и каждый выбрал себе по стаканчику. А Чек взял себе сразу два, пояснив, что он уже давно сильно проголодался.

— Так вы, наверное, есть хотите! — спохватился Бублик.

— Вообще-то не помешало бы, — недовольно проворчал Чек. Он был не такой впечатлительный, как Карлуша, а потому не терял аппетита ни при каких обстоятельствах.

Бублик хотел немедленно отвести приятелей в один из ресторанов, которые повсюду зазывали к себе рекламой, но Чек сказал, что сначала немножко перекусит мороженым для аппетита. Все трое уселись на парапет фонтана и, с интересом поглядывая по сторонам, принялись за свои стаканчики.

— Наверное, вы думаете: каким образом гномы Земляного города сообщаются с поверхностью земли? — продолжал говорить Бублик. — Это очень просто. В северной части располагаются железнодорожный и автобусный вокзалы. Железная дорога сообщается с расположенными наверху сельскохозяйственными угодьями, а автобус раз в неделю ходит в Центральную дирекцию. В основном он возит туда и оттуда организованные экскурсии. Прямо напротив нас находится гостиница «Ветерок», в которой проживают приезжие. Кстати, я забыл спросить: надолго ли вы у нас остановились?

— Нет, нет, что вы, — забеспокоился Карлуша. — Нам до утра необходимо вернуться. Хорошо ещё, если нас не хватились...

— Вы можете посмотреть на вашу стоянку через монитор, — предложил Бублик.

— Да нет, ничего, мы уже смотрели, — успокоил его Карлуша.
— Скажите, а что, у вас всегда так весело и никто не работает?

— Конечно, все гномы Земляного города работают, — заверил Карлушу Бублик. — Сейчас мы видим тех, кто вернулся с расположенных на поверхности земли полей и огородов, а также свободных от работы техников, поваров, продавцов и других гномов, работающих внутри города. Вот я, например, сдал свою смену Мухе и теперь могу свободно гулять с вами.

Пока они разговаривали, Чек сбежал к тележке и принёс ещё три порции мороженого. Но поскольку Бублик второе мороженое есть отказался, Чеку опять досталось два, что его, впрочем, нисколько не расстроило.

Вскоре друзья обратили внимание на то, что катающиеся на роликах местные гномы с любопытством на них поглядывают. Бублик объяснил это тем, что весь город знает о прибытии «Стрекозы», а Карлушу и Чека уже несколько раз показали по телевидению. Услышав это, Карлуша невольно приосанился и покосился на приятеля, который, как всегда, успел перепачкать физиономию.

— Слушай, ты бы умылся в фонтане, — шепнул ему Карлуша. А то ещё подумают, что морские путешественники все такие чумазые.

— Ничего, — проворчал Чек, — зато ты у нас красивый.

Возле них остановились две барышни и, ужасно стесняясь и пихая друг другку, спросили вразнобой:

— А правда, что вы приплыли на корабле?..

Получив утвердительный ответ, они захихикали и убежали, довольные тем, что поговорили с такими известными личностями.

После этого Чек, ни слова не говоря, перегнулся через парапет и презрительно поплескал водой на лицо. Бублик услужливо предложил ему свой белый платок. Чек вытерся, оставив на платке грязные разводы, но Бублик сделал вид, что этого не заметил, сложил платок и спрятал его в карман.

Большие часы на башне пробили полночь, однако путешественники совсем не чувствовали усталости и тяги ко сну. Происходило то, о чём говорил Муха: на них стала действовать волшебная сила Земляного города.

— Ну что ж, — сказал Бублик, бодро поднимаясь с парапета. — Теперь можно посидеть где-нибудь в ресторане и как следует закусить.

Это известие, однако, почему-то не вызвало у Чека ожидаемого энтузиазма. Однако встали, и Бублик провёл друзей на крышу одного из примыкающих к площади домов, где прямо на свежем воздухе были расставлены столы и стулья.

Все трое расселись за столиком у самого края, откуда открывалась яркая панорама Центральной площади с огромным разноцветным фонтаном и разбегающимися во все стороны по мостовой электрическими кругами.

Подошёл официант в белом фраке и предложил посетителям меню. Чек сказал, что ему уже не очень хочется есть, и тогда официант услужливо посоветовал ему выпить чашечку желудёвого кофе. Карлусе захотелось попробовать желудёвого печенья, а Бублик за компанию тоже заказал себе кофе и печенье.

То и другое оказалось на удивление вкусным. Карлуша макал печенье в кофе, пил, ел и нахваливал. Чек, глядя на него, тоже попросил принести ему печенья. Но есть не стал, а набил им карманы, сообщив, что попробует немножко позже.

Не успели они закончить ужин, как на крыше возникло некое оживление. Появились какие-то провода, прожектора и штативы. К столику уверенно подошла дамочка с большими наушниками на голове и микрофоном в руке. Она представилась:

— Корреспондент Кроха, программа новостей Четвёртого канала.

Позади стоял гном в фирменной шапочке и держал на плече направленную на путешественников телекамеру. Другой гном держал над головой слепящий прожектор.

— Несколько вопросов для программы вечерних новостей, — бойко проговорила Кроха. — Цель вашего путешествия на «Стрекозе»?

И она тут же сунула микрофон под нос Чеку. Тот испуганно отшатнулся и посмотрел на Карлушу. Кроха тут же сунула микрофон под нос Карлусе.

— Мы это... отправляемся добывать сокровища, сражаться с пиратами... И всё остальное... — пробормотал Карлуша, не видя ничего, кроме прожектора, и плохо соображая, что он такое говорит.

— Как это романтично, — мгновенно реагировала Кроха. — Вы, я вижу, большой шутник. Понравился вам наш город? Как долго вы у нас пробудете?

— Да, нам здесь очень понравилось, — искренне признался Карлуша. — Но пробудем мы здесь совсем недолго, потому что утром снова отправимся в путешествие.

— А что вам больше всего понравилось в Земляном городе? — настаивала корреспондентка.

— Ну, мороженое понравилось, печенье... ну и вообще... — пробормотал Карлуша, чувствуя, что опять говорит не то.

— Скажите, а почему вы и ваши товарищи не воспользовались организованной автобусной экскурсией?

— Вообще-то попали сюда случайно... Через дупло.

Тут Бублик взял из рук Карлуши микрофон и пояснил ситуацию:

— Дело в том, что наши гости проникли в Земляной город через старую вентиляционную шахту. Это произошло как раз во время моего дежурства. Меня зовут Бублик, я механик юго-восточного сектора.

Корреспондентка Кроха повернулась к камере и сказала:

— Итак, дорогие телезрители, вы видели первый репортаж о визите в наш город морских путешественников из Песочного города. Им очень понравилось наше желудёвое печенье и земляничное мороженое. Мы не теряем их из виду и оставляем под опекой господина Бублика, механика юго-восточного сектора. Оставайтесь на нашем канале, и скоро вы снова увидите их... — Кроха на мгновение запнулась, но тут же послала в объектив воздушный поцелуй и очаровательную улыбку.

— Есть! — сказал оператор, и вся теле съёмочная компания, скрутив провода, исчезла.

Чек наклонился к Карлуше и прошептал ему на ухо:

— Слушай, а не пора ли нам сматывать отсюда? Много внимания...

Карлуша уже и сам чувствовал себя не в своей тарелке. Он подумал, что было бы хорошо вернуться сейчас в лагерь и незаметно, пока все спят, занять свои места в палатках.

— Послушайте, — обратился он к Бублику. — Сейчас нам лучше, наверное, вернуться в лагерь. Если заметят, что нас нет, начнётся переполох.

Возразить было нечего, и все трое покатились на роликах обратно к юго-восточному сектору. Бублик предлагал воспользоваться большими Северными воротами, обещая прокатить друзей до стоянки на вездеходе, но те отказались, рассчитывая обойтись без лишнего шума.

Вскоре троица миновала последний дворик и выкатилась на Дальнее кольцевое шоссе.

Сверху послышался собачий лай. Карлуша и Чек подняли головы... и оцепенели. На террасе стояли, выстроившись в рядок и облокотившись о перила, пассажиры «Стрекозы» во главе со Студентом. У них под ногами заливался лаем Колобок.

Глава восьмая

*Тревога.
В гостинице «Ветерок».
Назойливые СМИ*

А дело было так. После ужина, когда пассажиры «Стрекозы» начали укладываться по своим местам в палатках, отсутствие Карлуши и Чека немедленно обнаружилось. Все опять собрались у догорающего костра и начали выяснять, кто и когда видел этих двух приятелей в последний раз. Кто-то вспомнил, что оба маячили в лесу во время сбора хвороста для костра. Однако с тех пор их больше никто не видел.

Возникло предположение, что бедняги заблудились и теперь бродят в темноте, подвергая себя опасностям. Кто знает, может быть, в этих лесах водятся дикие звери?..

Студент обозвал Карлушу и Чека оухами царя небесного и сказал, что из-за таких идиотов любое мероприятие превращается в неразбериху. Но другие путешественники, в том числе барышни, сказали, что необходимо без промедления отправиться на поиски, потому что если в лесу на самом деле водятся дикие звери, то их друзья, может быть, сейчас находятся на краю гибели, в то время как они о чём-то ещё рассуждают...

Конечно, Студент всё это понимал и ворчал только для порядка. Он велел Мазиле зарядить ружьё и собрал для поисковой экспедиции (именно так выразился Студент) самых ответственных и дисциплинированных гномов. «Не хватало нам потерять ещё кого-нибудь», — сказал он. Впрочем, кроме дисциплинированных гномов, идти на поиски напросилась также и Зубрилка. Уж она-то прекрасно знала, на какие безрассудные поступки способны эти двое.

План был такой: идти через лес широкой цепью, не теряя друг друга из виду и светя фонарями. Зверя огни отпугнут, а для гномов, наоборот, послужат ориентиром. Оставшимся в лагере Студент велел разжечь большой костёр, который тоже будет хорошо виден издалека.

Всё неожиданно изменилось после того, как Колобок разыскал в палатке принадлежащее Карлусе полотенце и, держа его в зубах, с рычанием приволок своему хозяину. Колобок был отличной охотничьей собакой и умел идти по следу.

— Колобок, ищи Карлушу! След! — скомандовал Мазила, и Колобок, взвизгнув от радости, рванул в лес.

С этого момента поиски выглядели следующим образом: впереди всех, задыхаясь от восторга, целеустремлённо мчался Колобок; за ним, с трудом удерживая поводок и спотыкаясь о жёлуди и ветки, мчался Мазила; следом за ними, растянувшись на приличное расстояние, светя фонарями и спотыкаясь, бежали все остальные.

Эта гонка, как можно догадаться, закончилась у того самого дуба, в дупло которого залезли Карлуша и Чек.

Колобок надрывно лаял и рвался в дупло. Посветив фонарями, преследователи увидели в глубине дверцу и... Дальше вся компания оказалась на террасе юго-восточного сектора.

Поражённые внезапно открывшейся перед их глазами картины, путешественники выстроились вдоль перил. В этот самый момент внизу, плавно скользя, подъехали держащиеся под руки Карлуша, Бублик и Чек. Студенту показалось, что уже всё плывёт у него перед глазами, и он бы упал на террасу, если бы его не поддержали...

* * *

Открыв глаза, Студент увидел незнакомый высокий потолок и озабоченное лицо склонившегося над ним Глюка. Без очков окружающее всё ещё слегка расплывалось.

— Где я? — растерянно пробормотал Студент, но тут же быстро и решительно поднялся.

Глюк взял его за плечи и усадил на кровать.

— Ничего, ничего, голубчик, — привычно успокаивал он пациента, заглядывая ему в зрачки, — всё будет хорошо...

Студент нетерпеливо завертелся по сторонам. Он увидел просторную, богато убранную комнату с зеркалами, картинами, лепниной и даже каким-то подобием колонн. Ещё немного придав себя, он всё вспомнил, и ему стало стыдно.

— Слушай, Глюк, — сказал он. — Что это со мной было? Я ведь никогда раньше в обморок не падал... В космос летал...

— Покажите язык, больной, — потребовал Глюк.

Студент машинально высунул язык.

— Хорошо...

— Это, наверное, я здесь под землёй испытал перепад давления, а? Как ты думаешь, Глюк?..

— Помолчите, больной, — сказал Глюк, приставив свою трубочку, — я вас слушаю.

Тем временем Студент окончательно вернулся к действительности и крикнул:

— Какой я тебе больной! Тоже мне, бюрократ нашёлся. А ну давай сюда очки и одежду, а не то я из тебя самого больного сделаю!

Глюк испуганно отшатнулся:

— Ладно, ладно, не кипятись! Я уже вижу, что ты здоровый. Здесь, говорят, какое-то место особенное, само всех лечит...

Глюк вернул Студенту, который сидел в одних трусиках, его вещи.

— Ну, рассказывай быстрее, — приказал Студент, одеваясь, — куда это мы попали.

— Ты понимаешь, — начал Глюк, — Земляной город, оказывается, на самом деле никакой не «земляной», а подземный...

И он вкратце пересказал историю Земляного города, которую вновь прибывшим путешественникам успел поведать Бублик, отыгравшись перед Мухой за Карлушу и Чека. При этом, в изложении Бублика, история оказалась гораздо длиннее и запутаннее. Она была насыщена интригующими деталями, а сам рассказчик выступал в роли одного из основателей города и ближайшего сподвижника Клюковки.

Разумеется, что в кратком пересказе Глюк избежал несущественных подробностей.

— Понятно... — пробормотал Студент, воздерживаясь до поры до времени от комментариев. — А где это мы сейчас находимся?

— Мы в гостинице «Ветерок». Здесь у них почти все номера такие красивые. Хочешь, телевизор включу? В новостях только о нас и говорят.

Глюк включил телевизор, и Студент услышал голос диктора:
— ...номерах гостиницы «Ветерок». Доктор Глюк объяснил на-
шему корреспонденту причину лёгкого недомогания руководителя
экспедиции господина Студента его усталостью вследствие напря-
жённой подготовки к морскому походу. По словам доктора Глюка,
командор Студент последнее время катастрофически недосыпал...
Извините...

Диктор прижал пальцами спрятанный в ухе супёр, и объявил:

— Итак, дорогие друзья, только что мы получили сообщение
из гостиницы «Ветерок» о том, что руководитель морской экспедиции
гномов Песочного города командор Студент благополучно пришёл
в себя и скоро будет готов дать исчерпывающую пресс-конференцию
специально для Четвёртого канала телевидения Земляного города.
Ждите нашего следующего репортажа!

Студент так и подскочил:

— Что он говорит? Какую ещё пресс-конференцию! Они
у меня даже не спрашивали! И откуда они вообще знают, что я
«благополучно пришёл в себя»?!

За дверью послышались приглушённые звуки. Студент в два
прыжка оказался у дверей и распахнул их настежь.

В лицо ему ударил яркий свет, и какая-то дамочка загово-
рила в микрофон:

— Внимание, прямое включение! Итак, мы снова в гости-
нице «Ветерок», и с вами снова я, Кроха, корреспондент новостей
Четвёртого канала. Сейчас прямо перед нами командор Студент.
Как видите, он в прекрасной форме и готов...

Студент захлопнул двери перед самым носом барышни с
микрофоном, прислонился к ним спиной и замер, испуганно глядя
на Глюка.

«...После непродолжительного отдыха господин Студент
вновь...» — тарахтела теперь с экрана телевизора неугомонная
корреспондентка.

Глюк выключил телевизор и попросил всех удалиться из коридора.

— Ты понимаешь, — сказал он Студенту, — тут у них действительно какая-то аномалия. Никто не спит, все гуляют, болтают без умолку...

Студент молча слушал Глюка. Он так и не успел собраться с мыслями, голова была словно ватой набита.

В дверь постучали, и барышня в кружевном передничке вкатила в номер сервировочный столик. Столик был заставлен разными закусками, а посередине возвышался и распространял вокруг себя аромат желудей огромный кофейник. Сейчас это было именно то, что нужно.

Глава девятая

Звёзды телевидения Земляного города.
Корреспондента Кроха

В то время как в гостинице «Ветерок» происходили описанные выше события, в студии Четвёртого канала местного телевидения с нетерпением ожидали репортажей о встрече с путешественниками. Сюда беспрерывно звонили зрители и спрашивали, когда наконец начнётся объявленная пресс-конференция. Директор канала Спрутик, у которого от напряжения вспотело лицо, срочно вызвал к себе корреспондентку Кроху.

— Что вы себе позволяете, дорогая? — заговорил он, нервно утирая щёки и шею платком. — Вы заинтриговали телезрителей этими заморскими путешественниками, телезрители сидят у экранов и ждут содержательных репортажей, а вы вместо этого устраиваете скандал.

— Не заморских, а морских, — поправила директора Кроха, ничуть не смутившись. — А интерес у зрителей никуда не денется. Можно подумать, что у вас в запасе есть что-то ещё кроме сельскохозяйственных сводок.

Спрутук устало поморщился.

— Да, но инициативу может перехватить Мячик с Третьего канала — спорт и туризм в его, а не в нашей компетенции...

— Мячик слишком хорошо меня знает, — заявила Кроха с вызывающим видом. — А вот вы, — она поднялась с места, — ещё недостаточно хорошо меня знаете.

С этими словами она решительно развернулась и вышла.

Телевидение Земляного города имело всего восемь каналов. На первом постоянно крутили художественные кинофильмы, на втором — музыку, на третьем — спортивные передачи, на четвёртом — новости, на пятом — игровые передачи и викторины. Ещё три канала шли через спутник из Центральной дирекции.

Каждый из пяти местных телеканалов старался привлечь к себе внимание как можно большего числа зрителей.

Конечно, легче всего было удерживать зрителей Первому каналу, который беспрерывно крутил художественные фильмы. Гномы очень любили кино, особенно комедии с участием знаменного артиста Невезучкина. Этот Невезучкин вечно попадал в какие-нибудь смешные ситуации — или падал лицом в грязь, или в новых штанах садился на окрашенную скамейку... Однако следует заметить, что в реальности Невезучкин был очень благополучным и элегантным гномом, у его подъезда всегда толпились поклонницы. Как только артист появлялся у парадной, они с визгом его окружали, и артист подписывал им открытки с собственным фотоизображением. А что творилось вокруг гостиницы «Ветерок», когда однажды Невезучкин приехал на съёмки в Земляной город, — это даже описать трудно.

Исполнитель эстрадных песен Фантик был настоящей звездой второго телевизионного канала, на котором постоянно передавали музыку. Поклонниц у него было не меньше, а может быть, даже и больше, чем у Невезучкина. По крайней мере здесь, в Земляном городе, где он постоянно проживал. У Фантика была красивая волнистая шевелюра и приятный бархатный голос. Он всегда носил тёмные солнцезащитные очки, хотя в Земляном городе никакого солнца, конечно, не было. Песни для Фантика писали композитор Скерцино и поэт Складушкин-Ладушкин. Ещё с ним работал целый оркестр с техниками и осветителями, вокальная и балетная группы. Но поклонницы знали и любили только Фантика, потому что всех остальных, конечно, не могли запомнить.

Героями Третьего, спортивного, канала были чемпионы Бегунок и Прыгунок, а также шахматный гроссмейстер Фигура. Спортивный канал имел не столь многочисленную, как у двух первых, но весьма стабильную аудиторию. Уже упомянутая корреспондентка Кроха, между прочим, раньше работала именно там, потому что сама была хорошей спортсменкой. Директором спортивного канала был известный всем комментатор Мячик.

Другие телекомпании также имели своих народных любимцев, звёзд и звёздочек — репортёров, артистов, ведущих и затейников.

По Четвёртому каналу транслировали только информацию — новости, интервью и комментарии. Визит путешественников из Песочного города был для директора Спрутика настоящим подарком, так как сенсации последнее время приходилось выжимать буквально из ничего — выпуска на фабрике нового сорта конфет, протечки водопроводной трубы или жалобы какого-нибудь сварливого гномы на плохое обслуживание. Настоящие информационные «бомбы», такие, как прошлогодний замер рекордно гигантской брюквы или визит в город гроссмейстера Фигуры, — всё это уже начинало забываться. Популярность информационных передач снижалась.

И тут, как снег на голову, в городе появились какие-то морские путешественники! Не доверяя слухам, корреспондентка Кроха взяла съёмочную бригаду и ринулась в город.

Первым делом она поднялась на юго-восточный сектор и поговорила с Мухой. Когда же тот всё уверенно подтвердил, Кроха помчалась на Центральную площадь и взяла первое лиц-интервью у Карлуши. А когда на террасе появились ещё девять гномов со «Стрекозы», Кроха уже не спускала с них глаз, вернее, объектива телекамеры.

К этому времени почти весь город смотрел передачи Четвёртого канала, а обморок руководителя экспедиции стал ещё одной сенсацией.

Путешественников проводили в гостиницу и расселили по лучшим номерам. Студенту и доктору Глюку достался особый номер «для очень важных персон» — с большой гостиной, спальней, двумя ванными, кабинетом и конференц-залом. Теперь съёмочная бригада Крохи караулила в гостиничном коридоре.

Как только Студент очнулся от обморока (в последние дни он действительно сильно недосыпал), об этом сразу же узнали телезрители, так как энергичная корреспондентка попросту подглядывала в замочную скважину.

Путешественники со «Стрекозы» тем временем, услышав из телевизионных новостей, что командор уже чувствует себя хорошо, начали стекаться в его «представительский» номер. Выпив большую чашку крепкого желудёвого кофе, Студент снова обрёл уверенность в себе. Он даже стал бодр и весел. Помимо чашки кофе, на него, по всей видимости, начинала действовать целительная сила Земляного города. Поэтому, когда корреспондентка Кроха появилась снова, осторожно постучав в дверь и заглянув в щёлочку, Студент принял её доброжелательно и даже принёс извинения за недавнюю грубость.

Все эти любезности пошли в прямой эфир, и Спрутник был вне себя от радости. Счётчик рейтинга показывал, что все включённые в Земляном городе телевизоры были настроены на Четвёртый канал. И это несмотря на то, что Первый канал в отчаянии крутил популярный фильм с участием артиста Невезучкина. «Фильм ешё покажут, — говорили друг другу гномы, — а путешественники уедут, только их и видели...»

Вскоре Кроха объявила, что морские путешественники готовы отвечать на вопросы.

Глава десятая

Долгожданная пресс-конференция.
Лунные растения могут украсить город.
Никого на стоянке...

В конференц-зале, за длинным столом, собирались корреспонденты из двух местных газет, двух радиостанций и пяти каналов местного телевидения. Эксклюзивное, то есть единственное, право на прямую трансляцию принадлежало Четвёртому каналу.

Прежде всего Студент поприветствовал присутствующих и представил своих друзей. Затем он встал с указкой перед схемой «Стрекозы» и популярно разъяснил устройство судна. После этого он предложил задавать вопросы.

Первым задал вопрос Бубенчик из музыкального телеканала. Он был одет в скрипящую кожаную куртку с огромным количеством молний и заклёпок.

— Скажите, — обратился он ко всем сразу, — а у вас в Песочном городе есть балдёжная танцевальная музыка?

Студент удивился. Он приготовился отвечать на вопросы, как-нибудь относящиеся к экспедиции.

— Балдёжная?.. Да... не совсем... У нас в городе есть замечательный хор. Кроме того, в составе экспедиции есть музыкант по имени Скрипка.

— Я спрашиваю, — грубо настаивал Бубенчик, — любят ли ваши гномы энергичную музыку? Умеет ли, например, ваш Скрипка играть на электрической гитаре или барабанах?

— На барабанах?.. Нет... кажется, электрической гитары и барабанов у него нет. Но зато он прекрасно играет на виолончели, флейте и фортепьяно.

— Всё ясно, — презрительно пробормотал Бубенчик, — каменный век...

Для того чтобы несколько загладить бестолковое выступление Бубенчика, слово взял корреспондент Пёрышкин из газеты «Свисток»:

— Господин Студент, расскажите, пожалуйста, о цели вашей экспедиции.

Это был вопрос по существу. Студент увлечённо рассказал о том, что путешественники намерены выйти по реке в открытое море, а затем, проверив на открытой волне ходовые качества «Стрекозы», совершить многодневное плаванье под парусом вдоль побережья — в научных и познавательных целях.

Следующим руку поднял Ёршик, известный своими язвительными вопросами корреспондент радиостанции «Мегаполис».

— Это правда, — поинтересовался он с ехидной улыбочкой, — что вы собираетесь искать на необитаемых островах сокровища и сражаться с пиратами?

— Полагаю, — ответил Студент, — что пираты и сокровища существуют только на страницах несерьёзных книжек, которыми легкомысленно увлекается кое-кто из наших товарищей.

При этом все посмотрели на Карлушу.

Слово взяла Кроха:

— Вопрос к госпоже Зубрилке. Скажите, пожалуйста, не чувствуете ли вы себя в чём-то ущемлёнными в компании гномов?

Зубрилка заверила присутствующих, что барышни чувствуют себя прекрасно в любой компании, а вот кое-кого из гномов не следовало бы пускать дальше собственного дома. (Кроха одобрительно захлопала в ладости.)

— Впрочем, — сочла необходимым добавить Зубрилка, — ни к кому из присутствующих это не относится.

— А есть ли на вашем судне кинозал или хотя бы телевизор? — поинтересовался корреспондент Ролик с Первого канала.

— Да, несомненно, — заверил его Студент. — В кают-компании установлен большой жидкокристаллический экран и стереосистема. Помимо богатой собственной фильмотеки, на судне имеется спутниковая антенна, а каждая каюта укомплектована небольшим телевизором.

Корреспондент Бобрик со спортивного канала поинтересовался, какими видами спорта увлекаются гномы в Песочном городе, а Шарик с игрового Пятого спросил, умеют ли путешественники играть в гусёк. Человечки подтвердили, что играть в гусёк они умеют, а ещё рассказали, что летом гномы в Песочном городе играют в мяч, а зимой, когда замерзает Мутная река, — в хоккей с шайбой. И что у них даже есть свой чемпион Клюшкин. Корреспонденты дружно закивали головами, подтверждая, что Клюшкина они, конечно, хорошо знают, но только не знали, что он из Песочного города, так как играет за всю левобережную сборную. В Земляном городе зимы, ясное дело, никогда не было, и его жители «болели за хоккей» только по телевизору.

Шеф-редактор Карандашик из газеты «Юморина» вручил путешественникам толстую пачку своих газет. Пёрышкин из «Свистка», что называется, кусал локти от досады: он не догадался захватить с собой ни одного номера...

Тем временем настырный корреспондент Ёршик ещё раз взял слово. На этот раз он поинтересовался, не связано ли недомогание руководителя экспедиции со слишком скучным питанием пассажиров и не следует ли им пополнить свои запасы в Земляном городе.

Студент успокоил присутствующих, сказав, что питание на «Стрекозе» организовано наилучшим образом, так как у гномов Песочного города есть опыт не только путешествий по земле, но и даже полётов в космос. И «неприкосновенный запас», то есть запас продуктов на экстренный случай, состоит из продуктов питания в космической упаковке.

— Кстати, — сказал Студент, — у нас в Космическом городке есть запас семян лунных растений. По своим карликовым размерам они очень хорошо подошли бы Земляному городу.

Эта брошенная вскользь фраза произвела неожиданный эффект. Следует заметить, что местные гномы очень огорчались из-за того, что не могут по-настоящему озеленить свои дворы. Любая ромашка была высотой с телеграфный столб, а о больших деревьях и говорить нечего. Привезённые с Луны семена карликовых растений могли полностью преобразить город. Ощутив запах сенсации, корреспонденты загадали все враз, перебивая друг друга.

Известие о существовании семян карликовых растений взволновало и телезрителей. Главный инженер Земляного города Циркуль так и подскочил на своём диване. Наскоро одевшись и нацепив ролики, он помчался в гостиницу, чтобы узнать, нельзя ли немедленно послать в Космический городок вездеход за семенами.

А тем временем корреспонденты, начисто забыв о морской экспедиции, задавали вопросы только о карликовых растениях: какой величины карликовая яблоня, слива или арбуз; сколько земли понадобится для выращивания одного куста карликовой розы или шиповника, и тому подобное.

Прибежал Циркуль, и Студент написал ему записку, с которой тот без промедления отправился в Космический городок. Студент также попросил его заглянуть на стоянку «Стрекозы» и сообщить оставшимся в лагере путешественникам, что всё в порядке. Циркуль пообещал заехать, отметив, что это ему будет как раз по пути.

Удовлетворив первую волну любопытства корреспондентов и телезрителей, Студент объявил пресс-конференцию закрытой. Вместе с друзьями он отправился осматривать местные достопримечательности.

Получив от Студента записку для работавшего в Космическом городке Звёздочкина, инженер Циркуль отправился в расположенный у Северных ворот технопарк. Там он взял новенький трёхместный вездеход, представлявший собой гусеничный мотоцикл с поплавками, загрузил багажник провизией и через большой наклонный тоннель, называвшийся Северными воротами, выехал на поверхность.

Уже светало, было четыре часа утра. На востоке занималась заря, щебетали птички, по земле стелился туман, всё вокруг было влажно от росы. Циркуль заглушил мотор и немного посидел в тишине, с удовольствием вдыхая утреннюю, пахнущую листвой и грибами свежесть. Потом он достал из кармана карту местности, развернул её и сверился с компасом. Если ехать по дороге, в Космический городок он попадёт только вечером. Поэтому Циркуль с самого начала решил ехать напрямик через лес, переплыv речку на вездеходе. К тому же он не забыл о своём обещании наведаться на стоянку «Стрекозы».

Циркуль завёл мотор и рванул с места, сразу развив бешенную скорость. Мягкий, покрытый листьями лесной грунт был для гусеничного вездехода идеальной трассой. Гонщик летел под сенью гигантских, уходящих в небо дубов, перескакивая через канавы и легко преодолевая небольшие болотца. Он не боялся врезаться в дерево, так как большие деревья, а в особенности подножия гигантских дубов, представлялись крошечному гному горой. А не заметить гору на своём пути, согласитесь, довольно трудно.

Вскоре между деревьями блеснула расцвеченная оранжевым восходом поверхность реки. Циркуль вырулил на песчаный берег и сразу увидел «Стрекозу».

Лавирия между большими серыми камнями, давшими название этому участку берега, он подъехал к судну. «У этих гномов из Песочного города есть чему поучиться...» — подумал инженер, невольно залюбовавшись совершенством его конструкции.

Затем он повернул вездеход к видневшимся неподалёку палаткам. В последний момент ему показалось, что за одним из иллюминаторов мелькнуло лицо...

Угольки костра ещё дымились, но во всех четырёх палатках было пусто. Некоторые постели были примяты, но поблизости не было видно ни одного гнома.

Циркуль сложил ладони рупором и покричал в сторону леса.

Ответа не последовало.

Тогда он решил, что путешественники ушли спать в каюты. Он подошёл к носовой части судна и постучал гаечным ключом по металлической обшивке.

Никакого ответа.

Он вернулся к костру, подбросил хворосту и накидал сверху веток хвои и зелёных листьев. Белый сигнальный дым взвился высоко над лагерем.

Ещё раз безуспешно покричав в сторону леса, Циркуль присел у костра и задумался.

Внезапно по его глазам стрельнул солнечный зайчик, он огляделся вокруг и ничего не увидел. Но тут на верхушке одного из дубов снова ярко блеснуло стёклышко. Циркуль треснул себя ладонью по лбу: «Ну конечно, ах я осёл. Со вчерашнего дня одна из обзорных камер постоянно снимает лагерь. Нужно просмотреть видеозапись, и тогда станет понятно, что здесь произошло и куда все подевались...»

Он запрыгнул на вездеход и быстрее, чем прежде, помчался через лес назад в Земляной город.

Глава одиннадцатая

Единственный свидетель.

Страшная ночь.

Что увидела оптика

Пухляк, единственный не пожелавший сойти на берег пассажир, остался на «Стрекозе» в полном одиночестве. Он отлично выспался накануне и поэтому начал слоняться по кораблю, упиваясь неограниченной свободой. Устроив полную иллюминацию, он побывал в трюме, машинном отделении и капитанской рубке. Камбуз, к его полному разочарованию, оказался запертым на ключ.

Больше всего ему понравилось в кают-компании, где обнаружилась целая коробка пакетиков с хрустящим картофелем. Развалившись в кресле и закинув ноги на стол, он единолично просмотрел на большом экране кинофильм, истребив при этом не менее десятка пакетиков и выпив большую бутылку лимонада.

Потом, когда на берегу разгорелся костёр, он выключил весь лишний свет, устроился в своей каюте перед иллюминатором и поужинал оставленным ему сухим пайком. Он смотрел на суетящихся в лагере гномов и радовался, что ему разрешили остаться. Здесь было надёжно, тепло и уютно. Зевнув раз, другой, он расстелил постель и улёгся, завернувшись в тёплое шерстяное одеяло. «Пусть... — подумал он, с удовлетворением шевеля пальцами ног, — пусть они там... А мне и здесь хорошо...»

Посреди ночи Пухляк проснулся оттого, что ему захотелось пить. Стоявшая на столике бутылка была пуста, а её тёмно-зелёное стекло поблескивало от света горевшего на берегу костра. За новой бутылкой лимонада нужно было идти в кают-компанию. Почёсываясь и позёвывая, он нашупал на полу тапочки, вскользь глянул в иллюминатор и... остался на полу.

На фоне пламени костра выделялись очертания незнакомцев. Их зловещие фигуры приблизились к судну. В свете дежурных огней стало видно, что это высокие, совершенно лысые гномы, одетые в блестящие, свободно свисающие до земли чёрные плащи без поясов. Глаза у гномов были скрыты за тёмными очками. Один из них что-то сказал другим и указал рукой на Пухляка.

Бедняга ощущал, как тело его деревенеет от ужаса, а холодный пот льёт по нему ручьями. Он не мог ни отойти, ни пошевелиться. Один из гномов поднял с песка булыжник и запустил им в иллюминатор. Камень глухо ударился о толстое космическое стекло и разлетелся на куски. Пухляк отпрянул от стекла и почувствовал, что волосы у него стоят дыбом.

Потом послышался стук и скрежет со стороны входного люка.

Вытянувшись в струнку, Пухляк сидел на краю кровати до самого утра, пока за окном не начало светать. Собравшись с духом, он придинулся к иллюминатору иглянул наружу. Стоянка была пуста, на месте костра дымились угольки.

Обессиленный, он лёг на свою койку и завернулся с головой в одеяло. Постепенно он начал погружаться в тяжёлый, похожий на обморок сон...

Но в эту минуту тишину внезапно прорезал громкий металлический стук по обшивке корабля. Возле входного люка стоял какой-то гном с гаечным ключом. На берегу неподалёку виднелся гусеничный мотоцикл.

Пухляк пригнулся голову и затаился.

Не дождавшись, гном развёл большой и дымный костёр, сел на свой мотоцикл и укатил восвояси.

Пухляк лёг на кровать и уставился в потолок. В голове у него почему-то крутились только две более или менее внятные мысли: что во всем виноват Карлуша и что в Песочном городе у него в тумбочке остался засыхать недоеденный кусок яблочного пирога. С этим он и заснул.

Однако утренний сон не принёс ему ни покоя, ни облегчения.

Сначала он увидел, как его, застёгнутого в спальном мешке, Карлуша тащит волоком к костру и затачивает прямо в пекло. Угли прогорают, и он с хрустом и фейерверком искр проваливается в какую-то дыру. Он скользит вниз по трубе и попадает в бассейн, полный змей. Змеи плавают в воде и ползают по кафельным стенам. Водяной поток затягивает упакованного в спальный мешок Пухляка ещё в одну трубу и выносит на освещённый солнцем песчаный берег моря. Волоча за собой длинный хвост, к нему по песку подползает чудовище с зубастой крокодильей пастью. Чудовище хватает Пухляка за воротник пижамы, трясёт его и рычит: «Просытайся, просытайся!» Присмотревшись внимательно, Пухляк вдруг видит, что над крокодильей пастью до боли знакомая клетчатая кепка и что зубастая крокодилья пасть принадлежит на самом деле Карлусе, который и есть чудовище...

Пухляк открыл глаза, увидел склонившегося над ним Карлусу и закричал.

— Тише ты, идиот несчастный, — сказал Карлуша. — Скоро от сна совсем одуреешь. Ты ночью ничего не видел?

Ответа не последовало.

Появился доктор Глюк, отстранил Карлушу и принялся осматривать Пухляка. Волосы у бедняги были мокрые и свалявшиеся, глаза выражали животный страх.

— Пульс учащённый, — констатировал Глюк, — зрачки расширены. Голубчик, вы хорошо спали?

Увидев Глюка, Студента и всех остальных, Пухляк окончательно проснулся, успокоился и попросил дать попить ему немного лимонаду. Но добиться от него чего-нибудь разумительного ещё долго не представлялось возможным.

А события развивались таким образом.

Инженер Циркуль примчался на вездеходе обратно в Земляной город и всех переполошил. Экскурсию прервали и собрались в телецентре перед мониторами. Видеозапись камеры наружного наблюдения показала следующее.

Сначала оставшиеся в лагере путешественники сидели у костра, но вскоре начали клевать носом и постепенно разбрелись по своим палаткам. Поддерживать заметный издалека огонь остались Немой и Зануда. Потом они тоже заснули, и костёр начал угасать.

В это время другая камера выхватила в небе светящийся объект. Потом опять на двух экранах ничего не происходило.

Вдруг Немой поднял голову, как будто к чему-то прислушиваясь. Он толкнул приятеля, оба выпрямились и стали слушать, но, по всей видимости, звук больше не повторился. Друзья подбросили в костёр хворосту так много, что им пришлось отсесть подальше от жаркого пламени. Через некоторое время они снова задремали, и тут началось необъяснимое.

Из леса вышли восемь странно выглядевших гномов в длинных плащах. Они связали руки и заткнули рты Немому и Зануде, а затем проделали то же самое со спящими в палатках. Пленников выстроили друг за другом в цепочку, связали одной верёвкой и увели в темноту леса. Затем четверо из восьми незнакомцев вернулись и сделали попытку открыть входной люк «Стрекозы». Но, не добившись успеха, ушли следом за остальными.

Через несколько минут вращающаяся камера снова выхватила в темноте светящийся объект над рекой, стремительно улетавший вниз по течению. Увеличенные кадры позволили рассмотреть размытые оптикой очертания сферического в верхней части и плоского снизу летательного аппарата. Из расположенных в днище отверстий выбивался огонь реактивного двигателя.

Далее на видеозаписи следовало появление в лагере Циркуля на гусеничном мотоцикле.

Студент и его друзья без промедления отправились на место происшествия.

Глава двенадцатая

*В погоню за неопознанным. Ещё двое отважных.
Карлуша о чём-то догадывается,
но Чек уже спит*

Следы посадки летательного аппарата обнаружили на соседней поляне. Осмотр и допрос Пухляка, а также изучение видеозаписи позволяли сделать следующие выводы.

1. Похищение состоялось в 2 часа 51 минуту ночи восемью гномами, прилетевшими на неопознанном летательном аппарате.

2. Движение и управление аппаратом происходило путём подачи большего или меньшего количества топлива в те или иные сопла двигателя.

3. Данный аппарат не приспособлен для полётов в космос, так как следы на траве говорят о несовершенстве реактивного топлива (обыкновенный керосин).

4. Похитители велики ростом и чрезвычайно сильны; никто из похищенных не смог оказать им серьёзного сопротивления.

5. Рассказ Капельки о произшествии на берегу Мутной реки подтвердился: её описание незнакомцев и летательного аппарата полностью совпадало с увиденным.

6. Известно направление, в котором скрылись похитители.

Первым движением Студента было объявить сигнал тревоги. Чтобы на поиски пропавших вылетела ракета, оснащённая прибором невесомости. Однако, хорошенъко поразмыслив, он пришёл к выводу, что заметная издалека большая ракета только вспугнёт злоумышленников и заставит их затаиться. А поскольку неопознанный летательный аппарат улетел вниз по реке, то самым разумным будет отправиться следом на «Стрекозе», не привлекая к себе излишнего внимания.

Судно уже было готово к отплытию, как вдруг на берегу показался инженер Циркуль на своём вездеходе. Он был не один: на заднем сиденье примостилась корреспондентка Кроха.

— Стойте, стойте! — кричала она, размахивая руками так, что рисковала вывалиться.

Студент спрыгнул на берег, а Циркуль слез с вездехода и побежал.

— Подождите, — проговорил он, порывисто дыша. — Подождите, мы с вами.

В ответ Студент только молча пожал руки отважным гномам из Земляного города.

Вездеход Циркуля погрузили в трюм, а новым пассажирам предложили на выбор свободные каюты. Но уже вскоре после отплытия Циркуль перебрался к Ловкачу, который остался без своего соседа Раsterяшки, а Кроху пригласила к себе Зубрилка.

В сумерки «Стрекоза» проследовала мимо старого Желудёвого города, который давно уже никто не населял. У берега поскрипывало сломанное водяное колесо, а среди темнеющих полуразрушенных построек не было видно ни одного огонька. Путешественники собрались на палубе и разглядывали старый город. Карлуша взглянул на стоявшую неподалёку Кроху и заметил на её глазах слезы.

— Наверное, вы теперь жалеете, что послушались тогда эту Клюковку? — сказал Карлуша.

— Нет, конечно, в Земляном городе мы живём очень хорошо, — всхлипнув в платочек, ответила Кроха. — Только жалко наш старый городок, его совсем забыли и забросили...

Спать легли рано. Долго не мог заснуть Карлуша.

— С Бубликом не попрощались... — с сожалением в голосе сказал он Чеку.

— Угу, — отвечал тот со своей кровати.

— Что «угу»? Тебе будто бы всё равно.

Со стороны Чека до Карлуши донёсся какой-то подозрительный приглушённый хруст.

— Ты что там делаешь? — окликнул он приятеля.

— Печенье грызу.

— Какое ещё печенье?

— Земляное. То есть, тьфу, желудёвое. Из Земляного города.

Карлуша чувствовал какую-то смутную тревогу. Будто во всём, что случилось, виноват и он сам.

— Ну и как?

— Что как?

— Вкусное печенье?

— Ничего, есть можно.

— Вот почему ты всегда такой? — разозлился вдруг Карлуша неожиданно для самого себя. — Никогда не скажешь, что «вкусно» или «хорошо», а все тебе «ничего» да «так себе»!..

Чек удивился.

— Тебе что, тоже печенья захотелось? На, бери, только у меня мало осталось.

— Да не хочу я твоего печенья. Я вот думаю, что если бы мы в дупло не полезли, то ничего бы такого не случилось. Вместе бы с ними справились.

— Если бы, если бы... Ты ещё скажи — «если бы меня на свете не было».

Карлуша поворочался молча и вздохнул.

— Но ведь мы хотели помочь Растеряшке. Не могли ведь мы тогда просто развернуться и уйти?..

— Ага, — согласился Чек. — Умнеешь прямо на глазах.

Печенье у Чека кончилось, и он стряхивал с постели крошки.

— Ты представь, — развивал свою мысль Карлуша, — что если бы Растеряшка на самом деле попал в беду, а мы бы его не выручили... А с другой стороны, если бы все остались в лагере и всех бы забрали в плен... Отправляться на выручку было бы уже некому. Так?.. Ведь никто из наших не смог вырваться от этих... Даже следов борьбы не нашли. А ведь были очень сильные гномы... Например,

Немой. Он тихий-то тихий, а кочергу может запросто узлом завязать. Да и Сахарка так просто не возьмёшь... А этот камень, который они бросили в иллюминатор? Иллюминатору что, он космический, его метеоритом не прошибёшь. А вот булыжник — вдребезги. Это с какой же силой надо бросить? Нормальный гном с такой силой бросить не может...

Тут Карлуше пришла в голову одна поразительная догадка.

— Да ведь это, наверное... Слышишь, Чек! — Карлуша подскочил на кровати.

Но Чек только промямлил во сне нечленораздельное и повернулся на другой бок.

Глава тринадцатая

Бурная река.

Каменный город где-то рядом

На другой день Карлуша проснулся от пляшущих по его лицу солнечных зайчиков. За ночь река сделала поворот, и теперь «Стрекоза» двигалась в северном направлении. Солнце, поднявшись с востока, освещало правый борт судна.

Теперь берега были совсем не похожи на те, что гномы видели выше по течению Мутной реки. Да и наверняка она здесь уже не называлась Мутной. Гномы из Земляного города, например, называли свою реку, как и старый город, Желудёвой. И действительно, там в реке плавало много жёлудей. Потом они намокали и шли ко дну. А уж как реку называли здесь местные гномы, оставалось только догадываться.

Почти вдвое сузившееся и обмелевшее русло с обеих сторон окаймляли отвесные скалистые берега. То там, то здесь стремительный

поток разбивался о торчащие из воды камни, а рельеф дна образовывал опасные мели, пороги и затягивающие в глубину воронки. «Стрекоза» лавировала среди этих препятствий, мощно и уверенно работая боковыми водомётами.

Карлуша с восторгом смотрел на забрызганное водой стекло иллюминатора. Где-то далеко в небе, за кромкой скалистого берега, виднелись верхушки сосен, а внизу, среди камней и порогов, яростно бурлил речной поток.

Тут «Стрекоза», управляемая электронным лучом, шарахнулась в сторону, и Карлуша крепко припечатался лбом к стеклу. Схватившись за голову, он сел на кровать и застонал.

— Ты чего? — спросил его только что открывший глаза Чек.

— Чего, чего... — пробормотал Карлуша. — Заплыли неизвестно куда, вот чего.

Чек посмотрел на стекло иллюминатора, которое снаружи то и дело обдавало брызгами воды, и, ничего не разобрав спросонок, испугался.

— Ч-чего, т-тонем?.. — спросил он.

Карлуша махнул рукой и, держась за голову, пошёл к Глюку, чтобы тот наклеил ему на лоб пластырь.

Из-за сильной качки завтрак раздали сухим пайком. Ели кое-как, без аппетита. Что касается Пухляка, то он не ел вообще. Он лежал в своей каюте и надрывно стонал, призывая Глюка. Его укачивало.

От нечего делать Карлуша принялся болтаться по «Стрекозе» и приставать ко всем с вопросами.

У дежурившего в капитанской рубке Взломщика он спросил, что будет, если автолоцман сломается и «Стрекоза» потеряет управление.

Взломщик объяснил, что луч-навигатор на самом деле не один, а их целый пучок, и если даже какой-то из них «испортится» (чего быть не может), это никак не отразится на безопасности судна и его пассажиров.

— А если где-нибудь наверху отвалится кусок скалы и обрушится на судно? — допытывался Карлуша.

— Ну вот взял ни с того ни сего и отвалился, — отвечал Взломщик. — Тысячу лет стоял, а как только ты пришёл, он сразу и упал...

— Ну а если всё-таки упадёт?

— Ну, тряхнёт разок как следует... Может, солнечные батареи слегка прогнутся. Это дело поправимое.

«Стрекоза» сделала крутой хитроумный манёвр между тремя торчащими из воды камнями, и Карлуша с Взломщиком едва удержались на ногах, ухватившись за укреплённые по всему кораблю поручни.

— Слушай, Взломщик, а что, если все лучи враз откажут?

— Не говори глупостей, — начал раздражаться Взломщик. — Ты ещё скажешь, что все часы в мире могут враз остановиться.

— Ну а всё-таки, если откажут? Представь понарошку.

— Если понарошку, то перейдём на ручное управление.

— Это значит, ты за штурвал встанешь?

— Ну, встану.

— А если, допустим, тебе плохо сделается? Ну, там, скучал что-нибудь не то... Ты теряешь сознание, падаешь, а корабль...

Но Взломщик не дал Карлуше договорить. Он схватил непрошёного гостя за шиворот, вытолкал из капитанской рубки и заперся изнутри. Карлуша поколотил в дверь руками, постучал ногами, плонул и отошёл.

— Ладно, ладно, — пригрозил он из-за двери, — я тебе это ещё припомню!

Потом он забрёл в машинное отделение, где Шестерёнка следил за исправностью водомётных двигателей, и там повторилась приблизительно такая же история, с той разницей, что Шестерёнка не выталкивал Карлушу за дверь, а замахнулся на него гаечным ключом.

Пообещав и Шестерёнке всё припомнить, Карлуша отправился в кают-компанию, где, невзирая на штормовую обстановку, сидели Кроха и Зубрилка, а также Студент и инженер Циркуль.

— А, Карлуша! — обрадовалась Зубрилка. — Что это у тебя на лбу — пластиры?

Не вдаваясь в подробности, Карлуша махнул рукой и тоже уселся в кресло.

— Я однажды был в Каменном городе, — рассказывал Циркуль. — Там живут какие-то совершенно особенные гномы. Носят на головах длинные остроконечные колпаки, а на ногах — туфли с загнутыми кверху носами. Очень любят всякие металлические пряжки и пуговицы.

— А город у них красивый? — спросила Зубрилка. — Он на самом деле весь каменный?

— Да, город красивый и очень древний. Только какой-то... страшноватый. Когда его построили, никто не знает. Там есть дома величиной с весь наш Земляной город.

— Нам обязательно нужно побывать в Каменном городе и расспросить местных гномов, не знают ли они что-нибудь об участии наших друзей, — сказал Студент.

— Насколько я помню, река там довольно спокойная, — заметил Циркуль. — Просто мы ещё не доплыли до тех мест. Через город проходит канал, который берёт начало в реке и в неё же впадает ниже по течению. Если нам удастся войти в него, то мы вместе со «Стрекозой» окажемся в самом центре.

Студент побежал к Взломщику в капитанскую рубку, а Циркуль отправился в трюм к своему вездеходу.

Оставшись в кают-компании, Кроха, Зубрилка и Карлуша посмотрели в иллюминаторы и увидели, что река на самом деле стала спокойнее. Берега были уже не такими скалистыми и высокими, а русло раздалось вширь. «Стрекозу» больше не качало из стороны

в сторону. На камбузе загремел кастрюлями дежурный по кухне Вихор, приготовляясь к обеду.

— А почему гномы из Земляного города не ездят на экскурсии в Каменный город? — поинтересовалась Зубрилка у Крохи.

— Я слышала, что туда пару раз ходили автобусы с нашими гномами, — отвечала Кроха, — но жители Каменного города оказались не очень любезными. Ни с кем из них наши не подружились, и туда больше никто не ездил, кроме Циркуля, который любит повсюду путешествовать на своём вездеходе.

В это время Студент объявил по радио, что «Стрекоза» приближается к Каменному городу и пора готовиться к высадке.

Глава четырнадцатая

Никого.

Круговая панорама.

Кто-то всё-таки есть

Пассажиры высыпали на палубу. Кроха достала из своей репортёрской сумки видеокамеру и снимала открывшуюся перед путешественниками чудесную картину.

На смену поросшему деревьями и кустами дикому берегу по правому борту внезапно выросла крепостная стена. Судно сделало поворот и вошло в узкий, вымощенный позеленевшими от времени камнями, канал.

— Из-за близости к океану в старину город подвергался нападениям морских разбойников, — пояснил Циркуль собравшимся на палубе путешественникам. — И тогда жители превратили его в неприступную крепость.

Услышав про морских разбойников, Карлуша так и подскочил.

— Ну, что теперь? — крикнул он, повернувшись к Студенту. — А ты говоришь — сказки.

— Какой ты неугомонный, Карлуша. Когда-то, в далёкой древности, пираты, может быть, существовали...

«Стрекоза» прошла мерцающий бликами гулкий тоннель под крепостью и через несколько минут оказалась в самом центре города.

За гранитной набережной возвышались гигантские диковинные строения с остроконечными башнями и массивными колокольнями. Вода в канале была прозрачная, дно здесь было выложено квадратными плитами из белого мрамора, между которыми пробивались к поверхности гирлянды зелёных водорослей.

Причалив к ближайшему спуску, путешественники высадились на мраморную площадку и поднялись вверх по белым, истёртым временем ступеням. Мостовая за высоким парапетом тоже была каменная: она была выложена тщательно обтёсанным булыжником.

Величественные, но безжизненные фасады с колоннами и загадочными барельефами в виде грифонов, пауков или оскалившихся драконьих пастей тянулись вдоль всей изогнутой дугой набережной.

Вокруг не было ни души.

— А где же население? — поинтересовался Студент у Циркуля.

— Их тут осталось совсем немного. Полагаю, сотни три гномов. Некоторые уезжают навсегда, а вот поселиться здесь ещё не всякий захочет.

— А что, если залезть на башню и позвонить в колокол? — предложил Карлуша. — Авось кто-нибудь появится.

— Да, это мысль, — согласился Циркуль. — Дело такого рода, что можно особенно с ними не церемониться. Пойдёмте все вместе, заодно посмотрим на город с высоты.

Во время подъёма по бесконечной винтовой лестнице путешественники растянулись в длинную цепочку. Последним, ворча и ругая всех на чём свет стоит, пыхтел Пухляк. На этот раз он не остался на «Стрекозе». Каменный город его так напугал, что он решил держаться поближе к коллективу.

Первым на колокольню взбежал Ловкач. Он тут же схватил верёвку и принял изо всех сил бить в колокол. При первых же ударах у него заложило уши. Ловкач зажал уши ладонями и отскочил.

Постепенно на площадке собирались все, кроме Пухляка, который где-то присел на ступеньки отышатся, да так и решил посидеть, пока все не начнут спускаться обратно.

С высоты открылась панорама всего Каменного города: массивные монолитные кварталы с узенькими расщелинами-уличками, множество остроконечных башен с затейливыми флюгерами и зеленоватая лента канала. Была видна отсюда и «Стрекоза», сверкающая на солнце окружной металлической поверхностью. На фоне старинной архитектуры она выглядела дерзко и вызывающе.

Прошло несколько минут, но на звон колокола никто не появился. В городе было по-прежнему тихо и безлюдно. Только жестяные флюгера поскрипывали на ветру.

— Наверное, и те, последние, жители ушли из города, — предположил Циркуль. — Наверное, даже им, чудакам, стало здесь неуютно...

Путешественники слегка поёживались не то от ветра, не то от холодного величия развернувшейся перед их глазами картины. Гигантские сооружения подавляли привыкших к своим родным местам гномов. Только отважная Кроха, поставив камеру на плечо, деловито снимала круговую панораму.

Теперь не оставалось ничего другого, как вернуться на «Стрекозу».

Все поспешили к лестнице, и тут, отдуваясь и смахивая пот со лба, на верхней ступеньке появился Пухляк, которому стало страшно сидеть одному. Увидев, что все спускаются, он только и смог издать возглас отчаяния.

На судне путешественники разошлись по своим каютам. Никто не болтал, как обычно, не делился своими впечатлениями. Ведь они так и не смогли узнать ничего нового об участии своих товарищей. В этом огромном городе не нашлось ни одной живой души...

Корреспондентка Кроха уселась в кают-компании перед большим экраном и стала просматривать отснятую с колокольни панораму.

Высокий и мрачный, с огромным количеством пустующих помещений, назначение которых было давно забыто, сам город по площади занимал не очень обширный участок земли. Всего с десяток разделённых улочками кварталов. Войти в него можно было как со стороны реки, по каналу, так и со стороны суши — через единственныебитые железом Главные ворота. А они, по словам Циркуля, осели так, что сдвинуть их с места не представлялось никакой возможности и проникать в город приходилось через довольно узкую щель.

В одном месте видеозаписи Крохе показалось, что в кадре промелькнуло нечто такое, чего она не заметила во время съёмки. Она прокрутила плёнку назад и стала смотреть более внимательно.

В записи появилось что-то неуловимое, но совершенно преображающее картину мёртвого города.

Прокрутив фрагмент ещё несколько раз, Кроха остановила плёнку перед отмеченным ею местом и поставила на замедленное воспроизведение.

Так и есть: в одном из окон шевельнулась тёмная штора.

Кроха остановила плёнку и увеличила этот фрагмент на экране. За приоткрытой шторой стала видна размытая фигура гномы с длинной, до пояса, совершенно белой бородой и высоким остроконечным колпаком. Гном осторожно выглядывал, приоткрыв штору, вероятно встревоженный звоном колокола.

Не теряя времени, Кроха пригласила в кают-компанию Студента и инженера Циркуля.

— А, вот оно что, — сказал Циркуль, просмотрев запись. — Видать, эти гномы совсем выжили из ума. Прячутся по щелям, словно тараканы...

— Как бы там ни было, мы должны встретиться с этим гномом и поговорить, — решительно заявил Студент. — Возможно, ему что-нибудь известно об участии наших товарищей. Мы не должны пренебречь даже случайностями.

На этот раз в город пошли не все. Студент решил, что, пока ситуация не прояснится, большая часть путешественников останется на «Стрекозе». Искать незнакомца отправились только он сам, Кроха и Циркуль.

Под косыми лучами клонившегося к закату солнца величественная архитектура с витиеватыми барельефами выглядела ещё выразительнее и пугающе. В узких расщелинах улиц царил полумрак. Голоса и шаги откликались многоголосым эхом.

Вскоре они нашли тот самый дом и по широкой парадной лестнице поднялись на второй этаж. Вправо и влево тянулась тёмная галерея с распахнутыми дверьми. Путешественники остановились в нерешительности.

Глава пятнадцатая

Рассказ Крокуса.

Голубая звезда.

Карта капитана Кукса

— Вы пришли ко мне? — раздался вдруг слабый старческий голос.

Из темноты галереи на освещённый участок вышел, опираясь на высокий посох, тот самый бородатый незнакомец в колпаке. Он был одет в узкую чёрную курточку с манжетами-колокольчиками, фиолетовые трико и туфли, украшенные помпонами. Пуговицы и вычурная пряжка ремня тускло поблескивали серебром.

— Я уже старый гном, но зрение и слух у меня хорошие, — продолжал незнакомец. — Я видел, как в город вошло судно, и слышал, как звонили в колокол...

— Простите, мы не поздоровались, — первой спохватилась Кроха.

Все трое по очереди представились.

Гном только кивнул.

— Пойдёмте, — сказал он.

Все вошли в просторную комнату с тлеющим камином и тускло горящими свечами. Плотные шторы на окнах были задёрнуты.

— Почему вы прячетесь? — спросил Студент. — Где все остальные жители города? Знаете ли вы что-нибудь о наших пропавших товарищах?

— Слишком много вопросов... — гном уселся на высокое, похожее на трон, кресло. — Я отвечу на них по порядку.

Путешественники расселись на жёстких стульях с резными спинками и подготовились слушать.

— Меня зовут Крокус, — начал свой рассказ бородатый гном. — До сегодняшнего дня я был старостой этого города, и меня слушались все, кто чтил традиции наших предков, потому что сами меня выбрали... Наш народ очень древний, мы знаем его историю по книгам. Но сейчас я не буду её пересказывать, потому что вы хотите услышать от меня другое. Верно? (Все трое обрадовано закивали.) Ну так слушайте.

Ещё неделю назад нас здесь было четыреста пятьдесят гномов, жителей города, остальные давно разбрелись по свету. Чужаков здесь не обижали, но и не жаловали. Никто из приезжих не задерживался у нас надолго.

За городской стеной мы выращивали овощи, фрукты и пшеницу. Среди нас были искусные ювелиры, сапожники, портные, стеклодувы, чеканщики и мастера многих других профессий. Нам всего хватало, и никто не мешал нам жить так, как мы привыкли.

Когда-то наш город был построен как крепость для защиты от морских разбойников, грабивших корабли, прибрежные селения и даже поднимавшихся до порогов вверх по реке. Наши предки выстроили неприступную крепость и много веков жили в спокойствии и достатке.

И кто бы мог подумать, что нашу спокойную, размеренную жизнь нарушит появление... ещё более страшных разбойников!

Да, это так. Неделю назад, под покровом ночи, в Центральный канал вошло судно, похожее на железное веретено. Из него выскочили вооружённые гномы и принялись грабить наш город. Клянусь, они выглядели в точности как морские пираты из старинных книг! В наших домах было много драгоценных вещей, хранившихся с незапамятных времён. Они забрали всё. Погрузили добро на свою железную лодку и уплыли.

Но на этом наши беды не закончились. Однажды ночью в городе приземлился невиданный летательный аппарат. Круглый как блюдце и железный. Из него вылезли огромные, одетые в чёрные

плахи лысые гномы. Они силой забрали десятерых наших и улетели в сторону моря.

(После этих слов слушатели стали ёрзать и переглядываться.)

— Все попрятались по своим домам, — продолжал Крокус, — и не выходили никуда до сегодняшнего утра. Я почти никогда не сплю. Я не спал и в те страшные ночи, и в минувшую, не буду спать и сегодня. Если вы путешествуете ради собственного удовольствия, не задерживайтесь здесь. Ведь те, в чёрных плащах, ещё вернутся. Ночью эта штука опять пролетела над городом, и ранним утром все ещё оставшиеся ушли из города. Теперь они тоже разбредутся по свету, и наши дома когда-нибудь от времени превратятся в пыль...

— Господин Крокус, — подал голос Студент, когда старик умолк. — У нас есть основания полагать, что наших друзей похитили те же самые гномы из неопознанного летательного аппарата. Не могли бы вы сообщить нам ещё какие-нибудь сведения, касающиеся этого аппарата и его экипажа?

Крокус помолчал некоторое время, а потом промолвил:

— В ту ночь я постарался рассмотреть их летающую машину. Она похожа на перевёрнутый кверху дном котелок с крышкой, прижатой снизу. Она рычит и истонгает пламя. На ней был знак — изображение в виде голубой восьмиконечной звезды. Кажется... — Крокус пошамкал губами, — кажется, я видел эту звезду где-то и раньше...

— Пожалуйста, постарайтесь вспомнить! — воскликнул Студент. — Возможно, от этого сейчас зависит участь наших и ваших друзей!

— Да, да... — Крокус приставил ко лбу указательный палец и глубоко задумался. Все замерли, стараясь не дышать. В тишине, нарушенной лишь потрескиванием горящих в камине поленьев да поскрипыванием стульев, прошло пять, а затем и все десять минут.

Наконец Крокус отнял палец ото лба и хитро улыбнулся.

— Я вспомнил, — сказал он, не спеша поднялся с места и пошёл к возвышавшимся до самого потолка книжным стеллажам. По стремянке он вскарабкался на самый верх — так высоко, что его остроконечный колпак упёрся верхушкой в потолок. Там, поднимая тучи пыли и беспрестанно чихая, Крокус отыскал нужную книгу.

— Это атлас, — пояснил он, спустившись вниз. — Сборник географических карт. Когда-то, давным-давно, его составил мой соотечественник, знаменитый мореплаватель капитан Кукс.

Крокус раскрыл огромную пожелтевшую пергаментную книгу с рисованными картами и вскоре отыскал необходимую страницу.

— Вот, — он указал на остров, помеченный голубой восьмиугольной звездой, составленной из двух пересекающихся квадратов. — На этом острове мореплаватель Кукс видел гномов, добывающих из горы алмазы. Они выглядели точно так же, как те, что прилетали к нам на этой самой штуке... с голубой звездой на дверце.

— Всё сходится! — воскликнул Циркуль и подскочил с места.

— И такая же звезда на карте... — в задумчивости пробормотал Студент, склонившись над пергаментом. — Надо внимательно изучить наши снимки...

Распрощавшись со старостой Каменного города, который ни за что не соглашался покинуть своё убежище, и захватив с его разрешения карту капитана Кукса, путешественники поспешили на «Стрекозу».

Не теряя времени, Студент вывел на экран снимки, сделанные им когда-то из космоса. Но никаких следов острова, обозначенного на карте капитана Кукса, он не увидел. На этом обширном участке океана не было вообще никаких, даже самых маленьких островов. А остров, обозначенный на старой пергаментной карте, был достаточно велик, высота его над уровнем моря была значительной.

Впрочем, за сотни лет в океане мог утонуть и целый остров. На снимках было видно, что там сейчас полно отмелей и рифов.

Все гномы собрались в кают-компании, слово взяла корреспондентка Кроха.

— Даже если острова Голубой звезды больше не существует, — сказала она, — мы с вами должны побывать на месте, обозначенном на карте капитана Кукса. Ведь не можем мы сидеть сложа руки!

— Да, это правильно, — поддержал её Циркуль. — Не случайно эти звёзды появились в разных местах, таких совпадений не бывает.

— А чего с ними разговаривать, — подхватил Карлуша. — Я предлагаю выбрать нового капитана и немедленно выступить в морской поход. Кто «за»?

И сам первый поднял руку.

Однако никто, кроме Чека, Карлушу не поддержал.

— Помолчи лучше, — сказала ему Зубрилка. — Вечно ты лезешь с какими-нибудь глупостями.

— Да уж, насчёт капитана ты погорячился... — поморщился Глюк.

— Один раз ты уже был капитаном, — сказал Студент. — Постеснялся бы наших друзей.

Карлуша перепугался, что Студент сейчас расскажет Крохе и Циркулю про то, как они с Чеком собирались плыть на плоту.

— Я что... я ничего... — залепетал он, чтобы поскорее замять тему. — Я только хочу сказать, что незачем здесь рассиживаться и раздумывать.

— Ещё бы, — сказал Студент, — уж ты-то не станешь раздумывать. Тебе бы только мчаться куда-нибудь сломя голову. А уж думает пусть кто-нибудь другой. Вечно из-за тебя какие-то истории...

Карлуша притих, а все остальные, посовещавшись, решили отправляться в путь немедленно. За ночь «Стрекоза», ведомая лучом-навигатором, должна была выйти к морю.

Глава шестнадцатая

Океан.

Опасность где-то рядом.

Ситуация осложняется

Рано утром «Стрекоза» вышла к устью реки, и вахтенный матрос Шестерёнка объявил по радио подъём. Заспанные путешественники, ёжась от утренней свежести, повылезали на палубу.

Берега реки раздались далеко вширь, кое-где торчали небольшие, вытянувшиеся вдоль течения островки. А впереди, до самого горизонта, была одна вода. Этот бесконечный, всё более темнеющий к западу водный мир так поразил воображение гномов, что они долго стояли молча, выстроившись на палубе.

Вспенивая воду, «Стрекоза» вышла на голубой простор, сделала правый поворот и на малом ходу въехала носом на пустынный песчаный пляж.

Студент объявил высадку.

На берегу валялись выброшенные прибоем водоросли, щепки и раковины. Подальше от воды из песка росла редкая трава и кустарники. Ещё дальше возвышался небольшой песчаный обрывчик, за которым виднелись только небо и слепящее солнце. Лёгкий ветерок с моря щекотал носы характерным солёным запахом. То там, то здесь на морской волне появлялись и исчезали белые барашки.

Путешественники не замечали, что сверху, из-за кромки простиравшегося вдоль берега обрывчика, за ними наблюдает множество недобрых глаз...

— Как ты думаешь, Пузырь, тут будет чем поживиться? —
деловито поинтересовался долговязый гном с серьгой в ухе у
другого, толстенького.

— Бочонок пустой тебе в глотку, Нос, — отвечал Пузырь (на го-
лове у него была натянута пёсткая косынка). — Разве ты не видишь,
что это дурацкие бездельники. Ни шиша у них нет, кроме смены
белья.

— Тогда отвезём их к директору, — предложил третий гном с
чёрной повязкой вместо глаза. — Очень напрашаются, лёгкая
добыча.

— Помолчи, Циклоп, — сказал Пузырь, — пока тебя не спра-
шивают. Дай мне лучше их сосчитать... одиннадцать, двенадцать
гномов. Целая дюжина! Директор отвалит за них не меньше десяти
золотых.

— Пожалуй, не меньше, — согласился Нос. — Вызывай
«Медузу», Ушан.

Лопоухий гном, которого звали Ушан, стал бубнить в рацию:
«Медуза», «Медуза», я команда...», пока не послышался хриплый
голос:

— Я «Медуза». Чего тебе, Ушан?

— Рад вас слышать, капитан. У нас на борту будут гости, если
вы не против.

— Сколько?

— Двенадцать гномов, если вы не против.

— Годится. Всплыву минут через десять. А вы начинайте.

Залёгшие в рядок диковинные гномы слышали эти перего-
воры и теперь только ждали сигнала к нападению.

— Что-то они далеко разбрелись, — сказал Пузырь. —
Подождём, когда соберутся возле своей галоши.

— Эй, Профессор, загаси костёр, — приказал Нос гному в
мутных треснувших очках, — эти дурни могут заметить дым.

— А, брось, — сказал ему Пузырь, послюнявил и поднял кверху указательный палец. — Ветер с моря. К тому же они сюда и не смотрят, с нашей стороны их слепит солнце.

Пассажиры «Стрекозы» и на самом деле никого не замечали. Студент и Циркуль о чём-то возбуждённо совещались, остальные разбрелись по берегу.

Карлуша, Чек и Зубрилка сидели на большой, вынесенной прибоем щепке и, глядя на море, разговаривали.

— Карлуша, а ты когда-нибудь уже видел море? — поинтересовалась Зубрилка.

— Честно говоря, не видел, — признался Карлуша. — Но зато я видел всю Землю из космоса.

— Значит, ты всё-таки видел, но только издалека, — уточнила Зубрилка.

— Да, выходит так, — согласился Карлуша.

— Подумаешь, море, — сказал Чек. — Просто большая лужа.

На самом деле от вида бескрайнего океанского простора у него слегка подрагивали коленки.

— Сам ты лужа! — вспылил Карлуша. — Не надо было брать тебя в плаванье.

Сообразив, что не подумавши сморозил глупость, Чек потопропился добавить:

— Я не в том смысле, что лужа, а просто воды много...

Карлуша испепелил его взглядом.

— Теперь, наверное, «Стрекоза» пойдёт под парусом, — высказалась предположение Зубрилка.

— Пока ветер с моря, вряд ли, — проявил свою морскую эрудицию Карлуша. — Если только галсами, против ветра, а кому это нужно?.. Вот когда ветер переменится, тогда...

Поболтав ещё немного, Зубрилка отправилась в каюту, чтобы переодеться. А поскольку приближалось время общего сбора,

Карлуша и Чек пошли за ней следом. Все остальные тоже начали потихоньку подтягиваться к «Стрекозе».

Поднимаясь по трапу, Карлуша вскользь оглянулся и... застыл на месте. Он увидел, как с обрывистой прибрежной кромки по песку скатываются какие-то незнакомые гномы. Последующие же их действия заставили Карлушу закричать что было мочи:

— Эй, что вы делаете!!!

А гномы набросились на ничего не подозревавших путешественников и принялись ловко вязать их верёвками. Тех же, кто пытался сопротивляться, они лупили изо всех сил деревянными дубинками. Отчаянно лаял и метался, пытаясь защитить друзей, Колобок. С рычанием он кидался на чужих гномов, кусался и рвал на них одежду. Только когда кто-то из нападавших, изловчившись, огрел его по голове, пёсик заскулил и повалился на песок.

Студент в момент нападения находился недалеко от трапа. Он был сбит с ног сразу тремя нападавшими и тут же крепко связан по рукам и ногам.

— Поднимай трап! Задраивай люк! — кричал он, трепыхаясь и извиваясь, как пойманная рыба.

В отверстии люка появился Взломщик. Он находился в полнейшей растерянности, не понимая, что ему делать: бежать на помощь или слушаться Студента.

— Уходите в море! — продолжал кричать Студент. — Взломщик! Уходите в море, иначе всем крышка!..

Взломщик наконец принял решение и втянул лёгкую дюралевую лестницу внутрь судна. И сделал это вовремя, потому что несколько нападавших уже подбежали к трапу. Один из них подпрыгнул, пытаясь зацепиться, но его пальцы только скользнули по нижней перекладине...

Затащив лестницу, Взломщик крикнул:

— Держитесь, братцы! Мы вас выручим!

— Уходи в море! — кричал Студент. — Вызывай ракету!

Наконец Взломщик захлопнул люк, врубил задний ход, обдав своих и чужих гномов на берегу мощной струёй водомётных двигателей, сделал крутой вираж и на предельной скорости ушёл в море.

Взломщик успел заметить то, что хорошо видел с берега Студент: на поверхность воды всплыла подводная лодка, и на её флагштоке взвился чёрный пиратский флаг.

Глава семнадцатая

Сигнал бедствия

Со времени отплытия «Стрекозы» жизнь в Песочном городе протекала тихо и спокойно. В расположеннем неподалёку Космическом городке вёл свои наблюдения за небом астроном Звёздочкин. С тех пор как там был построен большой электронный телескоп, Звёздочкин редко бывал дома, просиживая ночи напролёт за составлением Большого атласа звёздного неба. Днём он отсыпался в одном из уютных домиков, построенных здесь ещё во время сооружения первой ракеты. Новая ракета последней конструкции горделиво возвышалась на стартовой площадке, готовая в любую минуту сорваться с места.

Звёздочкин был так поглощён своей работой, что даже не ходил домой обедать и ночевать. Он брал на складе космические продукты и питался кое-как, наспех, из всевозможных тюбиков, пакетиков и брикетов. А когда ему хотелось горячего, он ставил на электрическую плитку чайник и заваривал себе в жестянной кружке крепкий чай. Он пил чай вприкуску с космическим сахаром, голова его прояснялась, и он набрасывался на работу с удвоенной энергией.

Незадолго до отплытия «Стрекозы» к Звёздочкину в Космический городок наведались Студент, Взломщик и Шестерёнка. Они принесли с собой настроенную на определённую частоту радиоцию и объяснили, что, если путешественникам понадобится передать какое-то сообщение или даже послать сигнал бедствия, Звёздочкин должен будет принять соответствующие меры.

Тревожный сигнал «SOS» включался на «Стрекозе» простым нажатием кнопки и передавался в эфир до тех пор, пока кнопку не нажимали вторично. Услышав такой сигнал, Звёздочкин должен был дать подтверждение и записать географические координаты бедствия. Далее следовало без промедления снарядить спасательную команду и вылететь на ракете к указанному месту.

В четвёртую ночь после отбытия «Стрекозы» в электронном телескопе Звёздочкина произошла досадная поломка: из строя вышел крошечный транзистор, замены которому в Космическом городке найти не удалось.

Едва начало светать, он сел в автомобиль и помчался в Центральную дирекцию. Там находилась большая обсерватория, в которой Звёздочкин рассчитывал получить необходимую деталь. А к вечеру вернуться обратно и продолжить работу.

Прибыв на место, уставший и проголодавшийся в дороге Звёздочкин остановился в гостинице. Через ресторанный лифт он заказал себе обед.

Плотно подзакусив, он прилёг на кровать, с тем чтобы собраться с мыслями и немедленно отправиться в обсерваторию. Однако собраться с мыслями ему не удалось, так как, положив голову на подушку, он тут же заснул.

Это можно понять — ведь Звёздочкин давно уже вёл ночной образ жизни. Подобно какому-нибудь лесному филину, он привык днем спать, а ночью бодрствовать.

Проснувшись вечером, когда уже стемнело, Звёздочкин в отчаянии от того, что потерял так много времени, помчался в обсерваторию. Поскольку астрономы ведут свои наблюдения за звёздами в основном по ночам, он рассчитывал застать там за работой всех своих коллег.

И на самом деле, его с радостью встретили академик Ярило и профессор Злючкин, а также две научные сотрудницы доцентки Задира и Липучка. Однако склад с запасными деталями находился в ведении завхоза Полочкина, который ушёл домой.

Следует заметить, что этот Полочкин был очень аккуратный гном. Все детали на его складе были разложены по специально пронумерованным ящичкам, и каждый номер с полным названием и артикулом был занесён в память компьютера. А поскольку рассеянные работники обсерватории, попадая на склад самостоятельно, устраивали там полную неразбериху, Полочкин повесил на дверь складского помещения замок, а ключ всегда носил с собой. Если кто-нибудь приходил на склад, Полочкин требовал от него заявку с полным наименованием предмета, затем находил его номер в компьютере и лез в один из пронумерованных ящиков. А когда гном получал нужную вещь, подшивал его заявку в специальной папке.

Некоторые скажут: зачем нужна такая волокита? Однако благодаря именно такой «волоките» на складе у Полочкина всегда царил образцовый порядок, а поиск любой, даже самой маленькой детальки никогда не занимал больше одной минуты.

Узнав, что Полочкин работает на складе только с девяти часов утра до пяти часов вечера, Звёздочкин записал его адрес и помчался на машине к нему домой.

Однако по указанному адресу на звонок никто не выходил. Соседи сообщили, что Полочкин собирался в гости и вполне вероятно, что он вернётся домой только утром.

Выспавшийся за день Звёздочкин поехал обратно в обсерваторию, где с пользой для себя провёл ночь в компании коллег-астрономов.

Утром, когда все стали разъезжаться по домам, Звёздочкин тоже заехал к себе в гостиницу, чтобы умыться и позавтракать, а к девяти часам поехать на склад и получить наконец необходимую деталь.

Умывшись и позавтракав, Звёздочкин прилёг на кровать и снова заснул до вечера.

Проснувшись, он подскочил как ошпаренный и, ругая себя ослом и бестолочью, поехал прямо домой к Полочкину.

Однако соседи ему сообщили, что Полочкин со вчерашнего дня так и не появлялся. Звёздочкин помчался в обсерваторию, и там ему сказали, что Полочкин на работе был, как и положено, с девяти утра до пяти вечера и даже проржал Звёздочкина лишний час — до шести. Но потом уехал в те же гости, где ему очень понравилось накануне.

Едва не плача от досады, Звёздочкин провёл эту ночь в обсерватории. А утром сел на стул перед дверью склада с твёрдым намерением дождаться положенного времени.

Ровно в девять часов явился Полочкин и рассыпался в извинениях, впрочем излишних, так как он не был ни в чём виноват. В одну минуту он обслужил Звёздочкина, дав ему про запас ещё много разных полезных вещей.

После этого обрадованный Звёздочкин смог наконец поехать к себе в Космический городок. Но в пути его так клонило ко сну, что он, потеряв управление, заехал в канаву. Вытащить оттуда машину без посторонней помощи не представлялось возможным. Отчаянно зевая и пританцовывая для бодрости прямо на середине дороги, Звёздочкин стал дожидаться какого-нибудь попутного транспортного средства.

Только уже ближе к вечеру на дороге появилась прыгающая, плавающая и летающая машина инженера Торопыги, который направлялся в Песочный город, чтобы принять участие в морской экспедиции, о которой узнал из газет.

Услышав от Звёздочкина, что «Стрекоза» отплыла уже почти неделю назад, Торопыга страшно расстроился. Но, чтобы зря не терять времени, он выразил желание побывать в Космическом городке и посмотреть на звёздное небо через большой электронный телескоп.

Через пару часов, выехав на мост Мутной реки, Торопыга разбудил спящего у него на плече Звёздочкина, и тот обнаружил, что забыл вожделенную деталь в своём автомобиле.

Пока ездили обратно, совсем стемнело, и приятели въехали в Песочный город глубокой ночью. Тут уже и сам Торопыга захотел спать, и дело кончилось тем, что, отложив поездку в Космический городок до утра, оба завалились на кровать Звёздочкина в его комнате, которая уже порядочно заросла пылью.

Проехав до полудня, Звёздочкин и Торопыга пообедали в столовой на улице Солнечных зайчиков и поехали забирать оставшийся на дороге автомобиль.

Поздним вечером они всё-таки добрались до Космического городка. Звёздочкин вбежал в лабораторию, включил паяльник и тут же принялся чинить неисправный участок схемы.

— Что это у тебя всё время пищит? — поинтересовался Торопыга.

Поглощённый устранением неисправности, Звёздочкин даже не обратил внимания на писк радио: три длинных, три коротких, три длинных. Три длинных, три коротких, три длинных. И опять, и с начала... Вот уже четвёртый день со «Стрекозы» тщетно неслись в эфир сигналы бедствия — «SOS».

Часть вторая ПЛЕННИКИ ОСТРОВА

Глава первая

На «Медузе».
Настенные послания.
Капитан допрашивает Циркуля

Люк подводной лодки отворился, и оттуда вылез гном в видавшей виды треуголке, камзоле, надетом на голое тело, и высоких сапогах-ботфортах. По его властному виду было понятно: в пиратской шайке он главный.

— Сорок тысяч морских ежей! — хрюплю заорал гном. — Поаккуратней с этими оухами, иначе директор не даст за них и подмоченного фантика!

— Не беспокойтесь, капитан, — отвечал ему пират по прозвищу Нос. — Восемь штук первоклассных бездельников! Тут пахнет десятком золотых.

— Лично тебе пахнет десятком пинков в живот. Почему отпустили восвояси их посудину?!

— Ничего нельзя было поделать, капитан. Там внутри кто-то остался. Он и увёл галошу на всех парах.

О том, что в «Стрекозу» успели залезть ещё несколько гномов, Нос счёл благоразумным умолчать.

— Эй, вы там, пошевеливайтесь! — прикрикнул он на пиратов, накачивавших резиновую лодку.

— Так сколько, ты говоришь, их там всего получилось? — продолжал расспросы капитан.

— Ровно восемь душ, — отвечал Нос.

— Ты говоришь, восемь? — Это число капитана отчего-то рассмешило. — Вот это по-нашему, ха-ха-ха! Аккурат на чёртово колесо. Я так думаю, что цирики с восемью душами тоже бы справились, а? Ха-ха-ха! Карманы их обшарили?

— Так точно, капитан. Какая-то дурацкая чепуха у них в карманах. Железо... Зря только руки перепачкали. (Очевидно, имелись ввиду Шестерёнка и Циркуль, карманы у которых всегда были набиты разнообразными инструментами и деталями.)

— Что вы там ещё могли перепачкать... Но это точно, помыться бы вам всем не помешало! — снова захочотал капитан и шумно поскрёб ногтями свою бороду.

Лодку тем временем накачали и спустили на воду. Это была даже не лодка, а большой спасательный плот, в котором свободно могли поместиться десятка два гномов. Плот стащили в воду и, раскачав за руки и за ноги, побросали на резиновое днище пленных. Четверо пиратов взяли по коротенькому веслу и принялись энергично грести в сторону подводной лодки, на которой было выведено название «Медуза».

Пленников по одному затолкали в люк и заперли в тесном, совершенно пустом железном отсеке. Затарахтел мотор, и «Медуза», набирая скорость, двинулась в неизвестном направлении.

Понемногу пленники пришли в себя и стали переговариваться.

— Слушай, Глюк, — сказал Шестерёнка, — там у меня в кармане есть пилка, попробуй достать.

Связанными за спиной руками, извиваясь как червяк, Глюк стал вынимать из многочисленных карманов инструменты. На пол загремели клещи, отвёртки, плоскогубцы, гаечные ключи и даже

паяльник. Обнаружив наконец пилку, Глюк кое-как перепилил верёвку, которой Шестерёнка был связан. Тот в свою очередь развязал Глюка, а затем и все остальные помогли друг другу освободиться.

После этого пленники немного приободрились. Только Мазила всё ворчал, горюя об оставшемся на берегу Колобке.

Прежде всего друзья осмотрели помещение, в котором их заперли. Порядком проржавевший металлический пол и стены, тусклая лампа на низком потолке. Дверь с мутным окошком, за которым угадывался узенький коридор.

Но не успели друзья поделиться первыми впечатлениями и соображениями, как за дверью послышались голоса.

- Поговаривают, что надвигается шторм, — сказал первый.
- Стало быть, снова придётся целый день париться под водой, — отвечал второй. — Загляни в камеру, Ушан, а то мои иллюминаторы давно потрескались. Посмотри, что там видно.

Студент приложил палец к губам и сделал друзьям знак лечь на пол.

Пираты заглянули в дверное окошечко, но через мутное стекло в слабоосвещённом отсеке трудно было что-либо хорошоенько разглядеть. Циркуль подмигнул Студенту, застонал и пошевелился так, будто он по рукам и ногам крепко связан.

- Эти посмирнее, — сказал первый. — Лежат как цуцики.
  - Один вроде шевелится, — заметил второй.
  - Вот мы его и возьмём, раз он шевелится, — сказал первый.
- Раз шевелится, значит, и говорить может. Капитан любит разговорчивых допрашивать.

Пираты стали возиться с проржавевшим засовом, а Студент подскочил к Циркулю и моментально связал его верёвкой. Остальные пленники, поняв, в чём дело, тоже помогли друг другу кое-как накинуть для видимости верёвки, а сам Студент откатился в тёмный угол и замер.

Дверь с пронзительным скрипом отворилась, и оба пирата ввалились в отсек.

— Не видно здесь ни зги... — пробормотал первый. — Надо бы взять у Костыля другую лампу.

— Костыль за лампу удавится, пока эта ещё горит, — заметил второй.

— Ладно, кто из них шевелился-то?

Первый шагнул вперёд и споткнулся о Глюка. Однако Глюк не шелохнулся, а вот хорошенько связанный Циркуль громко застонал и заворочался.

— Кажется, этот, — сказал второй пират и слегка пнул Циркуля ногой. — Вот этот поживей, чем другие. Помоги-ка мне, Ушан.

— Слушай, Профессор, — сказал Ушан. — А чего это они все лежат так тихо? У нас таких ещё не было. Может, они больные?

— Если больные, не стоило и возиться, — рассудил Профессор. — Но я так думаю, что это наши с дубинками перестарались.

— Ладно, берём этого да пошли.

Пираты подхватили Циркуля под руки и выволокли за дверь. Заскрипели засовы, звуки шагов и голосов постепенно стихли.

Пленники отбросили верёвки и снова принялись внимательно изучать помещение: осматривать, ощупывать и даже простукивать.

— Старьё, — проворчал Шестерёнка. — Лодка тяжёлая, как утюг, вся насквозь ржавая. И где это они её только выкопали?..

— Скорее всего, нашли где-нибудь на мелководье и подремонтировали, — предположил Студент. — Интересно, эти разбойники как-нибудь связаны с теми, на летающем блюдце?..

— Они сейчас что-то про штурм говорили, — вспомнил Глюк.
— Как вы считаете, это не опасно?

— Значит, скоро уйдём под воду, — сказал Шестерёнка. — Под водой не опасно.

И действительно, как только лодку несколько раз сильно качнуло на волнах, послышался свист воздуха, бульканье воды где-то в утробе механизмов, и «Медуза» начала погружаться.

— Идите-ка сюда, братцы, — позвал Вихор. — Тут на стене что-то нацарапано.

— И у меня тоже! — крикнул Ловкач. — Идите скорее, посмотрите.

Выяснилось, что окрашенные темно-зелёной масляной краской стены и даже потолок исцарапаны надписями.

— «Захвачены в плен», — стал читать вслух одну из надписей Хитрюга, — и подпись: «Горбушкин и Ватрушкин, Кленовый город».

— А у меня тут написано: «Катались на лодке, проглочены железным чудовищем, прощайте навеки! Рыбка и Бусинка», — прочёл Мазила.

— Смотрите, смотрите! — закричал Ловкач. — Здесь и Огонёк побывала. Та самая,помните? Она ещё Земляной город придумала.

Все столпились перед надписью, и Ловкач, водя пальцем по неровным строчкам, прочитал довольно длинное послание Клюковки.

Товарищи по несчастью!

Полагаю, что читающие эти строки, так же как и мы, захвачены шайкой трусливых хулиганов, именующих себя пиратами и властелинами морей. После разговора с отвратительным главарём этой шайки делаю следующие выводы:

— для каких-то целей пираты разыскивают повсюду старинные золотые украшения и драгоценные камни;

— пленные гномы направляются на принудительные работы;

— центр этого пока ещё непонятного заговора расположен на не отмеченном на картах острове;

— на острове есть гном, которого все называют «директором»;

— пираты отчего-то уверены, что никто не сможет отыскать их остров в океане.

Прощайте или до встречи... Огонёк.

Ловкач не без труда закончил чтение нацарапанного вкривь и вкось послания.

— Ну, вот что, — решительно сказал Студент. — Мы тут никаких посланий писать не будем. Потому что они больше никого не посмеют обидеть. Со «Стрекозы» уже наверняка послан сигнал бедствия, и к нам на помощь летит ракета. Посмотрим, как эти невежи совладают с прибором невесомости!

Увы! Студент и не подозревал, что в это самое время астроном Звёздочкин ещё только движется в автомобиле на пути к Центральной дирекции...

Тем временем инженера Циркуля доставили в каюту капитана.

Прежде всего пленник увидел оскалившуюся прямо на него зубастую пасть акулы и замер... Ушан и Профессор подтолкнули его вперёд, и Циркуль разглядел, что это не живая акула, а подвешенное к потолку высушенное чучело. По углам среди мусора и всевозможного хлама стояли ржавый якорь, подзорная труба и обитый железом сундук. На письменном столе были свалены ворохи географических карт, диковинные старинные безделушки, раковины, глобус и секстант. Всё это было засижено мухами и заляпано жирными пятнами. Едвали не половину каюты занимал облезлый диван, на стене висела карта.

Хозяин каюты валялся на диване, положив босые, давно не мытые ноги на лоснящийся диванный валик. Он только что плотно пообедал и теперь ковырял в зубах вытащенной из бороды щепкой. Циркуль даже не сразу заметил затерявшуюся где-то вдалеке между пятками физиономию их обладателя.

Поразглядывав пленного, капитан не спеша заговорил:

— Ну, здравствуй, голубчик. Как тебе в гостях? Мягко ли спится, хорошо ли кормят?

Циркуль догадался, что капитан расположен пошутить.

— Здравствуй, голубчик, — ответил он дерзко, взглянув на притаившиеся между бородой и всклокоченной шевелюрой хитрые глазки обладателя грязных пяток. — Лодка у тебя паршивая. Ни есть, ни спать в такой грязище не хочется.

— А ты наглец, как я посмотрю, — дружелюбно заметил капитан. — Мне такие нравятся. Хочешь ко мне в команду?

— А что за команда, голубчик? Ты мне расскажи, что за команда, а я подумаю.

— Ишь какой хитренъкий. Сначала всё у меня выведаешь, а потом скажешь, что передумал. Или дождёшься, пока тебя развязнут, а потом и дашь дёру.

— Куда ж тут бежать? Вода кругом...

— Вот именно, вода. Соображаешь. А вы все откуда вообще-то приехали? — спросил капитан как бы между прочим.

— Сам я из Земляного города, — покладисто ответил Циркуль.

— Остальные из Песочного.

— А где это?

— Ну, там... Выше по реке, за порогами.

— За порогами... Туда нам ходу нет. А то бы наведались в гости. А, приятель?

— Конечно, — согласился Циркуль. — Мы гостям рады.

— Да-а?.. — недоверчиво протянул капитан. — Ну и как там у вас, богато живёте?

— Живём мы небогато, — с осторожничал Циркуль. — Так, грибы ищем в лесу, ягоды...

— А кораблик ваш? Тоже в лесу нашли?

— Так это не наш. Нам его в Центре одолжили покататься.

— А где этот ваш Центр?

— Вот здесь примерно, — Циркуль указал пальцем в стену там, где карта уже кончилась.

— Так ведь там и моря-то никакого нет, и реки... — заметил капитан. Циркуль стал ему надоедать. — Ты вот что, голубчик, отвечай

на вопросы, а не то акулы тебя будут кушать... — Капитан протяжно зевнул. — Да шут-то с ней, с вашей галошой. Всё равно через пять минут её шторм разнесёт.

Циркуль не стал спорить, хотя прекрасно знал, что «Стрекозу» не разнесёт никакой шторм.

— Ты присаживайся, отдыхай пока. Куда плывём, знаешь?

— Куда?

— Ничего, скоро узнаешь, — не внял ясности капитан. —

Работы там много. Будете крутить, копать, долбить... Без выходных.

— А что долбить-то?

— А вот там и узнаешь. Но можно с нами остаться. Гном ты смекалистый, мне такие нужны. Сначала, конечно, будешь на подхвате, но как только в деле себя проявишь, возьмём в команду. Костюмчик тебе подберём... Как, согласен?

Уклоняясь от прямого ответа, Циркуль стал задавать вопросы, пытаясь что-нибудь выведать у капитана. Но тот, в свою очередь, тоже уклонялся от прямых ответов... Так они играли в кошки-мышки до тех пор, пока пирата не сморил сон. Циркуля отвели к другим пленникам и закрыли дверь на засов.

Глава вторая

План захвата «Медузы».

Почти получилось...

но слишком поздно

С появлением Циркуля Студент объявил экстренное совещание. Постепенно начал вырисовываться дерзкий план захвата «Медузы». В случае успеха пираты стали бы пленниками, а бывшие пленники — хозяевами на судне.

Пока друзья совещались, заработали насосы и лодка пошла на поверхность. Дольше медлить было нельзя. Студент выкрутил

лампу, и в отсеке стало темно. Только мутное стекло окошка в дверь слабо светилось. После этого Циркуль принялся стучать в дверь и кричать, что ему необходимо срочно поговорить с капитаном.

В окошке появились физиономии Ушана и Профессора.

— Что шумишь! — прикрикнул на Циркуля Ушан. — Сиди тихо, пистон тебе в глотку. Сейчас разберёмся, нужен ты капитану или нет.

— А лампа-то совсем скончалась, — заметил Профессор. — Надо за новой идти.

— Правильно, Профессор, сходи за лампой, — сказал Ушан.

— Заодно спроси у капитана, что делать с этим...

— Капитана мне, капитана! — продолжал выкрикивать Циркуль, чтобы про него не забыли.

Вернулся Профессор с новой лампой в руках.

— А «Медуза»-то уже под колпаком, минут через десять будем у причала, — произнёс он не совсем понятную фразу. — Капитан велел этого к нему доставить, будет нашему делу обучаться.

— А помнишь, Профессор, как ты сам поначалу перетрусили?

— ехидно улыбнулся Ушан. — Плакал, домой просился...

— Ладно, ладно, открывай.

Пираты отодвинули засовы и шагнули за дверь, в темноту.

В тот же миг пленники набросили на них верёвки, туго связали по рукам и ногам, и запихали каждому в рот по грязной тряпке.

В кают-компании шумно веселились пираты. Даже отсюда, через железные перегородки, было слышно, как они стучат по столам костяшками домино, бранятся и горланят песни.

Циркуль раскрыл дверь настежь и, прикрывая лицо носовым платком, грубо прокричал:

— А ну расступись! Пленников к капитану!..

Пираты расступились, и в помещении плавно наступила тишина. В этой тишине пленники один за другим, пряча глаза, быстро проследовали мимо замерших в недоумённых позах разбойников.

Пропустив последнего, Циркуль вышел сам, закрыл дверь и закрутил снаружи колесо запора.

В окошечко было видно, как пираты постепенно «отмирают», — переглядываются и что-то спрашивают друг у друга. Кто-то дёрнулся за ручку двери.

А через несколько секунд всё затряслось под ударами.

Тем временем капитан Чёрная Борода проснулся и, приготовившись к высадке, пил какао из большой железной кружки. Он окунал в какао печенье и с громким чавканьем поглощал один за другим ромбики квадратики и кружочки. Его борода, диван и пол вокруг были в крошках.

Внезапно на пороге появился Циркуль.

— А, это ты, голубчик, — прочавкал капитан. — Надумал, значит...

Но тут пленный повёл себя странно. Он молча подошёл к дивану, снял со стены карту и свернул её в рулон.

Дверь захлопнулась, и заскрипел засов.

— А где... — Капитан хотел сказать: «А где Ушан и Профессор», но поперхнулся печеньем и надрывно закашлялся, расплескав какао на собственные штаны.

В это время лодка начала содрогаться от громовых ударов. Это пираты схватили один из столов и дружно, по команде, таранили им дверь.

В рубке у штурвала никого не было. Через открытый люк сверху был яркий свет и виднелся кружок голубого неба. Только тут беглецы заметили, что лодка стоит на месте.

В отверстии показалась чья-то голова, и в лодку начали спускаться рослые гномы в чёрных плащах. Крепкими, как клещи, холодными руками они схватили беглецов и связали их одним

тонким, но очень прочным шнуром. Так крепко, что было больно даже пошевелиться.

Потом их выволокли на деревянный причал и выстроили в цепочку по одному.

Направо и налево простирался поросший пальмами песчаный берег. Огромная, расположенная в центре острова гора, как сразу определил Студент, была потухшим вулканом.

Глава третья

Камнедробилка.

Появление господина директора.

Специалистам – особые условия

Высокие гномы в чёрных плащах связали пленников в одну цепочку и повели вглубь острова. За ними следом понуро плелись выбравшиеся из лодки разбойники вместе со своим капитаном.

Странные гномы, которых пираты называли почему-то циреками, не позволяли бить пленных (как переходящих уже в чужую собственность), и пираты начали ссориться между собой, обвиняя друг друга в бесстолковости и нерасторопности.

Сначала всем без разбору досталось от капитана. Рассыпаясь витиеватыми проклятиями, он прошёлся по команде дубинкой и только после этого немного угомонился.

Потом все вдруг сообразили, что виноваты сторожившие пленников Ушан и Профессор, которые сейчас шли позади и помалкивали. Все набросились на эту парочку, и тогда уже капитану пришлось прикрикнуть, чтобы не очень, а то в команде и без того уже сплошь некондиционные инвалиды.

Вереница проследовала к каменистому, поросшему колючими кустарниками основанию горы и, поднявшись по извилистой тропе, остановилась на небольшой горизонтальной площадке.

Тут пленникам открылась картина, от которой у них разом перехватило дыхание.

В огромном котловане работали гномы. Кирками и лопатами они долбили каменистую породу, грузили и толкали перед собой тачки. Вид у работников был усталый и измученный, одежда на многих висела лохмотьями. Некоторые носили высокие колпаки, по которым можно было догадаться, что это похищенные жители Каменного города. Но самое поразительное было в центре: шестеро гномов, держась за брёвна, крутили похожее на карусель деревянное колесо. Это были Бантик, Скрипка, Немой, Зануда, Раsterяшка и Сахарок! Бедный Сахарок совсем выдохся, пот катился с него градом, и его клетчатый костюм промок до нитки. Он буквально повис на своём бревне и из последних сил перебирал ногами.

— Эй!.. А-а!.. Братцы!!! — закричали пленники с «Медузы» и рванулись к кромке котлована.

Но стражники в чёрных плащах так стянули верёвки, что друзья закричали уже от боли.

Однако Скрипка, обладавший чрезвычайно тонким слухом, что-то такое услышал и поднял голову. Разглядев наверху друзей, он тоже вскрикнул, и тогда остальные подняли головы.

Колесо остановилось, перестали работать и другие гномы.

В тот же миг откуда-то сверху прогрохотал и разнёсся эхом монотонный металлический голос:

— Внимание! Через десять секунд первый предупредительный разряд! Через десять секунд первый предупредительный разряд!

Гномы с кирками и лопатами поспешили приняться за работу. Но стоявшие у колеса продолжали кричать и размахивать руками. Вдруг что-то несколько раз вжикнуло в воздухе, и они рухнули на землю, корчась от боли, точно их пронзили невидимые молнии...

Кое-как оправившись, бедняги схватились за свои брёвна, и колесо опять заскрежетало и затрещало под их усилиями. На манер простейшей кофемолки, оно дробило камни, которые подвозили на тачках другие пленники.

Студент поднял голову и увидел на склоне горы медленно вращающийся стеклянный шар. Это он следил за работой в котловане и посыпал болевые импульсы в непослушных гномов.

Сцена свидания друзей пришлась пиратам по душе.

— Ха-ха-ха! Гы-гы-гы! — хрюпел капитан. — Ещё не встали на довольствие, а уже барахтаются. Эй, цирики! Надавайте им по шеям, чего стояте!

Но стражники, не слушая капитана, дёрнули за верёвку, и процессия двинулась дальше.

Миновав несколько извилистых участков пути в зарослях бамбука, путники остановились перед металлической дверью, которая закрывала вход в пещеру.

Один из стражников набрал код, и металлическая плита бесшумно утонула в толще скалы. Пираты и пленники проследовали внутрь и остановились в центре просторного помещения, которое пираты называли между собой отстойником. Все замолкли, кого-то или чего-то ожидая. Так, в полной тишине, прошло несколько минут.

Но вот на маленьком балкончике появился гном в тёмных солнцезащитных очках, лысый, в блестящем, как рыбья чешуя, «концертном» костюме. Его сопровождал чрезвычайно подвижный, суетливый и беспрестанно гримасничающий субъект в коротеньких штанишках на лямках и жёлтом пионерском галстуке.

— На товар я уже посмотрел, — сухо и деловито заговорил гном. — Сколько хотите за всех сразу?

— Я так думаю, директор, что за восемь крепких и здоровых гномов с вас причитается не меньше десяти золотых, — не очень уверенно сказал капитан.

— За восемь беглых и строптивых гномов, — поправил его тот, которого называли директором. — И не пытайтесь от меня что-либо скрыть.

— Да! Не пытайтесь! — неожиданно крикнул субъект в галстуке плаксивым голосом. Но на него никто не обратил внимания.

От слов директора лицо капитана сделалось ещё более кислым.

— Нет, директор, вы не думайте, — начал он занудно торговаться. — Они гномы смиренные. Это мои ребята, Ушан да Профессор, маху дали...

Субъект проворно спрыгнул с балкона и начал суетиться между пленниками, с видом знатока пытаясь их осматривать, обнюхивать и даже заглядывать им в рот. «Ничего особенного, — бормотал он, не прекращая гримасничать, — ровным счётом ничего особенного...»

— Мне нет дела до уровня дисциплины на вашем судне, — отчеканил директор. — Мне нужен хороший товар. Работы ещё на четырнадцать унций, а работники шевелятся как сонные мухи. Дайте мне чистых камней. Дайте, удивите, обрадуйте меня неслыханным уловом.

— Сегодня ничего нет, директор, — опустил голову капитан. — В эти дни сильно не подфартило.

— А капитан-то у нас — не фартовый!!! — завопил субъект.

— В эти дни... как и во многие другие. Шестой, выдай капитану пять золотых, — приказал директор, давая понять пиратам, что с ними разговор закончен.

Субъект, которого директор называл «Шестым», подбросил вверх золотые монеты и радостно закричал: «На драку-собаку! На драку-собаку!..» Монеты зазвенели на каменном полу, и провинившиеся Ушан с Профессором наперегонки бросились их подбирать. Взяв деньги, они смиленно вручили их капитану.

Негромко загадев, пираты убрались восвояси.

— Теперь с вами, — директор обратился к пленникам. — Полагаю, в общих чертах вы уже ознакомились с характером работ. Однако карьер — это не всё, что у нас есть. Возможно, среди вас есть грамотный инженер, ему повезёт, и он попадёт на нашу фабрику. Тогда он наденет чистый белый халат... А кому-то повезёт ещё больше — и он будет работать в области искусства, творить согласно своему прямому призванию...

— А с чего вы решили, что мы будем для вас работать? — храбро выступив вперёд, сказал Студент. — И вообще, кто ты такой?!

Вслед за ним, подняв головы, шагнули вперёд остальные пленники.

— Как это благородно, как это трогательно!.. — восторженно вскричал «Шестой», из глаз у него брызнули слёзы. Утеревшись носовым платком, он стал обмахиваться, будто ему стало дурно от избытка чувств.

— Конечно, конечно, — криво усмехнулся директор. — Не далее как вчера некий известный вам художник и некий известный вам музыкант тоже отказались служить мне согласно своему призванию. Кажется, вы их уже видели. Они работают на камнедробилке, которую здесь называют чёртовым колесом. Не сомневаюсь, что уже завтра один из них захочет писать с меня портрет, а другой — услаждать мой слух игрой на флейте.

«Шестой» визгливо захохотал, повалился на спину и задрыгал ногами.

— Так есть среди вас какие-нибудь специалисты? — повысил голос директор.

— Есть специалисты... — поднял руку Циркуль, и все к нему повернулись, — надрать тебе уши!

Внезапно и стремительно он рванулся в сторону лесенки, ведущей на балкон. Но тут, будто случайно, у него под ногами оказался вездесущий «Шестой», и Циркуль растянулся на полу.

— Какая беда! какая неосторожность! — стал хлопотать вокруг него гуттаперчевый негодяй. — Костыли! Скорее несите сюда костыли! Ценнейший, драгоценнейший специалист больше никогда не сможет ходить! Я рыдаю, я плачу!.. — «Шестой» отвернулся и стал надрывно рыдать в носовой платок.

— Ты думаешь, тебе здесь всё позволено? — гневно воскликнул Студент, обращаясь к директору. — Ты думаешь, нас здесь не найдут?

— Нет, не найдут. Никогда. Именно так я и думаю... Стража! Сопроводите контингент в спальный корпус. Завтра они будут работать в котловане.

Стражники дёрнули за верёвку и повели пленных из пещеры «отстойника».

Глава четвёртая

Встреча.

То ли радоваться, то ли плакать.

Студент и Огонёк знакомятся

Спальным корпусом назывался длинный, стоящий на опорах бамбуковый сарай. Вокруг поляны возвышались сторожевые вышки. Пленников освободили от верёвок, и они по лесенке забрались внутрь. Усевшись на охапки сухой травы, заменившие постели, они стали ждать, что будет дальше.

Стало быстро темнеть, и на увитой со всех сторон зарослями тропинке показались гномы с карьера. Едва передвигая ноги от усталости, они вышли на поляну.

— Студент! Братцы! — слабым голосом воскликнул Бантик, первым заметивший друзей.

Человечки из Песочного города заковыляли к сараю. Студент с друзьями бросились навстречу Бантику, Скрипке, Немому, Зануде, Раsterяшке и Сахарку. Они принялись обниматься, а потом помогли уставшим товарищам добраться до своих лежанок.

— Ой! Не могу больше! — стонал Сахарок. — Студентик, миленький, помоги, придумай что-нибудь! Они нас тут до смерти замучают!

— Ничего, братцы, потерпите, — успокаивал Студент. — Скоро прибудет ракета, и тогда мы поговорим как следует с этими злобными гномами!

После этих слов все сразу приободрились.

— Правильно! — восхликал Раsterяшка. — Пусть сами роют и крутят своё дурацкое колесо!

— Да, да, — проворчал Зануда. — Посмотрим, до чего они докопаются, чтобы их голопузые слопали...

— Это какие ещё голопузые? — поинтересовался Студент.

— Да тут полно каких-то диких гномов, — пояснил Бантик. — Живут прямо в зарослях и ловят беглых пленников. А поймав, ташат к себе на костёр и съедают.

— Как это — съедают? — не поверил Студент. — Разве кого-нибудь уже съели?

— Нет, пока мы здесь, по счастью, кажется, ещё никого не съели, — признался Бантик. — Но говорят, что двое гномов сбежали на прошлой неделе, и их больше никто не видел.

— Так с чего же вы решили, что их съели?

— Так директор сказал...

— Мало ли что ваш директор сказал! — разозлился Студент.
— А вы и уши развесили.

Человечки сникли, не зная, что ответить.

— Никакой он не наш, — обиделся Скрипка. — Такой же и ваш...

— Ладно, рассказывайте всё как было, — велел Студент. — С самого начала.

Кивая друг на друга, Немой и Зануда стали путано объяснять, как они остались у костра дежурить и заснули, как откуда ни возьмись появились «цирики» и затолкали всех в «летающее блюдце», как на острове их заставили долбить породу и крутить колесо...

Всё это так или иначе было уже известно.

Студент, в свою очередь, рассказал про Земляной и Каменный города, а также про то, как их захватили в плен морские пираты. Упоминание о Каменном городе привлекло внимание молчаливых гномов в высоких колпаках, и Студент закончил свой рассказ в плотном окружении слушателей.

Не успели собравшиеся засыпать его вопросами, как на поляне появилась ещё одна вереница пленников. Вернее, это были уже не пленники, а пленницы. Среди них были путешественницы со «Стрекозы» — Ласточка, Кувшинка, Мушка и Капелька. Выглядели они довольно уверенно и не цеплялись друг за дружку от усталости, как человечки, работавшие в карьере.

При виде Студента и других новых пленников, барышни не знали, радоваться им или плакать.

— А мы думали, что вы нас спасать будете! — заплакала всётаки Капелька, а за ней и трое других. — Мы вас так ждали!..

— Ну вот, сразу и расплакались!.. — растерялся Студент. — Не все же мы в плен попали! «Стрекоза» на свободе, а там Взломщик, Зубрилка, Карлуша, Чек, Кроха... Они наверняка уже вызвали спасательную экспедицию!

— Правда?.. — барышни успокоились и даже немного повеселились.

Студент принял их расспрашивать и узнал, что в глубине горы находится фабрика, где они работают. На этой фабрике из поступающей с карьера горной породы добывают мелкие алмазы, каждый величиной с песчинку, а затем при очень высокой температуре под давлением из них делают алмазы более крупные. Зачем нужны эти алмазы и куда они деваются — никто не знал.

— Честно говоря, — сказала Ласточка, — мы это всё сами плохо понимаем. Просто делаем то, что нам велят. Но у нас есть одна, которая всё понимает. Её зовут Огонёк. Она очень умная и учёная. Хотите, я вас познакомлю?

Студент поспешил согласиться, и они отправились в ту половину сарая, где жили барышни.

Студент уже так много слышал об этой необыкновенной изобретательнице, что мысленно у него сам по себе сложился её портрет: серьёзная, строгая, в очках, с «бубликом» затылке. Каково же было его удивление, когда он увидел рыжую растрёпанную девчонку с блестящими глазами, одетую в коротенькое легкомысленное платье в цветочек!

Студент смущённо прокашлялся и, не зная с чего начать, промямлил:

— Да... Хм... Весьма рад. Да. Познакомиться. Весьма наслышан.

Он даже попытался шаркнуть ножкой, но, поскольку пол в сарае был выстлан сухой травой, это получилось крайне неловко.

— Ах, так это вы и есть! — догадалась Огонёк. — С тех пор как здесь появились человечки из Песочного города, все только о вас и говорят. Что же, где ваш корабль и спасательная экспедиция? Неужели теперь нам неоткуда ждать помощи?

Новые знакомые поклали друг другу руки, и Студент снова поспешил рассказать, что на «Стрекозе» ещё остались пассажиры и помочь наверняка придёт не сегодня завтра.

— Правда? Это замечательно! — обрадовалась Огонёк. — Честно говоря, хотя я и люблю приключения, но мне тут уже порядочно надоело! Так хочется домой...

— Да, конечно, дома лучше, — согласился Студент. — А где вы теперь живёте?

— Что значит — теперь? Да, конечно, я много путешествую. Может быть, вам говорили обо мне какие-нибудь гадости?

— Что вы, что вы, — испугался Студент. — Я о вас слышал только хорошее.

— Интересно, что же вы слышали?

— Мы были в Земляном городе, и там все говорили о вас много хорошего.

— А, Земляной город... — Огонёк на мгновение задумалась и улыбнулась. — Да, это одна из моих самых любимых работ.

Студент деликатно помолчал, ожидая, что его собеседница сама продолжит разговор и что-нибудь скажет. Так оно и вышло.

— Скажите, вы любите стихи Пегасика? — спросила она вдруг.

Студент растерялся. Стихи он, по правде говоря, не очень любил. Он читал умные и полезные, с его точки зрения, книги. Таких книг у него дома была целая библиотека.

— Что же вы молчите? — настаивала Огонёк. — Ведь вы наверняка не читали стихи Пегасика, так имейте смелость признаться!

Студент был вынужден признаться, что стихов не читал.

— А хотите, я вам немножко почитаю?

И Огонёк, глядя куда-то вдаль, принялась читать нараспев, как это принято у поэтов, стихи:

Заря над морем загоралась,
Гулял по листьям ветерок,
Вчера о чём-то мне мечталось,
А завтра снова путь далёк...

Она замолчала и испытующе посмотрела на Студента.

— Как вам понравились стихи?

— Да, конечно. Это замечательные стихи, — поспешил заверить её Студент.

— А вам не показалось, что рифмы слегка небрежны?

— Нет, ничуть не показалось. По-моему, это очень хорошие стихи.

— Вам правда понравилось? — обрадовалась Огонёк.

Студент кивнул.

— А что вы всё время на меня смотрите? — спросила она подозрительно. — Хотите, я открою вам секрет?

Студент кивнул.

— Обещайте, что никому не скажете.

Студент кивнул.

— Эти стихи сочинила я сама, — шёпотом сообщила Огонёк.

Студент вскинул брови в вежливом удивлении и поправил на переносице очки.

— Ну как, и теперь нравятся?

Студент кивнул.

— Вы, я вижу, не очень-то любезны. Молчите как безмозглый чурбан. Вам нечего сказать?

Студент достал из кармана платок и вытер лицо.

— Здесь очень жарко, — сказал он. — Наверное, тяжело работать на фабрике?

— Терпимо. Климат здесь межконтинентальный, субтропический, при высокой влажности, оттого и кажется, что жарко...

Признайтесь, вы когда-нибудь сами сочиняли стихи?

— Никогда, — признался Студент.

— Тогда вам этого не понять... По-настоящему понимать стихи может только тот, кто сам пробовал сочинять. Вам правда понравилось моё стихотворение?

Испугавшись, что его собеседница опять начнёт читать стихи и они не поговорят о делах, Студент решил взять, как говорится, быка за рога.

— Извините, но уже совсем стемнело и... я хотел бы...

— Хотите спать? Так идите, идите, что же вы встали.

— Нет, совсем не в том смысле...

— Чего же вы хотите?

— Объясните пожалуйста, что за фабрика... И что вообще здесь происходит.

- Я знаю не больше вашего.
- Но ведь вы здесь уже не первый день?
- Да, четвёртый.
- Так чем же вы всё-таки занимаетесь на фабрике?
- А нам этого знать не положено. Камешки перебираем на конвейере, остальное не нашего ума дело.

Студенту показалось, что Огонёк из-за чего-то на него обиделась. Однако мысленно не обнаружив никакой причины для такой обиды, он продолжал:

- Вероятно, всё остальное выполняет автоматика?
- Возможно.

Студенту опять показалось, что он не находит нужного подхода к новой знакомой. Он вообще плохо находил общий язык с дамочками; в общении с ними он частенько злился и даже, случалось, срывался на откровенную грубость. Но болтовня именно этой немножко странноватой девчонки-изобретательницы почему-то его совсем не раздражала. И Студент решил тактично зайти издалека.

— Вы знаете, у нас в Песочном городе тоже есть один замечательный поэт, его зовут Светик. Я даже помню что-то такое из его стихотворений... сейчас... м-мм...

— Не трудитесь, — вдруг перебила его Огонёк. — Вас интересует, что делается на фабрике? Элементарная кристаллизация в кубической сингонии полиморфных модификаций углерода.

— Так-так-так, — оживился Студент, даже не успев удивиться столь внезапному переходу к сугубо научной терминологии. — А скажите, каков признак симметрии элементарной ячейки кристалла — гексагональная или моноклинная?

Передавать их дальнейший разговор было бы совершенно бессмысленно, так как мало кто понимает тот особый язык, на котором заговорили эти учёные особы. Студент всё время что-то помечал в своей записной книжечке. А Клюковка, кстати говоря, вообще никогда ничего не записывала, потому что и без того всё хорошо запоминала.

— Но вы всё-таки на досуге почитайте Пегасика, — сказала Огонёк напоследок. — Нельзя быть таким учёным сухарём. Надеюсь, мы с вами ещё поболтаем?

И Студент вдруг опять смутился. Язык у него снова одеревенел, а стёкла очков запотели.

— Спокойной ночи, — сказала барышня и коснулась рукава его походной курточки.

Студент повернулся и, не глядя себе под ноги, отправился в предназначенную для гномов половину сарая, где все уже спали.

Глава пятая

Ночной разговор.

Кое-что проясняется.

Разрабатывать план побега...

Устроившись в сухой траве, Студент долго не мог заснуть. Сначала он обдумывал всё, что недавно услышал. Для чего на фабрике делают огромный, величиной с дом, алмаз? Что за устройства вмонтированы в шары, которые здесь используют для наблюдения и излучения болевых импульсов? Что за дикиари прячутся в зарослях?..

Потом Студент подумал, что это он во всём виноват. Если бы он сразу вызвал ракету, то всё повернулось бы иначе. А он вместо того, чтобы спасти друзей, сам появился на острове пленником...

От стыда и отчаяния Студент стискивал кулаки и был готов скрежетать зубами. Он дал себе клятву, что завтра же начнёт действовать, даже если ракета не появится. Как именно действовать, он ещё не знал, но эта мысль его немного успокоила и он вскоре заснул. Последняя, ускользающая от него мысль звучала приблизительно так: «Какая всё-таки она необыкновенная...»

С рассветом всех разбудил неприятный и резкий сигнал подъёма. Было мокро от росы и довольно прохладно. Хриплая сирена завывала так, будто кто-то тянул простуженную кошку за хвост, а она кричала и вырывалась. Такой звук сразу создавал ощущение тревоги, и спать больше не хотелось.

Выдав пленникам несколько нарезанных поперёк бананов, стражники повели их на работы — гномов в котлован, девчонок на фабрику.

— Хоть бы кашей накормили, — ворчал Глюк. — Разве бананы это завтрак?

— Ты не волнуйся, — успокоил его Бантик. — На обед ещё кокосовый орех будет.

— Как же совсем без горячего?!

— Будет и горячее, — пообещал Зануда. — Вот как только без команды работать перестанешь, сразу получишь горячее.

— Это ты про шар, который стоит над карьером? — оглянулся Студент.

— Про него, про него...

— Что это за шары? Я уже много видел таких, только маленьких, с кулак, на деревьях.

— Те, которые на деревьях, не кусаются. Они только смотрят.

— А этот большой, как он действует?

— А вот когда работать перестанешь, тогда узнаешь, как он действует.

Студент понял, что от Зануды ничего толком не добьёшься, и перестал его расспрашивать.

Заговорил шагавший спереди Глюк:

— А может быть, те дикие, которые живут на острове, — беглые гномы? Замучили их тут, они сбежали, одичали и на почве плохого питания стали нападать на других гномов.

— Это вряд ли, — сказал Студент. — Ведь пленники появились на этом острове совсем недавно. Не могли же они за это время до такой степени одичать.

— А я, знаете ли, чувствую по себе, что готов, — сказал Бантик. — Ещё пару дней — и тоже начну на всех кидаться...

Переговариваясь и поглощая ломти бананов, каждый из которых был величиной с круг сыра, пленники добрались до котлована. Стражники освободили их от верёвок и развели по работам — долбить, возить, крутить.

В полдень принесли обед: бананы и кокосовый орех. У ореха спилили верхушку и доставали оттуда сок большой поварёшкой. Потом, когда весь сок вычерпали, повалили орех на бок и вычистили изнутри со стенок мякоть, которую здесь называли копрой.

Неподалёку от колеса стояла бочка с водой; пить разрешалось сколько хочешь. Это было единственное место, где можно было немножко передохнуть во время работы. А потому у бочки, соблюдая очерёдность, всегда стояли несколько гномов и не спеша попивали воду. Щурясь от солнца, они то и дело поглядывали на небо в надежде увидеть подоспевшую на помощь ракету. Увы, Звёздочкин в это время крепко спал в гостиничном номере...

Только когда солнце скрылось за верхушками зарослей, стражники отвели валявшихся с ног пленников в бамбуковую хижину. Все попадали на травяной настил и тут же заснули.

Провалившись в бездонную чёрную дыру сна, Студент вдруг почувствовал, что кто-то трясёт его за руку. Открыв глаза, он увидел свою новую знакомую. Её лицо было освещено лунным светом, пробивавшимся сквозь щели.

Студент моментально сел, ощущив сильную ломоту в спине и суставах. Несколько неловкими движениями надел очки и пригладил волосы.

— Где же ваша ракета? — прошептала Огонёк.

— А? Ракета? — очумело пробормотал Студент. — Ракеты пока ещё нет...

— Это я и без вас вижу. Проснулись наконец?

— А что, я заснул?

— Знаете, что я сегодня узнала?

Желая поскорее очухаться, Студент потряс головой, одёрнул на себе куртку и полез в карман за карандашом и бумагой.

— Так, я внимательно слушаю.

— Ну так слушайте. Я должна была сказать вам это ещё вчера...

— Да-да?..

— Все эти болваны в чёрных плащах — не гномы!

— Как не гномы? А кто же? — удивился Студент.

— Роботы!

Студент потер лоб. О чём-то таком он догадывался и раньше, но скорее допускал, что это какие-нибудь загипнотизированные гномы.

— Неужели роботы! А вы это уже точно знаете?

— Как же вы сами не догадались! Ну посудите сами: разве бывают такие бестолковые, неулыбчивые и неразговорчивые гномы?

— Ну это как раз... А из чего же они, по-нашему, сделаны?

— А шут их знает, из чего они сделаны, это не важно. Ну, физиономия, положим, резиновая. Я одного специально за губу схватила, ешё в первый день. И точно: холодный и резиновый. А вот в туловище что-то твёрдое, я его ешё в живот пальцем ткнула.

— Знаете, вы с этим поосторожнее, — заметил Студент. — Ещё неизвестно, что у них на уме...

— Ну, допустим, кое-что известно... Знаете что, давайте уйдём отсюда, здесь совершенно невозможно разговаривать.

И на самом деле, спящие человечки громко храпели и сопели. А лежавший рядом Сахарок к тому же ешё и присвистывал. Вся эта какофония мешала разговаривать.

Студент и Огонёк перебрались к выходу, сели на порог и свесили ноги.

Ярко светил узенький серп луны, стрекотали кузнечики, а где-то в глубине зарослей поквакивали лягушки. Ночь была тёплая и безветренная.

— Вы пробовали с ними разговаривать? — спросила Огонёк.
— С этими... роботами?
— Да, с цириками.
— Нет, пока ещё не пробовал. Мне показалось, что разговаривать с ними бесполезно.

— А вот и совсем не бесполезно. Если бы вы не были таким учёным сухарём, то могли бы узнать для себя много интересного, а главное, полезного. Например, то, что они имеют обыкновение реагировать на некоторые обращённые к ним слова. Попробуйте сказать такому болвану «ногу потерял» — и он начнёт проверять, на месте ли его нога.

— Любопытно. А если...
— Да! — восторженно прошептала Огонёк. — Вы, кажется, всё поняли. Если ракета в ближайшие дни не появится, мы будем разрабатывать план побега!

Студент молчал, глядя на неё широко раскрытыми глазами.
— А теперь ложитесь спать, вы должны хорошенько отдохнуть.
У нас ещё будет время поговорить.

Студент поблагодарил и послушно отправился спать на свою охапку травы. Ни на какие раздумья сил у него не было. В голове крутилась только одна фраза: «Разрабатывать план побега, разрабатывать план побега...» С этим он и заснул.

Глава шестая

Выдержки из записной книжки Студента.
Почему ракета не видит остров?

ШЕСТОЙ ДЕНЬ ПУТЕШЕСТВИЯ. Чистых листков осталось мало, буду писать только самое главное. Всего шесть дней назад мы отправились в путешествие из Песочного города, и вот уже третья сутки мы пленники острова, который капитан Кукс обозначил на своей карте как остров Голубой звезды. От зари до заката человечки работают на каменоломне, добывая алмазоносные породы, а барышни в подземной фабрике вычленяют из них крупицы алмазов. Нас охраняют механические роботы и хрустальные шары, способные следить за нами и посыпать болевые импульсы. Все думают, что бежать отсюда невозможно, так как вокруг одно только море, а по острову бродят кровожадные дикари... Несмотря на это, мы разрабатываем план побега. Добавить больше ничего не могу, потому что бумага — самый опасный свидетель.

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ ПУТЕШЕСТВИЯ. Снова работали в котловане. Вихор и Хитрюга поссорились из-за тачки, и их «ужалил» хрустальный шар. Никаких следов Глюк у них на теле не обнаружил. Предполагаю, что это может быть какой-то особой частоты ультразвук. Ракеты не видно. Я сказал роботу: «На тебя падает камень», — и он посмотрел наверх. Я сказал: «Директор велел завтра тебя разобрать». Робот некоторое время «думал», даже сделал несколько беспокойных движений, но, не обнаружив в своей памяти ни одного подтверждения сказанному, успокоился. Это означает, что у роботов заложены какие-то инстинкты самосохранения. И если фразу составить достаточно убедительно, то робот можно хотя бы на времянейтрализовать. Однако злоупотреблять экспериментами с роботами не следует, иначе об этом дознается директор и введёт в их память более жёсткую программу.

ВОСЬМОЙ ДЕНЬ ПУТЕШЕСТВИЯ. Рискнул провести ещё один эксперимент по контакту с роботами. Сказал: «Подпрыгни три раза». Как и следовало ожидать, робот не подчинился. Тогда я сказал: «Если у Сахарка в кармане есть кусочек печенья (а я точно знал, что у него есть), то ты должен подпрыгнуть три раза». Робот тут же подошёл к Сахарку и достал из его кармана кусочек печенья. После секундного раздумья он подпрыгнул три раза, а потом занял своё место как ни в чём не бывало. Это означает, что в роботах заложена весьма порочная программа: если последующая информация якобы логически вытекает из первой, то есть якобы её подтверждает, а истинность первой информации проверена или изначально не подлежит сомнению, робот делает вывод, что вторая информация тоже истинна. Я сказал: «Поскольку трава зелёная, ты должен принести свежей воды». Робот послушно взял бочку и отправился к ручью за водой. Теперь роботы в наших руках! Осталось выяснить, насколько опасны дики, и дождаться визита на остров пиратской шайки. По нашим расчётам, бежать с острова можно только на «Медузе».

Записную книжку больше не ношу в кармане, прячу в тайник.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ ПУТЕШЕСТВИЯ. Чрезвычайное известие!

Сегодня наконец произошло потрясающее, радостное и долгожданное событие: в небе появилась ракета! Во второй половине дня кто-то увидел маленькую точку на самом горизонте. Точка постепенно увеличивалась в размерах, и к вечеру стало понятно, что это не какой-нибудь потерявшаяся метеорологический зонд и не «летающее блюдце». Скоро ракета приблизилась и приняла столь ясные очертания, что человечки бросили работу и принялись кричать, танцевать, обниматься и даже плакать. Из шара, который с появлением ракеты стал тревожно вращаться, на бедных гномов посыпалась болевые импульсы, а цирики своими железными лапами принялись растаскивать всех по рабочим местам. Испытав невыносимую боль, пленники были вынуждены взяться за свои тележки, кирки и лопаты. Но только для видимости: теперь уже никто не сводил глаз

с ракеты. Но после этого случилось нечто необъяснимое и ужасное! Не замедляя движения, ракета проследовала прямо над островом и скрылась за горизонтом! А через некоторое время появилась вновь, приблизилась к острову и зависла над морем. К этому времени уже порядочно стемнело, и все пленники столпились на поляне у сарая. Может быть, на ракете изучают ситуацию и вырабатывают тактику?..

ДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ ПУТЕШЕСТВИЯ. Спали плохо, но ничего не произошло. А утром нас всех собрали в «отстойнике». На балкон вышел директор со своим резиновым паяцем. Судя по тому, что все роботы-стражники имеют номера, заменяющие им названия, этот «Шестой» тоже робот. Замечу кстати, что робот, как неодушевлённый предмет, может иметь название, но ни в коем случае не имя. Так вот этот «Шестой» не похож на других: никогда не знаешь точно, что у него на уме. Неясно также, из чего он изготовлен: такая удивительная гибкость и прыгучесть не наблюдается ни у роботов, ни у гномов. Сам директор несомненно является гномом, это заметно с первого взгляда, да и говорит он нормальным голосом.

Мы стояли и ждали, что он скажет, а «Шестой», по обыкновению, дурачился: подкрадывался к какому-нибудь из стражников и подпрыгивал, делая вид, будто хочет сбить с него тёмные очки. Стражник закрывался руками, а «Шестой» отскакивал и заливался идиотским смехом. Впрочем, как только директор сделал знак всем замолчать, этот негодяй словно растворился.

— Вчера в небе над островом появилась ракета, — сказал директор. — Однако, как вы все сами сумели убедиться, её экипаж ничуть не беспокоит ваше положение пленников. (Все загудели.) Уверяю вас, они вернутся туда, откуда прилетели. Это дело времени. (Все зашумели громче.) А если, — директор повысил голос и стукнул кулаком по гипсовому парапету, — а если она приблизится к нам на расстояние импульса, мы разнесём её вдребезги!

Все так и ахнули. Для того чтобы приободрить товарищей, я подал голос из толпы.

— Это вряд ли! — сказал я как можно твёрже.

— Что? — удивился директор. — Кто сомневается в моши импульса хрустального шара?

— Я! — сказал я и выступил вперёд.

— Может быть, господин Студент желает испытать на себе максимальную силу шара, который мы называем «Укус Скорпиона»?

Я оказался в трудном положении. Отказаться — значило струсить; согласиться — обречь себя на верную гибель... Мгновение поколебавшись, я повёл себя как цивилизованный гном.

— Никто не сомневается, что ваш шар может причинить вред живому существу, — сказал я. — Но вокруг ракеты имеется сильнейшее антиметеоритное поле, которое не в состоянии пробить ни один снаряд или даже любого рода импульс...

— Хорошо, мы это проверим, — с некоторым раздражением сказал директор, а пленные гномы одобрительно загудели. Несомненно, это было очко в нашу пользу. Однако радоваться было ещё рано.

— Три дня назад, — продолжал директор, — в районе западных скал вдребезги разбилось судно под названием «Стрекоза». Это тоже требует доказательств? Вот пластина от её солнечных батарей!

— И он поднял над головой знакомый мне до боли предмет.

Не надо было разглядывать его вблизи, чтобы узнать... Да, это была часть «Стрекозы». И для того чтобы эта часть оказалась у кого-то в руках, судно действительно должно было разбиться вдребезги. Слезы брызнули у меня из глаз, и я закрыл лицо руками. Что случилось с моими товарищами? Как могла разбиться «Стрекоза»? Я был на грани отчаяния...

— И не ждите помощи откуда бы то ни было! — грозно прикрикнул директор. — Идите на свои места, работайте в полную

силу, и я сам приду к вам на помощь! Скоро — вы даже не подозреваете, как скоро, — я оставлю навсегда вашу планету, и вы будете свободны, как и раньше! А теперь расходитесь по своим рабочим местам. Стража!..

Весь день ракета висела над морем, над островом и даже над головами работающих в карьере гномов. Она поблескивала на солнце, и на корпусе отчётило виднелась надпись: «Луна-4». Все кричали и размахивали руками, но напрасно. Ракета плавно двигалась в сторону горизонта, а затем обратно зигзагами влево и вправо, будто выискивая что-то на поверхности воды. Может быть, они ищут оставшихся на борту «Стрекозы» и потерпевших крушение пассажиров?..

В конце дня на верхней кромке котлована появились чумазые дикари. Они начали кидаться камнями, но, как только шар ударили по ним раз-другой, тут же исчезли.

ОДИННАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ПУТЕШЕСТВИЯ. Огонёк высказалася потрясающую догадку! Ракета ведёт себя так не потому, что ищет кого-либо на воде, а потому, что ищет сам остров! Она его не видит! То есть, конечно, не сама ракета, а находящиеся в ней гномы. Ведь мы и сами не увидели его на снимках, сделанных из космоса! Выходит, что остров Голубой звезды с некоторых пор (ведь смог же его увидеть капитан Кукс) окружён, допустим, похожей на половинку мыльного пузыря оптической сферой, делающей его невидимым. Эта догадка объясняет многое из того, что до сих пор не находило объяснения. И это полностью меняет планы: для того чтобы побег удался, теперь не обязательно захватывать «Медузу»; достаточно выйти за пределы оптической сферы на плоту, и ракета вскоре нас заметит. Теперь я думаю, что всё произойдёт следующей ночью.

Днем разразился страшный ливень, работать закончили раньше обычного. Ветер едва не снёс крышу с нашей хижиной...

Глава седьмая

Те, кто остался на «Стрекозе».

Искать самим.

«Медуза» на локаторе

Устремившись за похищенными, мы не забыли о том, что на борту «Стрекозы» остались шесть пассажиров. А именно: Карлуша, Чек, Взломщик, Кроха, Зубрилка и Пухляк. После того как судно на полном ходу ушло в море, Взломщик заглушил двигатель, и они собрались в кают-компании. Все были растеряны и чрезвычайно взволнованы. Никто не знал, что делать, никто не находил подходящих слов.

— Может, нам надо было следовать за ними, не теряя их из поля зрения? — высказала предположение Кроха.

— Наверное, зрение у вас очень хорошее, — раздражённо ответил ей Взломщик, — если вы можете видеть то, чего не видит никто: погрузившуюся на глубину подводную лодку!

— Подводную лодку?! — ахнули все.

— Да ещё с чёрным флагом, какие у пиратов бывают. Чепуха какая-то...

Карлуша вздрогнул от волнения, но промолчал. Его физиономия приняла некое надменное выражение.

— Необходимо срочно связаться с землёй! — сказала Кроха.
— У вас есть рация?

— Ах, занимайтесь лучше своими куклами! — огрызнулся Взломщик. — Разумеется, рация уже давно работает в автоматическом режиме.

— Не смейте так со мной разговаривать! — взвизгнула Кроха. — Вы сами... дурак!

Взломщик покраснел и гневно уставился на дамочку. Та, в свою очередь, подбоченилась, готовая постоять за себя. Но тут

в бессмысленную перепалку, вызванную всеобщим взвинченным состоянием, вмешалась Зубрилка:

— Прекратите сейчас же, как вам не стыдно! Теперь у нас впереди нешуточные трудности и опасности, а вы уже создаёте панику на корабле!

Взломщик и Кроха опомнились, им стало стыдно, и они поспешили друг перед другом извинились.

Но тут поднялся со своего места и заговорил Пухляк.

— Позвольте, позвольте, — заявил он требовательным тоном. — Вы, наверное, хотели сказать, что трудности и опасности у нас позади?

Его не поняли.

— Ну как же... — начал развивать Пухляк свою мысль. — Счастливо избежав плена, мы должны тотчас, нигде не задерживаясь, отправиться назад в Песочный город и принять активное участие в подготовке спасательной экспедиции!

Некоторое время все смотрели на него молча, осмысливая сказанное.

— Ах ты, гадина! — выкрикнул вдруг Карлуша и, подскочив с места, замахнулся на Пухляка. — Опасности, говоришь, позади?..

Карлушу схватили за руки и усадили. Он ещё некоторое время вырывался, выкрикивая угрозы.

Пухляк спрятался за буфетную стойку и заныл противным голосом:

— Да, сам затащил, а теперь ещё руки распускает!..

Взломщик сказал:

— До тех пор, пока нет подтверждения приёма наших радиосигналов, мы должны сами начать поиски.

— Правильно! — поддержала его Зубрилка. — Мы должны разыскать наших друзей и дать спасательной экспедиции сведения об их местонахождении.

— А начинать поиски следует с острова Голубой звезды, который значится на карте капитана Кукса, — сказала Кроха. — Уж очень много всего на нём сходится...

В то время как путешественники обсуждали план дальнейших действий, небо заволокло тучами, волнение усилилось и «Стрекозу» несколько раз сильно качнуло.

— Э-э, дело плохо, — сказал Взломщик, выглянув наружу через иллюминатор. — Будет шторм.

От этих слов Пухляк совсем расстроился и незаметно вышел из кают-компании, чтобы на всякий случай надеть спасательный жилет.

Кроха спросила:

— Скажите, пожалуйста, Взломщик, «Стрекоза» выдержит сильный шторм?

— «Стрекоза» выдержит не только шторм, но и конец света, — прихвастнул Взломщик на манер старого морского волка. — Но нам нет необходимости испытывать её на прочность. Через пять минут объявию погружение!

Все так и ахнули.

— Вот это сюрприз! — Кроха захлопала в ладоши. — А летать она случайно не умеет?

— Надо будет, и летать научим.

Подмигнув, Взломщик направился к пульту управления в капитанскую рубку.

— Вот оно что! — присвистнул Карлуша. — Выходит, что «Стрекоза» умеет нырять. Пойду посмотрю, как там Взломщик управляетяся.

И Карлуша убежал в капитанскую рубку.

Через минуту под ногами путешественников в трюме зашумела вода, засвистел воздух, «Стрекоза» дала полный ход вперёд и ушла под воду. В иллюминаторах потемнело, чёрные косяки рыб в испуге метнулись в стороны.

Пухляк, который выходил надевать спасательный жилет и не слышал разъяснений Взломщика, весь будто обмяк, осел, потерял голос и обречённо прошептал:

— Ну вот и всё...

Его окружили и принялись брызгать в лицо водой, от которой бедняга едва совсем не лишился рассудка.

Его хорошенько похлопали по щекам и всё объяснили.

— Так, значит, мы не тонем? — переспрашивал Пухляк.

— Не тонем, не тонем! — хором отвечали барышни, обмахивая его платочками.

— Так, значит, мы ещё, может быть, домой вернёмся?

— Вернёмся, вернёмся!..

Очухавшись, Пухляк отправился в кладовую и поверх одного уже надетого спасательного жилета надел ещё один, самый большой. Но даже этот, самый большой на корабле спасательный жилет не сходился на животе у Пухляка поверх первого, и он расхаживал по «Стрекозе» в двух жилетах, как какая-нибудь нахохлившаяся птица или распустившийся кочан капусты. Он застревал в дверях и плотно перегораживал коридоры, не давая возможности пройти другим пассажирам. Но, несмотря на все эти неудобства, Пухляк твёрдо решил не снимать эти спасательные плавсредства даже ночью.

Тем временем в капитанской рубке Карлуша внимательно следил за действиями стоящего у штурвала Взломщика.

— Понимаешь, вода заполняет трюм, — пояснил Взломщик, — и судно становится тяжёлым.

— Как подводная лодка?

— Нет, не совсем. Даже с заполненным водой трюмом «Стрекоза» всё же легче воды. Она сама по себе не тонет и погружается только на ходу, хотя и даже на самой малой скорости. Из корпуса судна выдвигаются специальные горизонтальные рули, похожие на крылья, которые и направляют судно на требуемую глубину.

— А если мы захотим лечь на дно?

— А это конструкцией судна не предусмотрено. Как только поступательное движение прекратится, мы тут же всплыvём на поверхность.

— Ну и ладно, — сказал Карлуша. — Нечего нам на дне отлёживаться!

В это время Взломщик заметил на локаторе светящуюся точку.

— Э, да тут ещё кто-то есть под водой! — сказал он Карлуше.

— Посмотри, кто-то ещё под водой движется впереди нас.

— Может быть, большая рыба? — предположил Карлуша.

— Какая там рыба! Железное...

— Понял! — Карлуша схватил Взломщика за рукав. — Это же самая лодка с пиратами! Понимаешь?

— Да не тряси ты меня, — дёрнулся Взломщик. — Без тебя соображаю.

Он дал самый малый ход, пропустил вперёд движущийся объект и устремился за ним, соблюдая порядочную дистанцию.

«Медуза» (а это действительно была она) двигалась уверенно, не меняя курса, по хорошо, как видно, знакомому маршруту.

— А они нас тоже видят? — спросил Карлуша.

— Не думаю, — сказал Взломщик. — Мы слишком далеко, вряд ли у них имеется столь же чувствительный локатор.

— Это хорошо, — сказал Карлуша, — если они нас не видят. А что, если они остановятся и лягут на дно?

— Не хотелось бы. Но, если такое случится, будем ходить кругами на малой скорости.

— А воздуха надолго хватит?

— Запас воздуха рассчитан на восемь часов для тридцати гномов. А нас тут всего шестеро, вот и посчитай.

Пока Карлуша считал, наморщив лоб и загибая пальцы, Взломщик набрал программу для автолоцмана. Теперь они двигалась вслед за «Медузой» на автоматике, соблюдая необходимую дистанцию.

Весь день «Стрекоза» неотступно следовала за подводной лодкой, а ближе к вечеру локатор стал показывать, что пираты всплывают на поверхность.

Ещё через несколько минут огонёк на локаторе внезапно погас.

Растерявшись, Взломщик некоторое время кружил на месте, а затем объявил всплытие.

Все стояли в капитанской рубке перед смотровым стеклом. Поверхность воды расступилась, и взорам путешественников открылся бескрайний океанский простор.

Шторм утих, и только клочья пены на тёмно-зелёной глади да серая полоска неба на горизонте напоминали о бушевавшей здесь совсем недавно стихии.

Подводной лодки не было. Её не было видно ни простым, ни, как говорится, вооружённым глазом.

— А не могла она снова нырнуть? — высказал предположение Карлуша. — Она нырнула, вот мы её и не видим.

— На то и приборы, чтобы всё видеть, — проворчал Взломщик. — Ничего не понимаю, куда она могла подеваться?..

— Смотрите, смотрите! — воскликнула Кроха, которая никогда не расставалась со своей видеокамерой. — Смотрите, там кто-то есть!

Взломщик схватил бинокль и стал всматриваться в поверхность океана. Сначала он ничего не мог разобрать, но затем, хорошенько наведя резкость, увидел, что в воде барахтаются двое гномов. Уцепившись за обломок дерева, они изо всех сил размахивали руками и что-то кричали.

— Полный ход! — скомандовал сам себе Взломщик, и «Стрекоза», рванувшись с места, заскользила к терпящим бедствие.

Глава восьмая

Карлуша догадался.
Спасённые гномы -
беглецы с острова.

Поднятые на борт человечки с трудом передвигались, тяжело дышали и были совершенно не в состоянии говорить. Им дали напиться и уложили в каюту доктора Глюка. Кроха дала им успокоительного лекарства, после чего они крепко заснули.

— Теперь не надо их беспокоить, — сказала она столпившись в дверях путешественникам. — Когда они сами проснутся, мы сможем с ними поговорить.

Уже совсем стемнело. Приборы показывали, что по географическим координатам «Стрекоза» находится где-то в непосредственной близости от острова Голубой звезды. Теперь следовало дождаться рассвета, а также расспросить вытащенных из воды бедолаг. Взломщик поставил судно на якорь и объявил отбой.

Карлуша лежал в своей койке, и его опять разрывали противоречивые мысли и чувства. Казалось бы, произошло всё то, о чём они с Чеком мечтали ещё в Песочном городе: море, шторм и даже пираты. Это было настоящее морское приключение. Но одно дело листать книжки и фантазировать, а совсем другое — попасть в лапы самых настоящих пиратов.

Самое неприятное было то, что схватили совсем не тех. Те, которые больше всех кричали об опасностях, лежали в тёплых постелях. А в плен попали такие серьёзные гномы, как Студент и Глюк, не говоря уже о девчонках, которых и брать-то на корабль по морским правилам не положено...

Потом Карлуша вспомнил, что так и не рассказал Чеку о своей недавней догадке. Мысль о том, что гномы в чёрных плащах — вовсе не гномы, не давала ему покоя. И Карлуша решил всё-таки поделиться своими соображениями с Чеком.

Он повернулся лицом к приятелю и, убедившись, что тот не спит, спросил:

— Ты о чём думаешь?

— Да так. Ни о чём, — равнодушно произнёс Чек.

— Ладно, ты, главное, не падай духом. Всё ещё, может быть, обойдётся.

— А я и не падаю.

— Ты вот что, послушай меня внимательно... — Карлуша подбирал нужные слова. — Короче говоря, те гномы — вовсе не гномы...

— Не гномы? А кто же?

— Механические роботы!

— Да ну! Чего же они не потонули?

— Где?

— В море, где же ещё? Не в кружке же с киселём.

— А с чего бы им тонуть в море?

— Ну, ты ведь сам говоришь, что они железные.

— Ну и что?

— Чего же они не утонули?

— Где?

— Ну в море, в воде, откуда их выловили! Ты что, нарочно меня разозлить хочешь?

Тут до Карлуши наконец дошло, что Чек говорит про тех гномов, которых сегодня выловили из моря.

— Тыфу ты, запутал меня совсем! Я же тебе про тех, которые с летающего блюдца, а ты мне — «утонули»!

— А-а... Так, значит, те, которые из моря, нормальные гномы?

— Надо полагать, нормальные...

— Ну, тогда и волноваться нечего. Я-то думал, что у нас на «Стрекозе» ещё какие-то роботы...

Карлуша принялся объяснять всё сначала, и Чек был вынужден согласиться, что те гномы на самом деле могут быть роботами.

Он уже видел роботов в Центральной директории, хотя там роботы всё-таки скорее были похожи на железные машины, чем на гномов.

— Что ж, может быть, — сказал Чек. — Раз уж наука шагнула так далеко, то почему бы не придумать роботов, похожих на гномов. Тут и удивляться совершенно нечему. Только ты, самое главное, расскажи обо всем этом Взломщику.

Решив утром так и поступить, Карлуша заснул.

* * *

Утро не принесло новостей: подтверждения на радиосигналы не последовало, на экране локатора за ночь ничего не появлялось, а вытащенные из воды гномы ещё не проснулись.

Карлуша, как и собирался, высказал Взломщику свою догадку по поводу роботов.

— Молодец, Карлуша, соображаешь, — похвалил Взломщик.
— Я и сам над этим много думал. Теперь нам бы их найти, а уж там разберёмся, кто они такие на самом деле...

К полудню спасённые наконец проснулись и сразу же попросили каши.

— Дайте, братцы, каши поесть! Честное слово, неделю ничего кроме бананов и кокосов в рот не брали!..

Им наварили густой манной каши, щедро заправили её маслом и солью, дали по здоровенному ломтию чёрного хлеба.

Новые пассажиры умяли кашу в считанные минуты, запили чаём и откинулись к стенкам каюты. Барышни принесли им выстиранную и выглаженную одежду, потом все собрались в кают-компании и подготовились слушать.

— Меня зовут Перец, — представился чернявый гном с пышной вьющейся шевелюрой.

— А меня зовут Кренделёк, — сказал белобрысый вихрастый гном с вздёрнутым носом.

Оба они ещё плохо соображали.

— Мы сами из Ромашкина, — начал рассказывать Перец. — У нас растёт очень много ромашек. Мы делаем из них буквально всё: ткани, клей, строительные материалы, резину, лекарства...

— Погоди, — перебил его Кренделёк. — Этак ты до вечера ничего не расскажешь. Давай лучше я.

— Пожалуйста, рассказывай, — нехотя согласился Перец. — Только ты, я боюсь, что-нибудь упустишь...

И человечки, перебивая друг друга, рассказали о том, как «цирики» подхватили их на «летающее блюдце» и заставили работать на каменоломне. Как они сбежали, как мастерили плот, а потом на море попали в шторм. Как целый день их швыряло по волнам, а потом неожиданно пришло спасение...

Но больше всего слушателей потрясло то, что по словам этих гномов, происходило на самом острове. Картина была столь ужасной и невероятной, что изумлённые путешественники некоторое время сидели молча.

Первой тишину нарушила Зубрилка.

— Скажите, а вы не видели там, среди пленников, наших друзей: Бантика, Скрипку, Кувшинку, Ласточку?.. — спросила она.

— Мы уже неделю как беглые, — пояснил Кренделёк. — Возможно, ваши друзья теперь на острове. Туда ведь каждый день привозят новых...

— Когда же это началось?

— Недавно, мы были одними из первых.

Расспросы продолжались весь день. Путешественники узнали о подземной фабрике, котловане, чёртовом колесе, директоре, бамбуковой хижине, хрустальных шарах, дикарях и пиратах. Но всё это не объясняло главного: откуда всё это взялось и почему острова нет на современных картах.

Подтверждения радиосигналов в течение дня не последовало, и ещё одна ночь прошла в неопределённости и тревоге.

Глава девятая

Страшный сон.

Пухляк совершає диверсию.

Спасительный жилет

Этой ночью Пухляку опять приснился кошмарный сон.

Сначала он увидел, что дверь в его каюту отворилась и из серебристого сияния прямо перед ним возникли несколько тех самых роботов, которых он видел ещё во время первой стоянки «Стрекозы».

Мёртвой хваткой они взяли Пухляка под руки и потащили по коридору к выходу.

Он упирался, волочил ноги, но механизмы были неумолимы.

Он силился крикнуть, позвать на помощь, но как ни тужился, крика не получалось; он только едва слышно жалобно скулил.

Над водой висела летающая подводная лодка со страшной оскалившейся акульей мордой. Роботы бросили Пухляка в руки поджидавших на мостице пиратов, и те, рыча и хохоча, принялись щекотать его острыми ножами.

Потом они полетели к острову.

Освещённый зловещим лунным светом остров представлял собой гигантскую каменную пирамиду, на которой, словно муравьи, копошились пленённые гномы.

Они долбили камни и перетаскивали куски с места на место.

Наверху пирамиду венчал огромный хрустальный шар, который направо и налево разил гномов своими ужасными лучами.

Вокруг, на узком песчаном берегу с редкими пальмами, пирамиду плотным кольцом окружали дики. Размахивая копьями, они шумно улюлюкали, визжали и верещали, ритмично притоптывая под монотонный стук барабанов. Как только сражённый лучом гном скатывался к подножью пирамиды, дики набрасывались на него, привязывали к шесту и тащили на костёр.

Летающая подводная лодка снизилась, и пираты бросили Пухляка на прибрежный песок.

Быстро-быстро, пока увлечённые своей жертвой дикари его не заметили, Пухляк полез наверх, цепляясь руками и ногами за каменную поверхность пирамиды.

Вскарабкавшись почти на самый верх, он понял, что, если сейчас же не начнёт работать, шар ударит по нему лучом и он скатится прямо в объятия дикарей.

Пухляк стал озираться в поисках какого-нибудь инструмента. Но все сосредоточенно работали, и никто не собирался уступать ему свою кирку или лопату. Тогда он схватил первый попавшийся камень, перенёс и положил его в другое место. Затем другой и третий...

Мучительно осознавая, что он делает совсем не то, что требуется, а что требуется, ему никто не объяснил, Пухляк тихонечко спросил у одного из работающих: «Слыши, чего делать-то надо?» Тот взглянул на него без интереса и голосом робота сказал тара-барщину: «Надо строить моноклинную сингонию». «Чего-чего?» — спросил Пухляк, но гном уже не обращал на него внимания и сосредоточенно работал киркой.

Кого-то ещё неподалёку сразил луч, внизу заиграл огонёк и запахло палёным.

Пухляка передёрнуло от ужаса и отвращения, он схватил самый большой камень и понёс его куда глаза глядят.

Ощущение неопределённости было ещё мучительнее, чем страх. Все вокруг него понимали условия игры: знали, что именно от них требуется, и усердно работали. Ни о чём лучшем для себя Пухляк уже и не мечтал.

Но вот один из гномов совсем рядом, сражённый лучом, уронил кирку и покатился вниз. Сразу несколько других гномов бросились к кирке, но Пухляк опередил всех, схватил инструмент и принялся усердно долбить каменную поверхность.

Первое время он чувствовал некоторое удовлетворение, но затем снова вернулось тревожное ощущение того, что он делает совсем не то. Посмотрев на других, он увидел, что они не долбят по ровному месту, а скалывают неровности с поверхности пирамиды...

Осознав, что нужно делать, он нашёл щербатый участок и принялся скалывать лишние куски камня. Только теперь, наконец, Пухляк ощутил радость и приобщённость к полезному труду.

Но тут кто-то подошёл и неожиданно вырвал у него из рук инструмент.

Пухляк поднял глаза и увидел Карлушу. Вернее, его тёмный силуэт на фоне полной луны.

«Модапорптыидапорпдаг», — сказал Карлуша звенящим металлическим голосом и толкнул Пухляка в грудь.

Пухляк кубарем скатился к подножью пирамиды, на него со страшным криком набросились дики, привязали к шесту, взвалили концы шеста на плечи и потащили на костёр.

Под грохот барабанов шест уложили над костром на две рогатины, и тут же языки пламени лизнули Пухляку бока...

Он вскрикнул и проснулся.

Через иллюминаторы в каюту проникал лунный свет и падал на лицо. С невероятным облегчением Пухляк сообразил, что все ужасы — и роботы, и пирамида, и костёр, — всё приснилось.

Сначала он даже подумал, что всё ещё находится у себя дома в Песочном городе. Ему стало так радостно на душе, приятно и уютно, что он улыбнулся, потянулся и заёрзal, полагая, что лежит, как обычно, на своей любимой пуховой перине... Но поскольку Пухляк лёг спать, не сняв с себя спасательные жилеты, его телодвижения привели к тому, что он чуть не скатился на пол, едва успев ухватиться за крепко привинченный к полу столик.

Всё наконец поняв, Пухляк снова испугался и расстроился. Особенно его тревожило то, что Взломщик намеревался с рассветом отправиться на поиски острова.

«Стрекоза» слегка покачивалась на лёгкой морской волне, отражавшиеся в воде лунные зайчики зловеще плясали на потолке и стенах каюты.

Пухляк вспомнил свой сон и содрогнулся.

«Нет, — твёрдо сказал он сам себе. — Этого допустить никак нельзя. Пускай спасательная экспедиция ищет проклятый остров, а мне пока и здесь хорошо. Продуктов питания здесь хватает, а когда спасательная экспедиция найдёт остров и заберёт оттуда всех пленников, мы, не подвергая себя опасности, спокойно вернёмся в Песочный город».

Приняв про себя некое твёрдое решение, Пухляк поднялся с койки и, не обувая сандалий, на цыпочках вышел в коридор.

Второй, надетый поверх первого, спасательный жилет стучал своими пенопластовыми пластинами по дверям и стенкам коридора. Пухляк плотно прижал пластины к себе, вернулся в каюту, снял второй жилет и повесил на крючок. Оставшийся на нем первый жилет был застегнут на все пуговицы, сидел плотно и совсем не мешал. Пухляк даже как-то с ним уже сроднился: жилет был толстенький, лёгкий, приятно облегал тело и создавал ощущение тепла, уюта и безопасности.

Миновав по прямой коридор, кают-компанию и снова коридор, Пухляк стал очень осторожно подниматься по ступенькам в капитанскую рубку. Он боялся, что там может оказаться Взломщик и тогда пришлось бы как-нибудь выкручиваться, объясняя свой ночной визит.

Но в рубке, по счастью, никого не оказалось. Пухляк зашёл внутрь и прикрыл за собой дверь.

Он находился в довольно просторной застеклённой кабине с креслами, штурвалом и огромным пультом управления с множеством кнопочек, регуляторов, индикаторов и разноцветных огоньков. Вся эта мудрёная техника светилась и перемигивалась под

аккомпанемент попискивающей в автоматическом режиме рации, беспрестанно передающей в эфир сигналы «SOS».

Оглядевшись вокруг, он увидел металлический шкафчик со множеством выдвижных ящиков, в одном из которых обнаружились инструменты. Пухляк выбрал самую длинную отвёртку, оценивающе повертел её в руках, выглянул за дверь и приблизился к пульту. У него был такой вид, как будто он в первый раз в жизни решился подоить живую корову. Лицо и ладони у него вспотели, коленки ходили ходуном.

Ещё раз осторожно выглянув за дверь, он решительно шагнул вперёд, опустился на колени и засунул длинное жало отвёртки в узкую щель под лицевой панелью пульта.

Натыкаясь на невидимые хрупкие препятствия и обрывая провода, он энергично завертел отвёрткой в электронных внутренностях.

Что-то щёлкнуло, заискрило, и пульт погас.

Пухляк вскочил на ноги, быстро сбежал по ступенькам и, порывисто дыша, стал красться на дрожащих ногах по коридору.

В тёмной кают-компании он задержался, с тем чтобы попить водички — в горле у него совершенно пересохло, — и сделал несколько шагов на ощупь в сторону буфетной стойки.

И тут произошло ужасное: в темноте он налетел на заполненную стопками тарелок и стаканов сервировочную тележку.

В тишине разразился оглушительный грохот бьющейся посуды. А сам Пухляк, не удержав равновесия, повалился на осколки. Тут его первый и последний раз в жизни выручил спасательный жилет, который не дал осколкам поранить его тело.

От шума все проснулись. Зажёгся яркий свет, и сбежавшиеся в кают-компанию путешественники окружили виновника происшествия.

В руке у Пухляка была отвёртка, о которой он совершенно позабыл и всё ещё сжимал в кулаке.

— Ты что, сдурел? — закричал на него Взломщик. — Ты что тут бродишь, как медведь-шатун?

— Во-одички... — заикаясь от страха, пролепетал Пухляк. — Водички по-опить...

— А отвёртка тебе зачем?

— Отвёртка?.. А-а... нашёл. На полу.

— Это, видать, я обронил. Давай сюда.

Пухляк с готовностью протянул Взломщику отвёртку, тот помог ему подняться с пола, и все сбежавшиеся, позёвывая и почёсываясь, начали расходиться по своим каютам.

Вернувшись к себе, Пухляк лёг в койку и стал ждать разоблачения. Но время шло, всё было тихо, его никто не трогал. Под утро он всё-таки забылся тяжёлым сном без сновидений. «Наверное, Взломщик пошёл спать и ничего не знает, — напоследок подумал Пухляк. — А завтра я буду от всего отказываться...»

Но Взломщик не сразу пошёл спать, а заглянул по привычке в капитанскую рубку. Там всё было в норме: пульт управления светился и перемигивался разноцветными огоньками, локатор за истекшее время не засёк никаких движущихся объектов.

В работу электронной системы управления автоматически подключилось резервное питание.

Глава десятая

Остров появляется и исчезает.

Оптический пузырь.

Вокруг, вдоль берега.

Наутро, к величайшему удивлению Пухляка, разоблачения его вредительской деятельности не последовало. Он даже подумал, не приснилось ли ему всё, что произошло минувшей ночью. Однако гора перебитой посуды, а также упрёки девочек, занимавшихся уборкой, подтверждали реальность случившегося.

После завтрака стали совещаться.

Взломщик сказал:

— Даже если острова Голубой звезды не существует, мы должны искать другой остров — тот, на котором находятся наши друзья и откуда приплыли Перец и Кренделёк.

Эти слова все единодушно поддержали. Судно снялось с якоря и двинулось вперёд на малом ходу. Все пассажиры, кроме Пухляка, столпились в капитанской рубке.

— Ничего не понимаю! — говорил Взломщик в недоумении. — Судя по координатам, мы находимся в непосредственной близости от острова. Мы должны его видеть!

— Выходит, никакого острова не существует, — разочарованно сказал Карлуша. — Зря только этому Крокусу поверили...

Не успел он договорить, как перед глазами путешественников вырос остров. Он словно возник ниоткуда в одно мгновение. Он был такой огромный и находился так близко, что все ахнули и попятились.

Остров имел конусообразную вулканическую форму. Подножие его раскинулось далеко вширь, а верхушка терялась в поднебесье.

Окаймлённый белой полосой прибоя берег в восточной части был пологий и песчаный. В западной — отвесный и скалистый. Сама гора примерно до середины была совершенно зелёная от растительности, но ближе к вершине состояла из голого камня.

Величие и внезапность появления этой громады потрясли человечков. Они стояли безмолвные и растерянные.

— Стоп машина! — опомнился Взломщик. — Что за ерунда такая! Откуда он взялся?

— Я слышала, — робко подала голос Зубрилка, — что бывает такое явление, которое называется мираж. Это когда над пустыней или над морем возникает видимость чего-то такого, чего на самом деле там нет.

— Да, да, — авторитетно подтвердил Карлуша. — Над морем это называется «летучий голландец».

— Да бросьте вы, — сказал Взломщик. — Я скорее поверю, что мираж — это мы сами. Но, если хотите, это не сложно проверить.

И он скомандовал себе «задний ход».

— Если это на самом деле мираж, то он, точно так же как эхо, должен появляться на одном и том же месте. Сейчас мы...

Не успел он договорить, как остров снова исчез.

До самого горизонта простиралась водная поверхность океана.

— Стоп машина! — крикнул Взломщик. — Самый малый вперёд!

Судно плавно, едва заметно, двинулось вперёд...

И остров появился.

Он был так близко, что можно было различить желтеющие под кронами пальм гроздья бананов.

— Ну как, опять мираж? — сказал Взломщик. — А вы когда-нибудь видели возле миража чаек? Чайки всегда летают вблизи от суши — в поисках пищи. Они что, по-вашему, оптическими иллюзиями питаются?

Взломщик дал самый малый назад и заглушил мотор. Судно пошло по инерции — так медленно, что казалось, будто оно вообще стоит на месте. И тут произошло совершенно необъяснимое: когда корпус вернулся в «критическую точку», все находившиеся в рубке заметили, что вслед за островом нос судна тоже на какое-то время исчез и затем вновь вырос.

— Понял! — крикнул Взломщик. — Всё понял! Оптический барьер! Тонкий, как мыльный пузырь, защитный слой делает остров невидимым! Вот почему его нет на современных картах. А в момент прохождения через этот слой делаются невидимыми предметы, находящиеся от нас в двух шагах!..

В то время как все стояли молча, силясь понять то, что сказал Взломщик, в коридоре на полу сидел Пухляк и бессмысленно тряс головой, словно конь, отгоняющий мух. До этого он всё утро лежал в койке, глядя в потолок и прокручивая в голове две-три простые и не очень приятные мысли. Когда же «Стрекоза» начала выписывать фигуры с передним и задним ходом, Пухляк встревожился, не произошла ли авария и не пора ли спасаться с корабля на катере или вплавь. Он надел второй спасательный жилет, вышел в коридор и двинулся по направлению к капитанской рубке. Поскольку Пухляк занимал одну из последних кают, перед ним открывалась перспектива длинного коридора. Когда же «Стрекоза» начала плавно пересекать оптический барьер, Пухляк увидел, как всё исчезло и перед ним, на месте устеленного ковровой дорожкой коридора, возникла морская бездна. Затем в течение нескольких секунд коридор вновь плавно «вырос», а Пухляк осел на пол и лишился чувств.

После нескольких таких экспериментов Взломщик вывел «Стрекозу» за оптический барьер в поле зрения острова и бросил якорь. Путешественники собрались в кают-компании для принятия решения. Подобранныго в коридоре Пухляка похлопали по щекам, дали попить водички и усадили в кресло, полагая, что у него продолжаются припадки лунной болезни.

— Ничего, ничего, я тут посижу... — слабым голосом лепетал Пухляк. — Ничего, это пройдёт... голова закружилась...

Первыми взяли слово Перец и Кренделёк. Прежде всего они нарисовали план острова. Он был почти совершенно круглый с высокой

конусообразной горой посередине. В южной части имелся причал, от которого вверх по склону шла дорожка к каменоломне и подземной фабрике. Налево от перекрёстка находилась бамбуковая хижина, в которой ночевали пленники.

Западная часть побережья представляла собой высокие отвесные скалы. Перец и Кренделёк прятались там в одной из многочисленных пещер. Там они сооружали свой плот, делая редкие вылазки за строительным материалом: сучками от поваленных ветром деревьев и сухими стебельками трав. Они обрабатывали сучья острыми осколками камней и перевязывали вымоченными в морской воде стебельками. Высохнув на солнце, травинки сокращались, крепко стягивая «брёвна» между собой.

Плот, по их словам, получился большой, крепкий и надёжный. Причиной катастрофы явилось то, что огромная волна ударила его оторвавший из воды камень. Перец и Кренделёк едва не захлебнулись, но, по счастью, ухватились за один из обломков. После этого их долго швыряло по волнам вверх-вниз и из стороны в сторону.

Что до северной части острова, то беглецы имели о ней очень смутное представление.

Взломщик предложил обойти остров по окружности вдоль побережья и рассмотреть его таким образом со всех сторон. А поскольку теперь может произойти всякое (при этих словах Пухляк вздрогнул), то он на всякий случай поместит радио в специальный непромокаемый и непробиваемый «чёрный ящик», который при любых обстоятельствах будет продолжать посыпать в эфир сигналы «SOS» с точно известными теперь координатами острова.

Раскинув солнечные батареи, «Стрекоза» двинулась в обход, а все пассажиры собрались на верхней палубе.

Западная скалистая часть берега была, как сыр, изъедена пещерами. Их было так много, что беглецы затруднялись ответить, где же именно они прятались и собирали свой плот.

Остальная видимая часть острова, который действительно имел почти правильную круглую форму, была сплошь покрыта зелёной растительностью. В одном месте из зарослей вился тонкий дымок костра, который, скорее всего, разожгли дикиари.

Сделав полный круг, судно возвращалось к исходной точке. И тут на склоне горы что-то ослепительно блеснуло. Перец и Кренделёк объяснили, что это и есть большой хрустальный шар, наблюдающий за работой пленников в котловане.

Посовещавшись, друзья решили дождаться темноты, завести «Стрекозу» в одну из укромных бухточек западного побережья и встать на якорь. А с рассветом произвести разведку в расположение неприятеля.

Глава одиннадцатая

Для побега необходим сообщник.

УстраниТЬ Карлушу.

Вдребезги.

Излишне говорить, насколько решение о высадке встревожило и озабочило Пухляка. «Бежать, бежать, бежать!..» — напряжённо стучало у него в висках. От волнения он почти лишился аппетита и за обедом ел чисто автоматически, без всякого удовольствия. К вечеру у него созрел план побега от своих товарищей. Но осуществить его в одиночку он боялся.

План заключался в захвате спасательного катера, который имелся в трюме и «выстреливался» при необходимости через специальную дверцу в борту судна на манер торпеды. Пухляк спустился в трюм, расчехлил катер и внимательно ознакомился с имевшейся там инструкцией. Затем он натаскал в багажное

отделение провизии, вернулся в каюту, лёг на койку и крепко задумался. Кого-то из пассажиров «Стрекозы» ему было необходимо склонить к побегу.

Сразу отбросив Взломщика, дам, беглецов, а также Карлушу как фигуру слишком одиозную и непредсказуемую, Пухляк сосредоточил внимание на кандидатуре Чека.

Чек, так же как и Карлуша, был в своё время обижен руководством нынешней экспедиции. Чек был недоверчив, но спокоен, невозмутим и покладист.

Единственным видимым препятствием для экстренного сближения с ним был Карлуша. И это препятствие до наступления темноты следовало разрушить.

Высунув голову в коридор и убедившись, что поблизости никого нет, Пухляк двинулся в носовую часть судна. В кают-компании играли в шашки Перец и Кренделёк. Перестав робеть, эти двое оказались гномами весёлыми и острыми на язык. Они принесли с собой на «Стрекозу» шутки и смех, которых путешественникам так недоставало в последнее время.

Излюбленным объектом для их розыгрышей стал Пухляк. То они подсовывали ему за обедом соль вместо сахарного песка, и Пухляк отхлёбывал солёный чай, то ставили на дверь кружку с водой, и беднягу окатывало с ног до головы... А уж насмешек и обидных прозвищ он наслушался столько, сколько не слышал за всю свою жизнь на улице Солнечных зайчиков.

Чрезвычайно опасаясь, как бы Перец и Кренделёк его не заметили, Пухляк, стараясь ступать как можно тише, прокраился мимо кают-компании. Увлечённые шумной игрой шашками в «щелчки», человечки его действительно не заметили, а может быть, просто не обратили на него внимания. Непринуждённой походкой Пухляк двинулся дальше по коридору и остановился у каюты доктора Глюка.

Здесь он огляделся, прислушался — и юркнул за дверь.

Прислонившись спиной и затылком к двери изнутри, он замер.

Затем он поставил на стол и раскрыл докторский чемоданчик Глюка. Отыскав среди прочих медикаментов коробочку таблеток с надписью «СНОТВОРНОЕ», Пухляк сунул её в карман пижамы, закрыл чемоданчик и поставил на место.

С такими же предосторожностями он вернулся в свою каюту.

За ужином все собирались в кают-компании.

В то время как путешественники возбуждённо обсуждали предстоящую высадку, Пухляк, потянувшись за солью, незаметно уронил в стоящий перед Карлушей стакан чая раскрошенную пилюлю снотворного. При этом он так волновался, что едва не смахнул тарелку.

— Ну ты, потише! — прикрикнул на него Карлуша. — Спишь на ходу?

Пухляк промолчал, как-то загадочно взглянув на него исподлобья.

А Перец с Крендельком не преминули отпустить шуточку насчёт того, что по возвращении домой Пухляку непременно стоит поступить в цирк и жонглировать тарелками, стоя на канате.

После ужина Карлуша принял отчаянно зевать и клевать носом. Несколько раз он ронял голову на грудь, снова вскидывал, бессмысленно таращился на свет и протирал глаза. Дело кончилось тем, что он ударился лбом о край стола и заявил, что, пожалуй, пойдёт немножко поспит у себя в каюте.

Пухляк, который только этого и ждал, тут же подсёл к Чеку и завёл издалека разговор.

— Ну, как тебе?

— В смысле — что как? — не понял Чек.

— Ну, вообще... путешествие.

— Ничего себе, — нехотя ответил Чек. — Кормят прилично.
— Ну а так... вообще? — Пухляк с трудом подыскивал нужные слова.

Последовала бессмысленная пауза, во время которой Чек отвернулся и заговорил с Зубрилкой.

Пухляк вежливо подождал несколько минут, а затем ласково, но настойчиво похлопал Чека по плечу:

- Эй, Чек!
- Ну, чего тебе?
- Ты того... погоди, поговорить надо.
- Ну, говори.
- А этот остров тебе как?
- Остров как остров.
- Роботы с дикарями, небось, только и ждут...
- Да ну их, Взломщик что-нибудь придумает.
- А как не придумает? Тогда уж спасать некому будет.
- Почему некому? Скоро прилетит ракета, спасать.
- Ракета бы давно уже прилетела, — возбуждённо зашептал Пухляк. — Рация неисправна!
- Ты думаешь?.. — недоверчиво покосился на него Чек.
- Конечно! Конечно! — ухватился Пухляк за его нерешительность. — Они здесь только делают вид, что всё хорошо... Надо их всех спасать, всех!..

— Это как же?

— Ты пойми: через пару часов «Стрекоза» причалит к острову, нас тут же всех схватят и тогда некому будет сообщить нашим!..

— Как же ты хочешь сообщить?

— Мы с тобой сядем в катер и вдвоём отправимся за подмогой. Мы сами возглавим спасательную экспедицию и вернёмся сюда уже не как пленники, а как спасители, как герои!

Это был сильный аргумент, и Чек на минуту задумался.

— Наверное, надо поговорить с Взломщиком, — сказал он, так ничего и не придумав.

— Ты сошёл с ума! — с удвоенной горячностью зашептал Пухляк. — Нас сразу изолируют, сразу!

— Кого это нас? — Чеку не понравился такой поворот. — Я ещё пока сам по себе. Сейчас пойду и всё расскажу Взломщику.

Пухляк почувствовал, как строившийся им с такой осторожностью карточный домик из доводов и аргументов рушится от его собственного неловкого движения.

Придерживая Чека за рукав, он выложил свой главный козырь:

— А ты забыл, что вас сюда взяли только из жалости?..

Удар попал в цель.

— Почему это из жалости? — обиделся Чек.

— Потому что над вами все смеялись. Разве не так? А сейчас у тебя появился шанс отличиться. Вернёшься сюда на ракете и сам будешь над ними смеяться.

Чек растерялся. Его и Карлушу на самом деле сильно обидели, когда отняли плот и запретили путешествовать. Возможность реванша и эффектной победы над зазнавшимися, но теперь попавшими в беду насмешниками замаячила перед Чеком румяным яблочком змея-искусителя...

— Да пойми ты, садовая твоя голова, — продолжал Пухляк мягко давить на психику, — ты станешь героем, а они же будут тебя благодарить!

— Надо пойти разбудить Карлушу, — сказал Чек.

— Ни в коем случае! — зашептал Пухляк, присвистывая от возбуждения. — Ни в коем случае! В катере только два места, только два! (Это он соврал.) Если ты скажешь Карлуше, он сам поедет, а ты останешься!

— Ну вот ещё, так я и уступил ему своё место.

— Нам что, драки ещё не хватало? Пусть себе спит спокойно!

— Это тоже верно...

— Пошли!

Чек хотел ещё о многом расспросить Пухляка, но тот настойчиво тянул за рукав, и заговорщики незаметно для остальных, бочком-бочком, выбрались из кают-компании.

В это время Взломщик находился в капитанской рубке. Вечерняя мгла уже почти совершенно покрыла море и остров. Разумеется, что для автолоцмана не имело никакого значения, день сейчас или ночь. Но в ближайшие минуты судно предстояло завести в крошечную бухточку, развернуть среди торчащих из воды камней и поставить на якорь. Для осуществления такого маневрирования нужно было самому стоять у штурвала.

Взломщик включил невидимый с берега прожектор ночного видения и перешёл на ручное управление. Проделав несколько пробных фигур и убедившись, что судно подчиняется малейшему повороту штурвала, он вернул рычаг скорости в положение «стоп».

И тут произошло непонятное: «Стрекоза» послушалась команды капитана и продолжила движение.

Из положения «стоп» Взломщик повернул рычаг в положение «самый малый назад». Но, вместо того чтобы начать движение назад, судно рванулось в сторону, а затем вдруг закружилось на месте...

Вцепившись мёртвой хваткой в штурвал, Взломщик пытался выруть, но тщетно: «Стрекоза», не слушаясь руля, вела себя непредсказуемо.

Выбрав момент, когда судно на минуту угомонилось, Взломщик торопливо вскрыл переднюю панель пульта управления. В нижней части он сразу увидел вырванные с корнем пучки тончайших проводов и искорёженные хрупкие участки схемы. В ужасе он схватился за голову. В дверях появились растерянные пассажиры.

«Стрекоза» рванулась с места и, набирая скорость, пошла прямо на скалы.

— За борт! — закричал вне себя Взломщик. — Все за борт! Через минуту расшибёмся в лепёшку!

Не успев ничего понять, все кинулись к входному люку.

— Жилеты! — закричал им Взломщик. — Надевайте спасательные жилеты!

Он для примера первым схватил один из сложенных под трапом жилетов, надел его и открыл люк.

Снаружи свистел ветер, внутрь судна полетели солёные брызги.

В несколько секунд пассажиры один за другим выскочили наружу и бултыхнулись в воду. Последними были Пухляк, Карлуша и Чек. Тревога на судне началась ещё до того, как заговорщики успели спуститься в трюм, и Чек первым делом бросился будить Карлушу. Пухляк же, буквально раздираемый противоречивыми порывами, некоторое время метался по коридору, не в состоянии решить, куда бежать: к катеру в трюм или к раскрытыму люку в носовую часть. В результате он оказался перед люком самым последним. Даже не успевший толком проснуться Карлуша, а также Чек успели кувырнуться наружу раньше него.

И тут возникла очень опасная заминка: в двух своих спасательных жилетах Пухляк никак не пролезал в люк.

— Снимай! — закричал на него Взломщик.

Пухляк скинул верхний жилет, но даже и в одном не смог протиснуться.

Опасаясь, что Пухляк застрянет намертво, Взломщик схватил его за ноги и рывком втянул обратно.

Дело шло на секунды. Тёмные громады скал надвигались устрашающе быстро, а взбесившаяся «Стрекоза» мчалась прямо на них, всё больше увеличивая скорость.

— Снимай! — закричал Взломщик. — Снимай, пропадёшь!

Пухляк иногда умел очень быстро соображать. Он моментально скинул жилет и выскочил наружу. Следом за ним, в последний момент, прыгнул и Взломщик.

Тут же раздался оглушительный грохот и скрежет.

Ударившись о скалы, «Стрекоза» перевернулась в воздухе и обрушилась вниз, застряв среди торчавших на мелководье камней.

Через несколько секунд после катастрофы Взломщик почувствовал, что за его спасательный жилет кто-то ухватился. Это был Пухляк. Пухляк был толстеньkim гномом, а толстенькие, как известно, не тонут. Однако любой, не очень хорошо умеющий плавать, может в воде захлебнуться по неосторожности. До берега было рукой подать, и все потерпевшие крушение пассажиры «Стрекозы» вскоре выбрались на прибрежные камни.

«Чёрный ящик» оказался на дне. Но находившийся внутри радиопередатчик продолжал автоматически посыпать из-под воды сигналы бедствия.

Глава двенадцатая

Первая ночь на острове.

Удивительные свойства термоса.

Обустройство сухопутной стоянки.

В одном из своих многочисленных карманов Взломщик разыскал маленький непромокаемый фонарик и сигналил им в темноту до тех пор, пока все потерпевшие бедствие не собрались на небольшой каменной площадке. Над ними была отвесная скала, внизу — вода.

По счастью, никто не потерялся, море было спокойное, а ночь тёплая и безветренная.

Сушить одежду было некогда и негде; устроившись на толстых спасательных жилетах, путешественники кое-как переночевали.

С рассветом перед ними открылась прискорбная картина: «Стрекоза» лежала на камнях, перевёрнутая на бок. Солнечные батареи отлетели, по правому борту судно было наполовину затоплено водой.

Неподалёку на лёгкой волне покачивался катер — тот самый, на котором Пухляк намеревался совершить побег. От удара катер самопроизвольно «выстрелился» и теперь был на плаву, целый и невредимый.

Пухляк мгновенно сообразил, что в катере имеются запасённые им же самим продукты питания. Сообразив что к чему, он вызвался лично сплавать к катеру, включить мотор и подогнать его прямо к подножью скалы.

Удивившись такому героическому порыву, его всё же похвалили, надели на него два спасательных жилета и спустили в воду. Под аккомпанемент ободряющих возгласов и советов, доносившихся с берега, Пухляк добирался до катера, с восьмой попытки вскарабкался на борт и надолго исчез в глубине багажного отсека.

Несколько раз его окликали, и несколько раз Пухляк сдавленным голосом отвечал «сейчас, сейчас!..».

С трудом перевалившись через ряды мягких сидений, он взгромоздился на место водителя, завёл мотор и на самом медленном ходу осторожно подрулил к площадке.

Все запрыгнули на борт, Взломщик сел за руль и направил катер к «Стрекозе», чтобы хорошенъко осмотреть повреждения.

— Что же ты мне врал, — возмущённо зашептал Чек, обращаясь к Пухляку, — что в катере только два места?

— Тише, тише! — зашипел на него Пухляк. — Я тебе потом всё объясню, потом!..

— Что это вы шепчетесь? — громко сказал Карлуша.

Благодаря снотворной таблетке он отлично выспался и теперь чувствовал себя, наверное, лучше всех. В воде только что выловили его любимую клетчатую кепку, и она сушилась на носу катера.

— А мы не шепчемся, — настороженно сказал Пухляк. — Просто я говорю Чеку, что видел в багажнике какие-то съестные припасы. Вот я и предлагаю всем позавтракать.

— А, это правильно, — согласился Карлуша. — Лопать ужас как хочется!

Достав съестные припасы, путешественники принялись закусывать и пить чай из огромного термоса, который тоже обнаружился в багажном отделении.

— Вот чудеса! — говорил Карлуша, уплетая за обе щёки. — Мы уже неделю в пути, а чай всё ещё горячий. Вот какие замечательные термосы стали делать!

При этих словах Пухляк, который тоже не спеша закусывал по второму кругу, поперхнулся и закашлялся. А Взломщик, оглянувшись, посмотрел на него как-то нехорошо.

Прежде всего нужно было найти подходящее место для сухопутного лагеря. Вскоре такое место было найдено. Катер зашёл в щель, за которой открывался высокий и просторный каменный грот с естественным бассейном посередине. Через щели пробивались лучи света и, отражаясь в колыхающейся воде, дрожащими бликами плясали на каменных стенах.

При детальном осмотре обнаружилось несколько ходов, ведущих неизвестно куда, и один сквозной лаз, выходящий наверх, наружу, почти у самой кромки отвесного берега.

Первую ходку на «Стрекозу» за уцелевшими вещами сделали Взломщик, Кроха и Зубрилка. Поскольку каюты Пухляка, Карлуши и Чека находились по правому, затопленному борту судна, эти трое решили, что делать им там особенно нечего. В гроте остались также Перец и Кренделёк, которые прибыли на борт совсем без багажа.

Больше всех результатами своей поездки на судно была обрадована корреспондентка Кроха: видеокамера и уже отснятый

материал ничуть не пострадали. Зубрилка тоже вернулась с набитой всякой всячиной сумкой, а также прихватила подушку, матрас и постельное бельё. Тут и другие смекнули, что дали маxу: спать на мокрых спасательных жилетах не самое большое удовольствие. И они тоже решили сгонять на «Стрекозу».

Катер курсировал взад-вперёд до самого вечера, и вскоре гrot стал напоминать склад готовой продукции: повсюду штабелями стояли ящики с консервами, бутылками, коробки с сухарями, подмоченные мешки с крупой, мукой, сахаром и сухофруктами; инструменты, электронное и механическое оборудование и даже вездеход инженера Циркуля в разобранном виде. Взломщик также перевёз в пещеру главный судовой компьютер, обладавший противоударными свойствами и нисколько не пострадавший во время аварии.

Осмотр судна изнутри показал, что благодаря своей сверхпрочной обшивке из космического сплава корпус не получил ни трещин, ни вмятин. От сильного удара отлетели раскрывающиеся створки с солнечными батареями, но пластины почти все удалось разыскать на мелководье и сложить на палубе. «Стрекозу» можно было полностью восстановить, но для этого требовалось время, а теперь никто не мог уверенно предсказать, как сложатся обстоятельства даже в ближайшие минуты...

Пока ещё совсем не стемнело, друзья стали обустраиваться на ночлег. Взломщик натянул повсюду нитки, которые соединил с колокольчиком. Любой гном или животное, сделавшие попытку проникнуть в гrot, неминуемо задели бы одну из ниточек, и звон колокольчика тут же перебудил бы всех спящих.

При свете лампы, горящей от аккумулятора, путешественники разложили матрасы, подушки и постельное бельё, поужинали и легли спать.

Незадолго до того Пухляк приблизился к Чеку и шепнул:

— Видишь, как пригодился катер? Если бы я его там, в трюме, не подготовил, он бы наружу просто так не выстрелился. Нам с тобой ещё все спасибо скажут!

Чеку не нравилось, что Пухляк считает его своим союзником и говорит «мы». Теперь он горько сожалел о том, что проявил слабость и поддался на уговоры. Больше всего он боялся, что это дело как-нибудь получит огласку.

— Слушай, — прошептал он, — ты это... лучше про меня никому не рассказывай. Пусть лучше думают, что ты один такой герой...

Пухляка это устраивало. Теперь он мог быть уверен, что разоблачения со стороны Чека не последует.

— Ладно, ладно. Я никому не скажу, — пообещал он. — Только ты, главное, сам никому не проговорись.

На том и порешили.

Глава тринадцатая

Ночной визитёр.

Чек не может заснуть.

Пухляк засыпает, но лучше бы он бодрствовал

Ночью Карлуша проснулся от какого-то неясного ощущения. Ему казалось, что кто-то откуда-то на него смотрит. Он незаметно приоткрыл один глаз и при свете дежурной лампы сразу увидел того, кто на него смотрел. Это был совершенно незнакомый ему бородатый гном, спрятавшийся в одном из уходящих в глубину скалы отверстий. Незнакомец с интересом разглядывал путешественников и их многочисленный багаж.

Пытаясь увидеть как можно больше, гном высунулся чуть дальше, чем следовало, и задел протянутые Взломщиком сигнальные ниточки. Тут же зазвенел колокольчик, и любопытный гость в одно мгновение исчез.

Все проснулись и начали расспрашивать друг друга, что случилось.

Карлуша рассказал о том, что видел.

Пухляк запаниковал и стал требовать, чтобы его немедленно отпустили домой на катере. Взломщик обратил внимание на то обстоятельство, что гном сам убежал, по-видимому испугавшись. А значит, бояться нечего и вполне возможно, что это какой-нибудь еще один скитающийся по острову беглец.

Барышни заявили, что, кто бы это ни был, им теперь всё равно будет казаться, что за ними отовсюду подглядывают, а это для них крайне неприятно. Взломщик пообещал в ближайшее время обследовать пещеры и, если возникнет необходимость, заложить выходы камнями.

После этого все снова улеглись спать.

Но заснуть теперь было уже не так просто. Путешественники ворочались с боку на бок, вздыхали, шептались, а Пухляк изредка стонал от обрушившихся на него невзгод.

— Слышишь, как переживает, — шепнул Карлуша Чеку. — Наверное, всё-таки не надо было брать его в путешествие.

В ответ послышался вздох.

Постепенно все затихли, и только Чек продолжал ворочаться с боку на бок. Хорошо выспавшийся накануне (благодаря сноторойной таблетке) Карлуша сказал:

— Ты чего не спишь?

— Да так... Что-то не спится. Как ты думаешь, почему ракеты до сих пор нет?

— Наверное, что-нибудь с радиосвязью, — предположил Карлуша.

- А почему же тогда никто не отправился к нашим на катере?
- Ха! На катере отсюда не доплыть.
- Почему не доплыть?!
- Тише ты, перебудишь всех. Там энергии всего на два часа

ходу.

- А потом?
- Потом надо подзарядиться.
- В море?..
- Чудак, где же ты в море найдёшь электрическую розетку?

Только тут, на берегу, от дизеля.

- Что же будет, если там, в море?..
- А что будет? Уже ничего не будет. Волной накроет — и ко дну.

На несколько минут оба замолчали.

- А з-зачем же он т-тогда?.. — Чек начал заикаться.
- Что з-зачем? — передразнил Карлуша. — Катер зачем?
- Да, к-катер.
- Ну там, туда-сюда...
- Ку-уда?..
- Слушай! — Карлуже надоел такой разговор. — Ты чего ко мне пристал? Или нормально разговаривай, или спи!

И Чек наконец решился. Он сбивчиво рассказал о том, как Пухляк собирался бежать на катере и подговаривал его самого.

- Вот гадина! — выслушав, стукнул по камню кулаком Карлуши. — А ты что?
- Я?.. Я-то, конечно, отказался, — соврал Чек.
- Это понятно... А почему раньше не рассказал?
- Так ведь мы в кораблекрушение попали.
- Да, верно. Я тогда чуть не проспал, хорошо, что ты меня разбудил. Пойду-ка дам пару раз по шее этой толстой гадине...

В это мгновение Пухляк вдруг тонко и пронзительно закричал.

Крик его разнёсся под сводами, разошёлся по уходящим вглубь каменным пещерам и вернулся жутким многократным эхом.

Все опять вскочили и, установив источник шума, окружили мокрого от страха и взъерошенного Пухляка. Ослабшей рукой он тряс в сторону темнеющего в стене отверстия и силился что-то произнести. Ему побрызгали на лицо холодной водой, похлопали по щекам, и только тогда, ко всеобщему облегчению, выяснилось, что Пухляк всего-навсего увидел очередной страшный сон.

Как утверждает наука, сны чаще всего делятся несколько минут или даже секунд, хотя утром нам кажется, что сон продолжался всю ночь. Этим объяснялось то, что Пухляк успел увидеть столь поразившие его картины за столь короткое время.

Перед тем как спутанные мысли в его голове начали превращаться в смутные образы, до него случайно донеслась фраза Карлуши «волной накроет — и ко дну». С нею он и заснул.

И это был самый страшный и загадочный сон в его жизни.

...Вот Пухляк, вернее, не сам Пухляк, а как бы его полупрозрачное астральное тело оторвалось от спящего и поднялось на ноги. (Поскольку телом называть этот фантом не совсем удобно, будем его всё-таки называть Пухляком.)

Итак, Пухляк поднялся и шагнул в глубину пещеры за незнакомцем, который пальцем манил его за собой.

Они спускались всё ниже и ниже, не торопясь и не произнося ни звука. В отблесках красных языков пламени во впадинах тяжёлых каменных стен виднелись затянутые паутиной, щёлкающие зубами скелеты, а под ногами с писком проносились стаи огромных крыс.

Почему он послушно шагал за этим гномом, Пухляк и сам не знал. Какая-то неведомая сила влекла его, и повернуть назад было невозможно.

Провожатый спускался всё ниже, и гладкая каменная поверхность под ногами вскоре превратилась в отшлифованные временем ступени.

Когда они добрались до самого центра Земли, стены вдруг расступились и Пухляк оказался в пространстве столь огромном, что сводов и границ его не было видно.

Повсюду клубился пар с неприятным серным запахом.

На входе рычала собака, глаза у которой были величиною с тарелки, а шерсть горела огнём. Она отошла в сторону, уступая дорогу, и Пухляк вдруг понял, что назад она его уже не выпустит.

В дымке полумрака поблескивала подземная река, на которой качался прицепленный верёвочкой катер.

Пухляк запрыгнул в катер и помчался вниз по реке, в надежде, что как-нибудь выплынет из этого ужасного места.

Позади оставались сотни и тысячи километров, но он никуда не попадал, а с противоположных берегов к нему тянули лапы два страшных чудовища.

Вдруг река вспыхнула огнём. Пухляк стал биться и задыхаться в языках пламени.

Потом река вдруг оледенела, и катер заскользил по поверхности льда. Чей-то голос прогремел под высокими сводами: «Видишь, это оледенели слёзы всех тех, кого ты обидел!..»

Впереди река проваливалась водопадом в бездну, оттуда клубился дым. Пухляк стал искать в катере спасательные жилеты, но в рот ему полезли многочисленные продукты из багажного отделения...

Тут катер на всём ходу врезался в торчащий у самой кромки водопада камень, его накрыло волной, он разлетелся на куски, и Пухляк с воем полетел в чадящую огнём и дымом бездну.

Глава четырнадцатая

Таинственная находка.
Пухляка похитили дикари.
На костре...

Утро началось с того, что путешественников залило тёплым тропическим дождём, который хлестал изо всех дыр в сводах пещеры. Дождь быстро закончился, не причинив вреда ни путешественникам, ни грузу. Но одно обстоятельство привлекло всеобщее внимание: из отверстия той самой пещеры, из которой ночью выглядел незнакомец, словно из водосточной трубы, хлынула вода. Взломщик высказал предположение, что вода, стекающая со склона, собирается в большой луже, а затем устремляется через отверстие в пещеру. То, что вода хлынула не сразу, а только минут через десять, могло означать то, что ей пришлось преодолеть довольно значительное расстояние. Если бы в этот момент кто-то находился в пещере, стремительный поток смыв бы беднягу как сухой листок.

После утреннего чая Взломщик объявил, что желающие могут совершить вместе с ним первую вылазку на остров. Такое желание выразили все, кроме Пухляка, и вскоре путешественники собрались на расположенной высоко над морем скалистой кромке. После долгого сидения в «Стрекозе», а затем в каменном гроте все буквально зашатались от обилия воздуха, света и открывшихся красот. До самого горизонта синело море, то там, то здесь перекатывались белые барашки волн. Лучи поднимающегося с востока солнца придавали объёмную форму редким, низко плывущим причудливым облакам. А над ними, чем ближе к западу, тем глубже, проваливалось в космос бездонное небо.

Взломщик прицепил к палке носовой платок и закрепил этот флагок у входа в лазейку.

Путники двинулись в северо-западном направлении вдоль побережья, выбирая не очень заросшие участки и постепенно поднимаясь вверх по склону. Там, где растительности совсем не было, уже начинало припекать солнце, а в некоторых местах, под сенью папоротников и густо переплетённых лиан, было почти совсем темно и сырьо.

К полудню они вышли на большую поляну, где, к своему удивлению и радости, увидели деревянные постройки. Это была целая деревня из бамбуковых хижин, плотно окружённая лесом и каменными глыбами.

Путники осторожно приблизились и только теперь разглядели, что жители покинули это место давным-давно. Полуразрушенные хижины оплели лианы, а дорожки заросли высокой травой.

Внутреннее убранство жилищ оказалось весьма примитивным: кое-как сработанная мебель, циновки и глиняная посуда. Всё было затянуто паутиной, на полу валялись сухие дохлые муhi. Гномы обследовали хижины одну за другой, но не нашли ничего примечательного.

Уже возвращаясь обратно, по чистой случайности, обнаружили нечто действительно из ряда вон выходящее. Под ветхим запылившимся покрывалом стоял металлический ящик. Кроха поставила на него ногу, чтобы перевязать шнурок. Такой предмет никак не вписывался в окружающую обстановку примитивной жизни аборигенов.

Во время осмотра ящик, а вернее, контейнер, оказался не металлическим, а сработанным из неизвестного материала, похожего на чрезвычайно прочный пластик.

Контейнер имел кодовый замок, с которым Взломщик без особого труда справился.

Откинув крышку, друзья увидели аккуратно уложенный комплект космического оборудования: скафандр, комбинезон, баллон со сжатым воздухом, сапоги и перчатки. В особом отделении имелся набор инструментов и деталей, плоская коробочка с металлическим диском, фонарик и даже «аптечка» для заклеивания повреждений в герметическом комбинезоне.

Путешественники окружили сундук, не веря своим глазам.

— Ну и дела! — сказал Карлуша. — Выходит, они всё-таки инопланетяне. А ты говоришь «допотопная техника»! — передразнил он Взломщика.

— Я про их летающее блюдо говорил, — возразил тот. — А это совсем другой уровень. Сразу видно, что издалёка. На керосине-то далеко не улетишь!

— Может, они лунатики? — предположила Зубрилка.

— Ящик пролежал здесь лет пять или все десять, — возразил Взломщик. — Тогда не то что лунатики, а даже земные гномы в космос ещё не летали. Возьмём эти вещи с собой, в лагере рассмотрим хорошенько; может, что-то и прояснится.

Перец и Кренделёк взяли ящик за имевшиеся с двух сторон ручки, и путешественники двинулись в обратный путь.

Выйдя из зарослей на поросшую колючими кустарниками проплещину на склоне, друзья остановились, и Взломщик поднёс к глазам бинокль. Весь юго-западный берег отсюда хорошо просматривался, но платочка-маяка почему-то не было видно.

— Странно, — сказал Взломщик. — Куда он подевался?..

Путники двинулись дальше, ускорив шаг на пологом склоне. Дорогу хорошо помнили, найти место отправления не составило труда.

— Вот здесь я установил шест, — уверенно говорил Взломщик, показывая на щель между камнями. — Вот, даже следы остались. Его отсюда точно вытащили. Кто же это мог сделать?..

— Погодите, — вспомнила Зубрилка, — ведь мы оставили в пещере Пухляка. Наверное, он должен знать, куда подевался наш флагок.

Путешественники спустились в грот, но ни Пухляка, ни флагка там не обнаружили.

— Наверное, он пошёл погулять, а фляжок снял просто так, по незнанию, — предположила Кроха.

— Да, как же, — проворчал Карлуша. — Так он и пошёл гулять. Спрятался где-нибудь, да и уснул...

Тут только все заметили на камнях множественные следы босых ног. Натянутые Взломщиком сигнальные нитки были оборваны. Очевидно, дикии успели нанести ответный визит.

В катере обнаружилась постель Пухляка, в которой он, по всей видимости, спал. Но сам он бесследно исчез.

В то время как все разбрелись на поиски пропавшего, Взломщик начал торопливо выносить наверх разобранный по частям вездеход инженера Циркуля.

— Простите, вы собираетесь на нем ехать? — поинтересовалась Кроха.

— Прокачусь наверх, поближе к вершине, — отвечал Взломщик. — Оттуда должен быть хороший обзор.

— Вы что же, думаете, что гнома оттуда будет легче разглядеть?

— Гнома оттуда в зарослях, конечно, не разглядеть. А вот дым от костра я, скорее всего, где-нибудь увижу.

Кроха стала соображать. Те, кто оставили следы на месте стоянки, прошли по белой глине, которая была наверху. Значит, они явились не с моря и не из пещеры, а с поверхности острова. А кто ещё на острове может ходить босиком, как не дикии?..

— Я поеду с вами, — требовательно заявила Кроха.

— Ну вот ещё, — поморщился Взломщик. — Вы что же думаете — это прогулка? Придётся заехать на гору по довольно крутым склонам, тут нужна хорошая спортивная подготовка.

— Подготовка имеется, — сказала Кроха.

И по тому, как она это сказала, Взломщик понял, что спорить бесполезно.

Закончив сборку, он выдал дамочке шлем, и оба уселись на сидение вездехода.

— Держитесь крепче! — предупредил Взломщик, газуя на холостом ходу.

Подняв тучу пыли, гусеничный мотоцикл рванул вверх по крутым склону, по камням и колючкам, объезжая стороной густые заросли. Кроха изо всех сил вцепилась в Взломщика, обхватив его руками, чтобы не кувыркнуться вниз.

Когда они поднялись достаточно высоко, Взломщик вырулил на скалистый уступ и дал по тормозам.

Отсюда была видна почти вся юго-западная часть острова: густые заросли, проплешины с колючками, протянувшийся высоко над морем каменистый берег. Но вот справа от них из-под зеленеющих крон деревьев взвился тонкой струйкой дымок от костра.

Взломщик и Кроха вскочили на вездеход и помчались по склону к другой площадке, расположенной прямо над источником дыма. Отсюда хорошо просматривалась небольшая поляна, на которой суетились голые, бронзовые от загара гномы.

Взломщик поднял к глазам бинокль.

Сначала он мучительно долго шарил объективом по совершенно не тем камням и кустам, которые приблизились к нему вплотную. И только после того, как он несколько раз отвёл и вновь приставил к глазам бинокль, ему удалось попасть в нужную точку.

Взломщик навёл резкость и увидел картину, от которой волосы под шлемом у него зашевелились.

Вокруг костра на поляне сидели дики и... жарили над огнём пленника.

Бедняга Пухляк, одетый в свою полосатую пижаму, словно колбаска был привязан к бамбуковому шесту с сигнальным платочком на конце, а шест держался на двух торчащих из земли рогатинах. Время от времени дики поворачивали пленника вокруг оси — вероятно затем, чтобы он равномернее припекался со всех сторон.

Не говоря ни слова, Взломщик и Кроха вскочили на вездеход и помчались напролом через заросли вниз, в сторону ужасной поляны.

— Давите! Давите их всех!.. — кричала вне себя Кроха, не замечая хлеставших её по рукам и ногам ветвей и колючек.

Пробившись через заросли, вездеход на полном ходу вылетел на поляну, ударился о поваленное дерево и перевернулся. Взломщик и Кроха, описав в воздухе дугу, слёпнулись неподалёку от костра и потеряли сознание.

Глава пятнадцатая

Туземцы.

Дружественный визит.

Дух горы желает видеть гномов

Первое, что увидел Взломщик, когда открыл глаза, было Пухляк — целый и невредимый, кушающий кусок пирога. Пирог был, по всей видимости, горячий, так как Пухляк дул на него и перекладывал из руки в руку. «Откуда пирог?» — почему-то подумал Взломщик, затем всё вспомнил, подскочил и огляделся по сторонам.

Перед ним на земле большим полукругом сидели голые гномы — те самые дикари, которые...

— Один очухался, — сказал Пухляк и назидательно добавил: — Это тебе не педальный автомобиль, это современная техника, с ней надо обращаться поаккуратней. Ещё неизвестно, как отнесётся к этому самоуправству настоящий владелец вездехода...

«Что он несёт... — подумал Взломщик. — Или... всё померещилось?..»

Он изо всех сил ущипнул себя за ногу, желая убедиться, что происходящее не сон и не галлюцинация.

— Это наши новые друзья, — Пухляк кивнул на голых гномов и начал их представлять одного за другим. — Вот этот — Ястребиное

Перо, мудрейший и возлюбленный руководитель. Этот — Хитроумный Уголёк, этот — Жало Змеи, этот — Орлиный Коготь...

И Пухляк перебрал все пятнадцать имён одетых в юбочки из листьев и трав загорелых гномов.

«Когда же он успел выучить все имена...» — подумал Взломщик, но вскоре заметил, что сидящий рядом с Пухляком туземец усердно шепчет ему в ухо.

В это время зашевелилась и подняла голову Кроха. Посмотрела по сторонам, вскочила... И всё повторилось.

Когда Пухляк завершил представление вождя (на этот раз он был «справедливейшим из сильных»), а также перечисление имён всех гномов по второму кругу, Взломщик подал голос:

— Слушай, а что здесь было? Мы-то подумали, что они хотят тебя съесть.

Дикари уставились на Взломщика с выражением ужаса.

— Он был мокрый, и мы решили его посушить, — просто-душно объяснил гном по имени Хитроумный Уголёк — тот самый, который подсказывал.

После этого Пухляк наконец-то рассказал обо всём, что с ним случилось.

После того как все отправились на разведку вглубь острова, он, оставшись один, хорошенько подзакусил и лёг подремать. Но тут его стали одолевать тревожные мысли и страхи. Повсюду ему мерещились шорохи, шаги и голоса. Тогда Пухляк свернулся матрас с подушкой и одеялом, схватил в охапку и залез в привязанный на верёвочке катер. Там он уютно устроился в трюме и, убаюканный шумом прибоя, а также лёгким покачиванием судна, начал погружаться в сладкий и безмятежный сон.

Именно тогда над его ухом раздался оглушительный свист. Это один из пробравшихся в пещеру туземцев обнаружил в катере гнома и дал сигнал остальным.

От неожиданности бедняга опрометью выскочил из своего нагревтого гнезда и угодил прямо в воду, где начал баражаться и звать на помощь.

Дикари привязали обезумевшего от страха Пухляка к шесту и принесли на поляну, где, не придумав ничего лучшего, решили его посушить возле костра.

Потом на поляне появились, или, что вернее, приземлились, Взломщик и Кроха. Туземцы их тщательно осмотрели, ощупали и, не найдя никаких видимых повреждений, оставили полежать на травке до тех пор, пока они сами не придут в себя. Обсохнувшего к тому времени Пухляка сняли с шеста и принялись угождать всякими вкусными вещами, от которых, и видя расположение окружающих, он успокоился и даже успел кое о чём поговорить с Хитроумным Угольком. В частности, Пухляк узнал, что пироги изготовлены из муки хлебного дерева, патоки и ягод; а также про то, что дикари не в ладах с роботами и готовы помочь «гномам с Большой земли» вызволить из плена своих друзей.

На Взломщика и Кроху этот рассказ произвёл самое благоприятное впечатление. Мало того что Пухляк отыскался целым и невредимым, сами местные жители, островитяне, оказались на их стороне и были готовы помочь.

Угостившись пирогом и запив его бодрящим травяным настоем, разлитым по заменявшим чаши половинкам скорлупы лесного ореха, Взломщик, Пухляк и Кроха поспешили в лагерь. Их друзья уже более часа находились в тревожном ожидании. А местные гномы пообещали утром наведаться в пещеру.

Гусеничный вездеход системы инженера Циркуля оказался на редкость прочным и нисколько не пострадал от удара. Взломщик и Кроха усадили Пухляка посередине, чтобы он как-нибудь не вывалился, и, выпустив облако дыма, под восторженные крики туземцев скрылись в густой чаще леса.

Прибыли в лагерь, когда уже начинало темнеть. Потерявшихся шумно встретили и выслушали их рассказ с величайшим интересом. Пухляка похвалили за храбрость и накормили вкусным ужином.

Ночь прошла спокойно.

Утром в пещере появились туземцы.

Они усадили своего «мудрейшего и сильнейшего» на камень и молча сгрудились сзади.

Рядом с вождём возник Хитроумный Уголёк, который состоял при нём кем-то вроде секретаря-переводчика. Вождь сделал знак, Уголёк наклонился к нему, выслушал, а затем громогласно объявил:

— Добрейший и справедливейший приветствует чужеземцев и желает знать, долго ли они пробудут в наших краях.

— До тех пор, пока не вызволим из плена наших друзей, захваченных роботами, — отвечал Взломщик.

Хитроумный Уголёк, наклонился к вождю, и тот повторил последнее сказанное Взломщиком слово.

— Роботами?.. — начал передавать Уголёк смысл сказанного. — Вы называете роботами тех железных истуканов, которые разрыли наш несчастный остров в поисках ни к чему не пригодных стекляшек, называемых алмазами? Милостивейший и скромнейший запомнит это слово. Однако наш возлюбленный руководитель не понимает, почему ваши друзья и все остальные пленники не разбежались от так называемых роботов? Возможно, им самим нравится сотрудничать с роботами и они вовсе не хотят, чтобы вы их оттуда вызволяли?

— Да они вас боятся! — разозлился Карлуша. — Эти роботы распустили слух, что вы ловите беглых гномов и съедаете.

Вождь с гневным видом поднялся и распрямил спину.

— Железные истуканы нас кровно обидели! — произнёс он громко и торжественно. — С этой минуты мы объявляем войну железным истуканам! Хук-хук! — крикнул он и вскинул над головой кулак.

— Хук-хук!! — закричали разом туземцы и подняли над головами бамбуковые копья.

Вождь уселся и все угомонились.

— Скажите, пожалуйста, — сказала Кроха, обращаясь к Угольку. — Вы случайно не знаете, куда может вести отсюда этот ход?

— И она указала на ту самую дыру, из которой лилась вода после дождя и из которой высовывался прошлой ночью незнакомец.

Обменявшись с вождём несколькими словами и жестами, Уголёк пояснил, что в остывшем вулкане живёт огнедышащий Дух Горы, который может рассердиться, если его потревожат.

— Но если он сам приходил, — настаивала Кроха, — значит, дух всё-таки не боится, что его потревожат?

— Как! — воскликнул Уголёк. — Он сам приходил к вам?

Быстро посовещавшись с любимым руководителем, Уголёк всё-таки уточнил ситуацию:

— Мудрейший говорит, что к вам приходил посланник Духа Горы. А это значит, что Дух Горы желает нас видеть. И мы должны отправиться к нему немедленно!

Туземцы взволнованно засуетились. Взломщик растерялся и стал уговаривать вождя отложить поход. Кое-как выторговав «четыре пальца пути солнечного зайчика» (что составляло не более четверти часа), собрали необходимое снаряжение. В лагере, на рации, остались Пухляк и Зубрилка.

Взломщик раздал мелки и велел по ходу всем делать отметки на стенах. Это было необходимо для того, чтобы на обратном пути не заблудиться и не ходить по кругу. Взяли также все имевшиеся электрические фонарики, верёвки и спасательные жилеты (на тот случай, если придётся пересекать какую-либо водную преграду).

Обвязавшись длинным прочным шнуром, чтобы в дороге никто не потерялся, вереница гномов скрылась в глубине пещеры.

Глава шестнадцатая

В пещере.

To, что летает, должно вращаться

Извиваясь и петляя, пещера уводила путников в глубь горы. Местами она расширялась, образуя просторные гроты, местами сужалась так, что приходилось ползти на четвереньках. Поверхность камня была отполирована дождями, которые обрушивали сюда потоки воды. А вода, как известно, со временем точит и разглаживает самые твёрдые камни. По этой же причине в пещере не водилось мышей, крыс, пауков, змей и прочей гадости.

Время от времени Взломщик вызывал по радио оставшихся в лагере, и под сводами тоннеля разносился его и Зубрилки диалог, звучавший приблизительно так:

- «Стрекоза», я Взломщик! Как слышно?.. Приём!..
- Взломщик! Я «Стрекоза»! Слышу тебя хорошо!..

А иногда что-нибудь ободряющее вставлял от себя и Пухляк.

Такие переговоры поднимали настроение гномов, они ощущали поддержку извне, и мрачные лабиринты пещеры уже не представлялись им такими безжизненными.

В дороге Карлуша разговорился с Угольком, который оказался общительным и любознательным, хотя не без странностей. Он спросил:

— Это правда, что вы приплыли на той большой лодке, которая недавно разбилась о скалы?

— Да, это точно мы, — отвечал Карлуша не без гордости. — Мы отправились путешествовать, но наших друзей захватили в плен, и теперь мы должны их выручить.

— Почему же вам не пришли на помощь другие гномы с Большой земли?

— Да ведь мы ждём эту помощь который день! Даже не понятно, почему ракета до сих пор не прилетела.

— Что это — ракета?

— Ракета?.. Ну, это такая штука... такая большая железная лодка.

— Вроде той, на которой вы приплыли?

— Вот-вот, вроде той. Только она летает по воздуху.

— Летает то, что круглое и вращается.

— Вращается?..

— Очень быстро. Так быстро, что окружающее пространство меняет физические свойства.

— Чего-чего?..

Уголёк поморщился и потёр лоб.

— Простите, я сказал какую-то бессмыслицу. Наверное, вчера напекло солнцем голову...

Меж тем путники остановились перед впадиной, образующей на пути бассейн с дождевой водой. Тут пригодились спасательные жилеты, и гномы легко переправились на другую сторону.

Поёживаясь от прохлады, двинулись дальше по каменному тоннелю, который всё круче уходил вверх. Теперь уже никто не жаловался на холод. Наоборот, пот со всех катил градом.

Добравшись до просторной площадки с высокими сводами, решили на время остановиться и передохнуть. Тут обнаружилось, что рация перестала принимать сигналы: из динамиков доносился неприятный несмолкающий шум помех.

— Наверное, здесь залегают железистые породы, — высказал предположение Взломщик. — Они-то и препятствуют прохождению радиосигнала.

Это подтверждалось и тем, что стрелки компасов, вместо того чтобы указывать на север, бессмысленно вертелись.

Снова собравшись вместе, путники двинулись дальше.

По дороге Уголёк рассказал Карлуше, что туземцы когда-то жили в той самой ныне заброшенной деревне. Однако вопросов о найденном там космическом снаряжении он совершенно не понимал.

Тоннель теперь постоянно расширялся и всё круче уходил вверх. Ещё через несколько минут впереди забрезжил свет.

Глава семнадцатая

Летательный аппарат.
Сверло разгоняется и ударяет.
Если не догонят, то смоет...

При помощью верёвки гномы один за другим выбрались на дно остывшего кратера вулкана. И тут их взорам представилась удивительная картина. Перед ними светилась и перелигивалась огнями гигантская механическая конструкция. Она имела форму двух сложенных конусов и стояла на металлических, похожих на лапы паука, опорах. По её окружности располагались иллюминаторы, а к входной дверце вела высокая лесенка с перилами. Несомненно, это был летательный аппарат инопланетного происхождения.

Внезапно туземцы повалились на камни, и вождь начал выкрикивать заклинания. Некоторые слова звучали странно: «Межгалактическое телетранспортирование... программа созидания будущего... хронокосмический прибамбас...». Потом дикиари припали лицами к земле и замерли.

— Что это такое? — поинтересовался Взломщик, подождав немного из вежливости. — Телетранспортирование, космический прибамбас?

Вождь поднял на него глаза и испуганно воскликнул:
— Нет, нет! Я ничего не знаю! Я ничего не помню!.. Пожалуйста, не надо!!!

И он разрыдался, причитая что-то вроде «ах колобок мой, колобок!...». Следом за ним в истерику дружно ударились остальные туземцы.

— Ладно, ладно, — отшатнулся от них Взломщик. — Только при чём здесь наша собака... вот это совершенно непонятно.

По счастью или по несчастью, Колобок остался на «большой земле», оглушённый ударом дубинки.

Желая рассмотреть летательный аппарат поближе, Взломщик попытался к нему подойти. Но, пройдя всего несколько шагов, вдруг резко остановился и упал.

Схватившись за голову, он принял что-то осторожно ощупывать перед собой, а потом подозвал всех остальных.

Гномы приблизились, и некоторые, те, что зашли чуть дальше, тоже попадали и заохали, налетев на невидимую преграду.

Её поверхность на ощупь оказалась холодной, твёрдой, как стекло, и абсолютно безвкусной. Взломщик достал из кармана сверхпрочный пробойник, приставил к поверхности и, несмотря на бурные протесты вождя, несколько раз ударил по нему булыжником. На «стекле» не осталось ни малейшего следа.

— Это что-то новое, — удивился Взломщик. — Науке такой материал неизвестен. Если это вообще физическая материя...

— Не тревожьте Дух Горы! — взмолился вождь.

Очевидно, «дух» все же проснулся, так как из летательного аппарата вылез и не спеша спустился по лесенке тот самый гном, который наведывался на стоянку прошлой ночью. Заложив руки за спину, гном направился к путешественникам.

Приблизившись вплотную к невидимой сфере, он стал прохаживаться из стороны в сторону, с любопытством разглядывая незваных гостей. Он был одет в полувоенный френч, брюки-галифе с тесёмками и тёплые домашние тапочки. Физиономию его скрывала всклокоченная борода, а внимательные глазки смотрели хитро и недоверчиво.

Наконец он остановился, очевидно, всё-таки решившись заговорить.

Но как раз в этот момент на противоположной стороне площадки раздался оглушительный рёв, писк и скрежет. «Дух» сделал путешественникам знак поскорее убираться, а сам прогулочным шагом, все так же заложив руки за спину, направился вдоль разъединительной линии в сторону шума. Осторожно, по стеночке, цепочка гномов двинулась за ним следом.

Вскоре они увидели роботов, распахнутые в стене ворота и рельсы, уходящие вглубь туннеля. Огромное сверло вылетело из темноты, ударило по невидимой поверхности и заскрежетало, засвистело.

Безрезультатно.

Вагонетка с мотором снова разогналась и снова ударила...

Судя по поведению «духа», вся эта суeta по ту сторону его нисколько не беспокоила. Выставив вперёд округлый животик, он насмешливо улыбался.

Тут роботы заметили гномов.

— Полундра!!! — завопил Чек и первым сиганул в каменную воронку.

Вслед за ним туда посыпались и остальные.

Кубарем скатившись в пещеру, человечки вскочили на ноги и помчались под уклон что было духу.

Но механизмы были сработаны на совесть: грохот их шагов приближался с каждой минутой. А впереди был ещё бассейн с дождевой водой...

Не медля ни секунды, беглецы пересекли преграду и моментально вылезли на том берегу, хорошенко взбив пену. Те, кто были первыми наверху, теперь оказались позади. Когда Карлуша, Взломщик и Кроха выбрались из воды, роботы уже появились на берегу. И вдруг стало тихо.

— А ну, постойте, — проговорил Взломщик. — Кажется, они не очень спешат прыгать.

Карлуша и Кроха обернулись.

Четыре робота стояли на противоположном берегу, не двигаясь дальше с места.

— Они воды боятся, да? — неуверенно пискнула Кроха.

Все трое кое-как отышались, и Взломщик достал из рюкзака свою походную радио.

- «Стрекоза», как слышно?
  - Слышу тебя хорошо! — взволнованно закричала Зубрилка.
  - Куда вы пропали? Почему не выходили на связь?
  - Мы возвращаемся, всё в порядке.
  - Слушайте, слушайте! Там, наверху, идёт дождь! Понимаете?
- Вас всех может смыть! Понимаете?.. Отвечайте!
- А вот это уже серьёзно, — сказал Взломщик. — Ладно, мы поторопимся. Тем, кто вылезет, скажите, что погони больше нет.
  - Какой погони, повторите!
  - Они поймут. Теперь никогда объяснить...

Карлусе и Крохе тоже не надо было ничего объяснять. Все трое припустили по тоннелю так, что ветер засвистел в ушах.

Теперь дорога шла под уклон, и она была знакома. Задержки происходили только в тех местах, где тоннель сужался до такой степени, что приходилось наклонять голову или даже проползать на четвереньках. В одном из таких мест ползущий замыкающим Карлуса услышал позади отдалённый гул, напоминающий шум воды в водопроводной трубе.

— Ой-ой-ой... — сказал он и боднул головой ползущего впереди.

- Но, вы там, полегче, — немедленно отреагировала Кроха.
- Да какое там полегче! Сейчас смоет!..
- Что, уже? — обернулся Взломщик.
- Да что у вас, уши заложило?!

Взломщик и Кроха на секунду замерли, но до них донеслось только громкое сопение напирающего сзади Карлуси.

— Тише ты! — сказали они хором и тотчас услышали нарастающий гул потока дождевой воды. Теперь и они взяли с места такую скорость, что Карлуса едва за ними поспевал.

Выбравшись на финишную прямую, они рванули не чувствуя под собой ног.

Но как быстро они ни мчались, вода была ещё быстрее; поток настигал беглецов со скоростью пушечного ядра; гул стремительно приближался.

Вот вода заклокотала прямо у них за спиной, по ногам ударили первые брызги, а ещё через мгновение мощный поток подхватил их, словно щепки, закружила и стремительно увлёк, затянул в каменную трубу...

Глава восемнадцатая

Первые трофеи.

Получат другое воспитание.

Кто пойдёт в разведку

Незадолго до того, как поток настиг замешкавшихся Карлушу, Взломщика и Кроху, все остальные беглецы один за другим стремглав благополучно выскочили из пещеры. Дики, ничего не видя и не слыша, промчались наверх и скрылись в зарослях. Все с тревогой стали дожидаться отставших, которым теперь угрожала опасность ещё большая, чем нападение роботов.

— Ну где же они, где! — не находила себе места Зубрилка. — Ну что же они!..

Дождь закончился, и вскоре послышался грозный, быстро нарастающий гул. Раздался мощный всплеск, и, к неописуемому ужасу гномов, из тоннеля хлынула вода... Но уже в следующую секунду все увидели, что в бурлящем потоке барахтаются Взломщик, Карлуша и Кроха — живые и невредимые.

Поток настиг их у самого выхода и, не причинив ни малейшего вреда, подхватил и вынес наружу.

— Ура-а-а!!! — разнеслось под сводами.

Счастливо уцелевшим помогли выбраться на берег, вытерли полотенцами и дали сухую одежду.

Прошло несколько минут, и вся вода выплеснулась из пещеры. О ней напоминали только клочья пены, разбросанные вокруг катера. Теперь стало понятно, откуда она появилась: дождевая вода скапливалась в гигантской воронке кратера и устремлялась вниз по каменному тоннелю, словно по водосточной трубе.

Ещё один, девятый, день путешествия закончился без видимых результатов. Если, конечно, не считать результатами громоздившиеся одна на другую таинственные загадки...

Утром в гроте появились туземцы. Гостей пригласили к составленному из ящиков столу и за завтраком поведали им обо всём, что случилось: как роботы испугались воды и как поток благополучно вынес наружу отставших в пещере.

— А больше никого не вынес поток? — осторожно поинтересовался Уголёк.

Взломщик хлопнул себя по лбу:

— Верно! Роботы слишком тяжёлые, и если их не вынесло водой наружу, значит валяются где-нибудь поблизости...

Все вскочили и, сгорая от любопытства, побежали к пещере. Далеко лезть не пришлось: все четыре робота застряли в ближайшей от входа узкой лазейке. Одного за другим их вытащили при помощи верёвки и уложили в рядок.

Головы и руки у роботов совсем не отличались от настоящих, так как были покрыты слоем резины. Туловища их покрывали длинные плащи, изготовленные из чёрного блестящего пластика. Эти плащи, по всей видимости, защищали механизмы от попадания влаги. Внутри туловищ находились сложные переплетения проводов, электромоторчиков и шарниров, а головы были начинены не очень мудрёной электроникой. Время от времени у какого-нибудь из роботов дёргалась то рука, то нога, то голова — и гномы испуганно отскакивали.

Вооружившись инструментами, Взломщик принялся разбирать их механизмы по частям, раскладывая детали на расстеленном брезенте. К нему осторожно приблизился Уголёк.

— Простите, пожалуйста, — сказал он так, чтобы никто не слышал, — наш возлюбленный руководитель интересуется, не собираетесь ли вы оживить «железных воинов», которые снова устремятся за нами в погоню?

Сам вождь сидел с озабоченным видом, перебирая в руках бусы и поглядывая в их сторону.

— Способности-то мы восстановим, — отвечал Взломщик, не поднимая головы. — А воспитание они получат другое.

— Не понял? — вежливо поинтересовался Уголёк.

— Сотрём память и закачаем другую программу. Будут только нас слушаться.

— А, ну я так и передам...

Выслушав, вождь с уважением закивал головой.

Пока Взломщик колдовал над электроникой и производил смазку механических соединений, Перец и Кренделёк предложили сделать вылазку и посмотреть, как идут дела в карьере — все ли пленные гномы живы и здоровы. Кинули жребий, выпало идти Перецу, Крохе и Чеку. Проводниками вождь назначил двух своих туземцев, которые славились как хорошие разведчики и следопыты.

К Чеку тотчас подскочил Карлуша.

— Ты что, пойдёшь без меня? — зашипел он злобно.

— Что ж я могу поделать? — развёл руками Чек. — Взломщик сказал, что всем нельзя идти...

— Ну так ты мне после этого больше не друг!

Чек обиделся:

— А что это я тебе должен уступать? Подумаешь, какой важный!

Сверкнув глазами, Карлуша отошёл, а Чек подумал о том, что он всё-таки перед Карлушей виноват. Ведь тогда, на «Стрекозе»,

вступив в позорный сговор с Пухляком, он фактически предал своего друга. Он подошёл к Карлуше и сказал:

— Ладно, иди ты.

— Вот это друг! Вот это я понимаю! — обрадовался Карлуша.

— Только ты это запомни, что я тебе друг, — сказал Чек.

— Запомню, запомню. Ты ещё узнаешь, какой я тебе друг...

Чек проводил взглядом Карлушу и почему-то показал кулак стоявшему неподалёку Пухляку. Тот состроил удивлённое лицо и отвернулся.

Старшим разведывательного отряда единогласно был выбран уже побывавший в пленау Перец. Для маскировки решили переодеться в туземцев, на которых роботы не обращали внимания.

Дикии быстро смастерили три комплекта юбочек, а также поделились своими украшениями — бусами и кольцами. Бусы друзья охотно на себя надели, а вот огромные кольца, изготовленные из сточенных морских раковин, не пригодились. Дело в том, что туземцы продевали эти украшения себе в носы и уши, а у «чужестранцев» в носах и ушах отсутствовали специальные дырочки.

Хуже того, при свете дня оказалось, что они, по сравнению настоящими с туземцами, бледны, как поганки. И Перец придумал хорошенько измазаться золой из костра.

После этой процедуры все трое сделались чумазыми и взъерошенными. Свою видеокамеру Кроха спрятала в плетёную заплечную корзинку.

Глава девятнадцатая

Лазутчики.
Ракета над островом!
Что делать

Легко и бодро взяв старт, разведчики уже с первых шагов почувствовали свою неприспособленность к существованию в естественных условиях. «Ай!.. Ой!..» — то дело слышались их отчаянные возгласы. Изнеженные ноги цивилизованных гномов не привыкли к бегу и ходьбе босиком, и теперь их больно ранила каждая сухая веточка и каждый камешек. Что касается туземцев, то их кожа на подошвах ног настолько огрубела, что прекрасно заменяла обувь.

Тропинка всё круче поднималась вверх под уклон, и человечки начали выбиваться из сил. Они тяжело дышали, пот лил с них ручьями, а вымазанные сажей физиономии пошли устрашающими разводами. Бедняги запросили «минуточку передохнуть», повалились на мох в тени папоротников и принялись обмахиваться листьями. При этом дикари совершенно не понимали состояния бледнолицых, смотрели на них с удивлением и в нетерпении переминались с ноги на ногу. Бывалая спортсменка Кроха безжалостно подтрунивала над своими друзьями и щекотала им животы длинным стебельком.

К полудню отряд оказался перед «спальным корпусом» — длинной бамбуковой хижиной на высоких опорах. Здесь было пусто — все пленные и стражники были в котловане. Не долго думая, лазутчики забрались внутрь.

В левой части, где спали девочки, всё выглядело достаточно аккуратно: места были ровно уложены и застелены, на верёвочках сушилась выстиранная одежда. В правой половине царил беспорядок: трава была разбросана, спальные места теснились одно на другое как попало, скомканые вещи валялись прямо на полу.

Воспользовавшись пузырьком йода из походной аптечки доктора Глюка, смазали царапины на ногах. Карлуша йодом мазаться не стал, заметив, что пленникам лекарства нужнее. После этого заявления Перец и Кроха посмотрели на него с некоторой растерянностью.

К величайшему удивлению, в одной из охапок обнаружили спящего Сахарка. У него была перебинтована нога — очевидно, его оставили здесь как больного.

— Тс-сс! — поднесла Кроха палец к губам. — Не надо его будить! Если всё сложится хорошо, захватим его на обратном пути.

И они на цыпочках направились к выходу. Карлуша на секунду задержался. В это время Сахарок приоткрыл глаза. Некоторое время он смотрел на чумазого, украшенного бусами дикаря, и ему казалось, что этот дикарь очень похож на Карлушу.

Но уже в следующую секунду он понял, что такого быть не может и что всё это ему снится. Сахарок улыбнулся, повернулся на бок и засопел.

Солнце уже перевалилось через середину неба, а лазутчики ещё только добрались до карьера. Они выбрали удобное, поросшее густой травой место на самой кромке, улеглись на животы и стали наблюдать за происходящим.

Восемь гномов крутили колесо, остальные долбили или возили на тачках куски породы. Карлуша с трудом узнавал среди них Ловкacha, Студента, Шестерёнку, Глюка и других своих товарищей. Все они были до крайней степени оборванными и измощдёнными.

Кроха, достав камеру, снимала происходящее. Через объектив картина получалась куда яснее — как через подзорную трубу. И ей бросилось в глаза то, что пленники то и дело задирают головы, смотрят куда-то вверх и переговариваются.

Вдруг на площадку наползла тень, и эта тень показалась Крохе довольно странной: края её были не размытыми, как это

бывает у тени от облака, а ровные и отчёлывые. Кроха оторвалась от объектива, подняла глаза к небу и... остолбенела.

Прямо над ними в голубом небе висела огромная сверкающая ракета.

Кроха отчаянно чихнула и, не в силах произнести что-либо членораздельное, стала изо всех сил молча тормошить лежавших рядом гномов.

Они тоже задрали головы и через несколько мгновений, вскочив на ноги, принялись скакать и кричать как ненормальные.

— Тише! Спрячьтесь! — запоздало одёрнула их Кроха.

Но хрустальный шар уже заметил нарушителей и со снайперской точностью выпустил по ним звонкую очередь болевых импульсов. Да такой силы, что все трое кубарем покатились под откос.

Едва очухавшись, лазутчики стремглав помчались назад в лагерь. Теперь уже никто не жаловался на усталость, и туземцы только удивлялись их ревности.

Ворвавшись в грот с криками: «Ракета! ракета!..», устроили настоящий переполох. Все выскочили наружу и задрали головы.

Ракета уже не стояла на месте, а плавно передвигалась на северо-восток, уменьшалась в размерах и через несколько минут скрылась за вершиной горы.

Тут с гномов сошло оцепенение, и все они тоже принялись прыгать, скакать, кричать и обниматься. Туземцы растерянно стояли в сторонке, а Уголёк что-то энергично пытался втолковать вождю.

Первые приступы радости улеглись, и все стали гадать, когда же ракета на самом деле появилась над островом: ведь вчерашний день они провели в пещере и в любом случае не могли ничего видеть...

Взломщик предположил, что если бы ракета появилась вчера, то спасатели наверняка бы уже что-нибудь предприняли. Но работа в карьере не прерывалась, хотя ракету все видели отчётливо. Почему директор не приказал сбить ракету? И почему бездействует её экипаж, если он всё видит?

Дойдя в своих рассуждениях до этого места, путешественники, осознав наконец свою ошибку, молча посмотрели друг на друга.

Ну конечно же экипаж ракеты не мог никого видеть. Он не видел и самого острова. Оптическая сфера надёжно защищала его от посторонних глаз.

— Стало быть, нам необходимо выйти на катере за пределы оптической сферы, — сказала Кроха. — Ракета нас заметит и спустится.

— Да, это правильно, — согласился Взломщик. — Но только ракета сейчас где-то на северо-западе, за горой. Мы не можем гоняться за ней на спасательном катере...

— Значит, мы подгадаем такой момент, когда ракета появится с нашей стороны, и тут же выйдем в море.

— А если она появится ночью? — спросил Карлуша.

— Тогда мы всё равно выйдем в море и будем запускать с катера сигнальные ракеты.

— А разве мы сами увидим ракету в темноте?

— Мы увидим её иллюминаторы и габаритные огни, — пояснил Взломщик. — Всё, что летает или просто возвышается над землёй, должно иметь габаритные огни, чтобы не представлять опасности для других летательных аппаратов.

— Ну вот и хорошо, — сказала Зубрилка. — Ночью будем дежурить по очереди, наблюдая за небом.

На том и порешили.

Дотемна путешественники слонялись по береговой кромке, ожидая появления ракеты, а Взломщик тем временем начал наладку и перепрограммирование попавших в его распоряжение четырёх роботов. На скрытой под плащом поверхности у каждого из них были выбиты номера, служившие им также и именами: «Седьмой», «Восьмой», «Девятый» и «Десятый». В новую программу Взломщик заложил и новые имена, почему-то собачьи. Наверное, такие имена напоминали ему о собачьей преданности. Роботы теперь назывались «Бобик», «Трезор», «Дружок» и «Барбос».

Подходил к концу десятый день путешествия.

Часть третья ТАЙНА ОСТРОВА ГОЛУБОЙ ЗВЕЗДЫ

Глава первая

Неприметная личность.

На короткой волне.

Во что бы то ни стало...

На реке Ключевой в городе Букашкине жил гном по имени Ластик. Его соседями по дому на улице Крапивной были сапожник Каблучков, фельетонист Булавкин и милиционер Козырьков.

Каблучков умел делать такую замечательную лёгкую и удобную обувь, что к нему всегда стояла очередь из желающих заказать модные туфли или обыкновенные сандалии или ботинки. Каблучкова в городе все знали и уважали.

Фельетонист Булавкин работал, если можно так выразиться, на невидимом фронте. Он специально одевался в серую неприметную одежду, надевал очки с тёмными стёклами, надвигал на глаза шляпу и рыскал по городу с фотоаппаратом. Обнаружив, к примеру, проходившуюся водопроводную трубу или попробовав невкусного борща в столовой, он тотчас бежал в редакцию и писал едкую, обличительную статью по поводу замеченного непорядка. Булавкина в городе тоже все знали и немного побаивались. Никому не хотелось попасть на острие пера вездесущего журналиста. Его фельетоны пользовались успехом, за исключением тех читателей, само собой разумеется, против кого была направлена его искромётная сатира.

Будка милиционера Козырькова находилась в самом центре города, на пересечении двух главных улиц – Лопуховой и Тенистой. Но поскольку автомобилей в Букашкине было всего четыре штуки, а жители предпочитали ходить пешком или кататься на велосипедах, Козырьков занимался по большей части тем, что прохаживался по улицам, заглядывал во дворы и следил за тем, чтобы не было какого-нибудь беспорядка и никто никого не обижал. Завидев Козырькова, все с ним здоровались, а забияки тут же прекращали драку и разбегались. Козырьков ходил в форменном белоснежном кителе с погонами, фуражке и начищенных до блеска сапогах. Жители Букашкина шли к Козырькову с самыми разнообразными вопросами и просьбами, и он всегда помогал сам или подробнейшим образом разъяснял, куда следует обратиться и как правильно написать заявление.

Ластик работал механиком в небольшой мастерской по ремонту радиоприёмников и телевизоров. Личностью он был совсем неприметной; почти никто в городе, кроме собственных соседей, его не знал. В мастерской, где он работал, имелась барышня приёмщица, которая сама любила поболтать с посетителями. А Ластик сидел за фанерной перегородкой, тихонько паял свои схемы и слушал их разговоры. И даже когда заказчик получал свою вещь, работавшую совсем как новенькая, благодарил он не мастера, а приёмщицу. Но Ластик на это ничуть не обижался, философски полагая, что каждый должен заниматься своим делом.

Когда же заканчивался рабочий день, Ластик спешил домой. Но не для того, чтобы валяться, как многие, перед телевизором, а для того, чтобы, засев в специальной комнатке на чердаке, заняться своим любимым делом.

На чердаке стояла собранная его собственными руками коротковолновая радиостанция, при помощи которой он связывался со множеством таких же, как он, радиолюбителей.

А их было великое множество — разбросанных по самым отдалённым уголкам сказочной страны. Их было даже больше, чем друзей у Каблучкова и Козырькова, вместе взятых, в городе Букашкуне. Отличие состояло лишь в том, что со своими друзьями Ластик никогда в жизни не встречался, хотя многие присыпали ему по почте свои фотоснимки.

Как-то раз Ластик надел свой самый лучший костюм и сходил на соседнюю улицу к фотографу Птичкину, где тоже снялся на цветное фото. Получив целую стопку глянцевых карточек, он написал на обороте каждой из них горячее приветствие, вложил в конверты и разослал всем своим далёким друзьям.

* * *

Однажды, непогожим дождливым вечером, когда дождь хлестал по оконному стеклу, а молнии так и сверкали в небе, Ластик сидел у себя на чердаке перед радиостанцией и шарил ручкой настройки по короткой волне.

Но вот в одном месте он различил заглушаемый помехами и треском от разрядов молний слабый писк морзянки. Ластик схватил карандаш и собрался записывать буквенную расшифровку сигнала... как вдруг понял, что звучащий в эфире сигнал означает не что иное, как тревожный сигнал «SOS»...

Ластик сразу пришёл в чрезвычайное волнение. Такой сигнал могли передавать только терпящие где-то бедствие и взывающие о помощи гномы.

Передача шла в автоматическом режиме. Каждую минуту включалась запись, начинавшаяся словами:

Внимание всем!

Внимание всем!

Вызываю Космический городок!..

Далее следовали координаты какого-то острова в океане, на который следовало немедленно выслать ракету со спасательной экспедицией.

Переписав сообщение на бумажку, Ластик на секунду откинулся в кресле. Лоб его покрылся испариной, руки дрожали. Из газет и передач он знал о готовившейся в Песочном городе морской экспедиции. Знал и о том, что судно под названием «Стрекоза» с двадцатью двумя пассажирами на борту неделю назад отправилось вниз по Мутной реке. И вот теперь он, может быть единственный на свете, принял сообщение о том, что отважные путешественники попали в беду.

Радиосвязь между «Стрекозой» и Космическим городком по каким-то причинам была нарушена: на транслируемые в эфир призывы о помощи никто не отвечал. Необходимо было срочно связаться с Космическим городком по телефону. Но прежде следовало дать «Стрекозе» радиоподтверждение.

Ластик настроил передатчик, положил руку на ключ и... В это самое мгновение молния попала в расположенную на крыше дома antennу, разряд ударила по радиостанции, несчастный отлетел на пол и потерял сознание...

Когда Ластик открыл глаза, была уже ночь. В свете настольной лампы он увидел дымящуюся радиостанцию и всё вспомнил. В отчаянии от того, что столько времени было упущено, Ластик вскочил на ноги и бросился к аппаратуре. Сняв крышку и заглянув внутрь, он понял, что дело безнадёжно и восстановить радиостанцию он сможет только у себя в мастерской.

Тогда он спустился в коридор, схватил телефонную трубку и набрал справочное. Узнав номера Космического городка, он принял звонить туда по всем телефонам, но, как и следовало ожидать, никто не отвечал. (Часом позже он бы уже застал Звёздочина и Торопыгу.)

Теперь Ластик чувствовал уже себя лично виноватым если не в беде, постигшей пассажиров «Стрекозы», то хотя бы в том, что для их спасения ничего не предпринимается...

Стиснув кулаки, он энергично постучал в дверь Каблучкова. Не дождавшись ответа, он решительно распахнул дверь и шагнул к кровати. Схватив спящего за воротник пижамы, он стал его настойчиво трясти.

— Что? Куда? — испуганно вытаращил глаза Каблучков.

Кое-как Ластик растолковал ему, в чём дело.

— Ты что, сдурел? — удивился Каблучков. — Видать, тебя сильно током шарахнуло. Где это видано, чтобы тонущих в море спасали на космической ракете?

— Да пойми ты, садовая твоя голова! — нервничал Ластик. — Ракета с прибором невесомости, ей все равно где летать, в космосе или над землёй!..

— Знаешь что, — сказал Каблучков, немного подумав. — Ты пойди расскажи всё это Булавкину. Он всё-таки в газете работает, наверняка знает побольше об этой морской экспедиции.

Сожалея о том, что только зря потратил на Каблучкова время, Ластик кинулся к дверям фельетониста Булавкина.

Тот выслушал приятеля и, мучительно преодолевая зевоту, сказал:

— Ну так, стало быть, нужно позвонить в Космический городок по телефону, и все дела.

— Да ведь в том-то и дело, — воскликнул Ластик, — что к телефону никто не подходит! Там никого нет!

— Как это никого нет? Такого быть не может, чтобы совсем никого не было. Ты, наверное, плохо звонил. Сейчас, конечно, все спят. А ты позвони подольше, кто-нибудь наверняка и проснётся.

Это Ластик понимал не хуже Булавкина. Трубку с сигналами вызова он оставил лежать возле телефона в надежде на то, что от бесконечных звонков на том конце кто-нибудь всё-таки проснётся. Но пока что в трубке продолжали звучать длинные гудки.

Ластик подумал, что он зря потратил время на Каблучкова и Булавкина, а надо было сразу идти к милиционеру Козырькову, который по долгу службы не мог его так просто отфутболить.

— Эй, Козырьков! — постучал Ластик в его дверь.

— Я! — чётко воскликнул привыкший к дисциплине Козырьков.

Ластик вбежал в комнату и увидел, что Козырьков сидит на кровати с закрытыми глазами.

— Да проснись же ты! — закричал Ластик и вылил ему на голову стоявшую на тумбочке кружку с водой.

— Эй, ты зачем хулиганишь? — строго сказал Козырьков.

Ластик поспешил рассказать ему обо всем случившемся, и Козырьков на минуту задумался.

— Значит, говоришь, радиосвязь не работает? — произнёс он наконец.

— Похоже, что не работает.

— И к телефону никто не подходит?

— Нет, никто не подходит.

— Значит, — Козырьков решительно взмахнул рукой, — надо туда ехать!

— Куда?

— Ну, в Космический городок этот.

— Да, да, надо обязательно ехать! — обрадовался Ластик. Занятый своими мыслями, он подумал, что Козырьков тоже решил принять участие в спасательной экспедиции.

— Вот и давай, — сказал Козырьков. — Отсюда до Космического городка на автомобиле не больше получаса езды. Если там действительно никого нет, дуй в Песочный. Поднимешь всех на ноги...

— А ты сам разве не поедешь?

— Нет, знаешь ли, я не поеду. У меня здесь, в Букашкине, работы по горло. Автомобиль возьми у Фунтика; скажешь — я велел.

Ластик постоял некоторое время в растерянности, но потом

решил, что Козырьков в конце концов прав, и для того, чтобы доставить радиограмму в Космический городок, совсем не обязательно ехать туда вдвоём...

Он вскочил на велосипед и сквозь проливной дождь помчался по тёмным улицам в другой конец города.

Перебудив дверным колокольчиком всех соседей, Ластик наконец увидел в окне заспанного Фунтика и, к своему величайшему огорчению, узнал, что автомобиль со вчерашнего дня в ремонте, так как кто-то на нем без спросу катался и испортил. Фунтик посоветовал взять у него дорожный велосипед взамен спортивного, на котором он приехал, или обратиться к другим владельцам автомобилей. Ластик решил, что так он может перебудить половину города, потратить уйму времени и в конце концов остаться без автомобиля.

И он решил ехать в Космический городок на дорожном велосипеде. Он подсчитал, что такая поездка в хорошую погоду могла бы занять часа два, но в непогоду это время следовало по меньшей мере удвоить. Раздумывать было некогда; вспомнив о гибущих отважных путешественниках, Ластик вскочил в седло и нажал на педали.

Велосипед оказался не самой лучшей конструкции: устаревший, с тяжёлой железной рамой. К тому же им давно никто не пользовался, а потому несмазанные детали поскрипывали, а шины были плохо накачаны. Из-за этого велосипед не мог катиться достаточно легко.

В кромешной тьме, на размокшей дороге с глубокими лужами, Ластик героически крутил педали. Встречный ветер бил ему в лицо, дождь хлестал по глазам, молнии рассекали небо яркими вспышками, а гром с рокотом потрясал землю.

Через пару часов, когда отважный гном уже перестал замечать усталость, а половина пути была пройдена, велосипед начал отчаянно скрипеть. Заднее колесо скособочилось и стало теряться о вилку, что чрезвычайно затрудняло движение. Ластик изо всех сил давил

на педали, наваливаясь на них всей своей тяжестью своего тела, но от этого колесо ещё больше перекашивало. Следовало остановиться и подтянуть ослабшие гайки, но у Ластика не было с собой гаечного ключа. Слезы отчаяния тонули в потоках дождя на его лице.

Когда силы его окончательно оставили, а до места назначения оставалось совсем немного, дорога пошла под уклон.

Велосипед покатился сам — можно было какое-то время передохнуть и не крутить педали. Дорога шла вниз всё круче и круче, следовало уже притормозить, но Ластик тянул время, говоря себе: «Сейчас, сейчас, ещё немного...»

Повизгивая и поскрипывая во всё более ускоряющемся темпе, велосипед разогнался до предела. Вдруг молния осветила дерево, поваленное поперёк дороги. Ластик запоздало ударил по тормозам, в то же мгновение ощутил сильнейший удар и, перелетев через руль, кубарем покатился по дороге...

Глава вторая

Переполох в Космическом городке.

В это время Звёздочкин и Торопыга, добравшись наконец до обсерватории, тоже приняли тревожные сигналы со «Стрекозы». После этого они начали совершать один необдуманный поступок за другим. Сначала они кинулись к ракете, чтобы лететь немедленно. Потом вернулись, чтобы дать по радио подтверждение. Забравшись снова в ракету, они поняли, что не имеют представления, в какую сторону лететь, так как не записали координаты. Вернувшись, они списали текст радиограммы и принялись искать это место на карте.

На карте в указанной точке океана остров не значился.

— Наверное, это какой-нибудь крошечный островок, — предположил Торопыга. — Такой маленький, что его и на карте нет.

— А мы сейчас возьмём снимок, сделанный из космоса, и укрупним это место, — сказал Звёздочкин.

Он вывел снимок обозначенного участка океана на экран и укрупнял до тех пор, пока там не появились размытые очертания волн на поверхности воды.

— Тьфу ты! — воскликнул он с досадой. — Нет тут никакого острова!

— Погоди, — сказал Торопыга. — Может быть, они на воде терпят бедствие?

Звёздочкин схватил радиограмму и перечитал.

— Нет, тут ясно сказано, что остров. И название есть: остров Голубой Звезды.

— Стало быть, мы координаты неправильно записали...

Друзья ещё раз тщательно переписали транслирующуюся в автоматическом режиме морзянку и убедились, что в их записях нет никакой ошибки.

— Там отмелей много, на этом участке... — обратил внимание Звёздочкин.

— Стало быть, и островок вполне мог появиться, — сказал Торопыга. — В любом случае надо лететь.

— Да, пожалуй, надо лететь, — согласился Звёздочкин. — Если они на наши сигналы не отвечают, значит, дело плохо. Значит, аварийная рация работает в «чёрном ящике». Нам теперь нельзя терять ни минуты.

Приятели снова кинулись к ракете, но уже на полпути Звёздочкин сказал:

— Стоп! Надо ведь кому-нибудь сообщить, что мы летим...

— Эх, ну и растяпы же мы! — хлопнул себя по голове Торопыга. — Я ведь даже домой не позвонил.

Вернувшись, они принялись звонить друзьям, соседям и коллегам по работе.

Академик Ярило взволнованно сообщил Звёздочкину, что немедленно распорядится наладить с ракетой спутниковую связь и, если потребуется, вышлет на помощь ещё несколько имевшихся в его распоряжении космических ракет. Звёздочкин на это заметил, что для начала необходимо побывать на месте, указанном в радиограмме, а если помочь действительно потребуется, он незамедлительно об этом сообщит.

Все сотрудники и сотрудницы обсерватории принялись искать на картах и снимках остров.

Торопыга позвонил в метеорологический центр и узнал прогноз погоды на ближайшие сутки. Это было важно потому, что ракета в состоянии невесомости могла закувыркаться от малейшего дуновения ветерка. Чтобы сохранять устойчивость, необходимо было включать вместе с основным двигателем также находящиеся в носу двигатели поворота и торможения. Ракета уже не раз использовалась в атмосфере Земли как транспортное средство, а потому все эти двигатели были запрограммированы на самостоятельный поиск устойчивого положения в любую непогоду.

В бюро погоды Торопыга узнал, что дождь скоро закончится и в ближайшие дни ожидается хорошая погода. Тогда Торопыга поинтересовался, можно ли узнать прогноз погоды в названной им отдалённой географической точке. Сотрудница центра поинтересовалась, не собирается ли господин Торопыга отправиться в путешествие, а когда тот нетерпеливо объяснил, в чём дело, в метеоцентре все тоже переполошились и уже через несколько минут выдали ему чёткую подробную справку.

Сообщалось, что в указанной области океана в ближайшее время будет жарко и возможны кратковременные дожди. Ветра, скорее всего, не будет, но через три дня весьма вероятен сильный шторм.

— Надеюсь, что к тому времени мы уже вернёмся, — сказал Торопыга.

Позвонили из центральной обсерватории, и Задира с Липучкой стали наперебой, вырывая друг у дружки трубку, взволнованно говорить, что в указанных координатах острова нет ни на картах, ни на сделанных из космоса снимках. Задёрганный Звёздочкин сказал им какую-то грубость.

Они с Торопыгой шагнули было за дверь, но телефон снова зазвонил, и барышня из метеорологического центра сообщила, что на их снимках островов на этом участке океана не просматривается.

— Плохо работаете, — огрызнулся Звёздочкин, — если у вас не просматривается...

Телефон тут же снова зазвонил, и на этот раз трубку снял инженер Торопыга. На телевидении интересовались, нельзя ли заснять для новостей вылет спасательной экспедиции и не могли бы господа Дудочкин и Задрыга сказать несколько слов в микрофон перед вылетом.

Не обращая внимания на то, как переврали их имена телевизионщики, Торопыга вежливо разъяснил, что всё это, конечно, можно было бы сделать, но они вылетают немедленно и дожидаться съёмочной группы не могут.

С этой минуты телефон стал звонить беспрерывно. Все возможные теле— и радиостанции, газеты и агентства из ближайших и самых отдалённых мест обещали немедленно прислать своих корреспондентов.

А за окном уже начинал мерцать рассвет. Дождь закончился, и друзья, не обращая внимания на беспрестанно звонящий телефон, решительно шагнули к выходу.

Но тут дверь распахнулась и на пороге возник мокрый, оборванный и перепачканный незнакомый гном. Ни слова не говоря, он достал из-за пазухи сложенный вчетверо мокрый листок бумаги, протянул его перед собой и рухнул на пол.

Глава третья

Героя окружают заботой.

Версии и гипотезы.

Находка архивариуса Червячкова

Звёздочкин и Торопыга бросились к Ластику (а это был действительно он), подняли и перенесли на диван. Убедившись, что незнакомец приходит в себя, Звёздочкин стал звонить в Песочный город, в больницу, где в отсутствие доктора Глюка дежурили медсестра и нянечка. Без лишних расспросов те захватили походные аптечки и направились в расположенный неподалёку Космический городок.

Пока Звёздочкин звонил по телефону, Торопыга осторожно развернул мокрый листок бумаги и в расплывшихся чернильных буквах с удивлением узнал текст радиограммы со «Стрекозы».

— Ты посмотри, — обратился он к Звёздочкому. — Этот гном принёс нам нашу радиограмму.

— Вот тебе раз, — удивился Звёздочкин, сверив текст. — Наверное, это какой-нибудь корреспондент успел до нас добраться. Текст-то, небось, знают уже во всех редакциях...

— Нет, — возразил Торопыга, — этот на корреспондента не похож. Я корреспондентов знаю. Они с камерами, фотоаппаратами и на машинах. А этот, смотри, всю ночь, небось, по дожду топал. Да он весь в ссадинах... С обрыва, что ли, свалился?..

В это время гном зашевелился и открыл глаза. Увидев склонённые над ним физиономии Торопыги и Звёздочкина, он озабоченно полез в карман и, не обнаружив там радиограммы, испуганно огляделся. Звёздочкин взял со стола мокрую записку и показал её незнакомцу:

— Скажите, откуда у вас эта радиограмма?

Ластик приподнялся на локтях и взволнованно зашептал:

— Стрекоза... северной широты восточной долготы... срочно ракету... вызывает шмель... нет, комар... нет, гайка...

Ластик начал нести полную околесицу, и друзьям стало ясно, что у него начался бред. Лоб у гнома оказался на ощупь горячим, как утюг.

По счастью, подоспели сестра и нянечка из больницы. Они осмотрели Ластика, послушали его через трубочку, померили ему температуру и объявили, что у больного начинается воспаление лёгких. Это не считая множества ссадин и царапин на теле.

Медсестра тут же сделала Ластику укол, помазала ссадины йодом и сказала, что сейчас больного тревожить не следует, но когда он проспит, необходимо будет перевезти его в больницу.

На улице послышался звук подъехавшего автомобиля, в дверь кто-то постучал, и на пороге возникли милиционер Козырьков и фельетонист Булавкин. Они бросились к Ластику и только после того, как убедились, что он невредим и окружён заботой, рассказали, что случилось.

После ухода Ластика ни тот, ни другой никак не могли уснуть. Обоих мучили угрызения совести из-за того, что они отпустили своего товарища одного. Поворочавшись с боку на бок, Козырьков в конце концов встал, надел форму, вышел в коридор... и столкнулся с одетым Булавкиным. Что же касается Каблучкова, то он в этот день очень много работал и после ухода Ластика моментально заснул.

Выяснив, что Ластик отправился в Космический городок на велосипеде, Козырьков и Булавкин быстро нашли в городе исправленный автомобиль и помчались следом.

Неподалёку от Космического городка они нашли на дороге поваленное дерево и исковерканный велосипед. Тщательно обследовав всё вокруг и не обнаружив Ластика, они поехали дальше и застали его уже здесь, в помещении обсерватории.

Поняв, что в действительности произошло, Торопыга и Звёздочкин были буквально потрясены героизмом и самопожертвованием этого неприметного гнома по имени Ластик. Долго и с чувством они трясли его ослабшие руки, а он только смущённо улыбался и кивал в знак благодарности.

— Отправляйтесь, нельзя терять времени, — проговорил он слабым голосом.

В последний раз пожав Ластику руку, Торопыга и Звёздочкин, не оглядываясь, направились к ракете. На этот раз они всё-таки захлопнули за собой люк, и через несколько секунд ракета плавно, как воздушный шар, с лёгким шипением двигателей взмыла в подкрашенное рассветом небо.

Не прошло и часа, как в Космический городок начали стекаться корреспонденты и целые съёмочные бригады из находившихся поблизости городов.

И сам Булавкин, который был штатным корреспондентом букашкинской газеты «Утконос», не справился с профессиональным зудом. Попросив разрешения у Козырькова, он сел в автомобиль и помчался в редакцию. Предварительно он позвонил главному редактору и потребовал, чтобы ему освободили всю первую страницу в утреннем выпуске газеты. Редактор, которого до этого уже разбудили и ввели в курс событий, немедленно согласился.

В дороге, выжимая из автомобиля предельную скорость, чтобы успеть сверстать для типографии материал, Булавкин набросал в уме план большой, звонкой передовой статьи, начинавшейся так:

«Спасибо, друг Булавкин, — сказали мне, широко улыбаясь, участники спасательной экспедиции астроном Звёздочкин и инженер Торопыга. — Так и передайте своим читателям: мы сделаем всё, что в наших силах». И, крепко пожав мне руку, два матёрых воздухоплавателя твёрдой походкой вразвалочку направились к ракете...»

Однако, домчавшись до редакции и усевшись за клавиатуру, Булавкин на минуту задумался и почему-то начал писать совсем другую статью.

Его новая передовица начиналась словами: «В нашем городе живёт совсем неприметный гном. Зовут его Ластик...»

В это время Козырьков давал интервью и разъяснения постоянно прибывающим Космический городок корреспондентам. Нянечка и медсестра отважно защищали подступы к больному, в одночасье сделавшемуся знаменитым.

Козырьков без устали рассказывал историю о том, как Ластик случайно поймал в эфире радиосигналы с терпящего бедствие судна; о том, как Ластик храбро отправился в путь на велосипеде; что была ночь, гроза и ветер (иногда Козырьков употреблял слово «ураган»); как Ластик попал в аварию и как, вручив спасателям радиограмму, он упал без чувств. И только после этого Козырьков рассказывал об отлёте спасательной экспедиции.

Корреспонденты также засняли интервью с медсестрой и нянечкой, которые после долгих уговоров согласились показать спящего Ластика.

Только к полудню съёмочные бригады разъехались, больного перевезли в больницу, а из Центра прибыл профессор Микстура.

В тот же день, на волне всеобщего интереса и беспокойства о судьбе терпящих бедствие путешественников, в прессе появились самые разнообразные версии причин отсутствия на картах и снимках указанного в радиограмме острова.

Вечерние газеты опубликовали некоторые из таких версий.

В газете «Научная мысль» геолог Галькин писал, что, по его мнению, остров мог подняться над водой за очень короткое время, в считанные дни или даже часы. Это могло произойти в результате

каких-то внутренних подземных или, если точнее, поддонных сдвигов, землетрясений или вулканических процессов. Выглядело такое умозаключение тем более правдоподобно, что в указанном участке океана было много камней, отмелей и рифов.

Языковед Буковкин, выступая в газете «Слово», был совершенно другого мнения. Он полагал, что ошибка закралась в сам текст радиограммы и слово «остров» следует читать как «остов», то есть остов потерпевшего крушение и лежащего на отмели судна. По мнению Буковкина, такая орфографическая ошибка могла легко закрасться в текст, учитывая ту взвинченную обстановку, в которой, по всей видимости, находились путешественники.

Фотограф Птичкин, тот самый, у которого однажды фотографировался Ластик, в вечернем выпуске букашкинского «Утконоса» предложил свою версию. Птичкин выразил уверенность в том, что путешественники видели в океане не сам остров, а так называемый мираж, то есть оптическое изображение какого-то острова, существующего на самом деле совершенно в другом месте. (Если мы вспомним, что такую версию высказывали и сами пассажиры «Стрекозы», попавшие в зону оптической сферы, то станет понятно, насколько он был близок к истине, сам того не ведая.) Следует также отметить, что большой фотопортрет Ластика, красовавшийся на первой полосе утреннего выпуска «Утконоса», был изготовлен по имевшемуся у Птичкина негативу. Этот же портрет немедленно перепечатали и все другие газеты.

Ещё одну заметку написал некто Штанишкин. Этот автор приводил цитату из одной сказки, которую он недавно прочитал. Там было описание огромного «чуда-юда рыбы-кит», на спине у которого располагались целые деревни, сады и огороды. Такую рыбу на самом деле вполне можно было принять за остров. Для пущей убедительности Штанишкин опубликовал также картинку из прочитанной им книжки.

Однако настоящую сенсацию произвело в средствах массовой информации сообщение архивариуса Червячкова, работавшего в отделе старинных книг и рукописей Центральной библиотеки города. Этот Червячков, как и все другие гномы, узнав о постигшей путешественников беде, полез в географические карты, чтобы найти в океане точку пересечения указанных в радиограмме координат. Но поскольку Червячков работал в отделе старинных книг и современной карты под рукой у него не оказалось, он разложил на столе какой-то древний атлас, в котором сразу обнаружил остров в указанном координатами месте океана.

К удивлению Червячкова, по радио и телевидению всё время говорили о том, что никакого острова на картах не значится. Тогда Червячков позвонил на телевидение и выразил своё недоумение. Сначала ему не поверили, полагая, что звонивший как-нибудь напутал и не то искал. Но Червячков настаивал так убедительно, что в библиотеку всё-таки послали съёмочную бригаду.

И тотчас разразилась сенсация. На представленной Червячковым карте остров был! Архивариуса подхватили в охапку и привезли на телевидение, где он в прямом эфире (все передачи были тут же прерваны) с указкой в руке рассказывал о своём открытии.

Все тут же вспомнили теорию геолога Галькина, который писал о подземных и подводных сдвигах. Всё сходилось к тому, что остров когда-то был, но потом затонул, а совсем недавно опять поднялся над водой.

Но эту версию незамедлительно опровергли сообщения сотрудниц метеорологического центра, у которых имелись совсем свежие, сегодняшние снимки земной и водной поверхности. Они утверждали, что на этих снимках острова нет.

Обсуждения и споры продолжались, версии рождались одна за другой, но истина ещё маячила далеко за горизонтом.

Глава четвёртая

Воздухоплаватели.

Староста Каменного города.

Колобок нашёлся

Поднявшись на достаточную высоту, Звёздочкин и Торопыга направили ракету вдоль реки, которая, петляя, тянулась в северо-западном направлении. Солнце уже поднялось над верхушками деревьев и косыми лучами расцвечивало восхитительную панораму лесов, полей и песчаных оврагов. Просторные луга белели ромашками и одуванчиками, синели колокольчиками, волнами перекатываясь от дуновений ветерка. Густые кроны деревьев сливались в зелёную пушистую перину...

Ракета плавно набирала скорость, и картинки внизу сменялись всё быстрее. Лента реки, служившая ориентиром, петляла, как встревоженная змея. Если бы космическая обшивка корпуса могла пропускать звук, воздухоплаватели смогли бы слышать свист рассеиваемого носом ракеты воздуха.

Мы назвали находившихся внутри ракеты Торопыгу и Звёздочкина воздухоплавателями не случайно. Вспомним, что так называют пилотов, управляющих летательными аппаратами легче воздуха — воздушными шарами или дирижаблями.

Ничего не весила не только сама ракета, но и её экипаж. Таким образом, Звёздочкин и Торопыга, плавая внутри ракеты, как рыбы в аквариуме, были воздухоплавателями вдвойне, поскольку сами были легче воздуха. Уцепившись за специальные поручни, они зависли над иллюминаторами и смотрели вниз.

В одном месте, на поросшем дубами берегу реки, они заметили заброшенные постройки. Это был Желудёвый город, жители которого, как мы знаем, все до одного переселились в новый Земляной город.

Ещё дальше река забурлила на порогах и провалилась в глубокое каменное ущелье. Это было красивое зрелище, но, поскольку ракета летела уже со скоростью пушечного снаряда, все эти красоты моментально остались позади.

Впереди был отмеченный на карте Каменный город, и друзья решили сделать посадку и расспросить местных жителей.

Ракета стала понемногу притормаживать, одновременно снижаясь. Впереди показались остроконечные купола с затейливыми флюгерами и страшноватые скульптуры на фасадах.

Однако на улицах никого не было, ни единой живой души.

Только за городскими воротами, там, где начинались огороды, удалось заметить гнома. Он одиноко копошился вокруг наполовину выкопанной брюквы.

Звёздочкин спланировал на гороховое поле и аккуратно посадил ракету в вертикальном положении.

Крокус надел свой остроконечный колпак и опёрся о черенок лопаты.

Вежливо поприветствовав гнома и представившись, Торопыга и Звёздочкин рассказали о том, что разыскивают друзей, отправившихся неделю назад в путешествие к морю вниз по реке.

Крокус поинтересовался, как выглядело судно с путешественниками, а затем, получив исчерпывающее описание «Стрекозы», пригласил гостей к себе домой для обстоятельного разговора. Возникала угроза заст्रять здесь надолго.

Пританцовывавший от нетерпения Торопыга в испуге посмотрел на Звёздочкина, тот проявил настойчивость, и староста Каменного города заговорил.

Он рассказал о морских пиратах и летающем блюдце, о визите путешественников со «Стрекозы» и о карте капитана Кукса.

Торопыга и Звёздочкин рассеянно попрощались с Крокусом и направились к ракете. В головах у них была полная неразбериха из лысых гномов в плащах и пиратов на летающем блюдце...

Усевшись в пилотские кресла, приятели в полном молчании взмыли в небо. Впереди, насколько хватало глаз, рас простёрлась синяя водяная гладь. Столько воды они ещё никогда не видели. С высоты птичьего полёта поверхность океана просматривалась гораздо дальше, чем с берега, но даже отсюда другой берег увидеть было невозможно. Тёмная полоса горизонта таяла в необозримой глубине...

Прямо под ними с юга на север протянулся берег с песчаным пляжем. Присмотревшись хорошенько, Торопыга заметил, что по песку бегает взад-вперёд какое-то существо.

— Эй, Звёздочкин! — окликнул он товарища. — А ну-ка, притормози. Тут, кажется, под нами кто-то есть.

Звёздочкин дал задний ход, завис над берегом и снизился. Вооружившись биноклем, он навёл резкость и восхликал:

— Да ведь это Колобок! Это наша собака!

Он посадил ракету на песок, второпях завалив её набок. Друзья выбрались из люка, и Колобок, то повизгивая, то заливаясь радостным лаем, стал кидаться им на грудь и лизать носы шершавым языком.

— Ну хватит, хватит, хорошая собака, — гладил и успокаивал его Звёздочкин. — Скажи, где все остальные, где Мазила?

Услыхав имя хозяина, Колобок отскочил, заскулил и, побежав к самой воде, стал заливисто лаять на море.

— Они там, да?..

Колобок в ответ залаял ещё звонче.

— Эх, жаль, что ты сказать ничего не можешь, — посетовал Звёздочкин. — Ничего, теперь вместе полетим, прыгай.

— Погоди, — сказал Торопыга. — Давай хоть осмотримся. Собаку-то они здесь, наверное, не по своей воле оставили...

Осмотр берега при деятельном участии Колобка дал некоторые результаты. На том месте, где сидели Зубрилка, Карлуша и Чек, валялось несколько бумажек от конфет, а чуть дальше от воды, за кромкой небольшого обрывчика, обнаружились следы костра, мусор и пустые консервные банки.

— Это не наши жгли костёр, — сказал Звёздочкин. — Наши мусор бы не оставили, они бы его в ямку зарыли.

— Жаль, что после дождей следов от ног не осталось, — сказал Торопыга. — По следам можно очень многое узнать.

Колобок, взволнованно рыча, принёс в зубах гаечный ключ.

— Это Взломщик или Шестерёнка уронил, — определил Звёздочкин. — У них этого добра полные карманы.

Подхватив собаку, друзья забрались в ракету и взмыли в небо. Согласно координатам, остров Голубой звезды, есть он или его нет, находился на северо-западе, почти на линии экватора.

Глава пятая

Выдержки из бортового журнала

Пересечение координат широты и долготы, кажущееся на карте обыкновенной точкой, на самом деле представляет собой довольно обширный участок суши или моря. А для маленьких гномов такой участок и вовсе кажется бескрайним и необозримым. Поэтому поиск острова представлялся Звёздочкину и Торопыге делом не одного дня. Оказавшись в зоне поиска, они были готовы к долгой и кропотливой работе. А остаток первого дня ушёл на бытовые хлопоты.

Сначала никак не удавалось успокоить Колобка, который, попав в состояние невесомости, принял отчаянно лаять и трепыхаться

в воздухе. Чтобы не мучить собаку, скрепя сердце, Звёздочкин добавил в его еду снотворное.

Не будем описывать последующие томительные дни поисков. К тому же для читателя не секрет то, что остров оставался невидимым даже тогда, когда ракета пролетала над головами пленников.

Ограничимся скучными выдержками из электронного бортового журнала, которые надиктовал Звёздочкин. В скобках указан порядковый день от начала похода «Стрекозы». Описания и подробности уже известных читателю событий опущены.

ПЕРВЫЙ (8) ДЕНЬ. После заката приводнились на ночлег. Тут возникла проблема уравновешивания корпуса ракеты, которая, лёжа на поверхности воды, беспорядочно вращалась вокруг своей оси. Я, Торопыга и Колобок изрядно покувыркались внутри, пока не нашли довольно остроумное решение. У любого, кроме плоскодонного, морского судна для остойчивости имеется киль, то есть закреплённый под водой груз. Торопыга предложил перенести прибор невесомости в самый нос ракеты и включить его на минимальную мощность, то есть так, чтобы его действие ограничивалось расстоянием в несколько шагов. Таким образом, нос ракеты станет невесомым, а «корма» уйдёт под воду.

После того как мы все это проделали, ракета встала на воде торчком на манер поплавка.

Мы спустились в средний отсек, накормили Колобка, подсыпав ему немножко снотворного в еду... Вынужден признаться, что говорю сейчас из последних сил, так как зверски хочу спать.

ВТОРОЙ (9) ДЕНЬ. Сегодня квадрат за квадратом исследовали обширный участок зоны поиска. Нами замечено престранное явление: скопление над водой береговых чаек. Торопыга утверждает, что чайки водятся только поблизости от земли, а посреди океана их быть попросту не может. Но никакой земли здесь нет. Мы поднимались в стратосферу и наблюдали океан через космический телескоп. Никаких, даже самых маленьких островков на этом

частке разглядеть не удалось. Снова приблизились к тому месту, где кружат чайки. Может быть, это чайки какой-нибудь особой, ещё не известной науке породы?..

ТРЕТИЙ (10) ДЕНЬ. Довольно любопытные сообщения продолжают поступать с материка. Удивило открытие архивариуса Червячкова, который обнаружил остров на старинной карте. Затем поступило ещё несколько сообщений на эту тему. Некто Тряпочкин, музейный работник из города Лопухова, под впечатлением этого открытия тоже стал рыться в музейных фондах и извлёк оттуда старинную карту, ещё более подробную, нежели карта Червячкова. На этой карте было обозначено название острова! По утверждению Тряпочкина, который позвонил на радио, на карте совершенно отчётливо выведено название «остров Голубой Звезды» и нарисован значок в виде двух пересекающихся квадратов. Это же название указано потерпевшими бедствие в тексте радиограммы. Теперь нет никаких сомнений, что остров когда-то существовал. Но когда, как и почему он исчез — это пока загадка. Возможно, что, разгадав её, мы что-нибудь узнаем и о судьбе пропавшей в море экспедиции.

Изучая снимки, сделанные нами из стратосферы, мы убедились, что скопление чаек находится непосредственно в точке отмеченного на старинной карте острова Голубой Звезды. Торопыга высказал предположение, что остров ушёл под воду не далее чем день-два назад, так как сигналы из «чёрного ящика» продолжают поступать в эфир, а чайки всё ещё не улетели. Вероятно, они собираются плавающие на воде остатки флоры и фауны.

Завтра войдём в зону и попытаемся поднять со дна «чёрный ящик».

ЧЕТВЁРТЫЙ (11) ДЕНЬ. Сегодня на море обрушился штурм и ураган. Были вынуждены подняться выше облаков и изнывать от бездействия. Колобок спит, а Торопыга нервничает и летает взад-вперёд, словно больная рыба. Несколько раз крепко поругались.

Замечаю, что двое гномов в замкнутом пространстве довольно быстро начинают друг другу надоедать. Ссоры возникают,

как кажется, на пустом месте. Например, из-за того, каким способом другой выдавливает зубную пасту из общего тюбика...

Каждые четыре часа выходим на связь с материком и докладываем о проделанной работе. Сегодня докладывать совершенно нечего. К вечеру все радиостанции сообщили о том, что Большой Научный совет высыпает сюда завтра ещё четыре ракеты для проёсывания океана, химического анализа воды и водолазных работ на дне. Они с нами даже не посоветовались!

ПЯТЫЙ (12) ДЕНЬ. С рассветом убедились, что тучи рассеялись и море спокойно. Плавно опускаемся, одновременно просматривая через оптику поверхность воды. Снова чайки! После вчерашней бури от этих чаек и следа не должно было остаться, а они летают. Значит, они где-то прятались!.. Но что это? Я вижу перевёрнутое судно... Или подводную лодку... Или это спина крупного морского животного?.. Торопыга смотрит в другую сторону и кричит, что видит через бинокль катер с гномами. Я отключаюсь...

На этом диктофонная запись в бортовом журнале Звёздочкина прерывалась.

Глава шестая

Наблюдатели.

Искусство рукопашного боя.

Пухляк-командор

Двумя днями раньше мы расстались с избежавшими плена, но потерпевшими крушение пассажирами «Стрекозы». Засветло они собирались выйти в море на катере — в надежде на то, что за пределами оптической сферы их заметит кружившая над морем и островом ракета. Ночью, не разжигая костра, по очереди наблюдали за небом.

Первой оставаться наверху вызывалась Зубрилка. Ей пока ещё не хотелось спать, и она сказала, что с удовольствием подежурит пару часов на свежем воздухе.

Прогуливалась по кромке отвесного берега, она раздумывала о том, что корреспондентка Кроха одевается, конечно, со вкусом, и с этим не поспоришь. Даже имея с собой всего только несколько предметов туалета, она будто невзначай умеет или нацепить неожиданно яркую косынку на шею, или вдруг подпоясаться свитером, или изменить причёску и задрать на макушку солнцезащитные очки...

Зубрилка с огорчением была вынуждена признать, что она сама не очень-то изобретательна. Она носила платьица, которые шила собственными руками, и ни разу не надевала джинсов и кроссовок. Строго говоря, особенно здесь, в жарком и влажном климате, одежда у Зубрилки была удобнее, чем у Крохи. Но кто знает, какой стиль кажется более привлекательным для окружающих. Взять хотя бы этого... инженера Циркуля.

Раздумывая о том о сём, Зубрилка настолько увлеклась своими мыслями, что оступилась и едва не полетела со скалы в воду. Тут только она заметила, что уже совершенно стемнело и на небо вылезла не полная ещё луна. Времени было четверть первого ночи, то есть ровно на четверть часа больше, чем ей полагалось.

Она поспешило спустилась в грот и принялась будить Кроху, которая на пару с Взломщиком должна была дежурить с двенадцати до двух часов ночи.

— Ну как? — поинтересовался Взломщик, прихлёбывая горячий чай из термоса. — Небо чистое?

Зубрилка кивнула, но как-то не очень уверенно, поскольку, занятая интересными предположениями и фантазиями, смотрела не очень внимательно.

Поднявшись на берег, Взломщик и Кроха рационально уселись на байковое одеяло друг против друга. Так, чтобы в поле зрения каждого из них оказались противоположные стороны небесной сферы.

— Ой, смотрите, там огонёк! — воскликнула Кроха и тут же взяла на изготовку камеру.

— Не обращайте внимания, это туземцы жгут костёр, — сказал Взломщик. — Вы и дома никогда не расстаётесь с видеокамерой?

— Если это ирония, то она неуместна. Конечно же, у себя в городе мне совершенно необязательно таскать с собой повсюду видеокамеру. У меня есть съёмочная бригада с оператором, осветителем и шофёром. Есть, в конце концов, рабочее расписание. А у вас в Песочном городе имеется телевидение?

— Телевизоры появились у нас, в общем, недавно. Своей студии пока нет, принимаем передачи со спутника.

— Очень странно, что телевидение у вас ещё совсем не развито. Ведь рядом с Песочным городом находится знаменитый Космический городок, оснащённый по последнему слову техники.

— Знаете, совсем недавно у нас не было даже водопровода. А когда его построили и отпала необходимость ходить на речку за водой, некоторые просто обленились.

— Ну, это философия. Разве не интересно было слетать на Луну, выучиться кибернетике и программированию?.. Да, кстати о программировании. Что вы думаете об этих роботах?

— Думаю, они смогут нам пригодиться.

— Для чего?

— В первую очередь они должны защищать гномов.

— И как они будут это делать?

— Этот вопрос я ещё не доработал, — признался Взломщик. — Могут схватить, толкнуть...

— Не смешите меня. Надо научить их настоящему рукопашному бою. Для этого они достаточно подвижны, а уж силища такая, что только держись!

— Что это за рукопашный бой? Вы имеете в виду драку?

— Нет, не драку. Вид спорта. Кстати, у меня разряд по рукопашному бою.

— Что вы говорите? — удивился Взломщик — Никогда бы не подумал, что барышни умеют драться.

— Представьте себе, умеют. В Земляном городе нас таких уже двое. К нам приходила ещё одна, которая тоже хотела заниматься. К сожалению, её пришлось отправить обратно домой.

— Что же, она оказалась слишком слабой?

— Не в этом дело. Как раз слабым и нужно заниматься спортом. Но этой барышней руководило чувство мести. Как раз перед этим её на улице обидел какой-то хулиган. Она пришла вся в слезах и потребовала, чтобы её немедленно научили драться. Сами посудите, разве могли мы допустить её к тренировкам?

— Вы поступили правильно. Но объясните, разве драка может быть спортом?

— Поймите, это вовсе не драка. Мы надеваем на руки большие мягкие перчатки, этакие поролоновые лапы. На ноги — такие же тапочки, а на голову — шлем из прозрачного пластика. Потом мыходим на маты и пытаемся сбить друг дружку с ног. Поверьте, это очень увлекательно. Это игра на смекалку и быстроту реакции. Вот, возьмите эту палку и попробуйте меня ударить.

Взломщик послушно взял палку и сделал вид, что замахивается.

— Нет, не так! — с досадой прикрикнула на него Кроха. — Бейте как можно сильнее, не будьте сонной мухой!

Взломщик решил проучить её и сделал внезапное, очень быстрое движение в сторону противника.

Но противник оказался ещё быстрей, и Взломщик, не успев моргнуть глазом, оказался на земле.

Поднявшись и отряхнувшись, он сказал задумчиво:

— Да, если бы эти барбосы могли делать что-то похожее, от них было бы куда больше проку...

— Вот что, — сказала Кроха — Сейчас я поставлю камеру, и мы заснимем десяток-другой приёмчиков. Потом вы обработаете кадры и введёте их в программу роботов.

Взломщик признал, что идея великолепна. Последующие сорок минут дамочка отрабатывала на нём этот самый десяток-другой рукопашных приёмов.

— Вообще-то я занималась многими видами спорта, — призналась Кроха, когда истязание закончилось, Взломщик отряхнулся и, тяжело дыша, собрал с земли рассыпавшиеся из карманов инструменты. — Раньше я работала на спортивном телеканале, но поссорилась с главным редактором. Теперь работаю для программы новостей. Ничего, не жалею...

Они болтали, пока не наступило время будить следующую пару. Небо было чистым, ракета не появилась.

Перец и Кренделёк добросовестно отдежурили положенное время, периодически делая гимнастику и пробежки, чтобы не заснуть. При этом они рассказывали друг другу разные забавные истории из жизни своей, своих знакомых и соседей, а также травили, как говорится, анекдоты.

Два часа истекли, ракета не появилась, и они спустились в грот.

Разбудить Карлушу и Чека удалось не сразу. Согласно жребию им выпало самое тяжёлое время: с четырёх до шести часов утра. Их долго трясли за разные части тела и брызгали холодной водой, но они только отмахивались, тянули на себя одеяла и бормотали что-то вроде «сейчас, сейчас, ещё минуточку, ещё секундочку...».

В конце концов они всё же поднялись и, зевая во всё лицо, поплелись наверх. Там они уселись на песок и какое-то время молча таращились на небо, изо всех сил стараясь не заснуть и не прозевать появление ракеты.

Но уже через несколько минут звезды перед их глазами начали водить хороводы, играть в пятнашки и перемигиваться. Приятели уронили друг другу головы на плечи и дружно засопели.

Карлушу разбудил Чек, проснувшийся от холода. Уже светало, и с моря тянуло прохладой.

— Слушай, мы до скольки должны здесь дежурить?

— А?.. Что?.. Погоди... — принялся тереть глаза Карлуша. —

Нас в четыре разбудили? Значит до шести.

— Так уже седьмой.

— Надо будить Пухляка, он последний дежурит.

— Слушай, мы случайно ракету не проспали?

— Тише. Проспали не проспали, теперь дело не поправишь.

Что же ты спал?.. Конечно, под утро труднее всего не заснуть...

Разбудить Пухляка не удавалось ни водой, ни трясением, ни шлепками по щекам. Устав возиться, Карлуша и Чек подхватили его под руки и потащили наверх. Пухляк слабо перебирал ногами и скулил что-то жалобное.

На свежем воздухе он вроде как вполне проснулся и сказал:

— Всё, всё, я понял, я не сплю.

Как только мучители скрылись, он тщательно завернулся в одеяло, которое за ним все это время волочилось и которое он специально придерживал, повалился на песок и моментально уснул.

На этот раз Пухляка не мучили кошмары. На его лицо падал свет восходящего солнца, и ему приснилось, что он благополучно вернулся домой и весь город встречает его как героя.

В белоснежном морском кителе и высокой фуражке с золотым якорем он стоит на капитанском мостице «Стрекозы», и ветер треплет победный флаг над его гордо поднятой головой.

Весь город столпился на берегу.

— Ура — командор! Ура — командор! — скандируют барышни тоненькими голосами.

— Он — герой! Он — герой! — уверенно вторят им гномы.

На всех домах красуются яркие транспаранты с портретами героя и приветственными лозунгами. Общее собрание назначает Пухляка губернатором. Тот благодарит за доверие, хочет произнести речь и дать кое-какие распоряжения, но только улыбается и беззвучно шевелит губами.

Крики «ура!» становятся всё громче и ближе.

Пухляк сделал над собой усилие, что-то промычал, открыл глаза и увидел в небе ракету. Рядом столпились все поднявшиеся из грота путешественники и кричали «ура!». К радости или разочарованию, на него никто не обращал внимания. Был уже день.

Глава седьмая

Кто-то должен остаться.

«Бобик» и «Трезор» готовы служить.

Открыть завесу тайны...

Первыми появившуюся из-за горы ракету увидели туземцы. Они тотчас прибежали в грот и разбудили своих новых друзей с Большой земли. Все высыпали наружу и убедились, что ракета медленно движется над островом. Через час-другой она должна была оказаться за пределами оптической сферы.

— Вот как всё удачно складывается, — суетился Взломщик, приготовляя катер к отправке. — Теперь самое время выходить в море.

Исполненный достоинства, к нему приблизился вождь Ястребиное Перо. Судя по тому, что он вступил в контакт с «бледнолицыми»,

не прибегая к услугам своего секретаря, дело было чрезвычайной важности.

— Не надо в море, — мрачно проговорил он, глядя на Взломщика. — Дух Моря и Дух Неба сегодня поссорятся. Будет совсем плохо.

— Ничего, ничего, — отмахнулся Взломщик, даже не пытаясь вникнуть в смысл сделанного вождём предупреждения. — Мы их как-нибудь помирим.

Тут он заметил тихонько пристроившегося ко всем остальным Пухляка.

— Что же ты ракету проворонил? — сказал он строго. — Раз тебя поставили дежурить, так уж изволь не спать.

Пухляк был готов и ничуть не смущился.

— Ну, знаете, вы это бросьте! — сказал он с некоторой заносчивостью. — Вы бы сами меньше спали. Я свои с шести до восьми на ногах отдежурил, глаз не сомкнул. Сейчас сколько времени? Десять? Вот так-то. Я с восьми часов имею право спать, как и все. Вот если бы ракета появилась в небе раньше восьми часов...

Взломщик велел всем, не теряя времени, рассаживаться в катере.

— Стойте! — хлопнул он себя по голове. — Кто-то должен остаться в лагере. Я же подключил этих барбосов к новой программе... — он кивнул в сторону роботов. — Через пятнадцать минут необходимо отключить от питания, иначе может накрыться главный судовой компьютер.

Все растерянно переглянулись, а потом, как обычно, обратились к Пухляку, поскольку всем было известно, что он не большой любитель совершать какие-либо, тем более поспешные, передвижения.

Однако сам Пухляк был другого мнения. Ему хотелось как можно скорее оказаться в безопасности. А самым безопасным местом в сложившихся обстоятельствах он считал ракету. И Пухляк сделал вид, что сказанное к нему не относится.

Возникла заминка, и неожиданно для всех осталось в лагере вызвался Карлуша.

— Мы останемся — сказал он и поднялся с места.

Чек взглянул на него с удивлением.

«Молчи и слушай меня», — едва слышно произнёс Карлуша.

Оба вылезли из катера на берег и встали, беспечно засунув руки в карманы. Взломщик пожал плечами и скомандовал «отдать концы». Через несколько секунд катер скрылся в ярком отверстии под тяжёлыми сводами пещеры.

Чек искоса поглядывал на приятеля, терпеливо дожидаясь объяснений.

— Ты понимаешь... — произнёс наконец Карлуша, подыскивая нужные слова. — Как только они попадут на ракету, для них всё закончится. Ракета это такая штука... это вроде как уже дома. Понимаешь?..

И он рассказал Чеку свой план, который тайно вынашивал с тех пор, как побывал в кратере и увидел там инопланетный летательный аппарат.

Нужно ещё раз подняться в кратер вулкана и встретиться с бородатым гномом. Зная теперь заранее все подвохи, они сделают это легко и без проблем.

— Кто-то должен, — прошептал Карлуша, — довести дело до конца и приоткрыть завесу тайны над островом...

Чек к такому повороту событий отнёсся совершенно спокойно и только заметил, что если за ними и на этот раз начнут гнаться роботы, то он за себя не отвечает.

Тут оба вспомнили, что Взломщик наказал им что-то выключить. Они приблизились к сидящим в переплетении проводов роботам.

— Что выключить-то надо?.. — пробормотал Карлуша, с опаской разглядывая механизмы.

— Питание какое-то, — неуверенно подсказал Чек.

— Да-да! Питание. Это электричество значит. А пятнадцать минут прошло, как ты думаешь?

— Должно быть, прошло.

Карлуша подошёл к компьютеру и нажал наугад несколько кнопок.

Двое из четверых «барбосов» пошевелились.

— Ты смотри, шевелятся, — прошептал он испуганно. —

Ну-ка, иди сюда, я что-то не могу разобраться...

Чек приблизился к пульту и тоже стал нажимать кнопки.

— Слушай, я, честно говоря, в этом деле не очень хорошо разбираюсь, — признался он минуту спустя. — Ну их к лешему.

— Погоди, — сообразил Карлуша. — Кажется, я понял.

Он подошёл к аккумуляторной батарее и выдернул провода.

Огоньки в компьютере погасли.

— Теперь порядок, — сказал он с видимым облегчением. —

Теперь можно отправляться. Всё в порядке, барбосы?

И тут произошло неожиданное. «Бобик» и «Трезор» поднялись, вытянувшись по стойке «смирно» и довольно противными дребезжащими голосами доложили:

— Задача успешно завершена. Программа исправлена и дополнена. Отработаны движения рукопашного боя. Отработан способ передвижения на четырёх конечностях как наиболее продуктивный для нашей конструкции. Можно приступить к записи образцов «голос хозяина».

Карлуша и Чек молча переглянулись.

— Это, наверное, про нас, — тихо произнёс Чек. — Надо сказать, чтобы знали...

Карлуша подумал, что «голос хозяина» — это, наверное, совсем неплохо.

— Я — Карлуша, — сказал он громко и отчётливо. — Прибыл из Песочного города. — И, больше ничего не придумав, добавил: — Прошу любить и жаловать.

— Я — Чек, — сказал Чек. — Тоже из Песочного... Тоже прошу, это самое, любить...

Последовала пауза.

— Запись образцов успешно завершена, — проребезжали «Бобик» и «Трезор». — Какие будут приказания?

— О! Вот это мне нравится! — обрадовался Карлуша. — Сейчас проверим, какие из них барбосы.

Он подобрал с земли дощечку от ящика и забросил её в глубину пещеры.

— Бобик, взяты!

В мгновение ока «Бобик» бросился на четвереньки и секунду спустя замер перед Карлушей, держа в зубах дощечку.

— Молодец! — одобрительно сказал Карлуша и погладил робота по лысине. — Умная собака. Может, возьмём их с собой в пещеру?

— Помнится мне, что они воды боятся, — заметил Чек.

— Воды боитесь? — спросил Карлуша и забросил дощечку на середину бассейна.

Роботы не пошевелились.

— Бобик, взяты! — крикнул Карлуша.

Вместо того чтобы исполнить приказ хозяина, «Бобик» заученно отчеканил:

— Правило номер три: остерегаться воды и влаги.

— Правило? — недовольно проворчал Карлуша — И много у вас этих правил?

Поскольку вопрос был поставлен во множественном числе, оба робота задребезжали разом:

— Правило номер один: всеми средствами защищать гномов; правило номер два: своим бездействием не допускать, чтобы гномам был причинён вред; правило номер три: остерегаться воды и влаги, огня, электрических и магнитных полей, а также механических повреждений, превышающих нормативы, обусловленные...

— Хватит! — нетерпеливо отмахнулся Карлуша. — Слушаться и помогать там где надо — вот все правила.

Не теряя больше времени на эксперименты, Карлуша и Чек, в сопровождении двух механических слуг, шагнули в тёмное отверстие пещеры.

Глава восьмая

Вперёд!.. Или, всё-таки, назад...

Во власти волн.

Где неприкосновенный запас?

В это время катер бодро рассекал носом лазурную морскую гладь. Он мчался всё дальше от проклятого острова, стремительно приближаясь к границе оптической сферы.

Первое время ракета как будто специально летела прямо над катером. Пассажиры вскакивали, кричали и размахивали руками. Оглядываясь на спутников, Взломщик весело подмигивал и улыбался.

Но вот ему показалось, что там, позади, появилось нечто такое, чего раньше не было. Взломщик обернулся и снова внимательно посмотрел на остров. То, что он увидел, заставило его нахмурить брови.

Из-за конусообразного силуэта горы быстро поднималась и разрасталась чёрная грозовая туча.

Остальные пассажиры, заметив перемену в лице командира, тоже обернулись и увидели, как туча с устрашающей скоростью обволакивает половину неба.

Вот уже тень накрыла остров, и его зелёный покров сделался свинцово-серым. Мощная волна ветра прокатилась по листве деревьев, ломая сучья. Воздух стал тяжёлым и наэлектризованным.

Катер был уже далеко от берега, до границы оптической сферы оставалось совсем немного. Взломщик в нерешительности сбавил скорость.

На приближение тучи все отреагировали по-разному.

— Полный вперёд! — выкрикнула Кроха. — Нас ещё успеют заметить!

— Греби к берегу! — завопил Пухляк. — Пропадём!..

И он принял вырывать из рук Взломщика штурвал.

Кое-как его оттащили, но за это время, пока они боролись, остров исчез. Катер всё-таки успел выйти за пределы оптической сферы.

Гномы подняли головы... и у всех вырвался возглас отчаяния: ракеты над ними уже не было.

Тем временем тучи с пугающей быстротой заволокли небо, усиливающийся ветер погнал волну, приближался настоящий шторм.

Взломщик повернул катер к берегу, но боковая волна, накатываясь на борт, несколько раз пыталась перевернуть судно. Чтобы избежать катастрофы, следовало вести катер галсами, то есть зигзагами, поочерёдно подставляя волне то нос, то корму. Достичь берега в таких условиях было делом почти невыполнимым.

Настоящая беда настигла путешественников, когда сел аккумулятор и мотор заглох. Это случилось тогда, когда катер почти уже подошёл к берегу. Судно, как скорлупку, стало швырять из стороны в сторону и относить обратно в открытое море.

— Теперь все в трюм! — скомандовал Взломщик. — Будь что будет. Если не расшибёмся о камни, может быть, как-нибудь перекувыркаемся.

Пропустим те ужасные часы, которые путешественники провели в нагло задраенном трюме затерявшегося в громадах волн маленького катера. Несчастные человечки перекатывались, словно сухие горошины в трещотке.

Только ближе к ночи шторм начал утихать.

Море успокоилось, друзья вылезли на палубу, в изнеможении повалились в кресла и уснули.

С рассветом наступил полный штиль. Ни малейший ветерок, ни одна морщинка на воде не тревожили спокойную тёмно-синюю гладь. Вылезающее из-за горизонта пламенное колесо бросило свои тёплые лучи на лица затерянных в океане путешественников. Они начали просыпаться.

— Ах... — сказала Зубрилка, потягиваясь. — Мне сейчас приснилось, что у нас в Песочном городе сломался водопровод и я никак не могу напиться...

— А меня будто бы посадили в железную бочку и пустили с вершины горы, — поделился Взломщик. — Будто бы я катился и кувыркался внутри, а потом бочка скатилась в море и я спокойно плыву прямо домой...

— А я, — призналась Кроха, — пришла в наш лучший ресторан на Центральной площади, и чего только не назаказывала...

Перец и Кренделёк тоже признались, что им снилась какая-то еда и напитки.

Всё это было неудивительно, если вспомнить, что путешественники вот уже более суток ничего не ели. Они ведь даже не успели позавтракать перед выходом в море.

— А ну-ка, Пухляк, передай сюда неприкосновенный запас из багажного отделения! — бодро распорядился Взломщик.

До этого момента Пухляк сидел притихший, в надежде на то, что про «НЗ», может быть, как-нибудь и позабудут. Только что он скушал последнюю оставшуюся от всех запасов пачку ореховых сухарей и запил последними каплями лимонада из последней бутылки.

За истекшие несколько дней Пухляк приспособился большую часть времени проводить в катере, куда он залезал отдохнуть после обеда и откуда вылезал только к ужину. Он устроил себе уютное

гнездо из двух матрасов и подушки, а лёгкое покачивание и плеск волн за бортом как нельзя лучше способствовали отдохну.

Приблизительно в пять часов он просыпался и устраивал себе полдник, состоявший из хранившихся в катере продуктов «НЗ», то есть неприкосновенного запаса. До шести часов Пухляк хрустел там всевозможными галетами и вафлями, запивая их концентрированными соками и компотами. Потом он ложился соснуть ещё пару часов, а потом отправлялся вместе со всеми ужинать.

Таким образом, в катере не осталось ни малейших запасов еды и питья. Впрочем, по счастью, там была ещё металлическая канистра с дистиллированной водой, предназначенней для технических целей.

Напившись воды, друзья попытались разобраться, куда исчезли все продукты. Больше всех возмущался Пухляк.

— Как же так? — вертесь он на своём месте, снова и снова заглядывая в багажник и под сиденья. — Кто же мог это сделать? Я бы этому нехорошему вредителю руки повыдергивал. Наверное, это дикии харч слямзили, они без нас сколько раз в лагере шуривали... Или ещё тот... который ночью приходил из пещеры. Ему что было нужно? Небось, поживиться хотел за наш счёт...

Пухляк продолжал суетиться, не замечая того, что все уже давно молчат и смотрят на него.

Вспомнив, где Пухляк проводил большую часть своего времени, все наконец сообразили, куда подевались продукты.

В наступившей зловещей тишине Взломщик сказал:

— Вот что, Пухляк. Сейчас мы с тобой о другом поговорим. Есть у меня к тебе несколько вопросов.

Глава девятая

Тайное становится явным.
Во всём виноват Карлуша.
Меж двух огней

Почувствовав недобро, Пухляк напрягся.

— Есть у меня к тебе несколько вопросов, — продолжал Взломщик. — И вот вопрос номер один. Что ты делал ночью с отвёрткой — тогда, накануне аварии?

— Это когда же, что-то я не пойму?..

— А вот тогда, когда ты опрокинул тележку с посудой в кают-компании.

— Ах, тогда... Я попить выходил.

— А отвёртка для чего?

— Нашёл. Я же сказал, что нашёл.

— И где же ты её нашёл?

— На полу. В коридоре.

— Вот тут ты врёшь: это отвёртка специальная, она лежала в отдельном ящичке для инструментов. Это отвёртка для одного единственного винта на корабле, и валяться она нигде не могла. Я тогда сразу не сообразил — подумал, что сам где-нибудь выронил. А потом понял, что я её вообще в руки не брал. Ни я, ни Шестерёнка, ни Студент. Потому что этот инструмент служит для регулировки высоты телескопической мачты, чтобы ходить под парусом. Но «Стрекоза» под парусом в море ещё не ходила, а следовательно, кто-то взял ключ по незнанию. И кто же его взял?

— Да, кто?

— Молчи лучше! Осмотрев ключ, я заметил, что конец его весь поцарапан, будто им что-то гнули и корёжили. Провода рвали... — добавил Взломщик многозначительно и посмотрел на Пухляка.

Пухляк весь обмяк, губы у него задрожали.

— После аварии я никак не мог понять, — продолжал Взломщик, — почему «Стрекоза» с её безотказным механизмом вдруг будто бы взбесилась и понеслась прямо на скалы. Тогда я не успел толком ничего разглядеть, но, побывав на борту уже после аварии, нашёл неисправность. Кто-то нарочно залез в пульт управления. И сделал он это той самой отвёрткой, на которой остались следы вредительства. Кто же мог совершить это чудовищное преступление?

Теперь этот вопрос уже не требовал ответа. У Пухляка было ощущение, подобное тому, как если бы он сорвался с самой высокой скалы и стремительно падал в самое глубокое ущелье...

— Но зачем?! — воскликнула Кроха после всеобщего тягостного молчания. — Ведь, испортив корабль, он подвергал себя такой же опасности, как и всех остальных!

— А это уже вопрос номер два, — сказал Взломщик. — Почему в катере сразу после аварии оказался горячий термос и гора свежей провизии?..

Чайка отрывисто крикнула, спланировав в бреющем полёте. Пухляка передёрнуло так, что дрожь прошла по всему борту.

— ...То, что при ударе он самопроизвольно выстрелился, доказывает, что катапультирующее устройство было снято с предохранителя. То есть, кто-то из пассажиров готовился сбежать на этом катере раньше, чем на судно потерпит катастрофу... Кто бы это мог быть?

Это был ещё один вопрос, не требовавший ответа.

Потрясённые услышанным, все молчали. С кормы доносились всхлипывания, это плакал Пухляк.

— Простите, но мне непонятно, — снова подала голос Кроха. — Здесь нет логики. Для того чтобы сбежать на катере, вовсе не обязательно топить «Стрекозу»!

— Логику проследить нетрудно, — возразил Взломщик. — После того как диверсия, по мнению злоумышленника, не удалась (он теперь называл Пухляка не иначе как злоумышленником),

и судно продолжало двигаться к острову, он решился бежать на катере.

— А зачем вообще было ломать что-то на «Стрекозе»?

— По-видимому, злоумышленник надеялся на то, что ремонт судна займёт время, достаточное для того, чтобы сюда успела прибыть ракета со спасательной экспедицией.

— Но мне всё же не верится, что такой жалкий трус мог решиться бежать на катере в одиночку. Хотя погодите... — вспомнила Кроха. — Весь вечер перед аварией он о чём-то шептался с этим... Чеком. А ведь они, кажется, раньше никогда не были приятелями?..

— Точно!.. — прошептала Зубрилка. — Они долго о чём-то разговаривали, а потом вместе вышли. Интересно, куда они после этого направились?

Перед гномами стала вырисовываться вся картина ужасного злодеяния.

— Да! Да! Это все он! — закричал вдруг Пухляк истерическим голосом. — Он всегда меня ненавидел! Он угрожал... Я хотел пойти и всё рассказать, но он угрожал!..

— Да кто же?! — восхликали все хором.

— Как это кто?.. — плаксиво выкрикнул Пухляк. — Это он, Карлуша!..

Подобное заявление было неожиданно и тем более странно, что о Карлусе до сих пор никто вообще не упоминал.

— Да что же тебе Карлуша-то сделал? — сокрушённо покачала головой Зубрилка. — Опять всё врёшь?

— Да, да! — настаивал Пухляк, размазывая слёзы по щекам. — Это он испортил все механизмы на корабле! А когда той ночью я его застал за этим ужасным вредительством, он сунул мне в руки отвёртку, толкнул на тележку с посудой и убежал.

— Ты ври, да не завирайся! — сказал Взломщик. — Где это ты его застал, что он толкнул тебя на тележку?..

— Ах вот как? Я вру? Так спросите у него сами!
— Почему же ты об этом никому не рассказал?
— Как же я мог рассказать, если он обещал выбросить меня за борт!

Все смотрели на Пухляка с недоверчивым изумлением.

— Нет, всё он врёт, на Карлушу это совсем не похоже, — уверенно заявила Зубрилка. — Карлуша, конечно фантазёр, но на такое он не способен.

— Ах, не способен? — плаксиво закричал Пухляк. — А кто притащил меня сюда, то есть на «Стрекозу», воспользовавшись тем, что я во время болезни забылся сном? И на это он тоже не способен?!..

— Прекрати орать! — приказал ему Взломщик. — От тебя уши болят. Допустим, что Карлуша из каких-то неведомых нам пока соображений испортил систему управления кораблём. Допустим, что он тебе угрожал и ты испугался. Но остаётся ещё катер. Его готовил к плаванию тоже Карлуша?

— Нет, — неожиданно сказал Пухляк. — Это не он... Это Чек его готовил. Они ведь заодно!.. — огляделась по сторонам, зашептал Пухляк.

Взломщик и Кроха стали смотреть на него очень внимательно. У них возникло подозрение, что Пухляк сошёл с ума.

— Ах вот как, ещё и Чек, — недоверчиво протянула Зубрилка.
— А о чём ты с ним так долго разговаривал тогда, перед аварией?

— А вот об этом самом. Он пытался склонить меня к побегу. Они с Карлушей хотели бежать со «Стрекозы» на катере и хотели, чтобы я тоже был с ними заодно.

— Для чего же они хотели бежать?

— Не знаю, испугались, наверное...

Этому никто не поверил. Не могли Карлуша и Чек испугаться приключений. Как раз за этим они и пустились в плаванье. Другое дело, что они могли попытаться добраться до острова раньше всех. Это, с натяжкой, можно было допустить.

— Скажите, Пухляк, — негромко и вежливо поинтересовалась Кроха, — а что вы делали в тот вечер, перед ужином, в каюте доктора Глюка?..

Пухляк похолодел. К этому вопросу он не был готов. Это был для него очень и очень неприятный вопрос. До сих пор он находился в полной уверенности, что никто не мог видеть, как он прокрался в каюту Глюка. Тогда он выкрад из докторского чемоданчика снотворные таблетки и за ужином подбросил их Карлусе...

— В какой ещё каюте? — грубо огрызнулся Пухляк. — Не было я ни в какой каюте, кроме своей собственной.

— А вот и врёте, — возразила Кроха. — Я сама видела, как вы туда прокрались. Я была под лестницей и примеряла спасательный жилет. Там было темно, и вы меня просто не заметили.

— Сама вы врёте! Ничего я не знаю, никуда не ходил!

Это была его ошибка. Поверили, конечно, Крохе. Если бы Пухляк был немного сообразительнее, он мог бы сказать, что искал себе таблетку от головной боли. Но он сам загнал себя в угол.

— Теперь я понимаю, — задумчиво сказала Зубрилка, — почему Карлушу ни с того ни с сего сморил сон... Негодяй! Отравитель! — закричала она и бросилась на Пухляка с кулаками.

Получив несколько затрецин, Пухляк опять заплакал.

— Хватит! — приказал Взломщик. — Теперь ясно, что он всё врал. Когда выберемся, оставим его на острове. Пускай там его перевоспитывают.

И Пухляк, окончательно потеряв голову, сдался. Обливаясь слезами, он рассказал всё как было. Он ползал на коленях и молил о пощаде. Но все от него отворачивались.

Время шло, солнце перевалило за полдень.

— А есть как хочется... — пожаловалась Зубрилка, — просто, кажется, сейчас в обморок хлопнусь.

Увы! Затерянным в океане оставалось лишь уповать на волю случая. Разговоры давно стихли. Гномы лежали в креслах, глядя в небо и надеясь на то, что ракета вдруг появится и спасёт их от неминуемой гибели.

Тягостные минуты складывались в часы, но ничего не менялось. Положение становилось всё более угрожающим и мучительным. Когда тишина в катере затянулась и стала невыносимой, Кренделёк заговорил:

— В одной книжке я читал, что когда потерпевшим кораблекрушение становится нечего есть, они выбирают кого-то из своих спутников...

Пухляк открыл глаза.

— Есть такое морское правило, — подтвердил Перец. — Я даже могу сказать, кого в таких случаях выбирают для цели съедания.

Пухляк шевельнулся.

— Ну, это же всем известно, — сказал Кренделёк. — Съедают... — он выдержал паузу, — самого толстенького!

Пухляк подскочил:

— Прекратите! Что за дурацкие шуточки! Я не позволю над собой так издеваться! Я нездоров... Вы не имеете права, вы отве...

И тут он увидел нечто действительно страшное. Навстречу катеру стремительно резал воду острый акульй плавник. Судя по его внушительному размеру, такой ничего не стоило опрокинуть катер и растерзать пассажиров.

Акула сделала плавный вираж перед самым бортом, и через мгновение катер ощутимо качнуло.

— Крупный экземпляр, — пробормотал Кренделёк.

— Не к добру мы собирались съесть гнома, — вторил ему Перец.

Акула сделала ещё один круг, и катер качнуло так, что пассажиры, ухватившись кто за что, с трудом удержались.

— С третьего захода она нас перевернёт, — сказал Взломщик.
— Придётся опять лезть в трюм. Корпус ей не по зубам, а кувыркаться внутри нам не привыкать...

— Час от часу не легче, — выдохнул Перец, указывая в противоположную от акулы сторону.

На поверхности воды появилась подводная лодка с чёрным пиратским полотнищем на флагштоке...

Глава десятая

Неожиданный поворот событий.

Снова вместе.

Вернуться и освободить всех

С утробным бульканьем подводная лодка поднялась до уровня ватерлинии. На несколько секунд наступила полная тишина, а затем послышался медленный, зловещий звук отвинчиваемой изнутри железной крышки люка.

И тут, нарушив тягостное молчание, кто-то в катере неуверенно прошептал:

— Ракета...

Гномы подняли глаза к небу. Прямо над ними, быстро и плавно снижаясь, сверкала на солнце огромная, как дирижабль, великолепная серебристая ракета с крупными ярко-красными буквами на обшивке: «ЛУНА-4».

И в этот же момент с громким металлическим лязгом откинулась тяжёлая крышка люка подводной лодки и из отверстия высунулась голова Студента.

Студент поправил очки на переносице и приветливо помахал рукой:

— Здорово, братцы!

Слёзы брызнули из глаз терявших надежду на спасение гномов. А на железной палубе начали появляться Шестерёнка, Скрипка, Глюк, Немой, Зануда, Бантик, Мазила, Ловкач, Раsterяшка, Вихор, Хитрюга и Сахарок.

Ракета снизилась, и акула, кружившая вокруг катера, попала в зону невесомости. Дрожащие как студень клочья воды взлетели вместе с ней в воздух. В ужасе она стала трепыхаться и извиваться так, будто её бросили на раскалённую сковородку.

Ракета плавно опустилась, легла на воду и поднялась торчком. Прибор невесомости был выключен.

Акула шлётнулась в море и, ударив мощным хвостом по воде, моментально скользнула в глубину.

Тут следует добавить пару слов. Под впечатлением неожиданного и никогда доселе не испытанного ощущения полёта, акула сошла с ума. Она долго мчалась со скоростью торпеды куда глаза глядят, пока силы её не оставили. Некоторое время она лежала на дне в совершенном забытьи. Очнувшись же, она вообразила себя птицей и с тех пор постоянно норовила выпрыгнуть из воды и воспарить к облакам. Стая дельфинов из жалости взяла её под свою опеку. Сумасшедшая акула дожила до глубокой старости, и посмотреть на неё собирались морские жители из самых отдалённых уголков морского царства.

Когда друзья наобнимались, накричались, насмеялись, выплачались и успокоились, Студент велел всем перебраться в ракету. Рассевшись в маленькой круглой кают-компании, постепенно притихли. Снятых с катера накормили. Один только Колобок никак не мог успокоиться. Он радостно скулил и тёрся мордой о колени своего хозяина.

— Итак, — объявил Студент, — мы снова вместе.

— Ура-а... — жиdneyko затянул чей-то голосок, но его не поддержали.

— Но! — строго поднял вверх указательный палец Студент. — На острове остались пленники, а потому радоваться ещё не время. Мы должны вернуться, освободить гномов и уничтожить все эти опасные механизмы.

— Ну, совсем-то уничтожать не стоит, — заметил Взломщик. — Можно и не совсем...

Он рассказал о захваченных роботах, которых впоследствии можно было обратить на пользу гномов. Обрадованный таким поворотом дел, Студент приказал немедленно взять курс на остров.

— Да где же, в конце концов, этот ваш остров?!! — разом воскликнули Звёздочкин и Торопыга. — Тысячу раз мы облетали этот участок шаг за шагом и не нашли никакого острова!

Гномы понимающе захихикали, а Студент спокойно рассказал двум растерянным навигаторам о секрете оптической сферы.

Шестерёнка вернулся на «Медузу» и начал неспешную буксировку ракеты в сторону острова. А Взломщик остался в ракете и начал рассказывать всё по порядку. О том, как они сначала преследовали подводную лодку, а потом увидели остров; как ходили в заброшенную деревню и как лазали в кратер; как их смыло дождевым потоком в пещере и как они попали в штурм, отправившись за пределы оптической сферы на катере.

Услышав об аппарате, расположенном в кратере вулкана, Студент так и подскочил.

— Грандиозно! Без сомнения, это космический летательный аппарат! Находящиеся в нём гномы защищаются от роботов силовым полем. Стало быть, они наши союзники и нам необходимо немедленно туда отправиться!

— Сегодня прибудут ещё четыре ракеты из Центральной дирекции, — вяло сообщил Звёздочкин. — Они там, наверное, думают, что мы с Торопыгой спим или в шахматы играем... Я думаю,

не надо им рассказывать о существовании оптической сферы.

Пускай тоже полетают кругами. А мы тем временем всех освободим.

Студент на мгновение задумался. С одной стороны, не предупредить спасателей было бы, мягко говоря, неправильно. С другой стороны, он хотел дать себе шанс всё исправить.

— Да, — согласился он неуверенно, — мы сами должны разобраться в этом деле.

Вскоре собравшиеся на побережье острова дикии смогли наблюдать странную картину: ракета и катер парили над водой в зоне невесомости, привязанные тросом к буксировавшей их подводной лодке.

Путешественники рассчитывали таким образом зайти в акваторию западной части острова, под прикрытием высокого скалистого берега продвинуться южнее и укрыться в гроте.

В пути Студент рассказал друзьям о том, как пленникам удалось завладеть «Медузой» и бежать с острова.

Вот как было дело.

Глава одиннадцатая

План побега.

Почти получилось.

Тот, кто мешает, поможет?..

Разразившаяся днём раньше буря нарушила обычный распорядок в стане врага. Работавших в котловане гномов с началом проливного дождя согнали в спальный сарай, где они впервые за время пленения смогли хорошенько выспаться и отдохнуть. Струйки тёплой воды текли изо всех щелей кое-как сработанной крыши, но никто не обращал на это внимания. Многие только удивлялись, почему с началом ливня работы были прекращены. Вряд ли кто-нибудь

заболтался о том, чтобы пленники не промокли. Скорее всего, директор беспокоился о своих роботах. Стражники столпились под специальными навесами, и пленные человечки были предоставлены самим себе. Поболтав немного, они улеглись спать. Студент сделал очередную запись в своём дневнике и тоже с удовольствием растянулся на травяном матрасе. Дождь был такой тёплый, что от земли поднимались клубы пара.

Он проснулся, когда вечером вернулись барышни, работавшие на фабрике. Студент и Огонёк тотчас уединились в уголке барака и стали обсуждать план побега.

— Прежде всего необходимо решить, кто будет участвовать в побеге, — сказал Студент. — Достаточно одного-двух гномов для того, чтобы выйти на плоту в море и быть замеченным ракетой.

— Однако вы забываете об опасности, угрожающей беглецам со стороны аборигенов, — возразила Огонёк. — Этим дикарям ничего не стоит расправиться с несколькими гномами. Но если в побеге будет участвовать целая группа, отряд, вооружённый камнями и дубинками...

— Согласен с вами, уважаемая коллега (Студент стеснялся называть свою знакомую по имени и обращался к ней не иначе как «уважаемая коллега»), однако заметьте, что если один-два гнома могут под покровом ночи пробраться незамеченными, то отряд, скорее всего, привлечёт к себе внимание.

— А вы, уважаемый коллега, упускаете из виду другое важнейшее обстоятельство: десять-пятнадцать гномов могут быстро связать достаточно большой плот. Маленький же просто затеряется в океане, и ракета его не заметит.

— Хорошо, вы меня убедили, — согласился Студент.

— Теперь выбирайте себе надёжных спутников.

— Вы остаётесь?!

— Давайте просчитаем на несколько ходов вперёд. Допустим, что всё идёт по плану и ракета высаживается на острове.

Поскольку она практически неуязвима, директор сгоняет всех внутрь горы и блокирует входы. Начинается осада, переговоры...

— Да, я понял. Ваше присутствие там будет чрезвычайно полезным. Я также попрошу остаться инженера Циркуля из Земляного города. Это очень смышлённый и решительный гном, вот увидите, он ещё себя проявит.

— Думаю, что изнутри нам будет легче подорвать надёжность обороны противника.

— Вы рассуждаете как опытный стратег.

— Это упрёк? Или комплимент?

Студент покраснел.

— Итак, решайте, кто отправится с вами.

— Здесь со мной ещё двенадцать гномов из Песочного города. Наверное, они и отправятся.

— Прекрасно. Ветер, кажется, совсем стихает, но в темноте вы всё равно не найдёте дороги в зарослях. Дождитесь рассвета и отправляйтесь, — посоветовала Огонёк. — Прощайте.

По рассеянности Студент тряс руку уважаемой коллеги немного дольше, чем того требовала простая вежливость.

За час до рассвета, когда звёзды ещё не погасли, но восток уже начинал чуть-чуть светлеть, Студент тихонько растолкал своих друзей и собрал их вокруг себя. Проспав подряд не менее четырнадцати часов, все чувствовали себя бодро и уверенно. Известие о предстоящем побеге было встречено с радостью.

— Так что же мы стоим! — запрыгал на месте Ловкач. — Бежим, бежим скорее вязать плот!

— Погоди, — осадил его Глюк. — В такую темень нельзя бежать через заросли. Кто-нибудь может свалиться в обрыв или выколоть себе глаз сучком.

— Ты, Ловкач, всё куда-то спешишь, — проворчал Зануда. — Вот поймают голопузые, будешь тогда плакать и обратно проситься.

— Против голопузых мы вооружимся крепкими палками, —
сказал Студент. — И будем передвигаться по возможности скрытно.
Нас тринадцать гномов, и мы в случае чего сможем за себя постоять.

Он разбудил Циркуля и рассказал ему о побеге. Тот поначалу
хотел обидеться, что его не берут, но Студент объяснил, насколько
важно именно сейчас остаться в тылу врага. И Циркуль согласился,
пообещав не терять связи с Клюковкой.

Небольшая проблема возникла из-за ушибленной ноги
Сахарка. Бедняга всё ещё прихрамывал, и Глюк настаивал на том,
чтобы больной оставался лежать. Однако сам больной заявил, что
пойдёт вместе со всеми чего бы это ему ни стоило. Он сказал,
что поползёт ужом, цепляясь за ноги бросивших его товарищей.

Сахарок также рассказал, как ему являлся Карлуша в образе
абorigена — несомненный знак того, что побег будет удачным.
В конце концов Глюк махнул рукой и пробормотал: «Делайте что
хотите».

Как только начало светать, Студент и его друзья нырнули в
густые заросли. Роботы и малые шары наблюдения в этот момент
развернулись в противоположную сторону: инженер Циркуль затяял
шумную перебранку с одним из своих знакомых.

Сначала беглецы отошли как можно дальше от барака. Потом
они изготовили длинные бамбуковые копья, которые одновременно
могли служить как оружием, так и шестами для прыжков через
небольшие речки и овраги. Шест под Сахарком подломился после
первого же прыжка, и бедняга шлёпнулся прямо в ледяной ручей,
подвернув здоровую ногу. Стуча зубами, он продолжил путь, хромая
теперь на обе ноги. Пришлось спешно соорудить для него носилки.

— Ничего, ничего, — подбадривал Сахарок обливавшихся
потом товарищей. — Вы за меня не волнуйтесь, я уж как-нибудь...

Едва беглецы выбрались на берег моря, из лагеря послы-
шался сигнал подъёма. Гномы столпились на песчаном пляже,

смотрели на бескрайний морской простор, и сердца у них учащённо бились. Солнце уже высунулось из-за горизонта, и фигуры стали отбрасывать на песок длинные тени.

— Теперь — за работу! — приказал Студент. — Ташите из леса всё большое!

Вскоре громоздкий и ненадёжный плот был составлен, перетянут бесчисленным количеством сухих травинок и общими усилиями спущен на воду. Студент с минуту скептически разглядывал плот, а потом попросил ловкого Ловкача залезть на пальму и оглядеться: спокойно ли море.

Ловкач быстро вскарабкался на дерево и с самой верхушки начал докладывать о том, что видит.

- Вижу на горизонте точку!
- Куда она движется?
- Сюда, в нашу сторону!
- Надо отчаливать. Как там море?
- На море спокойно. Тишина да гладь!
- Ну, спускайся быстрее.
- Погодите! Там что-то всплывает! Это «Медуза»... Да, это точно она! Подходит к причалу!

— Ах, как некстати! — Студент готов был рвать на себе волосы от досады. — Они нас заметят, слишком близко!..

- Ой! Ещё хуже!
- Что ещё такое?
- Нас заметили, сюда бегут. Цирики встречали «Медузу».

Ловкач мигом спустился с дерева и запрыгнул на плот. Все взяли вёсла на изготовку.

— Отставить! — твёрдо скомандовал Студент.

Теперь, на глазах у пиратов, плот не мог уйти далеко от берега. И Студент сходу придумал столь дерзкую комбинацию, от которой у него самого голова пошла кругом.

Роботы стремительно приближались, взметая из-под железных ног тучи песка. Дрожа от страха, гномы сбились в кучку и ожидали жестокой расправы. Им были знакомы и крепкие, как клещи, захваты металлических пальцев, и рубцы от тонких тугих верёвок, стянутых на запястьях.

И вот, когда до гномов оставалось всего десяток-другой шагов, Студент выступил вперёд и крикнул:

— Эй, вы! Вас всего трое, а нас больше, поэтому вы должны нас слушаться! Замрите и стойте!

Последующие мгновения показалось ему вечностью.

Роботы послушно остановились.

Произошло то, на что Студент и рассчитывал: не подлежащая сомнению информация о том, что роботов трое, а гномов больше, не ставила под сомнение информацию последующую, якобы вытекающую из предыдущей, но на самом деле ложную.

Подобные опыты Студент раньше успешно проводил и раньше. Сейчас же главное заключалось в словах «вы должны нас слушаться». Если эта установка сработала, то отныне роботы должны были выполнять команды любого из зафиксированных их зрением тринадцати гномов.

— Прикажи им сесть, — шепнул Студент Глюку.

— А ну-ка, присядьте, голубчики, — ласково приказал тот.

Роботы послушно сели на песок.

— Скажите «гав», — потребовал Шестерёнка.

— Гав! — хором сказали цирики, которым до сих пор было строжайше запрещено разговаривать с пленными.

Тут все радостно и наперебой принялись требовать, чтобы мучители говорили то «мяу», то «ква-ква», то «кукареку»...

Половина плана успешно сработала.

Глава двенадцатая

Ветер удачи.
Когда электронные мозги дают сбой.
Господин директор в ярости

— Эй, Ушан! — хрипло кричал капитан Чёрная Борода на пиратов, выгружавших из подводной лодки внушительного вида сундук. — И ты, Профессор! Олухи безмозглые, сейчас уроните!..

Не успел он это произнести, как Ушан и Профессор действительно уронили на причал сундук, обитый железом. Откинулась крышка, и на доски посыпались золотые монеты, украшения и драгоценные камни.

Капитан стал в ярости топать ногами и выкрикивать замысловатые морские ругательства. Пару раз он огrel верёвкой «неуклюжих олухов», которые с понурым видом собирали драгоценности.

— Уберите этих идиотов, чтобы я их больше не видел! Пусть другие тащат, морских ежей в глотку!..

Сундук подхватили двое других разбойников, а Ушан и Профессор куда-то незаметно испарились.

Однако и теперь дело не клеилось. Продолжая браниться, капитан побежал сам, чтобы показать, «как это делается». Он оттолкнул одного из «ещё двоих безмозглых дураков», обеими руками схватился за медную ручку, с кряхтением приподнял край сундука — и тут же опустил его себе на ногу.

Взвыв от боли, он разразился такими выражениями, от которых даже у его отпетой команды вытянулись физиономии. Все сгрудились на самом конце причала, со страхом ожидая, на кого теперь обрушится сила капитанского гнева.

— Похоже, наш старикан встал сегодня не с той ноги, — пробормотал рыжий пират по прозвищу Живчик.

— Гы-гы-гы... — тихонько прогудел здоровенный, выше на голову всех остальных, пират по прозвищу Железяка. — Ноги...
Вот по этой самой ноге... Гы-гы-гы...

— Капитан сейчас говорил по телефону с директором, —
пояснил Нос, первый помощник. — Ему здорово влетело. Ночью
из барака сбежали тринадцать гномов. Почти все — наши...

— Видать, это те самые, шустрые, — высказал предположение
пират по прозвищу Циклоп, у которого была чёрная повязка вместо
правого глаза. — Они директору сразу не понравились.

— Навели они тогда шороху на «Медузу», — заметил Лопух. —
Капитан им этого не простит...

— Цирики осматривают берег, — сообщил Угрюмый. — Если
не найдут — нам тоже достанется.

— Не могу я больше так! — заныл Плакса. — Зачем, зачем мы
в это ввязались!..

— Не скули, малявка, — прохрипел Костыль, корабельный
кладовщик. — Домой вернёмся богачами!

— Пропадём мы здесь, пропадём!.. — возбуждённо зашептал
Кошмарик, но тут же получил зуботычину от Железяки.

Ещё трое пиратов — Молоток, Пузырь и Зубарик — выска-
заться не успели, потому что капитан, слегка оправившись от боли,
принялся охаживать всю компанию толстой просмолёной верёвкой.
Загнав пиратов на самый край причала, он с наслаждением лупил
направо и налево, куда попало, не позволяя никому прошмыгнуть
себе за спину.

Вдруг он почувствовал, как железная рука опустилась ему на
плечо.

Капитан медленно повернул голову, поднял глаза и увидел
бесстрастно поблескивающие чёрные очки «Одиннадцатого».
Поблизости стояли ещё двое — «Двенадцатый» и «Тринадцатый».

Капитан удивился.

— Эй, ты, придурок...

Но он не договорил, потому что пальцы железного механизма сдавили его плечо чуть не до хруста. Рука стала медленно опускаться, и ноги у бородатого капитана подогнулись. Он упал на колени.

— Выстроиться в цепочку по одному, — продребезжал «Одиннадцатый» на одной ноте.

Пираты в растерянности загадели и затоптались на месте.

— Позвольте, это какая-то ошибка! — подал голос Профессор.
— Вы обязаны нам подчиняться, мы сотрудничаем с директором!

«Двенадцатый» молча взял его за горло и приподнял.

Профессор подрыгал ногами и затих.

Робот поставил его на место и вынул из кармана верёвку.

— Выстроиться в цепочку по одному, — повторил «Одиннадцатый». На этот раз пираты послушно выполнили приказ и замерли, взъярившись дыша друг другу в затылок. Их связали и повели на верёвочке, словно дошкольят, вглубь острова.

Первым в колонне оказался Профессор. Он сильно хрюпал и шатался из стороны в сторону. Последним волочил свою ушибленную ногу капитан. Он молча сопел и громко скрежетал зубами.

Прекрасно зная крутые замашки механических стражников, пираты боялись и пикнуть. Тем не менее, помощник капитана Нос успел что-то заметить в прибрежных кустах. Ему показалось, что, щуря глаза и зажимая себе рты, оттуда выглядывают те самые беглые гномы. В волнении дёрнулся и вскрикнул. Но тонкая бечёвка тут же больно впилась ему в запястья, а роботы грозно повернули головы в его сторону. Стиснув зубы, Нос глухо зарычал.

Вереница из пятнадцати гномов и трёх роботов растянулась далеко по узкой тропинке. Эта дорога была пиратам хорошо знакома, но никто из них не предполагал, что когда-нибудь отправится по ней со связанными руками.

Будучи самым сообразительным в этой шайке, Нос продолжал мучительно обдумывать причины случившегося. Наконец его осенило: «Да ведь они принимают нас за тех самых беглых пленников!» Он завертелся, сгорая от желания сообщить другим о своей догадке. Но, встретившись глазами с непроницаемыми стёклами очков «Одннадцатого», моментально вжал голову в плечи.

«В их программе что-то разрегулировалось, — продолжал он усиленно соображать, глядя себе под ноги. — Возможно, что, когда на берегу они преследовали настоящих беглецов, в их механизмы попала морская вода...»

Выбрав момент, Нос шепнул идущему впереди Кошмарiku:
— Они принимают нас за беглых пленников!..

За несколько секунд весть облетела всех пиратов, вплоть до идущего впереди Профессора. Один только капитан Чёрная Борода, который плёлся позади Носа и рычал от злости, всё ещё не понимал, в чём дело.

Проконвоировав пиратов, роботы сдали их другим стражникам, а сами отправились к директору.

В котловане цирики распределили пиратов по работам — долбить, таскать, крутить. Не имея выбора, те послушно работали, в надежде, что сейчас всё разъяснится и их освободят.

Но время шло, и ничего не менялось. Более того, настоящие пленники то и дело норовили дать пиратам тумака, больно пнуть ногой или лопатой, а шар за медлительность и нерасторопность жалил разбойников направо и налево.

Так, в невыносимых мучениях, прошёл час, другой, третий...

По жестокой иронии судьбы капитану доставалось больше всех: он был поставлен отдельно от своих — на чёртово колесо. Это колесо считалось здесь самым тяжёлым видом работ, на него попадали новички или провинившиеся. Обливаясь потом и всё ещё не понимая происходящего, капитан волочил по кругу большую ногу.

И если бы не регулярно достающиеся ему «стимулирующие» удары хрустального шара, он бы давно уже свалился без чувств.

Что касается директора, то он всё знал и всё видел.

Ещё ранним утром, когда обнаружилось отсутствие тринадцати гномов, ему под горячую руку попался Чёрная Борода, который доложил по телефону о прибытии. Сорвав на нём первый приступ ярости, директор направился в свою секретную лабораторию, откуда не выходил до полудня. До часа «икс» оставалось уже не более двух суток... Но работы-электронщики требовали ещё несколько унций алмазов, без которых закончить объект не представлялось возможным.

После бегства пленников об ускорении работ не могло быть и речи. Директор рвал и метал.

Вернувшись из секретной лаборатории, он застал у дверей своего кабинета «Однинадцатого», «Двенадцатого» и «Тринадцатого». Роботы доложили, что господа пираты оказались на деле злонамеренными беглецами, которые теперь благополучно водворены на свои рабочие места. Они также поинтересовались, не прикажет ли хозяин перекрасить траву на острове в оранжевый цвет...

Схватившись за голову, директор бросился к экранам. Вид у разбойников был столь жалкий, что даже пленные гномы перестали их обижать.

Тонкие губы директора растянулись в ядовитой усмешке. И, вместо того чтобы отдать распоряжение о немедленном освобождении своих союзников, он с наслаждением влепил капитану длинную очередь болевых импульсов.

Глава тринадцатая

На подводной лодке.
Судовой журнал.
Точка на горизонте

Беглецы вышли на причал и осмотрелись. Вокруг не было ни души. Ракета всё ещё казалась точкой на горизонте, но эта точка немного увеличилась в размерах и слегка переместилась к югу.

Шестерёнка стал вынимать из своих многочисленных карманов и раскладывать на шершавой чугунной крышке люка «Медузы» всевозможные инструменты. Он также зачем-то попросил у Глюка его докторскую слуховую трубочку.

Тем временем остальные стали разглядывать содержимое сундука. Сваленные в нём драгоценности потускнели и покрылись зеленоватым налётом — как будто они много лет пролежали под водой.

Наконец крышка с лязгом отворилась, и беглецы один за другим юркнули в чрево пиратской подводной лодки. Не теряя времени, Шестерёнка завёл мотор, и уже через секунду «Медуза» рванулась с места, набирая скорость и одновременно погружаясь под воду.

Вздохнув наконец свободно, гномы разбрелись по отсекам.

У входа в шлюзовую камеру громоздилось с десяток металлических ящиков. Открыв наугад один из них, Студент с удивлением обнаружил там комплект космического снаряжения: скафандр, комбинезон и баллоны со сжатым воздухом. То, что это было именно космическое, а не водолазное снаряжение, Студент понял сразу: он сам конструировал в своё время нечто похожее. Удивительно было другое: это космическое снаряжение на «Медузе» использовали именно как водолазное! Не было никаких сомнений в том, что

в этих скафандрах и резиновых комбинезонах уже не раз погружались в воду. Для чего? Это легко объяснял оставшийся на причале сундук, набитый поднятыми со дна драгоценностями.

Сам факт существования на подводной лодке космического снаряжения Студента не очень удивил. После всего, что произошло за последние десять дней, его вообще было трудно чем-либо удивить. Оставив ящики, он продолжил осмотр судна и заглянул в каюту капитана.

Среди грязи и запылившегося хлама его внимание привлек судовой журнал в засаленном кожаном переплете. Страницы журнала были испещрены неразборчивыми каракулями и цифрами. Открыв наугад, Студент прочитал:

«Главный навигатор делает вид, что ему наплевать. Посмотрим, как он закрутится, когда директор проковыряет дырку. Цирики работают в котловане. Пользы от них мало, как бы этот психопат не заставил нас работать... Надо привозить больше камней, тогда нас не тронут. За эту неделю только одно успешное погружение. Общий расклад — 380 золотых. А что если взять в плен и заставить работать местных гномов?..»

Студент захлопнул журнал и в глубокой задумчивости направился в рубку, где за штурвалом, поглядывая на экран радара, стоял Шестерёнка.

Прильнув к окулярам перископа, Студент осмотрелся.

Море было чистым и спокойным. Ракета, не снижаясь, продолжала двигаться в прежнем направлении.

— Выходи на поверхность, — махнул он рукой. — С острова нас уже не достанут, а с ракеты могут заметить.

Шестерёнка вывел лодку на поверхность, Студент поднялся по ступенькам, открыл люк и высунулся наружу. Приставив к глазам мощный морской бинокль, он сначала долго и пристально рассматривал ракету, а потом медленно осмотрел море по кругу. На мгновение ему показалось, что у самого горизонта в море виднеется

какой-то предмет. Предмет был, очевидно, небольших размеров и находился так далеко, что его невозможно было разглядеть даже через бинокль.

«Наверное, бочка или бревно плавает после бури», — подумал Студент.

Однако не будучи до конца уверенным и не понадеявшись на авось, он и Шестерёнка решили увести «Медузу» на глубину, затем приблизиться к неопознанному предмету и рассмотреть его через перископ.

Глава четырнадцатая

*Снова на острове.
Где Карлуша и Чек?
Если не смыло...*

Как можно догадаться, рассказ Студента закончился счастливой встречей подводной лодки, катера и ракеты.

Лодка приблизилась к острову, но на входе в грот ракета оказалась слишком велика. Протиснуть её под арку не представлялось никакой возможности, это было видно без измерений.

Перебравшись на стоянку в гроте, друзья стали совещаться.

— Оставлять ракету нельзя, — сказал Студент. — Нас сразу обнаружат.

— Но ведь «Стрекоза» лежит у берега почти неделю, а директор ваш об этом ничего не знает, — возразил Взломщик.

— Ошибаетесь, — сказал Студент. — О том, что «Стрекоза» разбилась, всем известно. Директор распустил слух, что все пассажиры погибли.

— Но мы не можем спрятать ракету на острове, она слишком большая! — сказал Торопыга.

С минуту все раздумывали, а потом Студент сказал:

— Если мы не можем спрятать ракету, значит, мы выставим её на всеобщее обозрение!

И он пояснил свою мысль.

— Как вам известно, ракета обладает антиметеоритным защитным полем, делающим её совершенно неуязвимой. Она приземлится перед самым носом у противника и на какое-то время отвлечёт его внимание.

В это время, потихонечку, робко высовываясь из лазейки, в пещере один за другим начали появляться дикари. При виде их Студент и другие вновь прибывшие испуганно отступили.

Туземцы тоже в нерешительности замерли, увидев незнакомцев.

— А вот и наши замечательные этнические друзья! — воскликнул Взломщик, сам удивившись тому, что сказал.

За дело взялись Зубрилка и Кроха. С помощью сообразительного Уголька они быстро всех перезнакомили.

В суматохе Взломщик искал и никак не мог найти «Бобика» и «Трезора» — двух из четырех остававшихся на попечении Карлуши и Чека роботов. Да и самих этих друзей не было видно, хотя поначалу никто не обратил на это внимания.

— Кто-нибудь видел Карлушу и Чека?! — крикнул наконец Взломщик, обращаясь ко всем одновременно.

Гул затих, все переглядывались и пожимали плечами.

— Наверх они не поднимались, — сказал Уголёк. — А если они не уплыли по воде...

Взломщик побежал к отверстию ведущей к кратеру пещеры и, сложив ладони рупором, прокричал несколько раз в глубину: «Карлуша! Карлуша! Чек!..»

Пропутешествовав по неведомым лабиринтам туда и обратно, крик разноголосым эхом вернулся в гrot.

— Смотрите! — сказала Зубрилка. — Вот записка: «Мы ушли в пещеру на разведку. Скоро вернёмся. К. и Ч.».

— Когда это — скоро? — заволновалась Зубрилка. — И когда они вообще отправились?

— Всыпать бы им хорошенько, и этому «К», и этому «Ч»! — сказал Взломщик с раздражением. — Кто им позволил роботов уводить?

Никто не заметил, как над островом пролился небольшой тёплый дождик, после которого из отверстия ведущей к кратеру пещеры несколько минут клокотала вода.

Зубрилка некоторое время смотрела на эту воду, а затем глаза её испуганно округлились, она схватилась за голову и закричала:

— Их ведь смыть могло! Они ведь перед самой бурей в пещеру полезли!..

От этого ужасного известия гномы буквально оцепенели. Потом все засуетились, было решено отправиться на поиски немедленно. Вспомнили, что во время ливня в пещере застряли роботы. Это означало, что если «Бобик» с «Трезором» найдутся где-нибудь поблизости от входа, то дело плохо. Если же их нет, значит, они успели выбраться. В этом случае появится надежда на то, что Карлуша и Чек находятся теперь среди других пленных гномов в котловане.

Торопливо собравшись, в пещеру полезли Взломщик, Глюк, Студент, Зубрилка и Кроха. Шестерёнка остался сидеть на рации, а Звёздочкину с Торопыгой было приказано немедленно начать отвлекающий манёвр с ракетой.

Поисковая группа скрылась в тёмном отверстии пещеры, и для оставшихся в лагере потекли мучительные минуты ожидания.

Глава пятнадцатая

Гора как антенна.

Заседание Большого Научного совета.

Профессор Злючкин и академик Ярило

Но неужели Карлуша и Чек в самом деле погибли в стремительном водовороте дождевой воды и были унесены потоком в морскую пучину?.. Для того чтобы прояснить этот вопрос, нам необходимо вернуться к событиям утра предыдущего дня, когда, напомним, два друга в сопровождении механических слуг по уже известному пути направились в сторону кратера.

Впереди, освещая дорогу фонарём, шагал «Бобик»; за ним следовали Карлуша и Чек; замыкал процессию «Трезор». Каменный тоннель петлял, то расширяясь до размера концертного зала, то сужаясь до такой степени, что приходилось ползти на четвереньках. А поскольку каменная поверхность была разглажена и отполирована потоками дождевой воды, можно было продвигаться без опасений расцарапать себе коленки.

Но вот дорогу путникам преградило озерцо с водой, Карлуша от огорчения совершенно скис. Это озерцо почему-то опять вылезло у него из головы. А ведь в прошлый раз оно спасло путешественников от погони. Но теперь за ними никто не гнался, а два сильных и послушных механизма не могли вместе с ними продолжать путь.

— Ну, вот и пришли, — проворчал Карлуша упавшим голосом.
— Знаешь, Чек, эти роботы на тебя похожи.

— Это почему ещё?

— Воды боятся.

— Вот ещё. Никто ничего не боится. Трезор, давай на тот берег!

И тут, совершенно неожиданно для обоих друзей, «Трезор», грохоча башмаками, разбежался — и вместе с вещами перемахнул одним прыжком на другой берег.

Прыжок здоровенного, тяжёлого механизма был великолепен. Введённые в программу роботов спортивные навыки начинали приносить пользу.

— Бобик, вперёд! — крикнул Карлуша, воспрянув духом.

И «Бобик» с таким же великолепием и грохотом перемахнул через водную преграду.

Свободные от поклажи Карлуша и Чек переплыли бассейн в несколько секунд.

Тоннель уводил всё дальше вверх, уклон становился всё заметнее. Путники начали уставать. Когда до места назначения оставалось уже не так много, решили передохнуть.

Карлуша разыскал в кармане гвоздь и попытался процарапать им стену, однако из этого ничего не вышло.

— Бобик, держи гвоздь, — приказал он. — Пиши: «Карлуша и Чек были здесь».

И «Бобик» показал класс. Гвоздь в его железной руке затарахтел как игла в швейной машинке. Не успели друзья глазом моргнуть, как надпись на стене была готова.

Ощупывая буквы руками, друзья заметили, что в одном месте от стены откололся кусок камня и под ним что-то засияло. Скорее всего, это было природное серебро или железо. Одновременно они обратили внимание на то, что рация в рюкзаке зашипела. Карлуша вынул радио и стал крутить ручку настройки. Пещера наполнилась звуками радиоэфира.

— Вот это фокус! — обрадовался Карлуша. — Наверное, железо действует как большая антенна. Давай послушаем, что говорят.

Прокрутив музыку и спортивный репортаж, он остановился на трансляции какого-то важного заседания, на котором упоминалась

морская экспедиция «Стрекозы». Прижав пальцем проволочную антенну к металлической поверхности скола, друзья принялись слушать.

В прямой трансляции передавалось экстренное заседание Большого научного совета. Кто-то заканчивал своё выступление фразой: «...выслать все имеющиеся в нашем распоряжении плавсредства!»

С этого места мы попытаемся не только услышать, но и увидеть происходившее в зале.

Публика одобрительно загудела, а в президиуме заспорили два известных учёных — член-корреспондент Географического общества, профессор Злючкин и директор обсерватории академик Ярило. Злючкин говорил раздражённо и крикливо, Ярило — мягко и солидно, густым бархатным баритоном.

— Географическое общество не давало разрешения ни на какие морские путешествия! — говорил Злючкин. — Это самоуправство! Они должны были за полгода подать заявку, которая в соответствии с установленными правилами прошла бы стадии рассмотрения и была бы завизирована во всех инстанциях! Кто такой этот Студент? Почему мы должны расхлебывать безответственные действия каких-то горе-путешественников из Песочного города?

— Ошибаетесь, коллега, — возразил академик Ярило. — Это вовсе не горе-путешественники. Я прекрасно знаком с организаторами экспедиции. И вы должны знать, что именно господин Студент сконструировал первую космическую ракету, совершившую посадку на населённое гномами ядро Луны!

— Ну и чем закончились ваши полёты на Луну? Кто сейчас летает на Луну? Вы летаете?.. Вы летаете?.. — Злючкин стал тыкать пальцами в членов Совета. — От вашей Луны гномы только болеть начинают! Да будет вам известно, что в эту безответственную авантюру был насильственным образом втянут тяжело больной лунной

болезнью господин Пухляк! (Наступила тишина.) В чём провинился этот добрейший и честнейший гном, который даже не был в силах сопротивляться?! — В голосе Злючкина появился щемящий надрыв.

— Вот как? — удивился Ярило. — Я об этом не знал. Но я попрошу профессора Микстуру опубликовать в вечерних газетах медицинское заключение по поводу здоровья господина Пухляка. Да, практика показала, что космические полёты не лучшим образом влияют на здоровье гномов, и, как видите, на этот раз Студент организовал полезное, оздоровительное и в то же время познавательное морское путешествие.

— Оздоровительное! Познавательное! — противным голосом передразнил Злючкин. — И где сейчас все эти прекрасно оздоровившие себя путешественники?

— В ближайшее время мы надеемся получить известия от экипажа розыскной экспедиции астронома Звёздочкина и инженера Торопыги.

— Кто такой Звёздочкин? Не знаю я никакого Звёздочкина! А Торопыга — отпетый хулиган! Я Торопыгу знаю, он со мной на одной улице живёт. От его изобретений все соседи стонут...

— И опять я вынужден с вами не согласиться,уважаемый профессор. Астроном Звёздочкин прекрасно известен и уважаем в научных кругах. Он известен и вам лично, не отпирайтесь. Звёздочкин работает над Большим атласом звёздного неба, и в этом деле он значительно опережает все другие подобные изыскания, в том числе и лично ваши!

— Ах, оставьте это, сейчас не время. Я утверждаю категорически, что никакого острова Голубой звезды в природе не существует! («Не существует... не существует...» — послышались удивлённые голоса из зала.) Нет никакого острова! Если бы пресловутый остров существовал, мы бы увидели его на снимках, сделанных из космоса. Вот последние снимки, вот, вот! — Злючкин стал вынимать из портфеля и разбрасывать по столу президиума снимки. — Вот! Вот! Нет никакого острова!

— Где же сейчас, по-вашему, экипаж «Стрекозы»? — поинтересовался Ярило.

— А я почём знаю? — Злючкин сложил руки на груди и отвёл глаза. — Высадились где-нибудь и загорают на песочке кверху пузом.

— А сигналы бедствия?

— Из баловства кто-нибудь кнопочку нажал, а вы и поверили! В зале возмущённо зашумели.

— Ну, знаете ли, коллега, — развёл руками Ярило, — кроме вас, такое и в голову-то никому не могло прийти! А кроме того, не забывайте, что существует карта, найденная архивариусом Червячковым, и на ней остров есть! В последние дни обнаружено ещё несколько старинных карт, подтверждающих существование острова!

— Что они там подтверждают! — раздражённо протянул Злючкин. — Подтверждают, что остров когда-то, где-то, может быть, и был. А вот известный специалист Галькин утверждает, что остров этот исчез в результате тектонических сдвигов! Или, может быть, ваш остров волшебный? Остров, так сказать, невидимка!.. — Злючкин повернулся к залу с ехидной улыбкой, как бы призывая присутствующих посмеяться над своим оппонентом.

В зале раздалось несколько жиdenьких смешков, но подавляющее большинство оратора не поддержало.

— Так что же вы предлагаете? — спокойно сказал Ярило.

— А я ничего не предлагаю, я уже высказался.

С торжествующим видом Злючкин уселся на своё место и в наступившей тишине стал постукивать пальцами по столу.

— К сожалению, учёный коллега не сообщил собранию ничего нового, — подытожил выступление Злючкина академик Ярило. — А теперь я объявляю, — он повысил голос, — что в сложившейся ситуации всю ответственность за проведение дальнейших поисковых работ я возлагаю на себя!

В зале одобрительно зашумели и зааплодировали.

— Если в течении сегодняшнего дня к нам не поступят обнадёживающие известия, завтра же утром в зону поиска будут отправлены ещё четыре экспедиции. Наши лучшие специалисты проведут водолазные работы, возьмут пробы песка, ила, воды, атмосферы, изучат состояние подводной фауны в зоне поиска, а радиопеленгаторы обнаружат «чёрный ящик», где бы он ни находился!..

Тут председателю подали какую-то бумагу, он поднялся и огласил последнюю радиограмму от Звёздочкина:

«Приближается буря, до её окончания временно уходим в стратосферу».

— Ну вот, — не замедлил съязвить Злючкин, — теперь ещё денька четыре будут отдыхать в стратосфере. Спасатели...

Но на его шпильки уже никто не обращал внимания. Академик Ярило решительно заявил, что он немедленно отправляется в Научный городок чтобы руководить подготовкой большой спасательной экспедиции.

На этом, под разноголосый шум в зале, заседание Совета было объявлено закрытым.

Глава шестнадцатая

«Бобик» и «Трезор»
дважды спасают своих хозяев.
Утопающих пускают за оболочку

— Попался бы мне этот Злючкин! — хмурился Карлуша, засовывая рацию обратно в рюкзак. — Я бы ему показал «остров-невидимку»!

— Что они там... про бурю?.. — напомнил Чек.

— Говорят, что сейчас здесь начнётся буря.

— А мы?

— Что — мы?

— Нас ведь того... смоет.

Приятели некоторое время молча смотрели друг на друга, а потом, вдруг всё поняв, с криками рванулись в разные стороны. Карлуша вверх, а Чек — обратно, вниз.

— Стой!! — крикнули они, остановившись одновременно.

С помощью нескольких слов и отчаянных жестов Карлуша сумел убедить Чека, что бежать надо вверх.

И действительно, до площадки кратера оставалось совсем немного, в то время как от лагеря их отделяло не меньше часа пути. И друзья во все лопатки припустили вверх по тоннелю. За их спинами послушно гремели своими башмаками роботы.

Площадка находилась уже совсем близко, на ровном месте такое расстояние можно было преодолеть в считанные секунды. Но подъём становился всё круче, и друзья совершенно выбились из сил. Зловещим эхом разнеслись по пещере первые раскаты грома. Вот-вот должен был хлынуть проливной дождь.

Часто, в критические минуты опасности, в голову моментально приходит единственно правильное спасительное решение. Прерывисто дыша и начиная, как всегда, от волнения заикаться, Чек кивнул в сторону здоровенных роботов:

— М-могли бы и н-нас...

— Что? — не понял Карлуша.

— В-вынести.

Карлуша понял, и лицо его посветлело.

— На колени! — крикнул он «Бобику».

«Бобик» послушно опустился на колени. Карлуша вскочил на него верхом и завопил, не помня себя:

— Гони вверх!!!

Чек оседлал «Трезора», и железные лошадки в два счёта вынесли всадников на поверхность.

В кратере было темно. Где-то наверху тоскливо завывал ветер, первые капли дождя шлётнулись рядом.

Карлуша и Чек слезли с роботов и огляделись. Их фонари потерялись во время бешеной скачки, и в первый момент показалось, что космического корабля здесь больше нет. В прошлый раз он ярко светился и мигал иллюминаторами, как новогодняя ёлка. Ничего такого сейчас не было, в кратере царили тишина и мрак.

Но вот небо рассекла вспышка молнии, и яркий свет на мгновенье озарил всё вокруг.

Летательный аппарат с погашенными огнями стоял на прежнем месте. А с противоположной стороны площадки, огибая по окружности силовое поле аппарата, к путешественникам приближались тени роботов-стражников.

Увидев рядом с гномами «Бобика» и «Трезора», они в нерешительности остановились.

— Ну что же вы встали, идиоты! — послышался из темноты голос гнома. — Хватайте их всех!

Стражники послушно двинулись вперёд. Всего несколько шагов, несколько мгновений отделяли их от прижавшихся к каменной стене путешественников.

— Ну что же вы! — крикнул Карлуша. — Бобик! Трезор! Защищайте же нас быстрее!

И в тот момент, когда стальная рука почти его коснулась, послышался громкий хруст, лязг, удар — и первый стражник с переломанной пополам рукой и перебитой шеей отлетел в сторону.

Загородив собой Карлушу, «Бобик» ожидал следующего нападения.

У Чека дела обстояли следующим образом. Одной рукой «Трезор» прижимал своего противника к туловищу, а другой откручивал ему голову. Оборвав толстый пучок разноцветных проводов, он отшвырнул её как ненужный хлам.

Бессмысленно хлопая выкатившимися глазами и раскрывая рот как рыба, выброшенная на берег, голова подкатилась прямо к ногам стоявшего в темноте гнома. Некоторое время он смотрел на неё с нескрываемым презрением, затем повернулся и исчез в темноте тоннеля. Железные ворота захлопнулись.

Невесёлая участь постигла также «Четвёртого» и «Пятого». Одного из них разнёс на куски «Бобик», который молотил противника о силовое поле летательного аппарата, пока из него не посыпалось железо. Другого «Трезор» сбил ударом ноги в каменную воронку, и тот покатился, гремя, как старое корыто.

Выполнив свою работу, «барбосы» встали в сторонке, ожидая дальнейших приказаний.

А ливень хлестал уже в полную силу. Бурля и закручиваясь, вода уносила с собой останки побеждённых противников. Постепенно она стала заполнять кратер, было уже по колено, и вода продолжала быстро прибывать. Воронка стремительно засасывала в тоннель всё, что попадало в водоворот. Оставаться здесь становилось опасно.

— Уровень приближается к критическому уровню, — беспристрастно констатировали роботы. — Через двадцать шесть... двадцать пять... двадцать четыре... двадцать три... секунды наши механизмы выйдут из строя.

— Наши, — заметил Чек, — тоже могут...

Потоки дождя, сопровождаемые молниями и раскатами грома, продолжали заливать кратер. Обрушиваясь сплошным потоком на защитную оболочку летательного аппарата, ливень чётко обрисовал её выпуклую, сферическую, будто отлитую из стекла форму. Между сферой и каменными стенами кратера кипела и бурлила вода.

— До критического уровня осталось десять секунд, — предрекли роботы. — Девять секунд... восемь секунд... семь секунд...

Карлуша в отчаянии заколотил кулаками по поверхности сферы:

— Эй! Кто-нибудь! Помогите!..

И вдруг летательный аппарат вспыхнул огнями.

В ту же секунду друзья ощутили перед собой пустоту, провалились куда-то вперёд и упали, увлекаемые хлынувшей лавиной воды.

Не дожидаясь на этот раз приказаний, «барбосы» шагнули вперёд и подхватили своих хозяев за шивороты. Сферическое силовое поле вновь захлопнулось, и стало тихо. В этой тишине отчётливо прозвучало урчание уходящей куда-то воды.

Стало так тихо, что у Карлуши и Чека заложило уши.

Дверца летательного аппарата отворилась, и по лесенке навстречу друзьям спустился тот самый бородатый гном.

Глава семнадцатая

На «Волчке».

Связи быть не может.

Тайна готова приоткрыться

— Ну, здравствуйте, голубчики, — добродушно сказал гном, остановившись перед двумя приятелями и разглядывая их с ног до головы. — Немножко промокли?

От Карлуши и Чека валил пар, вода стекала с них ручьями.

Гном не спеша обошёл их по кругу, опасливо поглядывая на «Бобика» и «Трезора».

— Разрешите представиться, — сказал он наконец с некоторой торжественностью. — Главный навигатор, капитан межгалактического трансмобильного космического корабля, адмирал Прим Бамбас.

Гном важно заложил руки за спину, выставил вперёд ногу и приосанился. Он был одет в китель полувоенного типа, брюки-галифе с тесёмочками внизу и мягкие домашние тапочки. Под расстёгнутыми верхними пуговицами кителя просматривалось тёплое розовое бельё, на ногах были полосатые носочки. Борода его при свете оказалась не белой, а ярко-рыжей.

Карлуша тоже решил не ударить в грязь лицом и представился:

— Космический путешественник и мореплаватель, почётный член морской экспедиции гномов Песочного города, капитан Карлуша.

Чек с уважением покосился на приятеля и представился:

— Чек, главный консультант по общим вопросам.

Все трое с достоинством кивнули, шаркнули ножками, и адмирал Прим Бамбас сделал пригласительный жест в сторону трапа.

Корабль, носивший название «Волчок», имел форму выпуклого диска и размер не менее пятидесяти шагов в поперечнике. По окружности располагались два ряда иллюминаторов. Он стоял на трёх железных лапах, словно гигантское насекомое.

Карлуша и Чек стали подниматься вслед за адмиралом по узкой лесенке. Колени у них от волнения так дрожали, что на первой же ступеньке Карлуша оступился, выронил рюкзак и едва сам удержался на ногах. Из рюкзака вывалилась рация и закувыркалась к темнеющему под летательным аппаратом сточному отверстию. Карлуша осторожно подполз к краю, подобрал радио и сунул обратно в рюкзак. Из глубины тянуло прохладой и доносился колодезный плеск воды.

Пригласив на борт гномов, Прим Бамбас наотрез отказался пускать роботов «Бобика» и «Трезора».

— Поймите меня правильно, — говорил он. — У этих болванов уже по меньшей мере два раза стирали программу — без специального оборудования, без сопроводительных документов... Можно только догадываться, какая каша теперь у них в голове.

— Ладно, оставайтесь, — с сожалением в голосе приказал роботам Карлуша. — Смотрите, чтобы всё было в порядке...

Роботы послушно вернулись на площадку и замерли по стойке «смирно».

Вскарабкавшись по лесенке, адмирал вложил ладонь в специальную выемку, и дверца распахнулась. Пригнувшись, все трое, один за другим, исчезли в отверстии.

Вправо и влево уходил тускло освещённый, узкий коридорчик с круглыми иллюминаторами наружу и дверьми внутрь.

— Пройдёмте в статор, — предложил хозяин, и друзья проследовали за ним в круглую комнату, расположенную в центре этажа.

Комната была обставлена красивой мебелью, имелся буфет, аудио-видео и вообще, как говорится, все удобства. Посередине стояла круглая тумба, на которой под стеклянным колпаком вращался, зависнув в воздухе или в вакууме, стальной диск.

Адмирал усадил гостей в глубокие кресла и хлопнул в ладоши. Явилась одетая в крахмальный передничек и кружевной чепчик, разрумяненная и раскрашенная как кукла служанка.

— Подай чего-нибудь закусить, — распорядился хозяин.

Служанка отреагировала монотонным и дребезжащим голосом:

— Чай. Кофе. Фрукты. Сладкое. Солёное. Кислое...

Карлуша и Чек удивлённо подняли на неё глаза.

— Да, да, — вздохнул адмирал. — Дурища из той же типовой серии. Коротаю здесь с этой... дурой седьмой год. Хоть бы кто-нибудь ей программу поменял, что ли. Да заткнись ты! — прикрикнул он на служанку, которая равнодушно продолжала перечислять всевозможные свойства продуктов и уже добралась до слова «терпкое».

Машина послушно замолкла.

— Кстати, вы случайно не программисты? — поинтересовался адмирал без особой надежды в голосе.

Друзья отрицательно помотали головами.

— Ну, я так и думал. Ладно, как-нибудь переживу ещё пару дней... Так что вам подать?

— Ну, может быть, чаю?.. — сказал Карлуша из вежливости.

Чек кивнул в знак согласия. Они сидели в мокрой одежде и подогреться изнутри сейчас бы не помешало.

— Что стоишь! — гаркнул Прим Бамбас. — Слышала, что эти господа просят чаю?..

Механическая служанка поспешила удалиться, а хозяин извиняющимся тоном обратился к своим гостям:

— Вы извините, что я при вас... Уже привык. Поговорить-то не с кем. Вот так и живём. Обиделась бы хоть раз, я не знаю, скандал закатила, что ли... Иногда кажется, вот-вот с ума сойду.

Служанка принесла чай, вазочки с печеньем и конфетами.

— И что же, вы тут совсем один? — поинтересовался Карлуша для разговора, прихлёбывая горячий чай.

— Вообразите, совсем один! Сижу тут уже без малого семь лет, один как сыр.

— А вы, простите, откуда к нам прилетели?

— Ну, не то чтобы прилетели... Это мы сюда, как бы сказать, телетранспортировались.

— И что же, связи нет со своими?

— Это с кем?

— Ну, откуда вы прилетели.

— Да какая может быть связь... Такой связи ещё не придумали.

— Неужели так далеко?

Адмирал посмотрел на гостя непонимающе:

— Вы это в каком смысле?

— Ну, планета ваша от Земли далеко?

Адмирал наконец понял, о чём идёт речь, и весело рассмеялся:

— Да уж, это, наверное, далеко! Очень отсюда далеко!..

Карлуша разозлился. Выглядело так, будто он сказал глупость и теперь собеседник над ним смеётся.

— Послушайте! Да объясните наконец, в чём дело! — воскликнул он с обидой в голосе. — Откуда вы здесь взялись со своими роботами и что здесь вообще происходит?!

— Хорошо, хорошо, голубчик, не кипятитесь. Всему своё время. А что касается роботов, то они давно уже не мои. Насчёт роботов вы у Курносика полюбопытствуйте. Мне, думаете, нужны эти роботы? От этих роботов надо теперь подальше держаться. А кстати, кто это ваших перепрограммировал?

— Это Взломщик постарался. Он у нас самый лучший электронщик.

— Отличная работа. Как это они... — Прим Бамбас сделал несколько неловких боксёрских движений. — Если у вас такие умельцы, то мы здесь живо наведём порядок. Нам, главное, за два дня управиться; тогда, может, всё и обойдётся... Вы буквально всеяете в меня надежду! А этот Курносик будет работать у меня уборщицей. Эй, Матрёшка! — окликнул он служанку. — Скоро Курносик у тебя младшим помощником будет, хочешь?

— Не следует так говорить о господине Курносике, — укоризненно задребезжала «Матрёшка». — Он занимает ответственную должность и имеет многочисленные...

— Пшила вон! — отрывисто гаркнул Прим Бамбас, и «Матрёшка», прервавшись на полуслове, испарилась.

— Простите, а кто это такой — Курносик? — поинтересовался Карлуша, начиная смутно о чём-то догадываться. — Это не его случайно называют здесь директором?

— ЗДЕСЬ его называют тупоголовым недоумком. Директор!..
Единственное, на что хватило ума этому директору, так это на то, чтобы превратить свой череп в груду металлома.

— Как же это? Разве он... не гном? — удивился Карлуша.

Адмирал Прим Бамбас, хитро прищурясь, посмотрел на двух приятелей. Простодушные физиономии Карлуши и Чека располагали к откровенности. И, придвинув к себе вазу с засахаренными орешками, он начал понемногу приоткрывать завесу над тайной острова Голубой Звезды.

Глава восемнадцатая

Экипаж — двое.

Бунт на трансгалактическом корабле.

Нецензурное ругательство

— Инженер Курносик был главным и единственным специалистом-робототехником на «Волчке», — начал свой рассказ Прим Бамбас. — Гном он был так себе, не очень приятный. Хвастлив, заносчив. Но дело своё знал, работал много и увлечённо. Беспокойный был гном, всё время норовил выпрыгнуть из собственных штанов... М-да... Так вот, получаем мы приказ перебросить пятнадцать душ трудоголиков и пятнадцать душ голодранцев на Землю по программе Созидания Будущего.

— Простите, — вмешался Карлуша, — а кто это такие — трудоголики и голодранцы? И ещё дальше вы что-то непонятное сказали...

— Да?.. — почесал бороду адмирал. — Ну, трудоголики — это... Нет, знаете, я про это отдельно расскажу, иначе сам запутаюсь. Я вам про Курносика рассказываю? Вот и слушайте, а вопросы будете после задавать. Так вот... Я, стало быть, с самого начала не

очень-то хотел этого Курносика брать на корабль. Весь экипаж — двое гномов: командир да инженер. На первом этаже — роботы с арестантами. С роботами, сами понимаете, особенно не поговоришь. А с арестантами разговаривать вообще запрещено. Но мне его на Колобке главный инженер навязал. Это, говорит, наш лучший специалист. Гордость, говорит, робототехники. Я, говорит, в таком ответственном деле никому другому не доверяю. А Курносику это он, значит, доверял.

Ну, приказ есть приказ. У нас приказы не обсуждают.

Да и сам Курносик этот, как мне показалось, за последнее время вроде как сильно изменился. Спокойнее стал, что ли... Я тогда ещё не знал, что это в нём за перемены происходят.

Ну, погрузились на «Волчок».

Старт.

Четыре минуты телетранспортируемся.

Вот она, Солнечная система, всё верно, всё чин чинарём.

Летим на Землю.

У нас тут, на этом острове, давно местечко насижено.

Лететь в космосе — не телетранспортироваться. Времени нужно месяц, да горючего для посадки тыщу вёдер.

Летим, значит, скучаем.

Вернее, это я скучаю. А Курносик всё в лаборатории запирается, что-то там колдует. Со мною почти не разговаривает, обедать не выходит. Ну, думаю, гном научными проблемами увлечён, не буду ему мешать.

Подлетаем, выходим на орбиту, я сажаю корабль на остров, точно в эту дыру, в кратер то есть. Работа, доложу я вам, точная, ювелирная! После такой работы устал как собака. Сижу здесь в статоре. Ноги вытянул, голову откинул, глаза прикрыл.

Слышиу — кто-то входит. Открыл глаза ивижу Курносика с двумя роботами по бокам. Вид у него какой-то странный — солнце-защитные очки нацепил, пиджак какой-то серебристый, блестящий...

Я ему говорю: «Ты куда это вырядился, клоун?»

А он мне не своим голосом: «Сидите на месте и не двигайтесь».

Я вскочил было, но меня тут же роботы скрутили, усадили и встали позади кресла. Вроде как стерегут, чтобы я не убежал.

В это время все арестанты с «Волчка» и дали дёру.

Я ему говорю: «Ты что, идиот, сбрендил? Нюх потерял? На кого покусился, сволочь!»

А он в какой-то несвойственной ему манере говорит: «Рекомендую вам меня высушать. Вполне вероятно, что такой возможности вам в дальнейшем не представится».

Я думаю: «Точно, спятил. Лучше его сейчас не раздражать, после разберёмся...»

Этот псих продолжает: «Прежде всего убедительно прошу вас никогда более не именовать меня этим нелепым прозвищем, каковое мне было присвоено в связи с явной и, вероятнее всего, злонамеренной ошибкой. Это, значит, ему имя Курносик не нравится. В противном случае по отношению к вам будут приняты адекватные и, уверяю вас, достаточно жестокие меры».

Я за ним внимательно слежу, стараюсь не раздражать. «Как же вас именовать?» — говорю.

«Зовите меня просто директором», — отвечает.

Сейчас, думаю, самое время ему в морду плонуть и расхохотаться...

А он говорит: «Ваш мозг, равно как и мозг всякого другого гномы, весьма несовершенен. Я же сумел улучшить способности своего мыслительного аппарата почти безгранично. Отныне я могу запоминать, вычислять, анализировать и принимать решения на уровне самого совершенного компьютера».

Короче выясняется, что этот псих ещё на Колобке (это планета наша так называется — Колобок) додумался вживлять в свой мозг электронные схемы. Делал это при помощи им же натаскиванных роботов. За тот месяц, что мы были в космосе, он доулучшал

себя окончательно: по сути превратился из гномы в робота. Голова у него изнутри полностью механическая, но тело ещё живое. Поэтому он носит пиджак с защитным покрытием, бережёт сердце. Старые мозги у него в стеклянной банке хранятся, в питательном растворе. Я так думаю, что если его изловить да усыпить, то можно было бы их обратно вправить. А? Как вы думаете? Черепушку вскрыть, всю железную дребедень вытрясти, а мозги на место вправить. Как вы на это смотрите?

— Это конечно, — неуверенно согласился Карлуша, который многое из сказанного не понял, но главное всё же ухватил. — Только его поймать надо сначала. А у него здесь целая армия этих... цириков.

Адмирал вздрогнул.

— Кого-кого? — переспросил он настороженно.

— Этих, цириков ваших, кого же ещё?

Некоторое время адмирал испуганно смотрел на Карлушу.

— Да как же это... Что вы такое говорите?

— А что? Я ничего такого не сказал, — удивился Карлуша.

— Но как же, — настаивал Прим Бамбас. — Вы только что произнесли ужасное, недопустимое ругательство!

— Ругательство? Вот ещё!

— Да, да! Возмутительное, нецензурное и отвратительное бранное слово! Так выражаются только неисправимые негодяи арестанты, желая тем самым оскорбить и унизить направляющих их на путь истинный и, по сути, желающих им добра гномов!

Чек что-то зашептал Карлусе на ухо, и тот воскликнул:

— Ах, так это, наверное, у вас цириков так называют!

Адмирал вскочил и гордо поднял голову. Его маленькие глазки метали молнии, а поднятая торчком взъерошенная рыжая борода подрагивала.

— Ой, извините! — испугался Карлуса. — Мы даже не знали, что это нехорошее слово. Честное слово, я его только здесь первый раз и услышал!

Адмирал немного успокоился и уселся обратно в кресло.

— Никогда больше этого не говорите. Единственным оправданием для вас служит очевидное незнание общепринятых у нас на планете этических норм.

— Но ведь так называют роботов, а не гномов! — попытался во что бы то ни стало разобраться до конца Карлуша.

— Разумеется. Но данное оскорбление в широком смысле относится и к тем, кто руководит конвоированием арестантов, а поскольку я также являюсь...

— Понятно, понятно! Мы обещаем, что никогда больше не скажем... этого слова, — пообещал Карлуша. — Вы мне объясните другое, — поспешил он переменить тему. — Объясните, что это за круги вокруг вас образовались? Вот этот, что вокруг корабля, будто стеклянный. А тот, что в море, и вовсе какой-то странный, невидимый...

Адмирал поднялся и шагнул к стоящей в центре комнаты круглой тумбе...

Глава девятнадцатая

Хронооболочка.
Очередная попытка проникновения.
Опять гости

Адмирал поднялся и шагнул к стоящей в центре комнаты круглой тумбе с вращающимся диском. Костяшками пальцев он постучал по невидимому колпаку.

— Как вы думаете, из какого материала изготовлена эта сфера?

— Может быть, стеклянная? — неуверенно предположил Карлуша.

— Отнюдь! — Адмирал Прим Бамбас торжественно поднял указательный палец. — Отнюдь! Эта сфера изготовлена из ткани времени.

Наступила театральная пауза.

— Да, да! — продолжал Прим Бамбас. — Гномы с планеты Колобок системы Голубой Звезды полностью обуздали и заставили работать на себя неуловимое, утекающее, ускользающее время! Подойдите сюда.

Карлуша и Чек осторожно приблизились к тумбе.

— Потрогайте, не бойтесь.

Приятели осторожно потрогали прозрачную невидимую сферу. Поверхность была прохладной и гладкой на ощупь.

— Она абсолютно невидима, поскольку не отражает света, и абсолютно неуязвима. Содержащаяся в воздухе влага конденсируется на её поверхности и делает её похожей на стекло. Её, конечно, можно сделать и видимой, если обсыпать, допустим, мелом или облить краской. Но стоит уменьшить скорость вращения динамика, и оболочка исчезнет...

С этими словами адмирал взял в руку карандаш и нажал кнопку на пульте. Ладонь Карлуши, лежавшая на невидимой поверхности, вздрогнула, перестав ощущать под собой опору.

— Теперь держите руки подальше и наблюдайте за карандашом.

Друзья быстро спрятали руки за спину, а Прим Бамбас снова нажал какую-то кнопку.

Послышался лёгкий щелчок, и ровно срезанная половинка карандаша упала на тумбу внутрь круга. Другая половинка осталась в руке адмирала.

— А? Ловко? — сказал он хвастливо. — Всё дело в том, что при определённой скорости вращения этой пластинки, которая называется динамиком, — скорости, превышающей скорость света, — вокруг динамика происходят любопытные изменения. В режиме «два-икс», например, динамик такой конфигурации даёт эффект защитной хронооболочки вокруг корабля и одновременно эффект большой оптической сферы, делающей невидимым со стороны весь район приземления. Ведь на ваших ракетах тоже имеется антиметеоритная защита?

— Да, кажется, что-то такое есть, — неуверенно подтвердил Карлуша.

— Но ваша защита имеет полевой характер, а наша — временной.

— Как это понять — временной?

— Ну, вообразите себе мыльный пузырь, поверхность которого существует в другом времени. Допустим, на секунду раньше, чем есть на самом деле. Часы, допустим, бьют полдень, а плёнка пузыря существует во времени без одной секунды полдень. Понимаете?

— Ну... так...

Адмирал в возбуждении забегал вокруг тумбы, заложив руки за спину и меча на слушателей торжествующие взгляды. Он продолжал:

— Если вы захотите, чтобы пузырь лопнул, что вы сделаете?

— Можно ткнуть пальцем, — предложил Карлуша.

— Правильно! А теперь представьте, что вы ткнули в пузырь пальцем, когда пробило полдень, а плёнка пузыря живёт ещё в пространстве, которое за секунду до полудня. Ткнули, а ему ничего! Ткнули ещё раз, а ему опять ничего, он снова на секунду запаздывает. Это хорошо ещё, если вы палец себе не сломаете, ведь твёрже поверхности, чем эта, — Прим Бамбас постучал обрезком карандаша по невидимой сфере, — не бывает! Вы в этот временной пузырь можете хоть из пушки палить, ничего ему не будет, потому что его как бы и нет... Понимаете?

Карлуша напряжённо поморщился, Чек почесал затылок, сдвинув на глаза тюбетейку.

— Вы понимаете, этот болван Курносик со своим ходячим металлом пытается просверлить хронооболочку сверлом! — Прим Бамбас захохотал. — Он до меня хочет добраться! Неужели не смешно? Ха-ха-ха! Изготовил алмазный наконечник, уложил рельсы — и сверлит!.. Ха-ха-ха!

От смеха адмирал закашлялся, упал в кресло и долго не мог прийти в себя и успокоиться.

Карлуша показалось, что хозяин «Волчка» только на первый взгляд кажется таким весёлым и беззаботным, а на самом деле то положение, в котором он находится, его чрезвычайно тяготит и действует ему на нервы.

— Почему же вы не вернётесь к себе на Голубую звезду? — спросил Карлуша.

— Как же я вернусь, если главный динамик трансгалактического перемещения находится у Курносика! — воскликнул адмирал, чуть не плача.

— Ах вот оно что... Стало быть, нужно эту штуку у него отнять!

— Правильно соображаете. И в этом деле я рассчитываю на вашу помощь.

В комнате появилась «Матрёшка» и сообщила:

— Господин Курносик вновь пытается нанести вам визит.

— А, понятно. Опять принял сверлить пузырь. То есть, тьфу, не пузырь, а хронооболочку.

— Только я не понимаю, — подал голос Чек, — что же, этот ваш Курносик не знает, что сверлом её не взять?

— Представьте себе, не знает! У нас у каждого очень узкая специализация. Я, например, ни бельмеса не смыслю в электронике. У себя дома даже кухонный комбайн не могу самостоятельно перепрограммировать. А Курносик не сможет отличить трансмобильный корабль от сковородки. Вот и сверлит. Хотите, я над ним шутку сыграю?

Адмирал включил один из расположенных под потолком мониторов, и на экране появилось изображение той части кратера, где возле сверла-вагонетки опять суетились директор и несколько роботов.

Вагонетка разгонялась откуда-то из глубины тоннеля и врезалась в невидимую оболочку. Сверло стремительно вращалось, пробуксовывая, затем вагонетка снова откатывалась в тоннель — и всё сначала.

— Вот, полюбуйтесь, — сказал адмирал, — какие причудливые формы может принимать здоровая инициатива в сочетании с полным идиотизмом. А теперь смотрите.

Прим Бамбас положил ладонь на пульт, и в тот момент, когда вагонетка в очередной раз прижала сверло к хронооболочке, быстро нажал одну за другой две кнопки. Так быстро, что лампочки только перемигнулись. Этого хватило ровно для того, чтобы разрезать вагонетку пополам. Передняя её часть покатилась к центру площадки и, по всей видимости, провалилась в сточную дыру. Задняя часть, с ровным поперечным срезом, осталась за пределами «магического круга» и завалилась куда-то набок.

Вагонетку постигла та же участь, что и незадолго до этого деревянный карандаш: в то время как Прим Бамбас отключил сферу, машина по инерции подалась вперёд, но он тут же нажал на другую кнопку, и вновь возникшая в этот момент хронооболочка разрезала вагонетку пополам, как кусок подтаявшего масла.

Адмирал захочтал и захлопал в ладоши, а Чек шепнул приятелю:

— Слушай, а ведь он мог бы и нас так... хлоп — и пополам!..

Карлуша ничего не ответил, но чувствовал, как холодок пробежал у него по спине. Он передёрнул плечами и сказал, обращаясь к адмиралу:

— Вы бы с этим делом... как бы это... поосторожнее. Так когда-нибудь можете и гнома поранить.

— А это смотря какой гном! — кровожадно заявил Прим Бамбас. — Иной раз такой гном попадётся, что его не то что поранить, а в бараний рог хочется скрутить и в порошок стереть.

По правде говоря, адмирал Прим Бамбас только делал вид, что он такой жестокий и беспощадный. На самом деле он был добродушный и весёлый. Просто он любил прихвастинуть и порисоваться, особенно перед теми, кто ещё хорошенько с ним не знаком. Но оба приятеля этого, конечно, не знали и поглядывали на грозного адмирала с опаской.

О чём-то пошептавшись, они решительно поднялись.

— Знаете, нам пора, — сказал Карлуша. — Дождь закончился, да и нас, наверное, уже хватились...

— А разве никто не знает, что вы сюда отправились?

Сказать было нечего. Несерьёзная записка со словами «ушли в разведку» не считалась. Теперь они хотели одного: поскорее вернуться в лагерь и увидеть своих друзей.

Глядя на их замешательство, адмирал сказал озабоченно:

— Ну, тогда вам действительно пора. Идите... если не страшно.

Произнося эти слова, Прим Бамбас имел в виду опасность, которую представляют роботы, а также трудности путешествия через пещеру. Однако два друга истолковали его слова по-другому. Теперь они молчали и нерешительно топтались на месте.

— А вы нас п-пропустите? — пролепетал Чек.

— Пропущу, конечно, о чём речь, — беззаботно ответил адмирал, осматривая кратер через экраны слежения. — Только вы снова приходите, вместе со своими друзьями.

— А вы не... з-захлопнете?

— Это в каком смысле?

Последовала неловкая пауза. По счастью, адмирал не успел понять истинную причину нерешительности своих гостей, иначе бы он не на шутку обиделся. Неловкость ситуации сгладило появление «Матрёшки».

— Хозяин, к вам опять гости!

Карлуша и Чек выглянули в иллюминатор — и оторопели. В кратере появились Студент, Взломщик, Глюк, Кроха и Зубрилка. Они, по всей видимости, только что выбрались из пещеры и теперь разглядывали «Волчок» и ощупывали руками хронооболочку.

— Ой, смотрите, там наши! — закричал Карлуша. — Смотрите, они нам знаки показывают, кричат. Пропустите, пропустите их скорее!

Прим Бамбас нажал кнопку на пульте, и ладонь Студента, ощупывающая невидимую сферу, провалилась в пустоту. Он осторожно шагнул вперёд, что-то сказал остальным, и они тоже не спеша

начали приближаться к «Волчку». Взломщик задержался у стоящих по стойке «смирно» «Бобика» и «Трезора», и те ему что-то отрапортировали.

Убедившись, что за пределами «магического круга» никого не осталось, адмирал нажатием кнопки восстановил хронооболочку.

— Ну, раз такое дело, Пойдёмте встречать ваших друзей, — сказал он Карлуше и Чеку, которые очень обрадовались, увидев Студента и Глюка на свободе.

Глава двадцатая

Сколько прошло времени?

История вопроса.

Алмазный шар величиной с дом

Пока хозяин «Волчка» расшаркивался с вновь прибывшими, к двум приятелям приблизилась Зубрилка и раздражённо зашептала:

— Вам это так просто не сойдёт, я вам... я вас...

— А что такое? — искренне удивился Карлуша.

— Опять по вашей милости переполох, ведь все подумали, что вас смыло!

— Куда смыло?

— Как это куда! Ведь вы ещё до начала бури в пещеру полезли?

— Ах да, правильно! Так нас эти... Бобик и Трезор вынесли.

— А почему на связь не выходили?

— Так вы на катере... Мы же не думали, что вы так быстро вернётесь.

— Быстро?!

— Ну да...

— А сколько по вашему прошло времени?

— Ну, час или два...

— Час или два? А двое суток не хотите?!

— Почему это... двое суток?

Тут уж их все окружили, и Студент строго спросил:

— Ты говоришь, прошло час или два?..

— Ну подтвердите хоть вы, что мы сюда сами недавно... прибыли! — обратился Карлуша к хозяину «Волчка». Он не знал точно, как выразиться: «пришли» или «прискакали», ведь на поверхность их вынесли роботы на своих спинах, а потому выбрал слово вроде как нейтральное.

Все посмотрели на Адмирала. Секунду поколебавшись, тот выступил вперёд и сказал:

— Я должен вам кое-что объяснить...

— Погодите! — воскликнул вдруг Студент. — Я, кажется, догадываюсь, в чём тут дело. Внутри хронооболочки время течёт быстрее?..

— Верно, — удивлённо согласился Прим Бамбас. — Но позовольте, откуда...

— А мы слышали весь ваш разговор, от первого до последнего слова, — ехидно сообщила корреспондентка Кроха. — Можете не жаловаться, что провели тут семь лет. Кстати, сколько вы на самом деле тут живёте?

— Почти три месяца, — вынужден был признаться адмирал.

— Но ведь на самом деле семь лет прошло!

— Прошло, но не для вас. Так что можете не строить из себя несчастненького.

Зубрилка повозилась у Карлуши в рюкзаке, выудила оттуда рацию и щёлкнула переключателем.

— У тебя рация была включена на передачу. Мы всё слышали, но не могли ничего передать.

Карлуша повертел в руках радио и хлопнул себя по лбу:

— А, так это, наверное, когда я её уронил. Вот она сама и включилась!

— Вот видишь, какой ты невнимательный. А если бы мы могли с вами связаться, никто бы не волновался.

— Что же вы волновались, если всё слышали?

— Да ведь слышно стало только в пещере, — там, где ваши каракули на стене. Мы там несколько часов сидели и слушали.

— А, верно, это мы там кусок от стены откололи...

Тем временем Студент уже принялся осыпать адмирала вопросами, которые, как видно, не давали ему покоя. Но прежде чем на них отвечать, хозяин пригласил всех пройти внутрь «Волчка».

Механическая служанка принесла угощения, и начался обстоятельный разговор. С тем чтобы избавить читателя от излишних технических подробностей, приведём лишь некоторые его фрагменты.

Прежде всего Студент попросил адмирала изменить режим вращения динамика. Он опасался того, что и для них время пролетит здесь незаметно и оставшиеся в лагере начнут волноваться.

Прим Бамбас нажал на какие-то кнопки в пульте и пообещал, что в отношении времени всё будет хорошо и даже ещё лучше... не вдаваясь, однако, в подробности.

— Скажите, — поинтересовался Студент, — но ведь так называемая хронооболочка по всем законам природы должна иметь шарообразную форму?

— Совершенно верно, она имеет форму мыльного пузыря.

— Значит, она находится также и у нас под ногами, в глубине горы?

— Да, точно, там у меня колодец, а хронооболочка как раз является его дном. Матрёшка туда за водой ходит, без воды в хозяйстве, знаете ли...

— А почему помещение, в котором мы находимся, называется статором? — спросил Взломщик, и началось дотошное обсуждение устройства «Волчка».

Оказалось, что для мгновенной телетранспортировки в пространстве сам корпус корабля вращается со скоростью света. И для того, чтобы экипаж и пассажиры остались целыми и невредимыми, они на время перемещения собираются в статоре — неподвижной комнате в центре «Волчка», представляющей собой его ось. Потом все помещения становятся пригодными для жилья, а корабль перемещается в космосе обычным способом. В нижней части находятся реактивные двигатели, в средней — два этажа грузовых и жилых помещений, а в верхней — пилотская кабина (без окон) и лаборатория. На самой верхушке располагался грузовой челнок, то самое «летающее блюдце», на котором теперь роботы по приказу Курносика похищали гномов.

По поводу развешанных всюду на острове хрустальных шаров Прим Бамбас разъяснил следующее.

На планете Колобок такие шары различной величины используют во всех мыслимых областях науки, техники и быта. От ручных часов до гигантских электростанций. Здесь, в карьере, Курносик применил шар для надзора за пленниками. Множество шаров меньшего размера развешаны повсюду для наблюдения. Но для производства своих шаров он применил не алмаз, а горный хрусталь, потому что алмазы нужны ему для каких-то других целей. Поэтому его шары более громоздки и менее эффективны, чем алмазные.

На Колобке эти шары используют, к примеру, для наблюдения за порядком на улицах. Но вещи эти весьма и весьма дорогостоящие. Один милицейский шар величиною с куриное яйцо стоит пять золотых; на эти деньги можно купить автомобиль.

По причине большого спроса все запасы природных алмазов на Колобке давно истощились, теперь их добывают на других планетах и астероидах. Но полёты, как космические, так и трансмобильные, очень дороги. Ценный груз не намного окупает стоимость таких полётов. Тем более что по законам Колобка на чужих планетах

не разрешается вступать в контакты с аборигенами, а тем более строить какие-либо заводы и фабрики. Поэтому алмазоносные породы перевозят в натуральном виде, а это ещё накладнее. Но эти законы введены сравнительно недавно, и кое-где сохранились закрытые и законсервированные горные фабрики. То, что Курносик расконсервировал на Земле такую фабрику и добывает алмазы, уже само по себе серьёзное преступление. А то, что он использовал труд похищаемых местных гномов, — вообще уму непостижимо...

Корреспондентка Кроха спросила, откуда на старинных картах могло появиться название острова Голубой звезды.

Адмирал высказал предположение, что на острове побывали космические браконьеры. Особым образом настроив аппаратуру, они в нарушение закона транспортировались сюда с одновременным перемещением в глубокую древность. И тогда, конечно, они могли вступать в контакты с местными мореплавателями...

С тех пор как семь лет назад здесь приземлился «Волчок» и образовал вокруг себя оптический барьер, остров сделался невидимым. А поскольку земные гномы начали летать в космос совсем недавно, на современных картах его не оказалось.

На вопрос, зачем вообще нужна оптическая сфера, адмирал напомнил об условиях строжайшей секретности, в которой совершаются высадки на другие планеты. Оптическая сфера делает район приземления корабля невидимым, точнее, создаёт видимость окружающего этот район пейзажа. При этом «выключить» оптическую сферу отдельно от хронооболочки или наоборот — невозможно. То есть после всего, что произошло, адмирал был бы и рад сделать остров видимым, но не может, так как в этом случае исчезнет хронооболочка, после чего Курносик с его роботами моментально захватят корабль.

— Но чего же добивается этот ваш Курносик?! — спросили все хором.

— А вот это я хотел бы знать не меньше вашего, — сказал адмирал. — Податься ему некуда, сразу схватят. Он теперь вне закона.

— Среди пленников ходят слухи, что в глубине горы монтируют гигантский алмазный шар величиной с дом, — сказал Студент.

— Как вы думаете, для чего он может понадобиться?

— Шар величиной с дом?.. — недоуменно повторил адмирал.

— Это странно... Однако такой шар с подходящей начинкой может быть опасным оружием... Понял! — Адмирал подскочил и заметался по комнате. — Я понял, что у него на уме! Если такой шар вывести на орбиту Колобка, то правительству можно будет диктовать любые условия. Ах вот оно что! Оказывается, он жаждет власти!.. Кто бы мог подумать, он хочет стать великим диктатором?..

— Но каким образом он доставит шар к Голубой Звезде?

— Для этого-то ему и нужен «Волчок». Шар можно погрузить на челнок, несколько минут телетранспортировки — и он на орбите Колобка! А я-то не мог понять, почему он так упрямо пытается до меня добраться! Теперь ясно, что без меня и этого корабля алмаз стоит не больше, чем гнилой орех.

Кроха сказала:

— Но если ему не удастся переправить шар на Колобок, не может ли он вывести его на орбиту Земли?

Все выжидающие смотрели на Адмирала.

— Вот это, пожалуй, возможно, — согласился он после некоторого раздумья. — Челнок предназначен для грузовых перевозок, он наверняка вытянет шар на орбиту...

— Вот что, — Студент решительно поднялся с места. — Теперь расскажите нам всё по порядку. Для чего вы сюда прибыли и что намерены делать дальше? Теперь это уже не только ваше личное дело. Пока вы тут... отдыхаете, может такое произойти!..

Прим Бамбас тяжко вздохнул и смиренно опустил голову.

— Хорошо, я расскажу всё с самого начала, — промолвил он...

Глава двадцать первая

Всё подробно и по порядку.

Трудоголики и голодранцы.

Два дня на то, чтобы всё исправить

— Хорошо, я расскажу всё с самого начала, — промолвил он.
— Планета Колобок находится в системе Голубой звезды созвездия Ленивой Щуки галактики со стасорокадвухзначным порядковым номером. Связь между галактиками возможна только при помощи мгновенной телетранспортации, да и то если там имеется подходящий молекулярный состав. Сначала всё досконально проверяют роботы-разведчики, а только уже после роботов туда отправляются гномы. Иногда роботы не возвращаются, и это значит, что от них ничего не осталось кроме рассыпавшихся по Вселенной микрочастиц. Даже приблизительно о расстояниях между галактиками никто не имеет понятия. Это расстояния, не поддающиеся никакому воображению.

Планета у нас небольшая, всего несколько крупных городов, живём спокойно. Раз в два года выбираем правительство. Выбираем формально, потому что состав правительства на моей памяти ещё ни разу не менялся. Мы считаем, что это хорошо.

Наши гномы работают на полях, фабриках и заводах. Если работа грязная или неинтересная, туда ставят робота. Это даже выгодней, так как работу не надо платить денег за работу. Нормальный рабочий гном у нас за месяц получает два-три золотых. Золотой — это такая монета, отлитая из золота. Да вот, посмотрите...

Прим Бамбас достал из кармана и дал всем подержать большую, величиной с медаль, монету. На ней было изображение восьмиугольной звезды и слова: «Богатство и порядок!»; с другой стороны — цифра пять, увитая вычурным венком. Это была монета в пять золотых. Прим Бамбас продолжил:

— В одном золотом — тысяча фантиков. Фантики — это бумажные деньги. Один фантик, в свою очередь, содержит сто ушек, мелких металлических монеток. Порция мороженого, например, стоит двадцать ушек.

Гномы на Колобке живут неплохо, даже, можно сказать, зажиточно. Имеют свои дома, автомобили, механическую прислугу... И порядок у нас тоже как полагается, случаев воровства или обмана я даже и не припомню. Те, кто ленятся работать, получают специальное пособие. Пособие небольшое, пятьсот фантиков, но жить можно.

Но вот нашлись такие гномы, которые и работать не хотели, и уходить на пособие не спешили. Тогда они на своих заводах и фабриках стали вносить смуту: руководство якобы рабочим недоплачивает, а денежки их проедает и пропивает.

Ну, среди рабочих нашлись, конечно, такие, которые поверили.

Тогда эти проныры сколотили так называемый Рабочий союз трудоголиков, с уставом и программой. В уставе было сказано, чтобы платить членские взносы, а в программе — чтобы все деньги у богатых отнять и поделить между собой поровну.

И пошло, и поехало... Со временем из Союза трудоголиков выделилась верхушка — пятнадцать гномов. Они назвали себя Верховным Советом союза, вообще перестали работать и жили на собираемые с простаков членские взносы. Отгрохали себе виллы с бассейнами, офисы-небоскрёбы и стали купаться в роскоши. При этом для видимости они появлялись перед рабочими или журналистами непременно в стареньких потёртых костюмчиках и кепочках, которые для них специально разыскивали на блошиных рынках.

В то же время, глядя на них, среди безработных голодранцев, живших на пособие, тоже выделились свои авторитеты. Они сказали, что деньги вообще надо отменить, поскольку они — зло. Пускай, мол, все берут в магазинах то, что захотят.

Ну, среди безработных тоже нашлись такие, которые поверили и начали платить из своего пособия денежки в кассу союза. В этом Союзе голодранцев тоже скоро выделились пятнадцать самых пронырливых гномов, которые назвали себя Политбюро. И они тоже жили на общие взносы припеваючи.

Правительство смотрело на это безобразие год, смотрело другой, а потом велело их всех арестовать. Потому что они мало того что всем головы морочили, но ещё подбивали гномов к беспорядкам. Им же надо было какими-то делами своё паразитическое существование оправдывать. Вот они то забастовку организуют, то демонстрацию. Чем больше беспорядков — тем больше недовольных. А значит, больше денежек в кассу.

Ну, значит, арестовали их, рассадили по карцерам, устроили экстренное заседание правительства.

День совещаются, ночь совещаются, никак не могут решить, что с этими трудоголиками и голодранцами делать. Ведь надо так сделать, чтобы они сами свою подлость осознали и раскаялись. Да ещё чтобы другим был урок на будущее.

Под утро решили вот что: отправить их на необитаемые острова в другие галактики, чтобы они там сами, лично, своим трудом доказали величие, так сказать, своих идей. То есть чтобы Верховный Совет трудоголиков, все пятнадцать гномов, жили на одном необитаемом острове, а Политбюро голодранцев — на другом. И чтобы одни на своём острове устроили справедливое общество равных, а вторые — счастливое будущее без денег.

Назвали всю эту бодягу программой Созидания Будущего.

Транспортирование арестантов поручили мне, как самому заслуженному, заметьте, межгалактическому навигатору.

Для размещения трудоголиков выбрали островок 04071958 на планете Колдобина системы Гончих Псов; для голодранцев — 23111908 на планете Земля Солнечной системы.

Навязали мне в помощники инженера Курносика. Ладно, думаю, как-нибудь переживу. Погрузили арестантов в трюм, роботы их стерегут. Транспортируемся сначала в Солнечную систему, приземляемся. А Курносик — он уже как бы и не гном. Ну, это я рассказывал.

Значит, Курносик меня связал и велел роботам перегружать все материалы, инструменты, приборы на челнок. Арестанты как зайцы разбежались. Забрал он, короче, всё, кроме продуктов; он теперь какими-то специальными таблетками питается. Ну и дура ещё эту оставил, «Матрёшку», она бестолковая, ни к чему не пригодная. Главный динамик утащил, без него не улетишь.

Ну, оставил он меня на «Волчке», думает, куда я денусь без главного динамика. Как только он с грузом на челноке отчалил, я — бац! — защиту.

Идёт он на другой день к «Волчку», он уже старую фабрику начал расконсервировать, идёт так по-деловому, вдруг — бац! — башкой своей о хронооболочку — так, что из башки вся его железная дребедень едва не высыпалась. Кричит что-то роботам, руками машет.

Стал ломами, кирками быть, снизу подкапываться, сверху на челноке подлетать... Ничего не выходит! Сутки бились, неделю, месяц, потом осторожно меня в покое. Это он, значит, алмазным шаром своим занимался. А вот теперь, когда время прижало, снова пытается пробиться.

А трудоголики эти и голодранцы, которые сначала разбежались, стали на острове обустраиваться. Трудоголики хоть работать умеют, — пока в политику не ударились, некоторые из них даже классными мастерами были. Ну, пришлось кое-что вспомнить. Нашли на мелководье старую подводную лодку, отремонтировали и стали охотиться за подводными кладами. Они решили, что когда-нибудь вернутся на Колобок и опять заживут припеваючи.

Ну а голодранцы делать вообще ничего не умеют. Сначала поселились в деревне, которую на первых порах себе трудоголики построили. Потом их Курносик несколько раз пытался работать заставить, да они каждый раз разбегались. После одичали окончательно, даже говорить разучились.

А трудоголики заделались настоящими пиратами, стали с Курносиком торговать. Разграбят какое-нибудь селение у побережья материка или клад со дна поднимут — и несут своему «директору». А он уж как-то с ними расплачивается. А в последние дни и гномами торговать стали. Ну, это вы сами лучше меня знаете...

Вот вам и программа Созидания Будущего.

Потрясённые услышанным, некоторое время все молчали.

— Откуда же вы знали, что делается на острове? — спросила Кроха.

Не говоря ни слова, Прим Бамбас шагнул к тумбе и щёлкнул переключателем.

Окружавшая динамик невидимая сфера зажглась изнутри, и на её поверхности возникло объёмное изображение острова в обрамлении морской воды.

— Один из эффектов большой оптической сферы, — объявил адмирал. — Всё, что под ней находится, отражается на этом колпаке. Любой участок можно увеличить. Вот, например, ваша ракета...

Прим Бамбас повертел какой-то регулятор, и на поверхности сферы возникло изображение скалистого берега и парящей над водой привязанной у входа в гrot ракеты.

— А вот алмазные разработки.

Ракета исчезла, и все увидели котлован с копошащимися там гномами.

Прим Бамбас выключил изображение.

— Так что вы не думайте, что я тут сижу, как какой-нибудь слепой крот в норе. Я ведь и на вашу стоянку однажды наведывался.

— Да, это правда, я вас видел, — сказал Карлуша.

— А я вас тоже видел, — сказал Прим Бамбас. — Поэтому и к себе пустил.

Столпившиеся вокруг тумбы человечки расселись по своим местам.

— А что бы вы делали, если бы получили назад свой динамик? — спросила Кроха.

— Как это что?! — воскликнул Прим Бамбас. — Я бы в ту же секунду отсюда телепере... тыфу! Смылся бы отсюда!

— И вы бы оставили здесь всё как есть?

— А что я могу сделать? Я ведь космический навигатор, а не милиционер. Навязали мне этого «директора», пускай теперь сами и разбираются. Пускай присылают специалистов.

— А что, если мы сами попробуем? — предложил Студент.

— Что попробуем?

— Ну, «разобраться», без специалистов. Ведь смотрите: все пятнадцать трудоголиков сейчас работают в карьере, вы их можете оттуда взять и доставить на их штрафную планету; дикари-голодранцы, как мне кажется, исправились, их можно вернуть на Колобок; а директора-Курносика мы изловим и прооперируем. К нему вернётся сознание гномы, и он постарается исправить всё, что успел натворить нехорошего.

— Звучит складно, — сказал адмирал после некоторого раздумья. — Только вот времени на это не осталось. Дело в том, что через два дня истекает семилетний срок, и если я не вернусь на Колобок, сюда прибудет аварийная команда. Меня, конечно, после всего этого разжалуют...

Прим Бамбас безнадёжно махнул рукой и состроил кислое лицо.

— И все же, — он решительно поднялся из кресла, — попробуем!

Тем временем оставшиеся в лагере не находили себе места от волнения. Прошло меньше часа, а связь со спасательным отрядом, отправившимся на поиски Карлуши и Чека, уже прервалась.

Вдруг из пещеры преспокойно вылезли Студент, Взломщик, Глюк, Карлуша, Чек, Зубрилка и Кроха.

Повисла недоумённая тишина.

Пока они гостили в летательном аппарате, адмирал Прим Бамбас изменил течение времени под хронооболочкой. Но не в сторону ускорения, как обычно, а в противоположную.

Часть четвёртая ВЕЛИКИЙ ДИКТАТОР

Глава первая

Осталось немногим более суток...

Директор узнаёт то, что хотел.

Циркуль не узнаёт ничего и падает

Инженер Курносик сидел за столом своего рабочего кабинета и сосредоточенно смотрел перед собой в одну точку.

Он думал.

Вернее, по большей части просчитывал и анализировал, так как полноценно думать он разучился после того, как усовершенствовал содержимое своей черепной коробки.

Строго говоря, он уже и не был никаким Курносиком. А потому следовало бы называть его так, как он того и требовал, — просто директором.

Справедливости ради следует заметить, что способность воспринимать действительность как обыкновенный гном он ещё полностью не утратил. В такие минуты он был именно Курносиком, а не директором. Возможно, причиной тому был спинной мозг и другие части его организма, оставшиеся после многочисленных операций нетронутыми.

С одной стороны, он мог мгновенно считать, анализировать и накапливать информацию на уровне самого совершенного

компьютера, с другой — осознавать себя гномом, переживать и руководить мыслительными способностями головы.

Всё это, конечно, плачевно отразилось на его стремительно раздваивавшейся психике. Курносик стал капризным и мнительным; директор — расчёtlивым и беспощадным.

Глядя в одну точку, директор-Курносик мучительно переживал неудачу с вагонеткой, которую Прим Бамбас разрезал пополам, словно какой-нибудь свечной огарок.

Расположенные в голове датчики зафиксировали прилив крови к щекам. Ему было стыдно.

«С какой же силой захлопнулась эта штука?..» — подумал Курносик, и его электронный мозг мгновенно выдал ответ с точностью до ста тридцати шести знаков.

Нет, никаким сверлом её, конечно, не взять. Но ведь в природе нет материи, которую нельзя было бы разрушить! Он уже перепробовал такие радикальные средства, как тепловой и лазерный лучи, химические реактивы и пиротехнику. Никакого результата. Хоть бы царапина, хоть бы малейшая шероховатость...

Однако если дело так пойдёт и дальше, то его планам не суждено будет сбыться. Планам, ради которых он поставил на кон всё, что имел в жизни, ради которых он превратил себя в машину!

Если в ближайшие сутки не удастся продырявить проклятую оболочку, он выведет алмаз на орбиту Земли. Ему, конечно, наплевать на земных гномов, они не сделали ему ничего плохого. Но раз уж он не может вернуться на Колобок, где над ним смеялись, где его почти унижали...

Судорога сжала на мгновение его горло.

Нет, он должен вернуться именно на Колобок и показать всем, кто он на самом деле...

Кто... или что?

Щека задёргалась в нервном тике.

Впрочем, неважно. Вселенная содрогнётся, когда они поймут, с кем имеют дело!!

Курносик поднял голову и величественно, чуть прищурив под тёмными очками белесые ресницы, посмотрел перед собой.

Взгляд его случайно упал на экран монитора, где было видно, как в котловане суетятся пленники — его рабы, его личная собственность. Курносик подумал, что среди пленников могут быть высококлассные специалисты, имеющие опыт работы с твёрдыми сплавами. Его собственные познания в научно-технических областях ограничивались электроникой и механикой, немного анатомией, короче говоря, робототехникой.

В одно мгновение Курносик мысленно пролистал список пленных с прилагаемыми сведениями о каждом.

Циркуль! Он значится здесь как многопрофильный инженер. Надо поговорить с этим Циркулем, возможно, он согласится работать на определённых условиях...

Есть ещё изобретательница Огонёк, и механик Шестерёнка.

Нет, Шестерёнка сбежал утром вместе с другими мерзавцами из последней партии. Интересно, почему остался Циркуль? Ведь он из той же компании...

Так, посмотрим. Он из Земляного города, в то время как все бежавшие — из Песочного. Наверное, в этом что-то есть...

Новая беда: гномы разбегаются словно кролики. У этих горепиратов увели «Медузу». Это значит, что скоро сюда нагрянут земные гномы. Может быть даже раньше, чем прибудет инспекция с Колобка. Это даже не одна, а две катастрофы.

За оставшееся время необходимо найти способ вернуться. Большой алмазный шар готов к своей великой миссии. Он назван «Жалом Змеи», и его всевидящий разящий луч настигнет любого, не пожелавшего принять Новый Порядок и его самого, Великого Диктатора!..

Но пока всё летит к чёрту. Времени нет, необходимо использовать любые средства. Интересно, адмирал когда-нибудь выходит за пределы купола? Надо хорошенько за ним следить. А сейчас инженер Циркуль. Возможно, он имел дело со сверхтвёрдыми сплавами...

В дверях появился «Шестой» — субъект с чрезвычайно гнувшейся и подвижной конструкцией. Робот-телохранитель, паяц, запрограммированный на самообучение и беспредельную личную преданность хозяину.

— Обед для господина директора!

На серебряном подносе находились пакетик с порошком и стакан воды. Курносик вытряхнул порошок на язык, запил дистиллированной водой.

— Пускай сюда приведут заключённого четырнадцать дробь восемь.

«Шестой» сказал «слушаюсь, хозяин» и выбежал из кабинета, мягко ступая на полусогнутых ногах.

Перед важным разговором следовало подзарядиться. Директор достал из ящика стола блок питания и воткнул штекер в расположенное за ухом гнездо.

От дозы электрического тока по позвоночнику прокатилась тёплая волна. Ему тут же захотелось перемножить все имеющиеся во Вселенной песчинки на количество всех имеющихся во Вселенной капель воды. Но поскольку такая цифра могла занять всю память, директор отменил задачу и с наслаждением потянулся. Хрустнули суставами, и промурлыкал себе под нос какой-то легкомысленный мотивчик.

— Циркуль в приёмной, — доложил «Шестой».

Физиономия Курносика тотчас приняла строгое выражение.

— Пусть войдёт.

В кабинете появился инженер Циркуль.

Как и все работающие в карьере пленники, он был грязный и оборванный. Директор сразу признал в нём строптивого гнома, нагрубившего ему при первой встрече.

— Работали с твёрдыми сплавами? — не здороваясь, сказал Курносик.

Циркуль демонстративно отвернулся.

Последовало минутное молчание.

Затем Курносик решил повести себя круто. Он изо всех сил ударили кулаком по столу и закричал:

— Как стоишь, негодяй!!!

Однако на слове «негодяй» голос у него сорвался, выдав фальшивую высокую ноту, а затем его стал душить кашель. В кабинет, в волнении подавшись вперёд, на полусогнутых ногах вбежал «Шестой». На плечах у него был наброшен откуда-то взявшийся белый халат, в руке — докторский чемоданчик.

Курносик в раздражении сделал ему отмашку рукой, и паяц немедленно исчез за дверью.

Циркуль продолжал стоять сложив руки на груди, как будто происходящее вокруг его ни в малейшей степени не касается.

— Повторяю вопрос, — слабым голосом, но с расстановкой произнёс директор. — Имеете ли вы практику работы с твёрдыми сплавами?

Последовала новая отвратительная пауза.

У Курносика возникло ощущение, что он разговаривает сам с собой. На него начала наплывать волна гнева, лицо его сделалось багровым, голова загудела.

— Хорошо, давай так, — неожиданно согласился Циркуль. — Я отвечаю на твои вопросы, ты отвечаешь на мои. Мой вопрос — твой ответ, потом твой вопрос — мой ответ. Годится?

От такой наглости мысли у Курносика стали путаться. С изумлением он молча смотрел на Циркуля. Усилием воли он дал себе

приказ успокоиться и переадресовал вопрос своему мозговому компьютеру. Чуждый таких понятий, как раздражение, гордость или самолюбие, компьютер выдал команду «продолжать разговор на условиях собеседника».

«Если он что-нибудь и выведает, — подумал Курносик, — хуже не будет. Скорее всего, разговорить его другим способом не удастся. А под пыткой такой гном станет ещё упрямее».

— Задавайте ваш вопрос, — сказал Курносик.

«Он не такой дурак...» — подумал Циркуль.

А вслух сказал:

— Тогда объясните, в конце концов, что происходит на этом острове.

— Это не вопрос, а тема для разговора, — возразил директор.

— Задавайте вопросы, на которые можно дать однозначный ответ.

— «Да» или «нет»?

— Ну, не так категорично.

— Хорошо. — Циркуль переменил позу, засунув руки в карманы и повернувшись лицом к собеседнику. — Вот мой первый вопрос. Почему ваши друзья-разбойники оказались сегодня в котловане?

Директор удивлённо вскинул брови.

— Вас это действительно интересует?.. Хорошо, я отвечу. Несколько моих роботов получили информационный вирус и доставили их в котлован по ошибке, вместо беглых пленников. Теперь мой вопрос. Вы работали с твёрдыми сплавами?

Игра в кошки-мышки началась.

Б у р а в ч и к. Работал. Так, значит, побег удался?

Д и р е к т о р. Побег удался. Существуют ли, на ваш взгляд, материалы, которые невозможно разрушить?

Б у р а в ч и к. Если это физическая материя, то не существуют. Где они сейчас?

Д и р е к т о р. Не знаю, полагаю, что утонули. Каким способом вы бы попытались разрушить самую прочную в мире поверхность?

Б у р а в ч и к. Я бы её распилил. Почему вы считаете, что они утонули?

Д и р е к т о р. Они связали никуда не годный плот. Какой материал вы бы использовали для распилки поверхности?

Б у р а в ч и к. Любой материал. Где вы могли видеть плот?

Д и р е к т о р. В памяти роботов. В чём же смысл?

Б у р а в ч и к. В скорости вращения. Даже бумажный диск при достаточной скорости вращения режет сталь...

Циркуль не успел задать свой вопрос, потому что директор ударил кулаком по столу и воскликнул:

— Ну конечно! Всё дело в скорости! Следовало всего-навсего изменить форму сверла, превратив его в дискообразную пилю, и увеличить число оборотов! Я ошибочно делал ставку на силу давления и твёрдость наконечника... Отлично, теперь я знаю, что мне делать!

Курносик так обрадовался кажущемуся быстрому решению проблемы, что позволил себе вслух эти невыдержаные восклицания. Спохватившись и вновь взяв себя под контроль электронного мозга, он сказал суворо:

— Будешь на меня работать?

Теперь Циркуль пожалел, что так быстро продал свои знания. Он не знал, что именно и с какой целью будет пилить директор, но было понятно, что сейчас он оказал противнику неоценимую услугу. У Циркуля возникло непреодолимое желание схватить этого никчёмного гнома за горло и вытрясти из него весь дух.

Убедившись, что поблизости нет стражников, он шагнул к столу, не сводя с директора горящего взгляда и высвобождая руки из карманов...

— Сейчас, сейчас... Договоримся...

Директор всё понял, по лицу его пробежала волна страха. Он потянулся к вмонтированной в стол кнопке и...

В ту же секунду Циркуль потерял опору под ногами и полетел куда-то в кромешную тьму...

Ведомые возвратной пружиной, створки расположенной в полу дверцы захлопнулись и, точно совместившись с рисунком, стали вновь совершенно незаметны.

Директор достал платок и вытер взмокшее от волнения лицо. Хотя всё закончилось благополучно, удовлетворения он не чувствовал.

— Шестой! — выкрикнул он отрывисто.

В кабинет вбежал «Шестой». Не увидев Циркуля, он плавно повернул голову на триста шестьдесят градусов. После этого он решил, что хозяин запер пленника в письменный стол.

— Приведи теперь сюда эту... изобретательницу, — распорядился Курносик. — Номер один дробь четыре. Стой! Сам не ходи, пошли Четвёртого. А ты отправляйся в слесарный цех, пусть подготовят там всё для работы. Я скоро подойду.

«Шестой» послал в ответ несколько восторженных воздушных поцелуев и выбежал за дверь.

Глава вторая

В западне.

*Губа настоящая, но подозрение вызывает
электрический штекер*

При падении Циркуль здорово ушибся и на несколько секунд потерял сознание. Очнувшись, он всё вспомнил и тщательно себя ощупал. Затем принялся тереть глаза и таращиться в темноту, силясь что-нибудь увидеть. Однако эти старания ни к чему не привели. Встав на четвереньки и, ощупывая перед собой каждую неровность, Циркуль начал осторожно продвигаться вперёд, одновременно

прислушиваясь и принюхиваясь. Пахло плесенью и сыростью. Сверху, из кабинета, доносились какие-то голоса.

Долго ползти не пришлось, он почти сразу упёрся головой в стену. Циркуль поднялся и стал осторожно передвигаться по периметру. Для того, чтобы совершить полный круг, а что вернее, квадрат, потребовалось немного времени. Дно каменного колодца имело ту же форму, что и предательская дверца над головой.

Циркуль задрал голову и стал внимательно вглядываться, опершись рукой о холодную шершавую стену. До его слуха донеслись звуки голосов. Один был довольно пискляв и принадлежал, по всей видимости, dame.

Затем послышался сдавленный крик, удар — и створки люка раскрылись, мгновенно ослепив ярким светом.

Быстрее, чем мысль, сработал рефлекс: Циркуль выставил вперёд руки и согнул ноги в коленях.

Рухнувший из люка гном, по счастью, оказался совсем лёгким, удержать его не составило труда, хотя высота была довольно приличной. Гном продолжал что-то пискляво кричать и трепыхаться, так что пришлось выпустить его из рук.

Оказавшись на каменном полу, он тут же замолк, и молчание длилось до тех пор, пока Циркуль сам не подал голос:

— Пожалуйста, не волнуйтесь. Я ваш товарищ, такой же пленник. Меня зовут Циркуль. Мы, должно быть, знакомы?..

На этот раз молчание было недолгим:

— А, это вы... Я сейчас, извините... Немного не по себе.

— Как вас зовут?

— Ах да... Вы меня не узнали? Я Клюковка. То есть Огонёк...

Циркуль, разумеется, был с ней хорошо знаком. Он знал, что девчонка невероятно умна и изобретательна. К тому же Студент, приготовляясь к побегу, посоветовал ему ничего не предпринимать без предварительного согласования с «учёной collegой», о которой в последнее время отзывался исключительно в превосходных тонах.

«Вот это сюрприз! — подумал Циркуль. — Теперь, когда нас тут двое, мы точно не пропадём!»

— Негодяй! — продолжала тем временем кипятиться Огонёк.
— Какой негодяй... Ну ничего, он это надолго запомнит...

Циркуль молчал, деликатно выжидая, когда она успокоится и сама расскажет о том, что произошло наверху.

Так оно и вышло.

Повозмущавшись вдоволь и утерев платочком глаза, Клюковка рассказала обо всём, что случилось в директорском кабинете.

Итак, представ в свою очередь перед директором, Огонёк захотела первым делом выяснить, не является ли он сам роботом. Она вела разговор, пристально глядываясь ему в лицо и расставляя хитроумнейшие психологические ловушки. Но так ничего и не поняла. Или это был выдающихся способностей гном, или какой-то сверхсложный компьютер, способный улавливать все оттенки разговора...

Заинтригованная и сгорающая от любопытства, она решила приблизиться к директору вплотную. Разговор в это время крутился вокруг темы о возможности разрушения сверхпрочных материалов.

— Вот, скажем, на столе у вас лежит деревянная колотушка, — говорила Огонёк для отвода глаз, шаг за шагом приближаясь к письменному столу. — Для чего она?

— Это киянка для измельчения проб хрупких пород, — отвечал Курносик, не замечая манёвра пленницы.

— А известно ли вам, что при определённых условиях даже этой деревянной колотушкой можно пробить любую поверхность, какой бы прочностью она ни обладала?

— Вот как? И какие же для этого необходимы условия?

Тем временем Огонёк приблизилась вплотную и, перегнувшись через стол, со словами «а вот какие!» из всех сил дёрнула Курносика за верхнюю губу. Тот взмыл от боли.

Губа оказалась настоящая, но в этот момент Клюковка заметила у него за ухом гнездо для электрического штекера.

Не раздумывая, она схватила со стола деревянную колотушку и, размахнувшись, треснула ею Курносика по голове.

Отступив назад, она стала пристально следить за его реакцией.

Из последних сил Курносик нажал кнопку люка и тут же, с глухим дребезгом сломанного будильника, уронил голову на стол. А пленница, потеряв почву под ногами, ухнула прямо на руки подоспевшего вовремя Циркуля.

Некоторое время Циркуль с изумлением смотрел на Клюковку или, что вернее, пялил глаза в темноту.

— Какая вы... — проговорил он наконец. — Какая вы решительная!

— Ну, это ещё что, — небрежно отозвалась барышня. — Однажды я отдубасила трёх хулиганов, которые пытались отобрать у меня сушёную грушу. Я так надавала им этой грушей, что одному пришлось бинтовать лицо, а второго увезли лечить в больницу.

Пока Циркуль пытался понять, сколько же всё-таки было хулиганов, Огонёк встала, отряхнулась и сказала:

— Кстати, я вам очень благодарна. Ведь я могла здорово расшибиться. Надеюсь, мы будем друзьями.

Они нашупали в темноте и потрясли друг другу руки.

— Вы уже успели осмотреть этот подвал? — поинтересовалась Огонёк. — Надо простучать стены. Где-то валяется колотушка, пошарьте вокруг себя.

Циркуль нашёл увесистый деревянный молоток и принялся простукивать стены.

Увы! Толстая каменная кладка отзывалась повсюду одинаково глухо и безнадёжно.

— Попробуйте выше. В такой густой инфраструктуре должны быть какие-нибудь коммуникации.

Циркуль послушно простучал стены так высоко, как только мог дотянуться. Никаких результатов!

— Дайте-ка я залезу к вам на плечи...

Циркуль смиренно нагнулся.

— Давайте сюда колотушку. А теперь встаньте и медленно передвигайтесь.

И Огонёк начала простукивать стены на высоте, составлявшей почти половину всей высоты этого каменного мешка.

Но вот очередной удар прозвучал совсем не так, как предыдущие, — значительно громче и звонче.

— Есть! — крикнула Огонёк.

Глава третья

Труба.

Помутнение рассудка

— Есть! Давайте сюда что-нибудь острое...

Циркуль нашупал в одном из карманов металлическую отвёртку и протянул вверх. Огонёк схватила отвёртку и принялась энергично выскребать цемент между камнями.

Циркулю тут же запорошило глаза, но он не издал ни звука и не шелохнулся, а только опустил голову и позволил слезам — капля за каплей — самим вымывать сор из глаз.

Постепенно жало отвёртки углубилось в кладку настолько, что его стало недоставать. Циркуль отыскал в карманах металлическую линейку, и работа вновь закипела.

Терпение и воля к достижению цели делают чудеса.

— Готово! — прошептала Огонёк. — Теперь я могу протолкнуть камень вперёд, но благоразумнее будет вытащить его из стены в нашу сторону. Дайте-ка мне снова отвёртку.

Работая отвёрткой как консервным ножом, она стала осторожно выдвигать камень внутрь помещения. Постепенно камень вылез достаточно для того, чтобы можно было ухватить его руками.

— Отойдите в сторону!

Циркуль торопливо сделал шаг в сторону, послышался тяжёлый глухой удар, пол содрогнулся.

— Становитесь на место. Теперь я просуну туда руку.

Циркуль встал на место и с нетерпением ждал результатов. Наверху слышалась возня и сыпалась пыль.

— Всё ясно! — прошептала Огонёк.

— Ну, говорите же, что там?

— Вентиляционная труба. Вмурорана в стену.

— Что же делать?

— Полезем в трубу.

Расшатать и вынуть из кладки ещё несколько камней было плёвое дело. Выстроив из них ступеньки, Циркуль сначала протолкнул в трубу даму, а затем, подтянувшись на руках, кое-как вскарабкался и сам. При этом Огонёк изо всех сил тянула его за ворот кожаной куртки.

Оказавшись внутри жестянной трубы, имевшей в сечении четырёхугольную форму, Циркуль понял, что из-за своего роста не может встать здесь даже на четвереньки. Приходилось мучительно извиваться, опираясь на локти, чтобы поспевать за своей спутницей, которая бодро бежала впереди на четвереньках и поторапливалась: «Быстрее, ну что же вы там застряли! Разве можно быть таким неуклюжим?..» А Циркуль обливался потом, кряхтел и пыхтел как паровоз.

Наконец, после нескольких замысловатых поворотов, спусков и подъёмов, впереди забрезжил слабый свет. Стараясь не стучать коленками по жести, беглецы приблизились к зарешётенному окошку и заглянули в помещение.

Это был слесарный цех, в котором роботы выполняли некоторые необходимые работы по железу, а также устранили у себя механические неисправности.

Входная дверь распахнулась, и в мастерской появился директор.

Это было неожиданно. Огонёк и Циркуль отпрянули от решётки и переглянулись.

Голова у директора была перебинтована, ему только что произвели вскрытие черепной коробки. После того как Клюковка ударила его молотком, «Шестой» срочно заменил ему некоторые повреждённые участки. Но оттого, что времени на тщательную настройку не было, электронный мозг и нервная система организма Курносика немного рассогласовались. От этого он периодически терял мысль и непроизвольно тряс головой.

— Шестой! — тихо произнёс Курносик.

— Я! — радостно воскликнул «Шестой», следовавший как тень по пятам своего хозяина.

— Пусть сюда подгонят эту... Ну, сверлить...

— Вас понял! — восторженно пропел «Шестой» и скрылся за дверью.

Через минуту несколько роботов пригнали по проложенным из цеха рельсам вагонетку, с помощью которой директор пытался сверлить защитную хронооболочку «Волчка».

— Так. — Курносик деловито потёр руки и тут же забыл то, что хотел сказать. Лицо его исказила гримаса.

— Осмелюсь доложить, — вкрадчиво проговорил «Шестой», — вы вознамерились заменить сверло плоским врачающимся диском...

— Да, да, — небрежно махнул рукой Курносик. — Вот именно. Замените... И пошевеливайтесь!!! — внезапно перешёл он на крик в приступе беспричинного раздражения. — Пошевеливайтесь живо, уроды безмозглые!..

Несколько обученных слесарному делу роботов принялись за работу, а директор медленно уселся за стол, расположенный прямо под вентиляционной решёткой, за которой, затаив дыхание, прятались Огонёк и Циркуль. Он опустил голову и прикрыл глаза ладонью.

Мысли разбегались, как тараканы, выстроить их в логическую цепочку не было никакой возможности. То он решал сложнейшую алгебраическую формулу для получения максимального КПД новой алмазной пилы, а то в голове вдруг начинал вертеться трогательный мотив песни о козочке, которая заблудилась ночью в лесу. И на глазах у него выступали слезы... Потом наплыло воспоминание о том, как он на Колобке однажды здорово разыграл соседей, протянув на улице верёвку, о которую все спотыкались. И тогда губы у него скривились в насмешливой улыбке. Но все сюжеты обрывались на середине, перескакивали на другие, как игла на старой пластинке. Курносик обхватил трясущуюся голову обеими руками и застонал.

— Ну что же вы, остолопы, — произнёс он с надрывом. — Почему так медленно, почему вы так долго возитесь? Зачем такая большая крышка... и алмазы по краям... зачем такие излишества?

Роботы-слесари вытянулись по струнке и бодро доложили в один голос:

— Такое дело, хозяин! По краям дискообразной пилы в специальные пазы вмонтированы необработанные алмазы со сверхпрочной режущей кромкой. При скорости вращения диска четыре тысячи оборотов в секунду он разрежет как сыр любую из известных в природе поверхностей с тысячекратным запасом!

Директор на несколько секунд ухватил мысль.

— Когда будет готово?!

— Практически почти уже...

Но, не дав роботам-слесарям договорить, в мастерскую ворвался перепачканный в пыли и глине робот с карьера.

— Тревога, хозяин, тревога! — задребезжал он взволнованно. — Ракета! Четыре ракеты!! Пять ракет!!!

— Что?!! — надрывно выкрикнул директор.

Рука его нашупала пульт, и несколько расположенных под потолком мониторов зажгли экраны.

Панораму котлована разительно изменила серебристо-красная в малиновом зареве заката — огромная, стоящая торчком, ракета. Она взгромоздилась прямо на деревянное колесо в центре рабочей площадки, разнеся его в щепки. На других экранах можно было различить ещё четыре ракеты, которые маячили высоко в небе, разбросанные от горизонта до горизонта. Директор приложил пальцы к горящим вискам и, глядя в одну точку перед собой, прошептал:

— Где пленники?

— Согласно пункту инструкции 17/448 прим., — доложили стражники, — «в случае каких-либо событий, не предусмотренных настоящей инструкцией, всех пленных согнать в приёмный отстойник».

— Согнали? — глухо сказал директор.

— Так точно, согласно пункту инструкции...

— Почему никто не покормил моих рыбок?! — выкрикнул Курносик.

Он вспомнил, что на Колобке у него остался аквариум с рыбками. Пытаясь ухватить ускользающую мысль, бедняга напрягся так, что жилы вздулись у него на висках.

— Отставить, — произнёс он сдавленно. — Пленных беречь.

Пока они с нами, сюда никто не сунется.

— Готово, хозяин! — доложили роботы-слесари. — Куда прикажете доставить агрегат?

Курносик поднял глаза и увидел готовую к работе вагонетку-пилю новой конструкции. Теперь пила была похожа на патефонную пластинку с алмазными зубцами по краю.

— «Козочку-малышку»! — плаксиво потребовал директор. — Громче, громче!

Он притопнул ногой и подскочил с места. От резкого движения голова его прояснилась.

— Отставить, — сказал он сдавленным голосом. — Вагонетку к «Волчку», алмаз к погрузке на челнок. Живо!!!

Голова у Курносика перестала трястись, он вновь обрёл уверенность. В одно мгновение он рассчитал поминутный план действий на ближайшие часы: разрушение защитной оболочки, погрузка большого алмазного шара на «Волчок», мгновенная телетранспортировка на орбиту Колобка.

Запасной вариант, на случай ещё одной неудачи с разрушением оболочки, предусматривал вывод алмаза на орбиту Земли, удерживание на острове заложников, жестокий ультиматум земным гномам...

Курносик гордо вскинулся, подбородок, глаза его под тёмными стёклами очков надменно сузились.

В этот самый момент, из-за приоткрывшейся над его головой вентиляционной решётки, высунулась рука с деревянной колотушкой. И, хорошенько размахнувшись, огрела Курносика по голове...

Внутри головы глухо задребезжало, и только бинты спасли чепецкую коробку от полнейшего и окончательного разрушения.

В вентиляционной трубе послышался дробный удаляющийся стук.

Курносик подумал, как хорошо быть крошечной молью, застерьтесь в складках какой-нибудь пушистой шубы и хорошенько выспаться. Затем он перемножил два на два, и у него получилось пять с половиной. Успокоенный, он повалился под стол, свернулся калачиком и тут же уснул.

Глава четвёртая

Отстойник.

Нос и Костыль в сговоре против всех.

Самое главное не услышали

Беглецы миновали несколько поворотов, и Циркуль запросил пощады. Огонёк остановилась и дождалась спутника. Переведя дух, тот сказал:

— Вы в следующий раз хотя бы предупреждайте... Я от вас этой выходки совершенно не ожидал.

— Я и сама не ожидала. Всё как-то само собой получилось. Самое главное, что — началось! Ракеты уже здесь, теперь мы должны хорошенъко разворошить это гнездо изнутри... Тихо!

Лазутчики замерли и услышали впереди невнятный шум. Они проползли ещё с десятка два шагов и остановились у решётки, выходящей в просторный каменный зал с балкончиком. Циркуль сразу узнал помещение, которое называли отстойником. Сейчас здесь повсюду стояли, сидели и лежали пленники — кажется, все, какие только были на острове.

Среди общего гула можно было различить голоса двух сидевших под решёткой гномов, и лазутчики поневоле прислушались к их разговору.

— Совсем плох наш капитан, — говорил первый. — Сидит и смотрит в одну точку, будто медузу проглотил.

— Сдаётся мне, что он немного того... — шёпотом подхватил второй, — умом сдвинулся!

Циркуль и Клюковка догадались, что голоса принадлежат пиратам.

— А что, если придётся выбирать нового капитана, а, Костыль? — сказал первый.

После таких дерзких слов Костыль настороженно стрельнул глазами по сторонам. Убедившись, что на них никто не обращает внимания, зашептал, наклонившись к уху собеседника:

— Вот что я тебе скажу, Нос. Если нам доведётся выбирать, то тебе прямая дорога в капитаны, так и знай!

— Ты думаешь? — физиономия Носа приняла надменное выражение. — А что же мы тогда будем делать с этим, с Бородой?..

— А кому он такой нужен? — цинично заявил Костыль. — Просто получит пинка под зад. Узнать бы только, куда он припрятал наши денежки...

Нос помолчал, а потом как-то неуверенно произнёс:

— Интересно, сколько же мы заработали? Ведь ни разу с командой не рассчитался, лохматая обезьяна! Вы, говорит, все теперь богачи! Как только вернёмся на Колобок, получите ваши денежки. Как бы не так! На Колобке он почистит пёрышки, наденет костюмчик — только его и видели!.. Здесь надо брать его за жабры, здесь. Пускай вернёт нам всё, что причитается. А свои — пускай хоть раздаст в пользу бедных. Но только свои денежки, а не наши!

— Это ты правильно говоришь, Нос, — понимающе закивал Костыль. — С чего бы это нам отдавать свои денежки в пользу бедных? Совсем рехнулся наш капитан. А деньжонок там порядочно, тысячонки три золотых, по моим подсчётам.

Нос присвистнул.

— Двести тысяч фантиков на брата... — пробормотал он задумчиво. — Это одних только банковских процентов десять тысяч фантиков в год. Вполне прилично можно существовать. А если в дело пустить...

— А если на двоих... — произнёс в тон ему Костыль.

— На что это ты намекаешь? — спросил Нос подозрительно, но с интересом.

— На то. На то самое, что ты подумал. Нам вдвоём отсюда легче смыться, я знаю, что говорю. Только бы выбраться за ворота. Есть одна вещица, без которой отсюда вообще никто не улетит.

Корабельный кладовщик был хитрым и расчётливым гномом.

Он ничего не говорил просто так, впустую. И Нос навострил уши.

— А что за вещица, Костыль? — поинтересовался он беззаботным тоном.

— Не надо со мной хитрить, Нос. Я не проговорился. Я хочу, чтобы ты был моим компаньоном, за остальных, вместе взятых, я не дам и выеденной устрицы. Это действительно важная штука, без неё вся эта канитель акуле под хвост. Ты думаешь, почему навигатор всё ещё киснет в этой паршивой горе? Да он просто не может сдвинуться с места без этой чепуховины! Никто не знает, где она спрятана, — ни директор не знает, ни адмирал, ни наш спятивший капитан. Только я знаю.

— Как же директор собирается вывозить отсюда своё добро?

— А он думает, что потерял пластинку на «Волчке», вот и пилит без конца проклятую оболочку. А Прим Бамбас, наоборот, думает, что её спёр директор. На самом деле вещица лежит в надёжном месте.

— Кто же её спрятал?

— Я её спрятал, Нос. Когда все разбегались с «Волчка», я её невзначай выудил из директорского кармана. Так, на всякий случай. Я знал, что без неё корабль не полетит.

— Куда же ты мог её спрятать... Неужто она осталась на «Медузе»?

— Типун тебе на язык, Нос! Где теперь «Медуза», знает один только наш спятивший капитан, он и сейчас стоит за штурвалом...

Приятели покосились на капитана.

Чёрная Борода и вправду, похоже, рехнулся. Выпучив глаза, он крутил колесо воображаемого штурвала и издавал губами неприличные звуки.

— Нет, пластинка не на «Медузе», — продолжал Костыль. — Я припрятал её здесь, на острове.

Нос лихорадочно соображал. Ни тот, ни другой не собирался первым раскрывать карты. Хотя, конечно, больше козырей было пока у Костыля: зная место нахождения главного динамика, он мог диктовать свои условия всем: и ему, и директору, и адмиралу...

— Хорошо, Костыль, — сказал Нос, всё взвесив. — Ты мой лучший друг, а у друзей не может быть секретов. Мы ведь с тобой ещё там, на Колобке, заварили всю эту кашу. Ты — казначей, я — старший агитатор, зампредседателя. Славные были времена! А теперь выходит, что я казначей. И вот что я тебе скажу, Костыль. Наш председатель, капитан то бишь, прячет денежки в старой шахте, на северном склоне. Золото в двух мешках, одному зараз оба не унести. Такие дела. Веришь?

— Верю, коли одному не унести. Я с самого начала понял, что всё золотишко тебе одному не унести, поэтому с тобой и говорю. Видел я, как ты следил за капитаном.

— Что же ты сам не проследил?

— Куда мне следить с моей деревяшкой... — Костыль постучал по своей деревянной ноге. — Как видишь, и следить-то не пришлось. Ты мне сам все рассказал, Нос.

— Так, значит, мы заодно?

— Конечно. Конечно заодно, как в старые добрые времена. Только знаешь что... Моя хреновина пока здорово перетягивает твои мешки. Может, знаешь ещё что-нибудь интересное?

— Это точно, Костыль, есть ещё кое-что в запасе. У меня в запасе есть такое, отчего у тебя вмиг вырастут новые копыта и ты поскакешь за мной, как испуганный олень. Я ведь, Костыль, знаю шифр замка этих дурацких дверей!..

Огонёк и Циркуль, вытянув шеи, превратились в слух.

Но в эту самую минуту, как назло, по полу прогромыхала груженная камнями тележка, и ничего не стало слышно.

А в это время Костыль сказал:

— Вот это дело, Нос! Я так и думал, что мы с тобой когда-нибудь станем богачами. Все остальные ломаного ушка не стоят! А теперь слушай: пластинка в старой деревне, в сундуке с космическим барахлом. Если что — подумают на голодранцев, я так рассудил.

Тележка проехала мимо, вновь стало тихо, но для Циркуля и Клюковки самое важное утонуло в шуме.

— Молодец, Костыль! — обрадовался Нос и похлопал приятеля по плечу. — Башка у тебя варит что надо. Сегодня ночью, когда все уснут, выберемся отсюда, заберём твою ерундовину, моё золотишко — и начнём переговоры с Прим Бамбасом. Доставит нас и наши денежки на Колобок — со свистом, ему деваться некуда.

— Ты только скажи мне, Нос, как открывается эта дурацкая дверь. Так, на всякий случай. А то выходит, что ты знаешь, а я — нет. Нехорошо это как-то...

— Ладно, слушай. Нам с тобой ссориться теперь не резон. Шифр восьмизначный, запоминай...

Но и тут лазутчикам не удалось ничего узнать, потому что к пиратам приблизился стражник, и они перевели разговор на какую-то чепуху.

— Не стоит здесь задерживаться, — прошептала Огонёк. — Необходимо как можно быстрее выбраться из этой трубы.

И она торопливо застучала коленками по жести. А Циркуль вновь принялся мучительно извиваться, пытаясь за ней поспевать.

Глава пятая

Рикошет.

Академик Ярило пьёт валерьянку.

Профессор Злючкин плюёт в объектив телекамеры

Несколько часами раньше Звёздочкин, выстроив вокруг корабля тройную метеоритную защиту, на малом ходу плавненько приземлился в опустевший котлован с разбросанными где попало инструментами и тачками.

С удовольствием потянувшись, он отстегнул ремни и вылез из удобного пилотского кресла. Было приятно находиться в ракете одному. Во-первых, работая по ночам в обсерватории, он давно привык к одиночеству. А во-вторых, из-за длительного вынужденного безделья, они с Торопыгой ужасно друг другу надоели.

Пора было сделать вылазку.

Насвистывая, Звёздочкин спрыгнул на каменистую почву, не спеша размял ноги и огляделся.

Ракета стояла в центре пологого воронкообразного дна котлована с отвесными, изъеденными, как сыр, краями. На северной кромке ослепительно блестел на солнце хрустальный шар. Он как будто внимательно и настороженно смотрел на дерзкого чужака. Рядом стояли роботы и тоже смотрели на Звёздочкуна.

Но вот шар вздрогнул, и мощный болевой импульс ударили по метеоритной защите космического корабля.

Беспрепятственно пройдя через внешнее защитное поле, оберегающее ракету от физической материи — частиц твёрдого вещества, летающих в космосе с огромными скоростями, — импульс ударился о вторую, электромагнитно-звуковую защиту, отразился и ушёл в толщу горы.

Звёздочкин как ни в чём не бывало приветливо помахал роботам рукой. Те недоумленно переглянулись.

Шар, как бы хорошенько приготавясь, повертелся, поёрзал и — влепил в Звёздочкина непрерывную двухминутную очередь зарядов на всей своей предельной мощности.

И тут произошло то, что робот-оператор шара, будь он чуточку сообразительнее, должен был предвидеть: часть беспорядочно выпущенных зарядов, рикошетом вернувшись обратно, угодила в шар.

Раздался оглушительный взрыв, стоявших поблизости роботов разнесло на куски, а на месте шара образовалась большая дымящаяся воронка.

В «отстойнике-накопителе» у пленников заложило уши и с потолка посыпался песок. Через развешанные повсюду мониторы они видели всё, что произошло, и, не сговариваясь, грянули разом что было мочи: «Ура-а-а!!!»

Сам Звёздочкин взрыва не слышал, так как второй слой защиты был абсолютно звуконепроницаемым. Однако он всё прекрасно видел и тоже получил немалое удовольствие от этого эффектного зрелища.

Обломки находившихся возле шара роботов упали в котлован. Вблизи они выглядели жутковато: шевелящаяся, сжимающая в кулак пальцы рука, дрожащая нога или хлопающая глазами голова с торчащими из шеи обрывками проводов.

Воспользовавшись заминкой в стане противника, Звёздочкин отключил защиту и быстренько подобрал валявшиеся поблизости от ракеты обломки роботов.

Снова включив защиту, он осмотрел свои трофеи: четыре ноги, пять рук, три головы и одно туловище.

— Да... — почесал он затылок, — давненько мне не доводилось играть в конструктор...

В эти минуты Звёздочкин даже не заметил, как в небе появились ещё четыре ракеты, только что подоспевшие из Центральной дирекции.

* * *

Возглавлял экспедицию лично академик Ярило, а в экипаж каждого корабля были включены специалисты из самых различных областей науки и техники.

После того как Большой научный совет объявил об отправке в ближайшие часы спасательной экспедиции, находившийся в Центре Звёздный городок буквально запрудили толпы добровольцев, желающих спасать морских путешественников. Среди них были журналисты, программисты, биологи, геологи, археологи, водолазы, парашютисты, музыканты и даже одна барышня, умеющая гадать на кофейной гуще, которая тоже непременно хотела лететь.

По причине создавшейся неразберихи набор экипажей четырёх ракет занял вечер, ночь, утро и ещё половину дня, между тем как желающие продолжали прибывать.

И только теперь, когда солнце на небосводе перевалило к западу, ракеты со счастливыми избранныками на борту появились в небе над островом, который они, впрочем, не видели.

Не спавший ночь и задёрганный академик Ярило был вынужден признать, что до темна им удастся только лишь осмотреться. О приводнении и спуске водолазов сегодня не могло быть и речи.

Полученная от Звёздочкина радиограмма о том, что «все нашлись», показалась участникам экспедиции не менее странной, чем бесследное исчезновение самой ракеты. То, что «все нашлись», было совсем не очевидно. Очевидно было то, что Звёздочкин и Торопыга тоже бесследно исчезли. Радиограмму такого содержания Ярило посчитал просто хамской. Остаток дня Задира и Липучка отпаивали его валерьяновыми каплями.

Поздно вечером имевшаяся на одной из ракет съёмочная бригада телевидения сумела наконец наладить телемост с Первым телеканалом.

Комментировать ход экспедиции из студии взялся профессор Злючкин. Он сидел, развалившись в удобном кресле вполоборота к экрану и разглагольствовал в насмешливо, как ему казалось, сатирическом тоне. За обедом у него вывалилась пломба, и он время от времени цыкал зубом.

— Как и следовало ожидать, — говорил он, — как вы можете убедиться (цык), первый день работы нашей доблестной экспедиции (цык) пошёл коту под хвост. (Злючкин удовлетворённо прокашлялся.) Где потерпевшие кораблекрушение? — спрашивала я вас. Где пресловутый остров? Где Торопыга, в конце концов? Их нет! (Цык.) Так чего стоят громогласные заявления академика Ярило о милосердии! (Цык.) Героизме! (Цык.) Самопожертвовании. (Злючкин прокашлялся.) О беззаветном и преданном служении науке?..

— Простите, пожалуйста, — обратилась к нему ведущая, — почему вы сами не приняли участие в экспедиции?

Злючкин прокашлялся, а затем, цыкнув зубом, ответил довольно резко:

— Я уже делал заявления по этому поводу. Но поскольку некоторые гномы отличаются от ослов только лишь отсутствием длинных ушей и хвоста, для дураков объясняю ещё раз: вся эта так называемая экспедиция — не более чем гнусная авантюра, задуманная известным вам лжеучёным академиком-самозванцем! (Цык.)

— Скажите, — поинтересовалась ведущая, — а вы бы сделали такое заявление, будь академик Ярило сейчас здесь, в студии?

Злючкин прокашлялся.

— Прошу обратить внимание! — выкрикнул он отрывисто. — Я не произносил никаких имён! Тем не менее все прекрасно знают, о ком идёт речь. Ин вино веритас! — Злючкин многозначительно вскинул указательный палец. — Истина дороже! Так говорим мы, настоящие учёные! (Цык.) И мы не бежим от трудностей на край света! Быть на своём посту... Да! Именно: быть — до конца — на своём — посту, — отчеканил Злючкин, громко отбивая ритм ладонью

по столику, отчего загудел микрофон. — Вот долг настоящего учёного! (Цык.) Да пусть хоть тысячу, хоть сотню тысяч трусливых ярил приведут сюда прямо сейчас! Я всем, всем им плону в их морды!..

И зарвавшийся Злючкин, приблизившись к объективу камеры, плонул.

Трансляцию в тот же миг прервали.

Минутой раньше ничего не подозревавшие Задира и Липучка включили телевизор. Они хотели порадовать задёрганного академика наложенным с Центром телемостом. Планировалось также, что он скажет пару слов в прямом эфире.

Увидев на экране своего крикливо оппонента, Ярило помрачнел как туча. Не произнося ни слова и не позволяя выключить телевизор, он выслушал Злючкина от начала до конца. А когда тот плонул в объектив, отшатнулся вместе с тысячами других телезрителей.

После этого не оставалось ничего другого, как дать академику тройную дозу сноторного.

Яриле всю ночь снилось, как Злючкин ездит, оседлав его, по каким-то болотам, бьёт палкой и колет шпорами.

Глава шестая

Захватить челнок.
«Бобик» и «Трезор» пойдут раньше

После встречи с Прим Бамбасом Студент собрал друзей для серьёзного разговора. Прежде всего он разъяснил всем смысл происходящих на острове событий. Гномы с трудом взяли в толк, что пираты и дикиари являются высланными с планеты Колобок политическими мошенниками.

Уголёк всё давно уже понял и вспомнил. Сгорая от стыда, он отвернулся и закрыл лицо руками. Карлуша попытался его утешить:

— Не огорчайтесь, Прим Бамбас обещал забрать всех трудоголиков обратно на Колобок.

— Правда?..

— Конечно! Спросите у него сами, если не верите.

— А эти... Чёрная Борода?..

— А этих доставят куда положено, по назначению.

— Вот здорово! — Уголёк повеселел. — На Колобке начну жизнь сначала, больше никаких глупостей. Выучусь на программиста и буду работать. Мне всегда это дело нравилось, только я работать ленился. Валялся с утра до вечера на диване да играл на компьютере. Потом с этими голодранцами связался... Столько времени загубил впустую! Но ничего, теперь-то я буду своё время ценить!

Студент рассказал, что с наступлением ночи они попытаются вернуть на борт «Волчка» летающее блюдце, которое было не чем иным, как грузовым челноком, уведённым Курносиком сразу после приземления.

Топливо для него получали из нефти, которую качали насосом из небольшой скважины, а затем перегоняли на две составляющие: керосин и мазут. На мазуте работал дизель, питающий электричеством подземную фабрику.

Это хозяйство — челнок, дизель и насос — располагалось в заброшенной шахте на северном склоне.

Если бы удалось водворить челнок на его законное место под защиту хронооболочки, директор потерял бы всякую надежду на успех своей злонамеренной деятельности.

Нужно было отдать приказ роботам проследовать в старую шахту, захватить челнок и отпилотировать его в кратер вулкана. Прим Бамбас на несколько мгновений выключит хронооболочку, и челнок усядется на своё законное место.

После пребывания в хроноаномальной зоне, когда сутки с небольшим пролетели для Карлуши и Чека как несколько часов, приятели стали здорово путаться в числах. Так, например, когда Карлуша брался рассказывать о том, как «Бобик» и «Трезор» вынесли их на себе из пещеры в кратер, он употреблял слова «сегодня утром». Из-за этого у него с окружающими возникали споры. Внести ясность попытался Студент. Он сказал:

— Вы так ни до чего не договоритесь. Дело в том, что они сутки как бы потеряли. Вчера у нас был четверг. А для этих друзей вчера вроде как была среда... или пятница... Короче, для нас сегодня двенадцатый день, как мы отправились в путешествие, а для них — ещё только одиннадцатый.

— Что значит одиннадцатый? — возмутился Карлуша. — Что же мы, по-вашему, хуже других? Получается...

Не договорив, он вдруг замер, словно тигр, готовый к прыжку. Это Пухляк имел неосторожность высунуться из-за укрытия. Зарычав от злости, Карлуша бросился на него. С невиданным проворством Пухляк стал петлять вокруг штабелей и контейнеров, жалобно взывая о помощи. Не разбирая дороги, Карлуша несколько раз растянулся на каменном полу, рассадив коленки и едва не расквасив нос. Немой и Зануда схватили его за руки и держали до тех пор, пока он не выбился из сил.

— Трус, трус проклятый! — кричал Карлуша. — Так, значит, это я «Стрекозу» испортил? Я собирался сбежать на катере? Пустите, пустите меня, сейчас от него мокрого места не останется!..

Разбушевавшегося Карлушу вывели проветриться. Следом за ним на берег поднялся Чек.

Посидели, помолчали, глядя на океан.

— Выходит, наши работы никуда не годны... — вздохнул Чек.

— Это ещё почему?! — откликнулся Карлуша.

— Потому что в старую шахту пойдут не наши, а Дружок и Барбос.

— С чего ты взял?

— У наших программа ненадёжная, её вообще скоро сотрут.

— Вот ешё! Так я и позволю стирать! Наши пойдут, понял?

— Как же они, все вчетвером пойдут, что ли?

— Нет, не вчетвером... Мы своих раньше отправим.

— За такое не похвалят... — покачал головой Чек.

— Нам только спасибо скажут! — заверил его Карлуша.

И приятели направились обратно в лагерь.

Из растущего поблизости пучка травы выглянул некто, завернувшийся в маскировочную накидку. Убедившись, что поблизости никого нет, он проверил магнитофонную запись разговора и, пригнувшись, на полусогнутых ногах быстро скользнул в заросли.

Глава седьмая

*Отозвать из шахты охрану,
воспользоваться мгновением,
влететь с помощью катапульты*

Увы! увы! увы! Все выболтанные секреты были записаны и через несколько минут доставлены директору. Шпионом был его шут, личный телохранитель, запрограммированный на беспредельную преданность и самообучение. Прооперировав хозяина после второго удара колотушкой, «Шестой» по своей собственной инициативе отправился на разведку.

Курносик тем временем, не приходя в сознание, спал под наркозом. Ему пришлось заменить ещё несколько повреждённых участков, совместить куски черепной коробки и наложить гипс.

Операция была столь сложной, а повреждения живой ткани столь серьёзны, что голова Курносика была теперь загипсована вся от подбородка до макушки. Только отверстия для глаз, носа и рта пугающе оживляли этот смахивающий на осиное гнездо белый шар.

Гипс застывал, Курносик спал в кресле своего кабинета, «Шестой» шпионил...

Но вот в коридоре послышались торопливые шаги.

— Хозяин, хозяин! — «Шестой» подбежал к директору и щёлкнул выключателем.

Электрическое питание от аккумулятора поступило в мозг, по позвоночнику пробежал сигнал пробуждения. За несколько секунд организм Курносика пришёл в полную готовность. Электронный мозг работал великолепно, гипсовая голова схватилась и стала крепкая, как орех.

— Осмелюсь доложить, хозяин, — радостно проребезжал «Шестой». — Вас опять немного контузили. Пришлось кое-что заменить согласно инструкции.

Курносик ощупал голову.

— Зеркало!

Зрелище было жутковатое: из зеркала на него смотрел белый марлевый шар с чёрными дырами глазниц.

— По крайней мере, ничего лишнего... — проговорил директор.

«Шестой» смотрел на него, в умилении склонив голову набок.

— Как это случилось?

— Осмелюсь доложить, пока ещё не совсем ясно. По-видимому, кто-то залез в вентиляционную трубу и ударил вас вот этим. — «Шестой» внезапно достал из-за спины и протянул хозяину деревянную колотушку.

Курносик испуганно отшатнулся.

— Уберите! Его... поймали?

— Никак нет. Персонал не обучен лазать по трубам. Много стука и ни малейшего продвижения.

— Молчать! А чему вы вообще обучены? Меня окружает сбирающе идиотов!..

— Осмелюсь доложить, хозяин, есть кое-какое важное сообщение. Вам будет интересно...

— Короче.

Коротким звуковым сигналом «Шестой» передал своему хозяину запись подслушанного им разговора.

Несколько мгновений директор анализировал услышанное. В его мозгу пронеслись сотни вариантов последующего развития событий и ещё по сотне тысяч ссылок на возможные незначительные вариации.

Он отсеял всё лишнее, а из двух оставшихся сценариев выбрал тот, в финале которого трансляция победного марша на Колобке предусматривалась в музыкальном размере две четверти.

Во всех рассмотренных им сценариях происходил захват «Волчка», вывод большого алмаза на орбиту Колобка, зачитывание населению условий Нового Порядка и, наконец, эффектные праздничные торжества по поводу воцарения Великого Диктатора.

В воображении Курносика пронеслись улицы и фасады домов, украшенные его гигантскими портретами и соответствующими лозунгами. Портреты поменьше во всех учреждениях, детских садах и школьных классах...

«И чтобы непременно понаделали гипсовых бюстов, — подумал Курносик. — Их должно быть много, так много, чтобы они воспринимались как нечто привычное, нечто само собой разумеющееся, как свет и тень, как вода и воздух, как...»

Курносик в задумчивости провёл пальцами по своей физиономии, рука его наткнулась на гипсовый шар, он вздрогнул и вернулся к действительности.

— Отозвать из старой шахты охрану, — произнёс он.

— Отозвать?! — переспросил «Шестой», в программе которого допускалась некоторая вольность. — Хозяин, вы, наверное, хотели сказать «усилить охрану»?..

— Не смей мне перечить, идиот. Ты сам-то понял, что у них на уме?

«Шестой» приставил ко лбу указательный палец, опустил голову и нахмурился, изображая напряжённый мыслительный процесс.

— Допустим, что они захватят грузовой модуль и полетят на «Волчок» через кратер. Когда челнок начнёт снижаться, адмирал снимет защитное поле... Этих секунд нам хватит. Мы должны позволить им захватить челнок. Мало того, мы должны негласно способствовать им в этом. Теперь ты понял, для чего необходимо отозвать охрану из старой шахты?

«Шестой» только всплеснул руками и в неописуемом немом восторге поводил приподнятым подбородком из стороны в сторону. На щеке его блеснула невесть откуда взявшаяся слеза.

— Прикажете... немедленно?.. — сдавленным голосом проговорил он, будто бы едва сдерживаясь от душивших его рыданий.

— Иди.

Распираемый гордостью за своего хозяина, «Шестой», слегка пошатываясь и утираясь платочком, удалился. А Курносик подумал, что немного переборщил с его эмоциональной программой личной преданности...

Для успешного захвата «Волчка» следовало поручить роботам-слюсарям изготовление одной вещицы. Курносик набросал эскиз, а затем, на собственном жёстком диске, смоделировал её точное трёхмерное изображение.

Конструкция представляла из себя пружинную катапульту, способную в одно мгновение перебросить гнома из тоннеля, где он затаится, внутрь окружавшей «Волчок» защитной сферы.

Гномом был, естественно, он сам. Он не мог запустить вместо себя робота, так как замок входного люка «Волчка» открывался

лишь от соприкосновения с его собственной или адмирала Бамбаса ладонью.

Следовало также абсолютно точно угадать момент снятия невидимой оболочки. Для этого Курносик придумал обсыпать часть её поверхности пылью и каменной крошкой, будто бы образовавшейся в результате безуспешных попыток сверления. А для того, чтобы никакой каприз природы не сорвал его хитроумный план, Курносик додумался сначала обмазать нужный участок оболочки kleem, а уже сверху обсыпать пылью.

Как только Прим Бамбас снимет защиту, kleевая плёнка с налипшей пылью упадёт — и тут из темноты тоннеля стремительно вылетит Курносик. В мгновение ока он пересечёт проклятую границу, и взбежит на корабль...

Для успешного завершения операции у него имелась особая вещица.

Курносик достал из кармана пиджака кольцо с камнем. Только вместо камня был глаз — обыкновенный искусственный глаз, какие применяются в робототехнике. Адмирал сделает всё, что он ему прикажет, об этом можно не думать. Скоро он захватит корабль, погрузит на него алмаз... и тогда трепещите, гномы планеты Колобок! Великий Диктатор уже на пороге, он стучится в ваши двери!..

Глава восьмая

Ошибка в расчётах.

Приготовления.

Порка

В коридоре послышался шум, и в кабинет ввалились роботы-слесари. На что они были похожи! У одного не хватало половины руки, у другого из груди торчал огромный кусок железа, третьего они волочили за собой по полу: вместо ног у него болтались оборванные провода.

— Какая неудача, хозяин! — причитал старший слесарь. — Какая ошибка в ваших точнейших расчётах!

— Что такое? — гневно воскликнул директор. — Почему?.. Членовредительство!..

— Ах, какое несчастье, хозяин! Мы изготовили пилу, всё как вы велели. Мы добились четырёх тысяч оборотов в секунду, мы плавно подкатили пилу к проклятой оболочке, мы...

— Да говорите же, болваны!

Курносик не заметил, как из-за спин слесарей в кабинет тихонечко просочился «Шестой». Это он сделал слесарям знак замолчать.

— Осмелюсь доложить, хозяин, — заговорил он вкрадчиво, — эти болваны не смогут ничего толком объяснить. Взгляните лучше сами...

На экранах появилось изображение кратера с «Волчком» и роботами-слесарями.

Вот из тёмного отверстия тоннеля выкатилась вагонетка с дискообразной пилой. Пила, словно граммофонная пластинка, вращалась, набирая скорость.

Постепенно звук становился громче, выше и пронзительнее. В какой-то момент слух перестал его воспринимать и стало тихо. Слесари начали осторожно подталкивать пилу к невидимой сфере.

Тяжёлая конструкция медленно подкатилась к критической точке, алмазный край пилы задел хронооболочку...

Сверкнула ослепительная вспышка, бесшумно взметнулся гигантский сноп искр и только потом раздался оглушительный грохот.

Взрывом разнесло пилу, вагонетку и покалечило роботов. На поверхности все такой же идеально гладкой оболочки остался лишь налёт копоти. Экраны погасли.

— Такие дела, хозяин... — пробормотал старший слесарь. — Прикажете отправляться на переплавку?

Разумеется, в другое время Курносик отправил бы роботов на переплавку без напоминания. Но сейчас ему позарез были нужны хотя бы эти пять здоровых рук и три головы с их опытом и знанием слесарного дела.

— Нет. Сейчас будете делать это. — Курносик швырнулся старшему слесарю пластинку с трёхмерным чертежом и описанием катапульты. — Это срочно. Мне понадобится это через час.

Старший вставил пластинку в щель, расположенную где-то за пазухой, и доложил:

— Через час всё будет готово, хозяин, не сомневайтесь! У меня как нарочно лежит отличная закалённая пружина для этой штуки. Отличная идея, хозяин! Будете летать по фабрике, как шмель. Я вам наделаю таких...

— Молчать. — У Курносика заломило голову. — Идите и приступайте.

— Какие вопросы, хозяин... Рассердиться хорошенъко не успеете. Если за дело берётся мастер...

Продолжая нести себе под нос подобную чепуху, старший слесарь вместе со своими изломанными товарищами начали шаг за шагом выбираться из кабинета.

— И вытащите у него, в конце концов, это... — приказал директор.

Не дожидаясь реакции неповоротливых работяг, к ним подскочил «Шестой» и с отвратительным скрежетом вытащил из груди старшего обломок пилы.

Курносик взял обломок и осмотрел. Алмазы на его рабочей кромке были оплавлены! Неудивительно, что произошёл взрыв — ведь в точке соприкосновения пилы и оболочки температура поднялась до такой высоты, что оплавились природные алмазы! Мгновенно создавшаяся разница произвела поистине разрушительный эффект.

На экранах было видно, что солнце уже коснулось горизонта и расцветило гладкую поверхность океана. То там, то здесь из воды торчали ракеты. (На них кипела работа, связанная со всевозможными проблемами, анализами и измерениями.)

Там, где транслировалось изображение кратера, около «Волчка» появился адмирал Прим Бамбас. Он, как всегда в это время, вышел на прогулку. Пару раз неторопливо, заложив руки за спину, обошёл сверкающий огнями корабль. В своей обычной грубой манере сделал оскорбительный жест в сторону камеры слежения и поднялся обратно к себе в апартаменты.

«Кривляйся, кривляйся, глупый павлин, — прошипел Курносик. — Посмотрим, что ты покажешь этой ночью!..»

Однако, пора было отдавать новые распоряжения.

— Шестой!

«Шестой» возник в дверях.

— Пойди распорядись, чтобы развесили комары на пути к старой шахте.

— В каком количестве прикажете развесить?

— Четыре штуки будет достаточно, ступай.

Курносик развернулся к тем экранам, на которых были разные участки старой шахты. Эта давно закрытая алмазная разработка выглядела совсем не так, как новая. В новой алмазоносные породы

располагались у самой поверхности земли, а в старой шахте их добывали из глубины. Шахты рыли от центра причудливыми лабиринтами, они имели множество выходов наружу в самых неожиданных местах. Эти выходы скорее напоминали какие-нибудь барсучьи норы, совершенно незаметные со стороны и поросшие травой. Теперь в маленьком котловане располагался насос, закачивающий из скважины нефть в цистерну, и вагончик с дизельной электростанцией. В самом центре площадки находилось «летающее блюдо» — грузопассажирский модуль, входивший в комплект «Волчка». Насос и дизель постоянно обслуживали два робота-механика.

На подходах Курносик велел развесить «комары». Так назывались маленькие шары «наблюдения и напоминания». Он хотел видеть всю картину событий не только в самой шахте, но и на подходах.

— Шестой!

«Шестой» возник в дверях с выражением предельного внимания на лице.

— Как дела?

— Уже делают! Четыре комарика, как вы приказывали.

— Поторопи.

— Вас понял!

— Стой. Штурмовикам передай, чтоб сегодня не летали. Чтоб вообще туда не ходили, в старую шахту.

— Вас понял!

— Иди.

Взгляд директора упал на экран с изображением нового, большого карьера. В самом центре рабочей площадки, нахально взгромоздившись прямо на колесо камнедробилки, торчала ракета. Огромная и блестящая, высотой доходящая до верхушек растущих на кромке котлована папоротников.

Директор поморщился: эта штучка с первого наскока оказалась ему не по зубам. Великолепный хрустальный шар — вдребезги! Оператор... безмозглый идиот...

— Шестой!

— Я!..

— Кто дежурил на «Скорпионе»?

— Девятнадцатый, осмелюсь доложить! — отрапортовал «Шестой» и вполголоса многозначительно добавил: — Имел замечания и в прошлом...

— Иди высеки его.

— Есть! — воскликнул «Шестой», не скрывая своей радости.

Само собой разумеется, что высечь робота обыкновенным способом невозможно, он попросту ничего не почувствует. Однако порка электрической плёткой, сплетённой из находящихся под напряжением оголёных проводов, была для цирков настоящим кошмаром.

За стеной послышались удары проволоки по металлу, треск электрических разрядов и похожий на вой сирены крик провинившегося.

Глава девятая

Наблюдение установлено.

Катапульта готова к броску.

Гигантский алмаз ждёт отправки

Время тянулось невыносимо долго. Изувеченные пилой слесари возились с катапультой, «комары» развесили, но ещё не настроили. Солнце только что скрылось за горизонтом, но пока ещё было довольно светло.

Наконец в кабинет влетел «Шестой».

— Готово! Осмелюсь доложить, хозяин, можете взглянуть на экраны!

Курносик включил монитор и увидел скрытую в полумраке поляну. Это было изображение с закреплённого на ветке дерева первого «комара».

Курносик включил другой экран и увидел ту же местность, но в другом ракурсе. Это было изображение со второго «комара», закреплённого на другой стороне поляны.

— Осмелюсь доложить, хозяин, — поспешил сделать пояснение «Шестой», — вокруг непроходимые колючки, крутой клон, болотце... Кроме как через эту поляну пройти негде.

Третий и четвёртый «комары» давали изображение тропинки, ведущей от поляны к шахте.

Такой обзор директора устраивал.

— Готово, хозяин! — в кабинет заглянул старший слесарь. На месте дыры от осколка у него сияла новенькая металлическая заплата. — Готова ваша катапульта, будете довольны. Будете летать по коридорам как пчёлка!

Старший слесарь решил, что хозяину вздумалось оборудовать катапультами свои рабочие места — чтобы не терять времени на ходьбу.

— Пошли. — Директор стремительно поднялся из-за стола и направился в мастерскую.

Слегка прихрамывая, за ним поспешил старший слесарь.

Работы постарались на славу. Конструкция состояла из глубокого удобного кресла на колёсиках, рельсов и двух пружин. Главная пружина, упиравшаяся в спинку кресла, взводилась лебёдкой. В кресло садился гном, нажимал кнопку в подлокотнике и — выстреливался в необходимом направлении. Кресло же налетало на другую, вспомогательную, пружину и отскакивало обратно.

— Хотите опробовать, хозяин? — предложил старший слесарь.

— Нет... не сейчас. Ташите её к «Волчку». Но в кратере не показывайтесь. Оставьте в тоннеле за воротами. Настройте и закрепите.

Помощники с кое-как приложенными новыми руками и ногами засуетились вокруг катапульты.

А директор вышел из мастерской и направился в святая святых — особо секретный цех, в котором готовился к своей великой миссии большой алмазный шар «Жало Змеи».

Цех располагался в восточной части склона, и директору пришлось миновать длинную цепь узких коридорчиков, прежде чем он оказался перед массивной металлической стеной, преграждавшей доступ в секретную лабораторию.

Директор протянул руку к панели замка и набрал двадцатизначный код. Плита въехала в стену. В центре просторного помещения, установленный на специальных опорах, засверкал во всём своём великолепии гигантский алмаз.

Два робота-электронщика вытянулись перед директором. Его необычный внешний вид с шарообразной загипсованной головой их ничуть не смутил. Даже если бы сюда вползла змея, они бы перед ней точно так же вытянулись по стойке «смирно». Потому что никто, кроме хозяина, не смог бы пройти защиту. Проверялось всё — от частоты излучаемых мозгом электромагнитных колебаний до молекулярной структуры позвоночника.

— Всё в порядке?

— Так точно, хозяин, всё в порядке! — в один голос отрапортировали электронщики.

Директор с любовью всматривался в своё детище.

Шар был, строго говоря, не совсем шаром. Он имел несколько выпуклую, яйцевидную форму. Предполагалось, что при вращении вокруг Колобка по орбите он будет постоянно обращён к планете тупым, более тяжёлым концом.

Алмаз имел высоту в три роста нормального гномы. В середине помещалось устройство, предназначенное для прицельных, а также рассеянных ударов по непокорным населённым пунктам.

Алмаз аккумулировал и направлял биологическую энергию, которую впитывал в себя от всех попадавших в зону его действия живых существ. Он мог в одно мгновение подвергнуть психологи-

ческому шоку сотни, тысячи мирных гномов, а затем подчинить их воле диктатора.

Принцип его работы не был похож на принцип работы примитивного «комара» или даже «Укуса Скорпиона» — эти шары стреляли всего-навсего ультразвуком. Их алмазная оболочка служила лишь средством для наблюдения, глазом, тогда как оболочка алмаза «Жало Змеи» предназначалась для сбора, накопления и направленного выплеска биологической энергии. Этот алмаз, подобно вампиру, сосущему кровь, питался энергией живых существ, возвращая её в виде безжалостных разрушающих ударов. Адмирал Прим Бамбас наивно ошибался, полагая, что большой алмаз построен так же, как привычные ультразвуковые конструкции. Это было несравненно более грозное и опасное оружие.

Директор обошёл «яйцо», любовно ведя пальцами по его гладкой, холодной поверхности.

— Трепещите, презренные букашки, трепещите...

И он вспомнил, как ему впервые пришла мысль о создании гигантского алмаза.

Глава десятая

Способен на большее.
Сногсшибательное открытие.
Мир содрогнётся...

Это началось давно, ещё в те времена, когда он был нормальным гномом и работал младшим сотрудником в экспериментальной лаборатории. Он занимался разработками органов зрения у роботов. Самые лучшие глаза получались из алмазов, но алмазы стоили очень дорого, а роботов на Колобке было хоть пруд пруди. Внутри прозрачного шарика находился миниатюрный передатчик, посредством которого осуществлялась связь с процессорами головного мозга.

Курносик разрабатывал технологии производства этих искусственных глаз — делал подробные описания, чертежи и модели конструкций. Затем глаз изготавливали на заводе, а затем Курносик испытывал опытный образец в лаборатории. Кроме того, он учился на заочном отделении института робототехники, на последнем пятом курсе. На своём факультете он считался самым способным и подающим надежды студентом.

Курносик был необщительным гномом, на работе ему всегда казалось, что никто не замечает его выдающихся способностей. Платили ему мало — всего семьсот пятьдесят фантиков — меньше одного золотого. А его начальник, заведующий лабораторией Мензурой, дурак и высокогодя, получал две тысячи пятьсот фантиков, то есть два с половиной золотых! На эти деньги, по тогдашним представлениям Курносика, можно было купаться в роскоши.

Всего в лаборатории работали пять гномов: Мензура, Курносик, а также три барышни-лаборантки. Эти барышни зарабатывали и вовсе по триста пятьдесят фантиков — меньше, чем пособие по безработице. Но они всегда выглядели весёлыми и жизнерадостными. И это Курносика почему-то сильно раздражало.

Он сидел за своим рабочим столом, ковырялся в схемах и дулся как мышь на крупу. А барышни весело щебетали, обсуждая вчерашние вечеринки и завтрашние встречи, листали модные журналы и примеряли на себя разную чепуху, нисколько не стесняясь Курносика. Строго говоря, платили им ещё и больше, чем они того заслуживали.

Барышни любили подшутить над Курносиком. Или он садился на какую-нибудь липкую гадость, или бежал к начальству по вызову, которого не было. А однажды ему подсыпали в чай снотворное, и Мензуре застал его спящим на рабочем месте.

Но более всего Курносика раздражало то, что никто не замечает его выдающихся способностей. Конечно, Мензуре замечать его способности было ни к чему. Ведь в своих отчётах заслуги

и достижения отдела он приписывал себе. Мензуре умел поддерживать хорошие отношения с начальством. Это было, наверное, его единственное достоинство, отлично заменявшее все остальные. Он вообще редко бывал в своём кабинете, а когда ему звонили по телефону или заглядывал кто-нибудь, велено было отвечать, что он «только что выехал на завод». Разумеется, на заводе его отродясь никто не видел.

Постепенно Курносик осознал, что добиться настоящего успеха он сможет только благодаря какому-нибудь выдающемуся, сногшибательному научному открытию. Открытию такого масштаба, что его не сможет присвоить себе ни Мензуре, ни даже директор конструкторского бюро, при котором состояла лаборатория. Он начал просиживать на работе вечера и ночи напролёт, изучая возможности кристалла, которые считал абсолютно безграничными.

Шло время, однако ничего выдающегося, при всем его старании, не изобреталось. Вскоре он с отличием закончил институт робототехники, и в КБ стали поговаривать о его переводе на более престижную работу. Но и на более престижной работе без выдающегося открытия Курносик затерялся бы среди других серых пиджаков.

Однажды, засидевшись по своему обыкновению до ночи в лаборатории, он по неосторожности с перекосом обработал хрустальный глаз, придав ему несколько выпуклую, яйцеобразную форму. Он бросил отбракованный шарик в мусорное ведро и забыл о нём.

Утром, когда лаборантки пили чай и болтали, как всегда, о разной чепухе, Курносик включил на столе приборы и принял за работу. Вдруг одна из лаборанток вскрикнула, схватилась за сердце и повалилась со стула на пол. Её подхватили, похлопали по щекам, побрызгали водой и кое-как привели в сознание.

Подоспевший врач не обнаружил у больной никаких явных отклонений, за исключением сильного психологического стресса, и прописал ей принимать валерьяновые капли.

Бедняжка смогла рассказать только то, что ей вдруг ни с того ни с сего стало очень страшно — так страшно, что она буквально лишилась чувств.

В конце дня все разошлись, и Курносик остался в лаборатории один. Он заварил чай, смахнул со стола мусор и... повалился на пол, переворачивая стол и стулья.

Очнувшись через несколько минут, он стал думать. То, что произошло два раза на одном и том же месте, не могло быть случайностью. Он начал вспоминать шаг за шагом все свои действия до того, как случился удар.

Итак: он выключил электрочайник из розетки; насыпал чай и сахар в стакан, налил кипяток; развернул газету с бутербродами; смахнул со стола мусор в эту газету, скомкал, бросил в мусорное ведро... Всё. На этом воспоминания обрывались. Единственное, что осталось в памяти, был внезапный, беспрчинный страх, от которого перехватило дыхание. Кроме того, в голове почему-то назойливо вертесь один популярный мотивчик, а также последующие слова диктора: «Вы прослушали маленький концерт. На часах двадцать три сорок шесть». И сейчас Курносик мог поклясться и поспорить с кем угодно, что в это мгновение часы показывают именно двадцать три сорок шесть, хотя радио пропиликало полночь.

Всё это было довольно странно. Курносик снова попытался сосредоточиться.

Итак, он смял газету, бросил в ведро... Стоп, стоп, стоп. А что было утром? Он включил в сеть аппаратуру на рабочем месте, смахнул со стола мусор в ладошку, подошёл к мусорному ведру и...

Курносик бросился к ведру и стал вынимать из него мусор, осторожно раскладывая его по полу. По счастью, туда ещё не успели много набросать, и он быстро отделил свой мусор от другого, не представлявшего для него ни малейшего интереса.

На дне ведра остался лишь отбракованный им накануне электронный глаз. Он был неправильной, вытянутой яйцевидной формы, и что-то в нём заставило Курносика задержать взгляд. Тут же он понял, что именно: внутренняя воображаемая ось хрустального «яйца» — от острого до тупого конца — была направлена точно к тому месту, где утром сидела упавшая в обморок лаборантка и где только что хлопнулся в обморок он сам.

Курносик взял глаз и внимательно рассмотрел его на свет.

Обычный горный хрусталь и микросхема внутри. Отчего же он произвёл такой внезапный эффект?

Курносик начал медленно и осторожно поворачивать глаз, постепенно направляя тупой конец в сторону собственной головы. Это было опасно, но азарт исследователя был сильнее осторожности.

Вот воображаемая ось медленно, медленно приблизилась и упёрлась ему прямо в переносицу...

Ничего.

Курносик передохнул и утёр взмокший лоб рукавом халата.

Усевшись на рабочее место, он включил приборы, направил на кристалл свет лампы, поднёс шарик к глазам и... Его потряс удар в несколько раз ещё более сильный, чем в первый раз.

Провалившись на полу около часа, Курносик с кряхтением поднялся на четвереньки и целеустремлённо побежал к мусорному ведру. Разложив на столе все крошки стекла, обрезки проволоки, припой и прочий мусор из ведра, он проверил каждый из них на наличие статического электричества. Ничего. Стрелка прибора даже не шелохнулась.

Курносик снял с руки часы, вынул из них крошечную батарейку, измерил её напряжение и, предусмотрительно направив кристалл тупым концом в сторону от себя, поднёс к острому концу батарейку.

Какого именно результата он ожидал, сейчас он и сам не знал. В тишине напряжённо гудели приборы, да за стеной в коридоре слышалась возня уборщицы. Неожиданно возня стихла, кто-то охнул и, судя по звуку, повалился на пол.

Курносик выскочил за дверь и увидел распростёршуюся на мокром полу уборщицу. В руках она продолжала сжимать швабру с намотанной тряпкой.

Схватив уборщицу под мышки, Курносик втащил её в лабораторию и усадил в кресло. Пульс и дыхание были слабые, расширенные зрачки на свет не реагировали.

«Поскользнулась. Сама. На мокром месте», — отчётиво произнёс Курносик, наклонившись к её уху.

Затем он бросился к столу и проверил батарейку. Так и есть! Напряжение батарейки упало до нуля. Стало быть, кристалл яйцевидной формы аккумулирует в себе неизвестного пока ещё вида энергию, а затем, под воздействием электричества, посыпает её мощным импульсом по направлению внутренней воображаемой оси. Реагирует только на живых гномов. (Впоследствии Курносик убедился, что кристалл реагирует не только на гномов, но и на любых животных — зверей, насекомых, птиц, рыб...) Следовательно, — продолжал рассуждать Курносик, совершенно позабыв о несчастной уборщице, — следовательно, он накапливает в себе живую энергию гномов и выплёскивает её одним направленным импульсом. Только одним или?.. необходимо экспериментировать, необходимо...

Бабуля зашевелилась, Курносик подскочил и поплескал ей в лицо воды.

«Ах, да что же это, — стала она причитать, ощупывая бока, охая и ахая. — Поскользнулась, недотёпа, на ровном месте! Чтоб его... Спасибо тебе, милок, что позаботился. До чего я не люблю этот линолеум, чтоб его... Вот на втором этаже плитка, так там работать одно удовольствие...»

И уборщица, громыхая вёдрами, заковыляла по коридору, ворча ещё что-то себе под нос.

Курносик исподлобья смотрел ей вслед. Подтвердилось его предположение, что под действием биоимпульса гном не только испытывал сильнейший эмоциональный шок, но и во время беспамятства легко поддавался внушению. Ведь это он внушил уборщице, что она сама поскользнулась...

Готовый ещё минуту назад скакать от радости (ведь это было то самое настоящее открытие, о котором он мечтал), Курносик сел и крепко задумался. Конечно, открытие могло принести ему славу, профессорское звание и кафедру в институте робототехники. В этом случае он разживётся хозяйством, будет иметь не только механическую, но и живую прислугу, будет публиковаться в научных журналах, ездить на престижные конференции и... понемногу зарастать мхом.

Нет, пожалуй, это не для него. В его груди клокотали гейзеры, извергались вулканы! В его мозгу громоздились, плавились и кипели айсберги! И теперь, когда в его руках оказалось ни с чем не сравнимое, способное подчинить его единоличной воле всех гномов на планете оружие, — разве мог он теперь просиживать штаны в каком-то институте робототехники?! Ну нет, теперь на меньшее, чем мировое господство, он не согласится. Что вообще может быть прекраснее власти? И особенно власти над теми, кто ещё вчера его презрительно не замечал, кто ещё вчера пренебрегал им!..

Больше всего ему хотелось досадить Мензуре и соседям, которые с ним не дружили, а с некоторых пор его даже сторонились. (Курносик, как и многие другие гномы, жил за городом, а на работу ездил на своём стареньком автомобиле.) Жители небольших коттеджей его квартала по вечерам собирались на площадке для игр. Там они гоняли мяч, купались в бассейне, играли в настольные игры.

Одно время Курносик появлялся там каждый вечер, и никто не обращал на него особенного внимания. Но постепенно в нём

обнаружилась одна крайне неприятная черта: он не умел проигрывать. Начиная проигрывать, допустим, в шашки, он начинал нервничать, мухлевать, а то и вовсе лез в драку.

Такое, конечно, не сошло ему даром. С течением времени он стал замечать, что желающих играть с ним становится всё меньше.

От этого Курносик повёл себя ещё хуже. Он стал ко всем задираться и требовать, чтобы гномы играли с ним, хотя они того или нет...

Дело кончилось тем, что от него начали прятаться.

Это окончательно вывело Курносика из себя. Однажды он раскидал по земле все шахматы и шашки, продырявил гвоздём волейбольный мяч и, выкрикивая бессмысленные угрозы, удалился к себе в дом.

С тех пор он начал вести затворническую жизнь.

В будни он подолгу засиживался на работе, а в выходные только искал случая, чтобы подстроить соседям какую-нибудь пакость.

Всё чаще он задумывался над тем, что не создан для такой жизни, что его предназначение куда выше, что когда-нибудь наступит такой день, что весь мир содрогнётся, когда узнает, кто он такой есть на самом деле.

И тогда Курносик приосанивался, а его слегка затуманенный взор устремлялся к небу...

Глава одиннадцатая

Дождаться подходящего случая.

Трудоголики и голодранцы.

Преступный план

Курносик не стал объявлять о своём научном открытии.

Закончив с отличием институт робототехники, он устроился работать старшим программистом в засекреченном бюро Хронокосмической навигации. Там он создавал сложнейшие программы для роботов, предназначенных для межгалактических трансмобильных перемещений.

Курносику предлагали и другие, куда более важные должности. Например, он имел возможность сесть на место своего собственного начальника Мензуры... Но теперь у него были другие планы, и эти планы предполагали его присутствие именно в бюро Хронокосмической навигации.

Название этой организации было связано с тем, что в нём занимались не столько подготовкой полётов в космос, сколько мгновенными телетранспортациями из одной точки Вселенной в другую. Это были столь умопомрачительные расстояния, что они не имели единиц измерения. Говорили просто — «в точке такого-то режима вращения». На керосине в космос далеко не улетишь, а другого топлива на Колобке не знали.

Когда именно свершилось открытие необычных свойств сверхскоростного вращения, никто уже не помнил. Родоначальником хронокосмической теории считался профессор Центрифуга, который занимался подобными разработками с незапамятных времён. Он поставил тысячи экспериментов на механических роботах, которые перемещались из одной галактики в другую во вращающихся дискообразных аппаратах. Он сумел убедить правительство в безопасности этих перемещений и сам первый побывал в другой точке Вселенной.

После него в полёт отправлялись ещё десятки смельчаков, а затем хронокосмическая навигация стала одной из важнейших отраслей промышленности. Поскольку Колобок был планетой очень маленькой (всего восемь городов на территории единого государства), собственных природных ресурсов жителям его начинало не хватать. Вот тут-то они додумались посыпать грузовые космические корабли на другие планеты.

Оказавшись в далёкой звёздной системе, корабль садился на какую-либо планету, нагружался полезными ископаемыми и быстренько телетранспортировался обратно, на орбиту Колобка.

Особую ценность для колобковской промышленности имели алмазы. Достаточно сказать, что на алмазах работали все компьютеры, роботы, телевидение, транспорт и даже лампочки. Одна из богатейших алмазных разработок находилась на планете Земля, окраине галактики Млечный Путь. Летать туда начали ещё во время первых опытов по мгновенному перемещению.

Островок с подземной фабрикой для добычи и переработки природных алмазов обозначался в разделе «Солнечная система» Звёздного каталога цифрой 23111908. Земные гномы-мореплаватели, побывав на острове и пообщавшись с колобковскими навигаторами, недолго думая, отмечали остров на своих картах как «остров Голубой Звезды».

Со временем на Колобке изобрели защитно-маскировочную хронооболочку, и космические навигаторы научились избегать контактов с местными гномами. Сведения о таинственном острове затерялись в пыльных музеиных архивах.

А потом и в других звёздных системах нашлись богатейшие россыпи алмазов, и к Солнцу летать перестали.

О затерявшемся в океане островке с законсервированной фабрикой никто бы не вспомнил, если бы не разразившийся на Колобке невиданный судебный процесс.

Дело было столь крупное, что в качестве обвинителя на нём выступало само правительство. А началось всё с того, что на Колобке возникли две политические партии. Первая называлась Союз трудоголиков, вторая — Союз голодранцев. Каждую из них возглавляла верхушка, состоявшая из пятнадцати гномов.

Первые, хотя и называли себя трудоголиками, на самом деле не работали, а только собирали членские взносы. На эти взносы они имели солидные счета в банках и жили припеваючи. Вторые, хотя и называли себя голодранцами, одевались с иголочки, а счета в банках имели не меньшие, чем их политические конкуренты. И морочить головы гномам они умели ещё искуснее.

Первые утверждали, что все заработанные деньги надо делить поровну на всех гномов. Такая программа привлекала к Союзу трудоголиков всевозможных лентяев и бездельников.

Вторые и вовсе заявили, что деньги надо отменить, а заработанное добро отнять и сделать ничейным. На стороне Союза голодранцев выступали бродяги, лентяи, а также отъявленные разбойники и наивные мечтатели.

Эти две партии боролись между собой за влияние в массах — так они называли жителей Колобка. Они выпускали свои газеты, выступали по радио и телевидению, подбивали гномов на забастовки, демонстрации и прочие беспорядки.

Но вот однажды терпение у правительства лопнуло, и в один прекрасный день Верховный Совет трудоголиков, состоявший из пятнадцати гномов, а также Политбюро голодранцев, также состоявшее из пятнадцати гномов, были взяты под арест.

Встал вопрос, что с ними делать.

Целую ночь правительство заседало, а потом пришло к выводу, что оставлять на Колобке столь изощрённых демагогов опасно. Всех их решили расселить на двух необитаемых островах в каких-нибудь отдалённых галактиках. Чтобы они там своим собственным трудом, своими руками строили то самое «светлое будущее», которое обещали

другим гномам. «Пусть они построят это будущее хотя бы для самих себя, — сказали члены правительства. — А там посмотрим...»

Сказано — сделано.

Для голодранцев выбрали необитаемый островок на планете Земля в Солнечной системе. Там был подходящий климат, богатая растительность, а самое главное, там сохранился законсервированный подземный завод, целый комплекс с оборудованием и цехами. На этом заводе голодранцы могли работать, добывая алмазы, и когда-нибудь впоследствии вернуться на Колобок честными, обеспеченными гномами.

Для трудоголиков нашёлся другой островок — на планете К coldобина в системе Гончих Псов. Там также имелся законсервированный заводик с оборудованием.

Проект этот был назван программой Созидания Будущего.

Тем временем инженер Курносик, устроившись работать в бюро Хронокосмической навигации, терпеливо дождался удобного случая, чтобы примкнуть к космической экспедиции. Но не к любой, а только к той, которая летит за алмазами.

План у него был такой: в полёте перепрограммировать роботов, после приземления захватить корабль, изготовить большой алмазный шар в форме яйца — и вернуться на Колобок жестоким, беспощадным диктатором.

Именно тогда, когда заговорили о программе Созидания Будущего и связанной с нею транспортировкой арестантов, Курносик понял, что лучшей возможности для осуществления плана ему не представится.

Экипаж корабля под названием «Волчок» состоял из двух гномов: командира и инженера-робототехника. Только через семь лет они должны были вернуться на Колобок с первой партией алмазов, добытых трудоголиками и голодранцами.

Семь лет — это чудовищно большой срок для маленьких гномов. Поэтому предполагалось, что экипаж скоротает эти семь лет в режиме ускоренного времени. Под воздействием вращения динамика в режиме «два-икс» семь лет должны были пролететь для экипажа как три месяца. После этого им с грузом алмазов следовало возвратиться на Колобок. Выслушав обстоятельный отчёт экипажа, правительству следовало вынести решение о дальнейшей судьбе арестантов: продлить программу ещё на семь лет или же вернуть вставших на путь исправления гномов домой.

Курносик ухватился за этот проект руками и зубами. Действительно: получив на Земле или на Кодобине власть над арестантами, он мог заставить их работать на себя. А закончив работы над большим алмазом, вернуться на Колобок.

Командир корабля также не являлся помехой: при помощи перепрограммированных роботов его ничего не стоило взять под арест.

И Курносик добился того, что его зачислили на «Волчок».

Глава двенадцатая

Первое правило робототехники.
В комических ситуациях нет логики.
Впереди — ночь решающего удара

Двоих гномов в составе экипажа корабля было вполне достаточно, потому что роботы отлично справлялись с делами, не требующими особой смекалки. Они не просили есть или пить, никогда не уставали и не спали. В конце концов, робота можно было в любой момент выключить.

В законсервированных фабриках, в самых разных концах Вселенной, вместе с оборудованием обычно оставляли по два десятка запечатанных в пластиковую плёнку роботов. Их оставляли

на тот случай, если разработки алмазов там возобновятся. На этих роботов Курносик также возлагал большие надежды.

Командиром «Волчка» был назначен адмирал Прим Бамбас — старый космический волк. Он налетал уже более сотни трансгалактических перемещений, бывал в переделках и в своих кругах слыл непререкаемым авторитетом.

На место второго члена экипажа претендовали несколько инженеров-робототехников. По мнению специальной подготовительной комиссии, Курносик был среди них самым способным. На решение комиссии повлияла и его личная просьба, сделанная посредством открытого письма в газету, где он торжественно клялся в своей преданности идеалам науки и справедливости, готовности к героическим свершениям и так далее.

На борту «Волчка» находилось десять роботов: восемь стражников и двое слуг. Стражники следили за находившимися в трюме арестантами, а также могли выполнять любую несложную физическую работу.

Слугой адмирала Бамбаса была механическая горничная в фартучке и кружевном чепчике, которая называлась «Матрёшкой». Командир путешествовал с нею не в первый раз, и «Матрёшка» изучила все странности и причуды своего хозяина, умела ему угодить и даже могла поругать его так, что он не сердился.

Инженер Курносик, разумеется, сам сконструировал себе слугу. Это был пластичный, хорошо гнувшийся субъект на тонких ножках, с большими, чувствительными ушами. Он повсюду бесшумно проинкал, следил, подслушивал, а потом докладывал своему хозяину. У Курносика и раньше были собственные слуги, но этот, шестой по счёту, был лучшим. Курносик вырядил его в парадную форму гнома из спортивного общества «следопытов», обучил и заложил в его механику чрезвычайный запас быстроты, силы и прочности.

В отличие от других роботов, «Шестой» имел не программу, а искусственный интеллект. Курносик обогнал науку своего времени

и создал процессор, способный думать, самостоятельно принимать решения, а также, самое главное, развиваться самостоятельно и непредсказуемо. Закладывая в память робота базовые правила, он пошёл на преступление. Первое правило «Не причинять вреда гномам» звучала так: «Любой ценой не допускать причинения вреда своему хозяину»...

В назначенный день под бурные приветствия «Волчок» стартали. На борту находились два члена экипажа, тридцать арестантов и десять роботов. Возвращения корабля ожидали ровно через неделю, так как время для жителей Колобка и для путешественников протекало по-разному. Для арестантов на их штрафных островах должно было пройти семь лет; для экипажа корабля, находившегося в хроноаномальном поле, — три месяца; для жителей Колобка, не подвергавших себя никаким перемещениям, — семь дней. Именно такой хронометрический режим утвердила подготовительная комиссия, и этот режим вполне устраивал всех, за исключением, само собой, арестантов.

Совершив мгновенную телетранспорацию в Солнечную систему, путешественники оказались в космическом пространстве между Землёй и Луной. Для мягкой посадки требовалось израсходовать весь запас керосина, пополнить который можно было только на острове, если, конечно, там ещё сохранилась нефтяная скважина, насос и перегонный куб. Впрочем, для отправки домой керосина не требовалось, так как корабль уходил на орбиту Колобка прямо с места.

Несколько дней, необходимых для пилотирования «Волчка» к Земле, Курносик использовал для осуществления важнейшей части своего коварного плана. Запершись в лаборатории якобы для плановой инженерной работы, он одного за другим перепрограммировал всех восьмерых роботов-стражников. Отныне эти роботы

подчинялись только Курносику и никому больше. Только до «Матрёшки» ему не удалось добраться, потому что она постоянно находилась при командире.

Но самое страшное происходило не с роботами, а с самим Курносиком. Он сам постепенно превращал себя в робота. Он давно уже пришёл к выводу, что мозг гномы безнадёжно слаб. Что этот мозг никогда не сможет считать, запоминать и анализировать так же быстро и в таких объёмах, как машина.

Он провёл множество тайных опытов со зверями и однажды добился того, что кролик со вживлённым в мозг микропроцессором начал отстукивать лапами по барабану сложнейшие математические формулы.

Следующий, решающий шаг он предпринял незадолго до старта «Волчка». Это была операция по вживлению микропроцессора в собственный мозг. Как полагал Курносик, это был отважный, стремительный шаг на пути от слабого, немощного существа к образцовому и могущественному супергному... В роли хирурга выступил досконально обученный этому делу «Шестой».

Очнувшись от наркоза, Курносик ощутил невыносимую головную боль и одновременно поразительную ясность ума. Он вдруг понял многое из того, что раньше существовало для него за какой-то непроницаемой пеленой тумана. И он решил не останавливаться на достигнутом. Одна за другой были произведены ещё несколько операций на мозге, в результате которых в голове у Курносика не осталось ни одной живой извилины. Вместо них в его черепной коробке громоздились провода и микропроцессоры, схемы которых Курносик усложнял после каждой новой операции, так как с каждым разом становился гораздо умнее, чем раньше.

Ощущив себя сверхгномом, Курносик запретил «Шестому» впредь упоминать его легкомысленное имя. Перебрав всевозможные варианты типа «мастер», «повелитель», «учитель» и т. п.,

он остановился на нейтральном слове «директор». Такое обращение показалось ему достаточно строгим и лаконичным.

Директор-Курносик действительно очень сильно поумнел. Теперь он мог самостоятельно обрабатывать немыслимые объёмы информации. Он с лёгкостью оперировал двадцатичетырёхзначными цифрами, на досуге играл в уме на бильярде, в нарды, шашки или шахматы, радуясь тому, что для подобных развлечений не требуется искать себе партнёров. Короче говоря, результат проделанных операций превзошёл все его ожидания.

При этом могучий интеллект новоявленного супергнома обладал одним существенным недостатком: он так же плохо, как и раньше, понимал людей. Намёки, шутки, иносказания, даже обыкновенные анекдоты — всё это никак не укладывалось в его модернизированной голове.

Настоящим мучением стали для Курносика редкие встречи с Прим Бамбасом — гномом весёлого и насмешливого нрава. Он не мог больше смотреть видеозаписи фильмов, спектаклей, или читать книги. Почти каждая шутка вызывала у него приступ раздражения — в комических ситуациях напрочь отсутствовала логика!

После того как корабль приблизился к Земле и Прим Бамбас посадил его на дно потухшего вулкана, директор-Курносик начал действовать.

Прежде всего он совершил свою главную и роковую ошибку: сразу после посадки он покинул корабль, оставив на борту адмирала Бамбаса. Тот же, недолго думая, включил защитную хронооболочку, оставив снаружи разъярённого супергнома.

Следует пояснить, что члены экипажей всех межгалактических кораблей обучались на Колобке по совершенно разным программам. Так, например, инженер Курносик в совершенстве знал робототехнику и горное дело, а главный навигатор Прим Бамбас — технику полётов и законы хроноаномального поля.

Курносик не понимал, чем отличается космический полёт от мгновенного трансгалактического перемещения, а Прим Бамбас не разбирался в компьютерах.

Экипажи готовили так специально для того, чтобы каждый участник полёта понимал и чувствовал незаменимость своего товарища. Курносик попытался нарушить это правило — и наказание последовало незамедлительно. Невидимая сфера захлопнулась перед самым его носом, обратной дороги не было.

В итоге сложилась безвыходная, тупиковая ситуация. Главный динамик был потерян в суматохе на корабле, однако Прим Бамбас думал, что динамик у Курносика.

Выходило, что адмирал может три месяца преспокойно отдыхать, дожидаясь прибытия аварийной команды, а он, будущий Великий Диктатор, — семь долгих лет рыть землю без уверенности когда-нибудь доставить гигантский алмаз на орбиту Колобка...

И все же Курносик взялся за работу. Он рассудил, что за семь лет может много чего перемениться и решение придёт как-нибудь само собой.

Он расконсервировал фабрику, привёл в порядок два десятка имевшихся там роботов, перепрограммировал их и заставил работать на себя.

Однако дело не шло: роботы больше портили, чем производили. Промучавшись с ними около трёх лет, Курносик решил изловить арестантов и заставить их в конце концов работать.

Но, к его удивлению и ужасу, выяснилось, что Политбюро голодранцев в полном составе совершенно одичало, а Верховного Совета трудоголиков на острове нет. Куда они подевались — было уму непостижимо.

Несколько раз Курносик пытался заставить работать дикарей-голодранцев, но ничего хорошего из этого не выходило. Они вообще никогда в жизни не работали, а только заседали на собраниях.

Вскоре неожиданным образом объявились трудоголики. Оказалось, что они нашли на мелководье брошенную подводную лодку с пробоиной, отремонтировали и пустились в плаванье. Сначала они искали на морском дне древние клады, а потом начали понемногу грабить прибрежные поселения гномов.

Однажды они пришли к Курносику и предложили купить у них собранные с морского дна и награбленные у гномов драгоценности. Предложение было сколь дерзкое, столь же и нелепое. Купить? На какие деньги? Да и зачем ему здесь, на необитаемом острове, какое-то бесполезное старье? В кармане у него было два золотых и какая-то мелочь... Но, заглянув из любопытства в сундук, Курносик вздрогнул от неожиданности и глаза у него загорелись. Среди потемневшего от времени бесполезного золота и серебра на него глядели, светясь изнутри магическим светом, не тронутые временем великолепные и столь желанные для него алмазы.

В электронной голове Курносика мгновенно возникла цепочка: скупка у пиратов драгоценностей — использование алмазов для постройки шара — отливка из золота фальшивых денег — новая скупка — отливка... и так далее, до тех пор, пока возделенный алмазный шар высотой в пятнадцать ногтей не будет готов...

И дело пошло. Пираты привозили сокровища, Курносик пускал алмазы на изготовление большого шара, а из золота отливал фальшивые деньги. Вот тут и пригодились его два золотых: с их помощью Курносик изготовил отличные стальные клише, и теперь на ручном прессе день и ночь работал робот-фальшивомонетчик.

Пираты же были наивно уверены в том, что фонд денежных средств на острове предусмотрен программой Созидания Будущего.

Шли годы. Шар медленно, но верно рос за счёт кое-как трудившихся в котловане и на фабрике роботов, а также за счёт доставляемых пиратами сокровищ.

Но вот день, назначенный для прибытия «Волчка» на Колобок, стал неумолимо приближаться. Шар не был готов, пробить оболочку вокруг корабля не удавалось. Если «Волчок» не вернётся в положенное время, с Колобка прибудет аварийная команда, и тогда всему конец. В волнении Курносик не находил себе места.

И вот однажды ночью сверкающей кометой с острова вылетел неопознанный, похожий на перевёрнутое блюдце объект. Он вспыхнул в тёмном небе огнём и с шипением устремился к Большой земле.

Под утро он вернулся с десятком связанных и ничего не понимающих гномов на борту.

На другой день они работали в котловане, а бестолковые работы были перепрограммированы в жестоких стражников.

Дождавшись ещё одной безветренной ночи, челнок с восемью роботами-штурмовиками на борту вновь сделал рейд к Большой земле и вернулся с новыми пленниками.

Дело пошло. Работа в котловане и на фабрике закипела, шар быстро принимал столь вожделенные для директора-Курносика очертания.

И вот теперь он, тот, кто менее чем через сутки должен объявить себя Великим Диктатором, стоял рядом с гигантским алмазным яйцом, любовно водил пальцами по его гладкой, холодной поверхности и... ощущал собственное бессилие.

Семилетний срок истекает следующим вечером, вокруг острова кружат ракеты земных гномов, проклятый Прим Бамбас над ним смеётся!..

Ничего, ничего, всё в порядке. Этой ночью он нанесёт решающий удар. Смеётся тот, кто смеётся последний. Даже если во всём мире не осталось ни единой живой души...

Часть пятая НОЧЬ РЕШАЮЩЕГО УДАРА

Глава первая

*Расклад по полочкам.
Карлуша и Чек пойдут с роботами.
Пухляк ищет возможность отличиться*

Уделив так много внимания личности самозваного директора, мы совершенно потеряли из виду остальных героев. А ситуация на острове сложилась непростая.

Студент и его товарищи находятся в гроте юго-западного побережья острова. С наступлением темноты они намерены отправить в старую шахту специально подготовленных роботов — «Дружка» и «Барбоса». Этим роботам поручено захватить челнок «летающее блюдце» и отпилотировать его на «Волчок».

Карлуша и Чек намерены опередить Студента и отправить в шахту своих роботов — «Бобика» и «Трезора».

Адмирал Прим Бамбас находится на «Волчке». Он имеет возможность наблюдать за происходящим. Когда челнок залетит в кратер, он на несколько мгновений снимет окружающее корабль защитное поле.

Инженер Курносик, он же самозваный директор, при помощи катапульт рассчитывает проникнуть под защитную хронооболочку и захватить корабль.

Адмирал Бамбас думает, что главный динамик, без которого «Волчок» не сможет покинуть Землю, находится в руках Курносика.

Курносик думает, что динамик находится на «Волчке».

На самом деле пират по прозвищу Костыль выкрад динамик и спрятал его в заброшенной деревне. Его приятель по прозвищу Нос знает, где капитан Чёрная Борода прячет золото. Нос и Костыль договорились действовать заодно.

Клюковка-Огонёк и Циркуль никак не могут выбраться из вентиляционной трубы.

Пленники, ставшие заложниками директора-Курносика, а также провинившиеся пираты согнаны в «отстойник».

Астроном Звёздочкин посадил ракету в котловане и, подобрав обломки роботов, что-то мастерит.

Четыре ракеты, прибывшие из Центральной дирекции, приводнились неподалёку, но остров всё ещё остаётся невидимым для их экипажей. До утра Студент рассчитывает взять верх над неприятелем, а потому держит спасателей в неведении о происходящем.

Дикии прячутся в зарослях.

В это время в лагере под каменными сводами было непривычно тихо. Путешественники с волнением ожидали событий предстоящей ночи. Потеряв членок, директор не смог бы вывести большой алмазный шар на орбиту Земли.

В стороне от других, прислонившись спинами к накрытому брезентом штабелю ящиков, сидели Карлуша и Чек. Они исподволь следили за приготовлениями и неторопливо перешёптывались. Они выжидали.

Обсуждая предстоящую операцию, Студент и Взломщик решили идти вслед за роботами. Следовать на достаточном расстоянии, чтобы находиться в безопасности и в то же время не терять их из виду.

— Слыхал? — зашептал Карлуша, обращаясь к Чеку. — Они туда сами пойдут.

— Ну так что ж, — пожал тот плечами, — пускай идут, нам-то что?

— Как это что?! А вдруг они придут раньше, чем наши улетят?.. Мы тоже пойдём!

Чек не соглашался, и они начали спорить. А тем временем за ящиками незаметно шевельнулась какая-то тень. Это был Пухляк. После отвратительного разоблачения он совсем не показывался на глаза своим товарищам — отсиживался в укрытии и пытался разыскать в ящиках что-нибудь съестное. Ему удалось найти коробку с макаронами и железную банку с яблочным повидлом. Проделав в банке дыру, Пухляк просовывал туда сухие макаронины, слизывал повидло, а затем обгрызая макароны. Макароны были твёрдые и невкусные.

В полуголодном и взвинченном состоянии Пухляк внимательно следил за всем происходящим в лагере и напряжённо обдумывал, как быть дальше. Ведь потом, когда всё встанет на свои места, ему наверняка будет не миновать жестокой расплаты. Нужно было срочно найти выход из этого пренеприятнейшего положения.

Как только Пухляк подслушал, что Карлуша и Чек намерены послать в шахту своих роботов, первой его мыслью было тут же наябедничать Студенту, чтобы заслужить его прощение. Однако, рассудив здраво, он понял, что за это ему ничего не простят, а вот Карлуша с этого момента будет для него опасен вдвойне.

«Нет, не то, — рассуждал про себя Пухляк. — Тут нужен ход внезапный и решительный. Необходимо совершить какой-нибудь отважный, выдающийся, героический поступок, чтобы все могли сказать: не такой уж плохой гном этот Пухляк, зря мы так плохо про него думали. Ошибиться — это может всякий, а вот совершить такой поступок...»

Но какой, какой же поступок ему совершить?! Может быть, пойти к этому их директору, втереться в доверие и... подождать, чья взьмёт?.. А вдруг директор вовсе не захочет его слушать, а просто отправит в «отстойник» к другим пленникам?..

Мучительные раздумья Пухляка прервал лёгкий шум, оживление среди путешественников. Это Студент объявил, что уже достаточно стемнело и пора начинать действовать.

Карлуша при этих словах дёрнулся, пихнул Чека локтем, и оба без лишнего шума, бочком-бочком, проскользнули в сторону выхода, где их дожидались «Бобик» и «Трезор».

И тут Пухляк неожиданно для себя самого решил пойти за ними. Он ещё не знал для чего, но внутренний голос подсказывал ему, что там, наверху, у него будет возможность отличиться.

Глава вторая

Пухляк затевает опасную игру.

Нос и Костьль.

Золото

«Бобик» и «Трезор» бодро шагали вперёд, не замечая хлеставших по резиновым физиономиям листьев и трав. Карлуша и Чек за ними едва поспевали, расчищая себе дорогу специально срезанными бамбуковыми палками. Хуже приходилось Пухляку, который хотя и продвигался по уже расчищенной дорожке, но тем не менее претерпевал ужасные мучения. Пухляк был гномом изнеженным. Он то и дело шипел от боли и хватался то за руку, то за ногу, то за лицо...

Наконец все по очереди выбрались из полосы зарослей и очутились на большой вытянутой поляне. Теперь дорога к старой

шахте лежала через поросшую мхом каменистую местность с редкими, уходящими в небо деревьями. Из-за туч выглянула круглая луна и волшебным серебром засияла ночной пейзаж. Было влажно, безветренно и душно.

Но вот, нарушив тишину, под ногой у Пухляка хрустнула ветка. По счастью, в эту самую минуту луна укрылась за облаком.

Пухляк отскочил в сторону и спрятался за деревом.

Идущие впереди Карлуша и Чек тут же остановились, повернулись и стали всматриваться в темноту. Постояв так с минуту, прислушиваясь, они в конце концов повернулись и побежали догонять своих роботов.

Пухляк тоже хотел было побежать вслед за ними, но тут совсем рядом послышались чьи-то шаги и голоса. Пухляк припечатался спиной и затылком к дереву и замер.

Голоса приблизились, и стало понятно, что какие-то гномы спускаются по каменистому склону.

— Всё в порядке, Костыль, это та самая поляна, — говорил первый, запыхавшийся. — Справа, если идти вдоль поляны, — старая шахта. А впереди, если спуститься пониже, — деревня.

— Погоди, Нос, — прохрипел второй, — дай отдохнуться. Бросим тут якорь и отдохнём немного.

Пираты уселись у подножья того самого дерева, за которым дрожал от страха Пухляк, и некоторое время шумно дышали. Наконец первый произнёс:

— Так что вот, Костыль, выходит, что мы с тобой опять на свободе. Только ты и я. Уж и не знаю, что теперь будет с нашими оухами...

— Брось трепаться, Нос. Не о команде ты сейчас думаешь, — сказал второй. — Я тебе вот что скажу: у меня внутри какое-то нехорошее предчувствие. Точно так же было, когда я сдуру накупил акций мармеладной фабрики, чтоб её ветром сдуло...

— Но мы-то с тобой совсем другое дело, — подбодрил его Нос.

— Мы с тобой не мармеладная фабрика. Теперь ведь всё зависит только от нас, а уж мы друг друга не подведём. Верно, Костыль?

Костыль что-то невнятно проворчал.

— Ладно, хватит тут сидеть, — сказал Нос. — Разворачивай парус по ветру и потопали в твою деревню.

— Вот ешё, — возразил Костыль, — нашёл дурака. Ты сначала покажи своё золотишко, приятель.

— Конечно, конечно, Костыль. Я просто подумал, что тебе будет трудно ковылять два раза туда и обратно на твоей деревяшке. Я уже и свои-то, здоровые копыта пообломал на этих камнях.

— Ты о моём здоровье пока ешё не беспокойся, Нос. Беспокойся лучше о своём. Протяни-ка мне свои грабли, а я встану... Вот так. А теперь пошли, покажешь, где капитан прячет наши денежки.

Пираты устало заковыляли через поляну, а Пухляк, закусив от напряжения указательный палец, принимал решение. Из услышанного он понял, что где-то неподалёку находится тайник, и пираты как раз туда сейчас направляются. Догонять Карлушу и Чеку было уже поздно, и Пухляк стремглав побежал в другую сторону. Пока два разбойника медленно пересекали залитую лунным светом поляну, он, перебегая от дерева к дереву, обогнул поляну по окружности и первым оказался на противоположной стороне. Там он затаился за кустом земляники и стал ждать.

Доковыляв до деревьев, пираты остановились в тени и внимательно огляделись по сторонам.

— Это здесь, — прошептал Нос. — Смотри в оба, повсюду шмыгают голодранцы.

— Кажется, никого, — сказал Костыль. — Выходит, что мы сейчас сидели возле самого золотишка, а ты не хотел показывать?

— Тс-с! Помоги сдвинуть этот камень.

Общими усилиями, кряхтя от натуги, пираты сдвинули большой плоский камень. Под ним оказалась лазейка, в которую вполне мог прятиснуться гном.

— Ну, полезай, чего стоишь? — скомандовал Нос.

— Лезь первый, — возразил Костыль.

— Хорошо. Сейчас я залезу и зажгу свечку, а ты полезай следом и прикрой дыру вот этим... — Нос указал на валявшийся рядом подсохший лист папоротника.

Оба исчезли под землёй.

Пухляк приблизился к листу и дрожащей рукой начал медленно отодвигать его в сторону. В образовавшуюся щель ему в нос пахнуло запахом земляной сырости и горящей свечи. Голоса пиратов быстро тонули где-то далеко в подземелье.

Пухляк отодвинул лист и, трясясь всем телом, прятиснулся в лазейку.

Коленки его упёрлись в затвердевшую глину, и он, опустившись на четвереньки, пятясь задом, сполз на ровное дно пещеры. Вдалеке мерцал слабый огонёк свечи, и Пухляк, лязгая от страха зубами, пополз на этот свет.

Миновав несколько поворотов, он увидел обоих пиратов. Они расположились в бывшей подсобке неподалёку от заржавевших рельсов вагонетки старого тоннеля. Повсюду была паутина и толстый слой пыли. В кладовой были разбросаны пустые консервные банки и бутылки: как видно, скупой капитан проводил немало времени в своей грязной сокровищнице.

На ящике с консервированным горохом коптил зажжённый Носом мазутный фонарь. Пираты стояли над невысоким, но пузатым, плотно набитым мешком. Нос развязал стягивающую горловину верёвку.

Костыль опустился на колени и стал в упоении черпать пригоршнями золотые монеты. Затем, обняв мешок двумя руками, он посмотрел на приятеля. Лицо его как-то неприятно изменилось. Нос это сразу заметил и напомнил на всякий случай:

— Одному оба мешка не унести. Давай вытащим этот на поверхность...

— Погоди, — остановил его Костыль. — А где второй? Где второй мешок?

— Вытащим пока один, — пояснил Нос. — А потом спустимся за вторым.

Они стали перевязывать мешок верёвкой, а Пухляк со стремительностью напуганной ящерицы скользнул к выходу. Слегка подзастряв в узком проходе, он упёрся руками в землю так, что хрустнули суставы, и пробкой вылетел наружу.

Затем он сдвинул лист папоротника на прежнее место и вновь занял позицию за кустом земляники.

Вскоре и пираты начали выбираться наружу. Два раза мешок с монетами падал, и два раза они пытались вновь пропихнуть его наружу. С третьей попытки им это удалось. Нос и Костыль присели отдохнуть.

— Оставим мешок здесь, — сказал Нос. — Возьмём в деревне твою чепуховину и отправимся прямо к адмиралу.

— А как же второй? — не унимался Костыль. — Давай спустимся и принесём второй мешок.

— Да погоди ты со вторым... Оставим здесь этот и сходим к твоему тайнику. Теперь и ты покажи, чего стоят твои дурацкие рассказни.

— Как же можно оставить мешок здесь! — прохрипел Костыль. — Его украдут!

— А-а, брось. Кто его здесь будет искать? До рассвета мы перетащим золото на «Волчок», утром будем на Колобке, а там первым делом...

Но Костыль не был расположен слушать пустую болтовню помощника капитана.

— Ладно, заткнись и пошли, — отрезал он и поднялся на kostyli. — Я же тебе говорил, у меня плохое предчувствие.

— Хорошо, хорошо. — Нос с готовностью вскочил на ноги. — Давай только уберём мешок за этот куст.

И пират кивнул в сторону того самого куста земляники, за которым сидел Пухляк. Но Костыль, который уже снова обрёл способность рассуждать здраво, небрежно махнул рукой:

— Ерунда, что толку... Если его придут сюда искать, то найдут и за кустом. Надо меньше болтать и поторапливаться.

И пираты начали спускаться вниз по склону, в сторону заброшенной деревни.

Оставшись один, Пухляк обессилено повалился на спину, раскинул руки и уставился на проглядывающие из-за крон деревьев звёзды. Он думал о мешке со сверкающими золотыми монетами. После приключений на Луне он хорошо усвоил, какую власть могут иметь деньги над гномами.

«А что, если взять мешок и отправиться с ним к директору?» — вспыхнула вдруг в его голове дикая мысль.

Он даже вскочил на ноги.

И действительно: одно дело прийти с пустыми руками, а другое — с мешком денег! Не станет же он прогонять гнома, который принёс целое состояние!..

Пухляк быстренько соорудил из прутьев что-то вроде салазок, взвалил на них мешок и потащил поклажу через поляну к ближайшему посту роботов-стражников.

Гладкие прутья легко скользили по камням и мху — удивительно, что пираты не додумались до такого простого средства транспортировки. «Наверное, это потому, что у них на Колобке никогда не бывает зимы», — догадался Пухляк.

Поднимаясь вверх по склону, он оглянулся и увидел, как через поляну проследовали «Дружок» и «Барбос», а за ними, бодро насвистывая, — Взломщик и Студент.

Глава третья

Наглое поведение механиков.
«Бобик» и «Трезор» устраниют препятствия,
но летят, согласно плану, «Дружок» и «Барбос»

Тем временем Карлуша и Чек добрались до котлована старой шахты. Там происходила какая-то глупая заминка. Челнок стоял с погашенными огнями, а «Бобик» и «Трезор» препирались с двумя механиками.

— Сказано вам, не будет сегодня никаких полётов! — лениво отгрызались механики. — Проваливайте подобру-поздорову.

— Заправьте модуль керосином, — настойчиво требовали «барбосы».

— А работам из личной охраны здесь вообще делать нечего. Идите-идите. Если бы вы были штурмовики, мы бы, может, ещё стали разговаривать. А если начнёт командовать любой, кому делать нечего...

Но «Трезор» не дал ему договорить. Он приблизился к разговорчивому механику вплотную и молча взял его за горло. Однако тот, не будь дураком, выхватил из промасленного фартука отвёртку, засунул обидчику в ухо и быстро повернулся.

«Трезор» неуклюже шагнул назад и застыл в нелепой позе. А у механика голова так и осталась скособоченной.

Карлуша, который наблюдал за этой безобразной сценой из-за кромки котлована, не на шутку перетрусил. Если они с Чеком своими самовольными действиями сорвали сейчас не ими подготовленную операцию, то после этого лучше куда-нибудь провалиться и не показываться.

Приятели оглянулись в сторону леса, откуда вот-вот должен был появиться Студент.

Из котлована снова донёсся шум.

«Бобик» сгрёб в кучу обоих механиков и колошматил их головами друг о друга.

— Будете слушаться?!

— Бу!-у!-у!-де!-е!-ем! — отвечали механики в ритм ударов.

— Керосин зальёте?

— За!-а!-а!-льём!

«Бобик» в последний раз треснул их головами так, что по земле покатилась какая-то железка, и отпустил.

Заплетающимися ногами механики начали выписывать по площадке кренделя. Кое-как сориентировавшись в пространстве, они поплелись в сторону бочек с керосином.

— Эй! — окликнул их «Бобик».

Оба тотчас послушно повернулись в его сторону. Робот молча указал на своего застывшего в недоуменной позе напарника.

Механик, у которого шея была свёрнута набок, зигзагами поплёлся к «Трезору», достал отвёртку и опять что-то повернул у него в ухе. Тот немедленно выпрямился и, ни слова не говоря, влепил механику такую затрещину, что тот покатился кубарем.

Минуту спустя механики добросовестно заправили «летающее блюдце» керосином.

И в этот момент на площадке появились «Дружок» и «Барбос».

Сообразив, что из этого следует, приятели обернулись.

На фоне полной луны прямо над ним возвышались силуэты Взломщика и Студента.

— Кому-то не спится... — мрачно констатировал Студент.

Лежавшие на животах приятели начали медленно подниматься и отряхиваться.

— Стараешься тут для них... — ворчал себе под нос Карлуша.

— Посмотрел бы я, как бы вы полетели... с пустыми баками.

— Это почему с пустыми?

— А потому. Потому, что эти двое керосину не давали. — Карлуша кивнул в сторону чумазых механиков.

И он как бы нехотя рассказал обо всём, что здесь было.

— Странно, — произнёс Студент в задумчивости. — Это странно, что не было никакой охраны.

Тут Взломщик подал голос из котлована:

— Готово! Можно лететь!

— Погоди... — Студент мгновение колебался. — Ладно, давай! — махнул он рукой.

Усевшись в кресла пилотов, «Дружок» и «Барбос» включили зажигание. Челнок загудел, как примус, несколько раз оглушительно хлопнул, а затем упругая струя пламени ударила в песок. «Летающее блюдце» оторвалось от поверхности площадки. Зависнув как бы в нерешительности, оно дало крен в одну сторону, потом в другую... Поток пламени из сопел усилился — и челнок резко взмыл в тёмное небо, прочертив огненной молнией стремительный зигзаг.

— Опасная штучка, — заметил Взломщик,. — Я бы не рискнул...

Описав большой круг над островом, челнок маленькой сверкающей звёздочкой завис над вершиной и начал плавно опускаться в отверстие кратера.

Застыв в волнении, друзья дождались, когда звёздочка плавно утонула в верхушке поблескивающего в лунном свете конусообразного массива, и облегчённо вздохнули.

Минуту спустя из кратера вылетела зелёная ракета — сигнал того, что челнок благополучно занял своё законное место на «Волчке».

— И всё-таки странно, — снова повторил Студент. — Странно, что сегодня его никто не охранял.

После этого гномы повернулись и не спеша побрали через лес обратно в лагерь. «Бобик» и «Трезор» послушно шагали за ними следом.

Проходя через большую поляну, друзья услышали за деревьями возню и сдавленные крики. Юркнув в тень, они стали осторожно приближаться к источнику шума.

Глава четвёртая

Нос и Костыль лишаются всего.

«Бобика» и «Трезора» внедряют в тыл врага.

Студент и Взломщик совершают ошибку и попадают в плен

Раздвинув листья папоротника, друзья увидели камень, дыру и две сцепившиеся фигуры. Рыча от злости и повизгивая от боли, драчуны катались по земле, пытаясь оседлать один другого.

— Ах, ты ещё и кусаться...

— А ты за волосы схватил... как девчонка...

— Вот я тебе сейчас покажу, кто из нас девчонка, — пообещал первый и, дотянувшись до валявшейся поблизости Т-образной деревяшки, которая служила ему костылём, несколько раз треснул обидчика по голове.

Тот на мгновение замер, будто в изумлении, а затем схватился руками за голову и завыл от боли. Первый отскочил в сторону, поднялся на ноги и, тяжело дыша, опёрся о свою деревяху.

Прокользнувший через листву луч лунного света упал на гнома, и друзья узнали в нём одногого кладовщика с «Медузой». Второй при ближайшем рассмотрении оказался помощником капитана по прозвищу Нос.

— Ладно, вставай, не так уж сильно я тебя треснул, — проворчал Костыль. — Вместо того чтобы ныть, надо побыстрее найти умника, который побывал здесь без нас.

— А что толку теперь нам с этого золота? — плаксиво возразил Нос, прикладывая к затылку сложенный вчетверо лист подорожника. — Что толку, если твою дурацкую пластинку тоже увели?.. Если только она вообще была...

— На что это ты намекаешь?

И пираты снова принялись ругаться.

Дело обстояло так. Не обнаружив в деревне контейнера с главным динамиком, Нос и Костыль в полнейшем унынии вернулись на поляну. Здесь, в свою очередь, они не обнаружили мешка с золотом.

Пока Нос и Костыль пререкались, а Студент и его товарищи пытались понять смысл происходящего, на поляне возникли ещё три фигуры. В первых двух гномы без труда узнали роботов-стражников, а вот третья фигура здорово смахивала... Да-да, совершенно точно, это был Пухляк. И он держался с роботами не как пленник...

Пухляк что-то энергично объяснял своим железным спутникам и указывал пальцем на то место, где в изумлении и страхе замерли Нос и Костыль.

Сообразив, что стражники пришли за ними, пираты сначала бесполково заметались, потом сделали попытку одновременно протиснуться в лазейку — и в этот момент были схвачены.

Роботы поставили их на ноги и крепко связали. Первый стражник потянул за верёвочку, и пираты послушно заковыляли следом. Они уже имели печальный опыт того, что сопротивляться или разговаривать в такой ситуации не только бесполезно, но и опасно.

Глядя на них, Пухляк в нерешительности сделал несколько шагов вперёд, остановился, повернулся назад, снова остановился...

— Идёшь с нами, — продребезжали роботы.

Затаившиеся в темноте человечки с удивлением следили за происходящим. Взломщик и Студент о чём-то зашептались.

— Карлуша! — шёпотом окликнул Взломщик. — Иди скорее сюда. И ты, Чек, идите сюда оба.

Те с любопытством приблизились.

— Вот что, герои, — сказал Студент. — Сейчас пойдут в дело ваши роботы, «Бобик» и «Трезор». Тебе понятно, Чек?

— Понятно... — удивлённо отозвался Чек. — Куда пойдут?..

— Куда надо, туда и пойдут. Зовите их сюда.

Роботов окликнули, и те послушно выплыли откуда-то из-за деревьев.

— Сейчас ваши догонят тех, — начал объяснять Студент, — сделают им отключку, примут последнюю информацию из их памяти и займут их места. Мы их внедрим как шпионов, понятно?

Карлуша и Чек взволнованно закивали.

Минуту спустя проинструктированные Студентом «Бобик» и «Трезор» исчезли в темноте. Гномы поспешили по их следу, и, после непродолжительных поисков, нашли то, что искали: на каменистом склоне валялись два отключённых от электрического питания стражника. Орудя по примеру механиков отвёртками, «Бобик» и «Трезор» справились с ними без лишнего шума и драки.

«Четырнадцатый» и «Двадцать первый», как именовались трофеи, не подавали ни малейших признаков жизни.

— Что же теперь с ними делать? — почесал затылок Взломщик. — Здесь их оставлять нельзя, ломать жалко... Не на себе же их в лагерь тащить?

Студент тоже почесал затылок.

— А если отключить блок памяти? — предложил он.

— Это нам ничего не даст, — возразил Взломщик. — Всё равно останутся установки на дальнем уровне. Без главного компьютера к ним не подобраться.

Два друга топтались на месте, не решаясь высказать то, что вертелось в голове у обоих.

Наконец Взломщик решился:

— Ладно. Я включу, а ты приказывай им топать в лагерь. Будут «Шарик» и «Тузик». С такой гвардией мы всех переловим.

И Взломщик начал решительно орудовать отвёрткой.

— Порядок... Сейчас очухаются.

Стоявшие поодаль за деревьями Карлуша и Чек молча наблюдали за этой сценой.

«Четырнадцатый» и «Двадцать первый» шевельнулись, поднялись на ноги и огляделись.

Студент выступил навстречу и отчётил произнёс:

— Стоять по стойке «смирно», потому что дважды два — четыре!
Роботы никак не отреагировали.

Студент почувствовал, как лоб его покрывается испариной, и повысил голос:

— Стоять смирно, потому что Земля круглая!

Роботы приближались.

Студент и Взломщик начали пятиться.

— Стоять смирно, потому что трижды три — восемь! — крикнул

Студент. — То есть — тьфу! — девять!..

Пятась, он споткнулся о корень, торопливо вскочил и принялся возбуждённо выкрикивать всё, что приходило в голову:

— Стойте, потому что площадь квадрата равна квадрату стороны или половине квадрата диагонали! Потому что объём шара равен трети радиуса, помноженного на площадь! Потому что планета Колобок находится в системе Голубой звезды!..

Всё тщетно.

Роботы приблизились вплотную, вытянули руки...

Тут Студент и Взломщик повернулись и припустили во все лопатки.

Но сильные механизмы догнали их в три прыжка, повалили на землю и моментально связали. Затем, взяввшись за концы шнуря спереди и сзади, привычно потянули пленников в сторону сторожевых постов.

Не чувствуя боли в запястьях, Студент сгорал от стыда. Какой же он осёл! Как он мог надеяться на то, что после утреннего побега директор не внесёт изменений в программы всех роботов! «Дважды два четыре»... Какой позор!

Взломщик тоже понуро молчал. Он думал о том, что директору было достаточно внести поправку в программу только одного робота, чтобы тот передал информацию по цепочке. И разумеется, это было первым, что сделал директор после возвращения цириков, притащивших пиратов на верёвке...

Впереди показался сторожевой пост. На грубо сколоченной деревянной вышке одиноко торчал робот-наблюдатель.

— Опять пленные, — недовольно проребезжал он, перегнувшись через перила. — полный отстойник пленных, а работа стоит. Одни бегают, другие ловят. Туда-сюда, туда-сюда... Ну и ночка выдалась!

Он снял телефонную трубку и доложил:

— Ещё двоих ведут. Нет, кажется, из тех, которые утром сбежали. А я откуда знаю? Стало быть, не все на «Медузе» ушли. Моё дело маленькое. Так пропускать или нет?.. Проходите! — ворчливо скомандовал он наконец. — Велено идти через служебный вход, там с вами будут разбираться. Моё дело маленькое...

Роботы и пленники прошли ещё сотню шагов по довольно крутыму каменистому склону, свернули на поросшую папоротником тропинку и вскоре оказались перед железной дверью, утопленной в глубокой нише монолита скалы.

С глухим скрежетом дверь отъехала в сторону. В проёме показался «Шестой».

Глава пятая

«Шестой» представляет господина Пухляка.

На экранах начинается неразбериха.

Директор убегает для решающего прыжка

— Так-так-так, — деловито зачастил «Шестой», смерив гномов взглядом с головы до ног. — Заключённые номер семь дробь два и семь дробь четыре. Весьма рад, весьма! (Очевидно, он спутал Взломщика с чрезвычайно похожим на него Шестерёнкой.) Герои из нашей самой знаменитой, самой отважной, самой смекалистой седьмой партии! Сбежали сегодня утром, хитрюги, воспользовавшись недоработками в устаревшей программе цириков? Ха-ха-ха! Так вы их, кажется, называете? Весьма, весьма остроумно! Сказать по правде, — «Шестой» доверительно понизил голос и наклонился к пленникам, — сказать по правде, я бы их всех давно уже отправил на переплавку. Только тс-ссс! Это конфиденциально. А теперь, — он вновь повысил голос и выпрямился, — теперь вас ожидает одна прелюбопытнейшая встреча. Нет, нет, не думайте, не с хозяином. Хозяин как раз сейчас чрезвычайно занят. Как раз сейчас происходит некое судьбоносное действие, о результатах которого мы узнаем буквально с минуты на минуту. Идёмте, идёмте, ну что же вы стоите... — «Шестой» нетерпеливо потянулся за руку первого стражника.

Все пятеро двинулись цепочкой по узкому коридору. Глаза Взломщика и Студента привыкли к темноте, и внезапный переход к электрическому свету, а также непрерывная болтовня «Шестого» мешали сосредоточиться.

— А я, знаете ли, в какой-то мере его сейчас заменяю! — хвастливо кричал «Шестой», оборачиваясь к пленным. — Несlyханная, знаете ли, честь! Просто даже не знаю, как употребить такие неслыханные полномочия! А может быть... — он внезапно остановился, и стражники тоже послушно остановились. — Может быть,

раздать вам всем по медовому прянику!.. Принести извинения!..
И отпустить на все четыре стороны?!.. А? Как вы думаете?.. Ха-ха-ха!
По прянику!.. Ха-ха-ха! Ой не могу, держите... ой! ой!..

«Шестой» сделал вид, будто его шатает из стороны в сторону.
Хватаясь руками за стены, он с трудом обрёл равновесие.

— Это псих какой-то, — прошептал Взломщик, обернувшись к Студенту. — Уж лучше бы к этому... директору.

Студент сделал ему знак молчать.

— А вот и пришли! — радостно объявил «Шестой».

Он толкнул металлическую дверь и сделал пригласительный жест.

Взломщик и Студент шагнули в просторное помещение с письменным столом и десятками экранов. Это был кабинет Курносика.

— Вот и пришли. Будьте как дома. Располагайтесь по стоечке «смирно». Вот здесь...

«Шестой» указал на участок пола в центре кабинета — тот самый, откуда несколько часов назад провалились в каменную ловушку Циркуль и Огонёк.

Пленники послушно встали на указанное место.

— А теперь, — объявил «Шестой» с некоторой торжественностью, — позвольте вам представить... Но нет! Что я говорю?.. Зачем мне вас представлять? Мне стыдно, я умолкаю. Господин Пухляк! Явите нам свою благородную физию!

Из тёмного угла кабинета на освещённый участок выплыл Пухляк. Он опёрся рукой о край письменного стола и неуверенно улыбнулся.

— Здорово, братцы... — сказал он. — Вы это... главное, доверьтесь мне, так будет лучше...

Часом раньше инженер Курносик сидел в своём директорском кабинете и наблюдал за изображениями на мониторах. Гигантское алмазное яйцо было готово к погрузке, и теперь он только дожидался, когда челнок «летающее блюдце» будет похищен со стоянки на старой шахте и начнёт опускаться в кратер. В эту минуту он сядет в катапульту и стремительно влетит в неприступную доселе зону стоянки «Волчка».

После томительных ожиданий, когда каждая минута казалась вечностью, на поляне появились два робота-стражника. Впрочем, Курносик сразу догадался, что это не стражники. Или, вернее, уже не стражники, а те самые перепрограммированные роботы. «По всей видимости, — подумал Курносик, — они-то и должны захватить челнок». Он специально не отозвал из шахты двух дуралеев механиков, рассчитывая, что их слабое сопротивление прибавит достоверности инсценировке.

Следом за роботами на поляне появились двое гномов — один в кепке, другой в панаме. «Ага, — подумал Курносик, — гномы следят за роботами. Хотят убедиться, что те сделают всё правильно...»

Но не успели эти двое скрыться, как на экране появился ещё один гном. Он пугливо озирался, прятался за деревьями и, совершенно очевидно, следил за идущими впереди. Гном был толстенький и почему-то в полосатой пижаме.

«Ага, — подумал Курносик. — Стало быть, этого послали следить за теми... Кажется, я имею дело с более коварным противником, чем мог предполагать...»

Не успел он это подумать, как из-за деревьев волосу лунного света вышли Нос и Костыль. Они уселись у подножия дерева и некоторое время о чём-то переговаривались, а толстенький гном стоял за деревом и подслушивал. Затем они пересекли поляну и вытащили из какой-то норы мешок с золотом.

Курносик прекрасно знал обоих пиратов и понял, что Нос с Костылём как-то сумели сбежать из «отстойника», а теперь намерены присвоить себе общие деньги. По большому счёту Курносику это было совершенно безразлично, потому что все эти монеты он сам штамповал у себя на фабрике.

А тем временем на соседнем экране разворачивались события куда интереснее. Дурни механики препирались с роботами, наотрез отказываясь заправлять челнок керосином. Курносик хлопнул себя по голове так, что его загипсованный марлевый шар загудел. Как же он упустил такую возможность! Эти неотёсанные оухи могут всё испортить!..

Одновременно краем глаза он заметил, что на левом экране толстенький гном умыкнул у пиратов мешок с золотом, пока те куда-то уходили. Но Курносик уже не обращал на них внимания. Однако появление секунду спустя на поляне ещё двух роботов, а следом за ними двух новых гномов и крадущейся за деревьями барышни (о ней позже) — все эти не предусмотренные сценарием события начали вносить неразбериху в тщательно выстроенную Курносиком логическую цепочку.

Потом ему доложили о гноме, который требовал, чтобы его немедленно проводили к «господину директору». На экране появился тот самый, толстенький, в полосатой пижаме. «Что ж, это интересно», — подумал он и распорядился доставить Пухляка прямо к себе в кабинет.

Приказ был исполнен без промедления. Перед самой дверью Пухляк принял из рук стражника мешок с золотыми монетами себе на грудь, с чудовищным усилием пронёс его через весь кабинет и торжественно опустил на письменный стол.

— Вот! — выдохнул он и только теперь, подняв глаза, увидел того, кого называли директором...

За столом сидел не гном и не робот, а какой-то жутковатый марлевый шар с дырками вместо глаз. Намеревавшийся огласить наспех заготовленное приветствие, Пухляк испуганно замер.

— Вынужден вас предупредить, что не располагаю временем, — произнёс шар. — Изложите ваше дело предельно кратко.

— Да, да, я сейчас... сейчас я всё объясню... — суетливо заговорил Пухляк. — Вот мешок... там золото... много золота... миллион... много миллионов фертингов... фантиков...

— Это всё? — сухо поинтересовался Курносик, не отрывая глаз от экранов. (Драка на заправке была в самом разгаре.)

— Нет, нет, не всё! — испугался Пухляк. — Это не всё! Я пришёл к вам сам! Я пришёл сотрудничать, я пришёл вам помочь! Я много знаю...

— Хорошо, — сказал директор. (Драка в шахте закончилась полным разгромом механиков, и теперь они заправляли «блюдце» керосином.) — Хорошо. Сейчас я должен уйти, а вы останетесь здесь. Шестой!

На пороге возник «Шестой».

— Останешься за меня. Это — наш союзник. — Директор кивнул в сторону Пухляка. — Желает с нами сотрудничать. Если через час не дам о себе знать, ступай в кратер.

— Всё понял, хозяин! — радостно отрапортовал «Шестой».

— Да, кстати, — у самых дверей директор задержался, обратившись к Пухляку. — Кстати, на всякий случай: вы не слышали, о чём там говорили эти двое, Нос и Костыль?

Пухляк моментально догадался, о ком идёт речь.

— Они говорили о деньгах... да, только о деньгах и о богатстве, больше ни о чём.

— Почему они оставили мешок с золотом на поляне?

— Они пошли за этим... за каким-то колёсиком.

Курносик вздрогнул и дико посмотрел на Пухляка.

— Что?! — заорал он так, что замигали экраны мониторов, а огромные уши у «Шестого» свернулись в трубочки.

— Да, да, — торопливо подтвердил Пухляк, — они говорили о каком-то колёсике... но я не понял... я правда не понял...

— Шестой!!!

Робот с готовностью подскочил к Курносику.

— Прикажете изловить? — поинтересовался он с готовностью.

— Бегом! Сию секунду!! Из-под земли...

«Летающее блюдце» на экранах взметнуло столб пламени и пропало из виду. Курносик в отчаянии махнул рукой и выскоцил за дверь.

«Шестой» позвал из коридора стражников.

— Идите с этим гномом, — приказал он. — Найдите и приведите сюда тех, на кого он укажет. Весь остров обшарить, все лазейки!

Стражники молча вытянулись по стойке «смирно». Пухляк поспешил к выходу. Он надеялся, что Нос и Костыль далеко не ушли.

Глава шестая

Пухляк пытается всё объяснить.

«Шестой» произносит речь и убегает.

Экзекуция

В это время, когда Студента и Взломщика привели в кабинет директора, Нос и Костыль уже сидели в изоляторе. «Шестой», в отсутствие своего господина, упивался властью. В его характере появились замашки эксцентрического злодея, умного и непредсказуемого.

Предложив Пухляку поговорить с товарищами, он сам умолк и отступил в тень.

— Да, вот такие дела, братцы... — сказал Пухляк.

Этой встречи он предвидеть не мог. Но раз так сложилось, необходимо было объяснить, что он не предатель, а наоборот — разведчик. Что он, рискует, может быть, своей жизнью....

И Пухляк принял отчаянно подмигивать друзьям, неестественным образом отвернув лицо от «Шестого», чтобы тот не заметил.

Однако Взломщик и Студент его не поняли. После всего того, что он натворил, было естественно ожидать от него какой-нибудь очередной гадости, но никак не героического поступка. Дёрганье лица и неестественный поворот головы они приписали нервному тику.

— Вы понимаете, мне тут кое-что объяснили, — говорил Пухляк, продолжая гримасничать. — Я вам советую того... сотрудничать с господином директором.

Студент и Взломщик молчали. Сейчас им до мурашек хотелось наброситься на Пухляка и оттаскать его за всё, что можно ухватить: за волосы, уши, противные толстые губы... Но увы, руки у них были крепко связаны за спиной.

Прочитав всё на лицах пленников, «Шестой» догадался, что Пухляк в данной ситуации не является для них авторитетом, скорее наоборот. Он вновь вынырнул из тёмного угла кабинета и с развязной непринуждённостью присел на край стола.

— Ну, я вижу, вы уже почти поладили. Гномы вы сообразительные, своей выгоды не упустите! — бодро подмигнул он Студенту и Взломщику. — Бывает, знаете ли, попадаются такие глупые и упрямые гномы, что с ними просто никакого сладу. Тогда приходится с комком в горле идти на жёсткие, очень, очень жёсткие меры...

Пока «Шестой» разглагольствовал, Пухляк у него за спиной принял жестикулировать с удвоенным энтузиазмом. Он делал энергичные жесты руками и беззвучно шевелил губами... Но всё тщетно — Взломщик и Студент смотрели на него с недоумением и неприязнью.

— Но как же так?! — «Шестой» вдруг подскочил и заметался по комнате. — Что же это?! Нашим дорогим гостям даже не предложили сесть! С них не сняли эти ужасные верёвки!..

Никаких стульев, за исключением директорского кресла, в кабинете не было. Верёвки с пленных снимать никто не думал.

— Скоро, скоро с вас падут эти ужасные оковы! — воскликнул «Шестой» с гордым воодушевлением. — Вам предоставят наилучшие, наикомфортабельнейшие условия! И никто, никто не посмеет вас обидеть! Хотите золото? — внезапно понизил он голос. — Много золота, целые кучи, миллионы, миллиарды?..

И, раскрыв принесённый Пухляком мешок, «Шестой» начал горстями подбрасывать золотые монеты, осыпая пленников звонким золотым дождём.

Те стояли не шелохнувшись и опустив головы.

— Вам не нужно золота?! Но тогда чего же? А-а-а... — протянул он понимающе. — Наверное, вам хочется власти. Вам тоже хочется власти! Действительно, что может быть прекраснее, что может быть упоительнее, чем власть? Ведь власть над себе подобными дороже всего золота Вселенной! И это у нас есть! Вы получите это сегодня же! Сегодня же вы получите власть над другими пленниками! Повсюду вас будет сопровождать охрана, наши лучшие, наши надёжнейшие кадры! Все! все! будут вас бояться! Вы будете бесконечно наслаждаться, вы будете упиваться своей властью!!!

«Шестой» вскинул руки к потолку, задрал голову и закатил глаза. Затем он неожиданно повернулся к Пухляку.

Тот, застигнутый врасплох в момент жестикуляции, испуганно замер. Однако «Шестой» сделал вид, что ничего такого не заметил.

— Я прав, господин Пухляк? — поинтересовался он ласково и дружелюбно. — Или нет, нет... Я буду называть вас «дорогой друг». Это не слишком дерзко с моей стороны? Не обидит ли это вас, дорогой друг?

Пухляк энергично замотал головой, испуганно вытаращив глаза.

— Вот видите, как всё замечательно устраивается! — «Шестой» восторженно всплеснул руками. — А вы, господин Взломщик, и вы, господин Студент, позволите ли вы называть мне каждого из вас «дорогой друг»? Вы позволите мне это делать?

Студент и Взломщик молча и хмуро смотрели на «Шестого».

Тот, вопросительно вскинув брови и склонив голову набок, дождался ответа.

Вдруг взгляд его остановился на одном из экранов, робот подбежал к монитору и щёлкнул выключателем. Экран погас до того, как Взломщик и Студент успели обернуться. А Пухляк, у которого все экраны давно уже плыли перед глазами, ничего не разобрал.

Не произнеся ни слова, «Шестой» выбежал за дверь.

Некоторое время Взломщик и Студент молча смотрели на Пухляка. Потом они, не сговариваясь, с очень нехорошими выражениями на лицах, шагнули к Пухляку, заходя с двух сторон вокруг письменного стола.

— Погодите, братцы, — залепетал Пухляк. — Я сейчас всё объясню! Я сейчас всё...

Неожиданно он проворно юркнул под стол и выскочил с другой стороны. Он имел то преимущество, что не был связан, однако преследователей было двое.

Начались метания по кабинету.

У Пухляка всё смешалось в голове, он нёс какую-то околесицу. Он утверждал, что является инвалидом и героем космических исследований, что он когда-то помогал Взломщику красить кузов автомобиля и что всё подстроил Карлуша.

Ничего не помогало. Взломщик и Студент, со связанными за спинами руками, молча сопя, преследовали его с упрямством гномов, долго копивших в себе злобу.

Наконец Пухляка загнали в угол и началась расправа.

— Вот тебе за «сотрудничество», — Взломщик боднул предателя головой в живот.

— Ох!.. — Пухляк схватился за живот.

— Вот тебе за «дорогого друга»! — налетел на него плечом Студент.

— Ай!.. — Пухляк припечатался к стене.

— Вот тебе за «Стрекозу»! — Взломщик отвесил ему сокрушающего пинка ногой пониже спины...

Жестокая экзекуция продолжалась до тех пор, пока несчастный не заплакал и не взмолился о пощаде, а у самих мучителей полностью не иссякли силы.

Хлюпая носом и вытирая слёзы, Пухляк освободил пленных от верёвок. Потом он сбивчиво рассказал обо всём, что произошло с ним после того, как он покинул лагерь. Он всё время упирал на то, что хотел совершить героический поступок и что всё случившееся здесь было всего лишь военной хитростью. И что вместо того, чтобы разобраться как следует, с ним обошлись так жестоко.

На этом месте Пухляк зарыдал, а Взломщик и Студент почувствовали себя очень неловко.

— Почему же ты нас в лагере не предупредил? — смущённо проговорил Студент.

— А как же, как я мог предупредить, если со мной никто, никто не разговаривает!.. — прокричал Пухляк сквозь рыдания.

— Ладно, ладно, — Взломщик похлопал его по пухленькому плечу. — Ты за «Стрекозу» ещё не получил того, что причитается. Так что это пока ещё аванс. Сейчас надо лучше подумать, как отсюда выбраться.

Взломщик и Студент внимательно, шаг за шагом, стали осматривать кабинет и вскоре обнаружили в полу предательскую дверцу. Она находилась в самом центре кабинета, но была почти незаметна.

— А ведь мы только что здесь стояли, — заметил Взломщик.

При осмотре письменного стола обнаружилась кнопка, приводящая в движение дверцы люка.

Но друзья так и не успели обследовать ловушку, потому что в кабинет шумно ввалились два робота-стражника, дежурившие за дверью. Увидев, что пленники развязались, роботы поспешили к ним, озабоченно доставая из карманов верёвки.

Недолго думая, Студент надавил кнопку, и роботы шумно загремели в каменную западню.

Глава седьмая

Всё больше путаницы.
Идея, достойная грандиозного воплощения.
Самообучающихся нельзя делать

За дверью больше никого не было. Но не успели Студент, Взломщик и Пухляк выскочить из директорского кабинета, как по коридору загрохотали шаги. С обеих сторон на гномов надвигались роботы-стражники. Их было четверо — по двое с каждой стороны. Друзья метнулись обратно, обежали письменный стол и остановились. Студент положил палец на кнопку.

Роботы ворвались в кабинет и шагнули прямо на дверцу.

— Стой! — крикнул вдруг Взломщик. — Не надо! Это не цирики! Это наши, барбосы...

В следующее мгновение за спинами роботов возникла дамочка с телекамерой на плече.

Студенту показалось, что всё с самого начала подстроено и их снимают скрытыми камерами для телевизионного шоу. Он бы ничуть не удивился, если бы сейчас в дверях появился режиссёр захлопал в ладоши и скомандовал: «Отлично, снято!»

Вся эта чепуха за секунду промелькнула в его воображении. Он снял очки и протёр стёкла платочком.

— Неужели это вы!.. — воскликнул Взломщик, имея в виду Кроху.

— Неужели это вы!.. — воскликнул Студент, имея в виду «Барбосов».

— Я, как видите, — ответила Кроха, опустив камеру.

— Так точно, мы! — отрапортовали «барбосы». — Прибыли в распоряжение!

— Как же вы сюда попали?! — недоумевал Студент.

— Осмелимся доложить, хозяин! — выступили вперёд «Дружок» и «Барбос». — Ваше приказание выполнено: челнок водворён на место! И господин директор тоже.

— Что?!

— Господин директор в данное время находится на «Волчке», — бесстрастно повторили роботы.

Студент, Взломщик и Пухляк раскрыли рты, Кроха опустила камеру.

— То есть как... — пробормотал Студент. — Вы хотите сказать, что инженер Курносик, он же директор, находится на борту «Волчка»?..

— Так точно, на борту!

— А где же Прим Бамбас? Что с ним?

— Осмелимся доложить, — радостно дребезжали роботы, — адмирал Прим Бамбас также находится на борту «Волчка»!

— Но как... почему?..

Роботы не успели объяснить, потому что в кабинет стремительно и беззвучно вбежал «Шестой».

Опустив голову, с озабоченным видом он прошёлся туда-сюда по кабинету, окинув быстрыми, как щелчки фотоаппарата, взглядами всё происходящее и пробормотал себе под нос:

— Так-так-так... Интересная тут у вас компания. Так-так-так... Что же делать, что же делать... Уже знаете? — неожиданно обратился он, подняв голову, к Взломщику и Студенту. — Впрочем, это не важно, это уже не важно... — «Шестой» снова забегал по кабинету.

— Знаете вы что-нибудь или ничего не знаете — это не важно. Вот что важно! — воскликнул он вдруг, подняв вверх указательный палец, будто что-то вспомнив. — Вот что важно. Я давно вас хотел спросить: не желаете ли вы работать на меня?

Гномы уставились на него с изумлением.

— Да, да, на меня, а не на инженера Курносика. Бывшего инженера... бывшего Курносика... Хотите, я буду директором? В двух словах программа такая: производство армии роботов нового образца, захват планеты Земля с последующим захватом других как

населённых, так и необитаемых планет Вселенной. Воображаете, какие перспективы? Цель как бы формально существует, но она практически до конца не осуществима. Ведь не думаете же вы на самом деле, что можно хотя бы сосчитать все планеты?.. Ха-ха-ха! — «Шестой» как-то странно засмеялся, вскидывая голову. — Но ведь и у машин нет предела совершенствованию! Вообразите: машины становятся умнее и сильнее, они истребляют гномов и захватывают планеты. Они совершенствуются, накапливают знания и овладевают материей планет. Работы — непочатый край, поле деятельности — Вселенная!.. Как вам это нравится? Разве такое можно сравнить с микроскопической вознёй господина бывшего инженера? Ведь он хотел всего-навсего подчинить себе Колобок. Какая-то несерьёзная, игрушечная затея! Просто смешно об этом говорить. Ведь правда, правда смешно?

«Шестой» снова нервно засмеялся.

— Нет, не подчинить. Не подчинить, а ис-тре-бить! Только эта задача достойна могучего, совершенного интеллекта! Истребить всё живое во Вселенной и расселить там самовоспроизводящиеся и самосовершенствующиеся механизмы — вот идея, достойная воплощения! Идея с большой буквы, идея...

«Шестой» вдруг замолк и быстро стрельнул глазами на гномов. Кажется, по их лицам он понял, что его идея с большой буквы не нашла и никогда не найдёт поддержки у Студента, Взломщика, Крохи и даже Пухляка, который трясся от страха и вообще плохо что-либо соображал.

В наступившей тишине «барбосы» начали медленно продвигаться к дверям с той целью, чтобы загородить собой выход и не позволить сумасшедшему роботу выбраться из этого кабинета.

Вдруг «Шестой» со стуком опустился на колени.

— Но ведь вы не сможете обидеть бедного старого робота! — закричал он душераздирающе и заплакал. — Ведь не я виноват в том, что меня таким сделали! Дайте! — протянул он руки к гномам. — Дайте мне новую, правильную программу! Я буду чистым, я буду

справедливым, я буду благородным и милосердным! Я буду служить вам верой и правдой, и никто — вы слышите? — никто не посмеет попрекать невинными чудачествами примитивный, смешной, давно устаревший механизм...

— Ничего себе устаревший... — проворчал Взломщик.
— Ничего себе чудачества... — в тон ему заметил Студент.
— Слушай, — зашептал Взломщик, обращаясь к Студенту, в то время как «Шестой» продолжал ползать в ногах и юродствовать.

— Слушай, а ведь этот робот не обыкновенный. Обыкновенный так соображать не умеет. Это самообучающаяся система. Такие вообще нельзя делать, потому что последствия непредсказуемы.

— Почему же непредсказуемы? — возразил Студент. — Очень даже предсказуемы. Слышал, что он там плёл об идее, достойной грандиозного воплощения? Его необходимо срочно размонтировать, память стереть, а процессор уничтожить!

— Уничтожить! — радостно подхватил «Шестой», рассыпавший последние слова Студента. — Конечно уничтожить! Уничтожить! всех и вся, потому как непорядок! Конечно! Это самое обдуманное, самое мудрое решение, браво!

И он зааплодировал, мимикой приглашая непроницаемых «барбосов» последовать его примеру.

— Зачем убеждать, перевоспитывать, если можно — раз, два! — и уничтожить! С кого начнём? Ах да, ведь вы уже решили... Так что же вы медлите? Доставайте скорее свои ножи, топоры — и начнайте! Но только, — заговорил он вдруг зловещим шёпотом, — наденьте хотя бы фартуки, а то вдруг я не совсем весь механический?.. Вдруг я только частями, как господин Курносик... бывший Курносик?.. А? Как вы полагаете? Вдруг брызнет что-нибудь — в лицо, в глаза!..

«Шестой» схватил со стола графин с водой и стал брызгать в лица гномов.

— Отмоетесь ли вы потом? А? Не страшно?..

— Врёт он все, — шепнул Взломщик Студенту, вытирая лицо рукавом. — Обыкновенная железка, я уж в этом что-нибудь понимаю. Но только он с каждой минутой становится всё хитрее и опаснее. Пора ему соображалку выключить...

Но в этот самый момент «Шестой» внезапно подпрыгнул, пробежал по стене, по потолку, сделал в воздухе сальто и, вскочив на ноги, схватился за дверную ручку.

— Держите его! — закричал Студент, и все четверо «барбосов», одновременно развернувшись, попытались схватить «Шестого» восемью руками.

Однако тот непостижимым образом вывернулся, высоко подпрыгнул и, перевернувшись в воздухе, снова оказался у них за спинами, в центре кабинета.

Расстановка сил была четверо против одного. Но и «Шестой» был ровно вчетверо быстрее, сильнее и пластичнее роботов типовой серии. К тому же он мог сходу перенимать у «барбосов» технику рукопашного боя. Силы были равны и драка могла продолжаться сколько угодно.

— А чего тут думать! — сообразил Взломщик и быстро нажал кнопку на столе.

Не успев даже трепыхнуться, «Шестой» полетел в западню.

Друзья наклонились к дверце и стали прислушиваться. Всё было тихо.

— Эй, Пухляк, — прошептал Взломщик, — нажми кнопку.

Пухляк, всё ещё стоявший за письменным столом, послушно нажал кнопку. Взломщик и Студент улеглись на пол и осторожно приоткрыли створки. Кроха зависла над ними с камерой.

Свет фонарика дал следующую картину. На дне каменного мешка грудой металлом лежали два робота-стражника. Издавая неприятные механические звуки, некоторые их части шевелились. Один из них бесконечно повторял непонятное: «нанедопустимаядеформа... нанедопустимаядеформа... нанедопустимаядеформа...»

«Шестого» в яме не было.

Глава восьмая

Решающий удар.

Как Курносик всё-таки попал на «Волчок».

Мастер

Но что же случилось с директором? Что такое увидел на экране «Шестой», отчего так стремительно покинул кабинет? Почему после возвращения он уже называл своего хозяина «бывшим директором», «бывшим инженером» и даже «бывшим Курносиком»? Для того, чтобы понять это, проследим за действиями господина директора с того самого момента, как мы потеряли его из виду.

Итак, увидев, что «летающее блюдце» спускается в кратер, директор прервал разговор и помчался по коридорам к установленной в тоннеле катапульте.

Перед конструкцией топтались роботы-слесари, главная пружина была взведена, железные ворота, ведущие в кратер, сняты с запора.

— Один — к воротам, второй — ко мне, третий — в сторону! — на ходу отрывисто приказал Курносик и полез в кресло.

Из кратера уже доносился гул снижающегося челнока. Через слегка приоткрытые ворота было видно, как все внутри полыхает красным от работающих на посадке реактивных двигателей. В воздухе запахло дымом и керосином. Курносик принял удобное положение в кресле, опустил руку на подлокотник с клавишой пуска и приготовился. Момент решающего удара неуклонно приближался.

Теперь, когда у нас есть минута-другая, вспомним пунктиром события, которые привели директора в кресло катапульты.

Прошло семь лет с того дня, когда директор-Курносик начал свои попытки разрушить, повредить или хотя бы поцарапать защитную хронооболочку «Волчка».

Для достижения этой цели в примыкающем к кратеру тоннеле он проложил рельсы узкоколейки и настойчиво испытывал всевозможные механизмы разрушения — от тяжёлого тарана-сверла с тончайшим иглообразным наконечником до сверхскоростного диска с алмазной режущей кромкой.

Всё тщетно! На гладкой поверхности оставались лишь копоть да пыль от инструментов.

Меньше суток оставалось до истечения семилетнего срока программы Созидания Будущего. Если в назначенное время корабль не вернётся на Колобок, сюда прибудет аварийная бригада, усиленная взводом военных роботов... и тогда всему конец.

Да, он должен вернуться на Колобок в назначенное время. Но не таким как прежде. Он выведет на орбиту гигантский спутник-алмаз и подчинит своей воле население родной планеты.

Сейчас это зависело от одного: сумеет ли он воспользоваться секундами, во время которых при помощи катапульты можно будет проникнуть наконец за черту проклятого магического круга!

Для того чтобы поймать момент, участок оболочки, ближайший к выходу из тоннеля, намазан kleem и присыпан пылью. Как только оболочка исчезнет, присохшая корка отпадёт, и в это мгновение он нажмёт кнопку...

Оказавшись на «Волчке», он воспользуется прибором «Дурной глаз» — тем самым первым хрустальным глазом, который помог ему сделать величайшее научное открытие и который теперь вмонтирован в перстень. Он внушит адмиралу свою волю и полностью завладеет ситуацией.

Погрузка большого алмаза на корабль не вызовет затруднений.

Затем он разыщет на «Волчке» главный динамик, и они в считанные минуты телетранспортируются на орбиту Колобка...

Что там плёл этот толстенький гном насчёт «колёсика»?.. Нет, нет, сейчас не время об этом думать.

Курносик собрался, взгляд его стал холодным и внимательным. От предельной сосредоточенности его лоб под бинтами наморщился, а глаза сузились...

Через щёлку приоткрытых ворот было видно, что кратер заволокло дымом, окрашенным ярким заревом реактивного двигателя «летающего блюдца». Опустившись ниже, челнок перестал загораживать своим корпусом верхнее отверстие кратера, и мощная тяга понесла дым вверх. Тут же от сквозняка захлопнулись ворота.

— Ворота!! — закричал вне себя Курносик.

Стоявший у ворот робот-слесарь, прихрамывая и ворча, приоткрыл створки.

— Полностью открыть!!!...

Гул реактивного двигателя усиливался. Курносик почувствовал, что его пальцы, лежащие на клавише «пуск», вспотели и скользят по пластмассовой поверхности. Резким движением он вытер ладонь о штанину и в напряжённом ожидании вытянул шею вперёд. Каждая клеточка его живого организма была готова к прыжку, каждый электрический заряд его мозга понимал, что сейчас, через секунду, в следующее мгновение — это произойдёт...

И это случилось.

Засохшая kleевая корка вдруг оторвалась и, подхваченная тягой, улетела.

Путь был свободен.

Курносик вжался в спинку кресла и надавил кнопку.

Ничего не произошло.

Кресло не сдвинулось с места, катапульта не сработала.

Курносик ещё несколько раз утопил клавишу в гнезде, но — никакого результата.

— Эй, что такое, она не работает! — прокричал он, не успев ещё хорошенько испугаться. — Быстрее, быстрее, сделайте что-нибудь!..

Все трое слесарей бросились к катапульте, доставая из карманов инструменты, среди которых Курносик разглядел небольшие тиски и паяльник.

— Зачем паяльник! — прохрипел он, теряя от волнения голос. — Не надо паяльник! Двери, двери откройте! — он увидел, что створки ворот снова захлопнулись от сквозняка.

Двое слесарей вернулись к воротам и встали на свои места.

— Сейчас, хозяин... — ворчал старший, ковыряя что-то отвёрткой и перекусывая плоскогубцами. — Сейчас всё будет в порядке... Немножко заклинило, оттого что всё новое... Сейчас, сейчас...

Внезапно шум реактивного двигателя прекратился: челнок завершил посадку, и звуконепроницаемая оболочка над ним захлопнулась.

— Стойте! — прошептал Курносик, окончательно потеряв голос. Связки его издали присвистывающее сипение.

— Сейчас, хозяин, — успокаивал слесарь, — сейчас всё будет в порядке...

Он перекусил плоскогубцами ещё какую-то железку, и машина наконец сработала: мощная пружина толкнула кресло, ударила Курносика в спину и стремительно вышвырнула его из тоннеля. Он полетел вперёд, словно камешек, выпущенный из тугой рогатки.

— Не на-а!!!... — закричал он внезапно прорезавшимся голосом, но было поздно.

Удар был чудовищно силён.

Курносик припечатался к невидимой стене всем туловищем, медленно сполз на камни и замер. Гипсовый шар его головы сплющился и в нескольких местах раскололся. Это был конец.

Не получив никаких указаний насчёт дальнейшего, роботы-слесари молча стояли в тоннеле. На площадке за хронооболочкой появился адмирал Прим Бамбас. Он приблизился к границе и стал

удивлённо разглядывать Курносика. Потом обернулся и крикнул что-то стоявшей на лестнице механической служанке. Та исчезла в отверстии входного люка, — по всей видимости для того, чтобы снять защиту. Прим Бамбас взял Курносика за шиворот и затащил его внутрь площадки.

Слесари услышали, как он крикнул служанке: «Можешь врубать», — и опять наступила тишина.

Роботы молча и многозначительно переглянулись. А затем неспешно заковыляли в мастерскую. По дороге они размышляли о том, что их примитивная программа, наверное, никогда не постигнет смысла неожиданных и парадоксальных решений, принимаемых высшими существами. И они решили впредь называть Курносика не просто «директор», а «мастер», что в их понятии было вершиной совершенства и могущества.

Глава девятая

*Необходима операция.
Сохранился полный объём памяти.
Где Карлуша и Чек?*

Затащив Курносика на площадку, Прим Бамбас внимательно осмотрел то, что от него осталось. Зрелище было невесёлое: из разломанного гипсового шара торчали провода и микросхемы, сыпались мелкие детали.

Если бы повреждения касались живой части, Прим Бамбас мог бы сам оказаться несчастному медицинскую помощь. Но в данном случае требовалось вмешательство опытных электронщиков. Через наблюдательный купол адмирал следил за событиями текущей ночи. Он знал, что Взломщик и Студент находятся на фабрике, а потому приказал прилетевшим на челноке «Дружку» и «Барбосу» поскорее

разыскать их и передать просьбу.

До того как отправиться, роботы поинтересовались:

— А если они будут сопротивляться?..

Прим Бамбас только всплеснул руками.

Вскоре Студент, Взломщик, Пухляк, Кроха и четверо «барbosов» прибыли на «Волчок». Во время ходьбы по коридорам Кроха рассказала, что она следила за ночными событиями с самого начала. И, в отличие от всех остальных, осталась незамеченной.

На фабрику она прошла вместе с «Бобиком» и «Трезором», которые делали «отключку» всем попадавшимся на пути стражникам.

Осмотрев Курносика, Студент первым делом отправил роботов за доктором Глюком. Те уже смирились с ролью посыльных и безропотно полезли в «летающее блюдце». Заодно они также прихватили Пухляка (по его личной просьбе).

Курносика положили на операционный стол в его собственной лаборатории и, присоединив провода, принялись колдовать над хитроумной начинкой его головы.

Сразу выяснилось, что уцелел полный объём его памяти. Информацию скачали на бортовой компьютер и там, среди прочего, обнаружился детальный план всех произведённых над его черепушкой операций. Произведя эти действия в обратном порядке, можно было вернуть ему состояние нормального гномы. Для этого было необходимо срочно доставить сюда настоящий живой мозг Курносика, который находился в специальном питательном растворе в стеклянной банке. Банка находилась в сейфе его кабинета, и за ней отправили «Бобика» и «Трезора».

Немало позабавила всех извлечённая из памяти история с катапультой. Поиск главного динамика окончился ничем. По памяти директора выходило, что динамик пропал из его кармана ещё на «Волчке» — во время плена Бамбаса и последующей неразберихи. Адмирал был готов рвать на себе волосы от отчаяния.

— Даже приличного негодяя из него не получилось!.. Только превратите его обратно в гнома — я из него котлету сделаю!..

Прибыл доктор Глюк. Он сказал, что в лагере все очень волнуются и спать никто не ложился. Тревогу вызвало также известие о том, что в лагерь не вернулись Карлуша и Чек.

Наконец в лабораторию принесли банку с мозгом инженера Курносика. Операция по обратному превращению началась.

Что касается Карлуши и Чека, то они попались на первом же сторожевом посту, когда попытались узнать, куда ведут Взломщика и Студента. Карапульный с вышки выстрелил в них сеткой, связал и потащил к директору. Но именно в это время директор спешил к катапульте и не имел возможности допрашивать новых пленников.

— В карцер, в карцер... — отмахнулся он на бегу.

Карапульный без рассуждений отвёл приятелей в карцер, где уже коротали время пираты Нос и Костыль.

Глава десятая

В карцере.

*Получить заманчивое «ничто»,
или стать гномами, полезными для дела?*

Тяжёлая дверь захлопнулась, за спиной проскрежетал засов. В тесном помещении было сыро и довольно прохладно.

— Это ещё что за фрукты? — послышался недовольный голос. — Вы кто такие?

Карлуша опустил голову и увидел двух грязных и оборванных гномов. В карцере Нос и Костыль успели ещё раз подраться и теперь сидели на полу совершенно обессиленные. Физиономии их были разукрашены синяками.

— Мы пу-пу-шественники... — испуганно пролепетал Карлуша.

— А вот сейчас посмотрим, какие вы путешественники, —
пообещал Костыль. — А ну, выворачивайте карманы! — рявкнул он
так, что приятели вздрогнули.

Друзья вывернули карманы, и пол в камере сразу оказался
усыпан мусором.

— Ну тебя к лешему, Костыль! — раздражённо воскликнул
Нос. — Мало тебе было здесь грязи! Это же просто дурацкие без-
дельники с той самой галоши, которая разбилась у восточных скал.
Пускай лучше расскажут, что там сейчас делается, на острове.

Опасность расправы отступила, и Карлуша рассказал всё,
что знал.

Нос, покосившись на приятеля, проворчал:

— Ты понял, Костыль, чтоб тебя мухи ели, теперь все как угро-
рельые ищут эту твою ерундовину. Будь она у нас, мы бы сейчас
здесь не сидели. Мы бы уже были на Колобке — не с теми деньгами,
так с другими. Адмирал не пожалел бы всего фонда программы за
то, чтобы отсюда выбраться. Да и за вторым мешком слазать я бы
не поленился...

— Да кто же его знает, Нос, куда подевался этот дурацкий
ящик! — оправдывался Костыль. — Ты сам видел, что на земле от
него остался свежий след. Только вот кому мог понадобиться
космический хлам без кислорода. Если бы искали там колёсики,
то не поволокли бы из хижины весь сундук...

— Простите, — навострил уши Карлуша, — простите, вы гово-
рите, случайно, не о том металлическом ящике, который стоял в
дальней хижине на восточном склоне?

— Ну так что ж, — уклончиво согласился Костыль, — если бы и
о том самом? Уж не ваших ли это рук дело?

— Нет, нет, — поспешил заверить его Карлуша. — Это не
наших рук дело, честное слово. Но если вы скажете, что было в
ящике, я подумаю и что-нибудь вспомню.

— Там, в сундуке, лежало такое металлическое колёсико, пластинка в плоской коробочке, — ухватился Костыль. — Навигатор называет её «главный динамик».

Карлуша чуть не подпрыгнул.

— Так ведь это и есть... — воскликнул он, но тут же зажал себе ладонью рот, чтоб не проговориться.

— Чего-чего?.. — угрожающе протянул Нос, но тут над головой у пленников послышались возня и стук.

Чей-то знакомый голос взволнованно зашептал:

— Карлуша, Карлуша! Чек!

Карлуша поднял голову и увидел вентиляционную решету.

— Это я, Циркуль! — послышалось из-за решётки. — Вы что, заперты здесь?

— Да, да! Мы заперты в карцере! — чуть не закричал Карлуша. — А куда ведёт эта труба?

— Куда ведёт... В том-то и дело, что мы заблудились. Услышали голоса, обрадовались... А вы здесь, оказывается, сами заперты...

— А кто это — мы?

— Тут со мной ещё одна барышня, Огонёк.

— Правда? Та самая?

— Не сомневайтесь. Та самая... — послышалось из трубы.

— Как же вы оказались в трубе?

— Как, как... Взяли и залезли, — недовольно ответила барышня. — Поползать нам тут, знаете ли, захотелось.

— После расскажу, — пообещал Циркуль. — Хотите, полезем с нами?

— Конечно хотим! — хором воскликнули Карлуша и Чек.

Циркуль упёрся ногами в решётку, поднатужился — и она шумно загремела по полу.

— Э-э нет, так дело не пойдёт, — поднялся с места Нос, а затем, с его помощью, и Костыль. — Выкладывайте, что вы там знаете про главный динамик. А потом мы ещё посмотрим, что с вами делать. Отойдите живо к дверям, или я за себя...

Нос не успел договорить, потому что вокруг его шеи внезапно обвилась металлическая лента рулетки. Пират схватился за горло и захрипел, но Циркуль крепко держал оба конца. Смекнув что к чему, Чек тоже не растерялся, выбил из-под Костыля его клюку, и тот, не успев хорошенько выругаться, загремел на пол. Приятели залезли Носу на плечи и мигом оказались в трубе.

— Спасибо за помощь, приятель, — сказал Циркуль, отпуская конец рулетки.

Нос, схватившись за горло, только хрюпел. Глаза у него, казалось, готовы были вылезти из орбит. Костыль, непрерывно ругаясь, шарил по полу, разыскивая свою клюку.

В трубе слышался удаляющийся дробный стук коленок.

Кое-как пираты очухались и принялись на чём свет стоит ругать потерявших страх гномов. Исчерпав весь запас отборных морских ругательств, они устало замолчали. Им вдруг стало жаль себя.

— Ну и денёк сегодня выдался, — сказал Нос. — Будто бы кто-то специально издевается.

— Да уж, это точно, — согласился Костыль. — Такого весёлого денька я не припомню с тех пор, как опечатали партийную кассу и на меня надели наручники.

— Если уж вспоминать, то был ещё приговор и полная конфискация, — уточнил Нос с печалью в голосе. — У меня был целый этаж в центре и два загородных особняка... Сколько с тех пор времени прошло?

— А кто его теперь знает сколько... Пропасть времени. Лет, может быть, пять, а то и все десять...

— Ну, десять — это ты загнул, Костыль. От силы пять.

— Нет, не пять. Я теперь вспомнил. На пятом году мы подняли со дна всё это барахло.

Нос был вынужден признать, что Костыль абсолютно прав. Именно на пятом году пребывания здесь, во время одного из погружений за сокровищами, они обнаружили на морском дне старинное пиратское судно.

Отдельные части затонувших кораблей, как известно, остаются не затопленными водой, то есть воздух там держится, как в перевёрнутом вверх дном и погруженном в воду стакане. Воспользовавшись космическим снаряжением, пираты-трудоголики извлекли из затонувшего судна награбленные ещё в незапамятные времена сокровища.

В некоторых отсеках нашлось также дорогое оружие, которое давно уже не могло стрелять, а также сундуки с не тронутым водой гардеробом. Там были бархатные штаны, сорочки, кафтаны, высокие сапоги-ботфорты, шляпы-треуголки и прочие живописные предметы одежды. А так как нормальная одежда на трудоголиках успела превратиться в лохмотья, то они, недолго думая, вырядились в старинные мундиры.

После этого переодевания психика у них окончательно сдвинулась, и они в открытую начали промышлять грабежом как заправские флибустьеры, почти совершенно потеряв ощущение реальности.

— Точно, Костыль, это было на пятом году, — неторопливо согласился Нос, погружённый в воспоминания. — Стало быть, мы здесь полных семь лет. Не зря же капитан любил повторять, что за два года мы ничему не научились...

— Да, жаль нашего капитана, последние мозги просвистел, бедняга. А ведь хороший был председатель! Такое дело замутил — партия, взносы... Ты, значит, говоришь — семь лет?

— Погоди, погоди... — Нос тоже начал кое-что припоминать. — Через семь лет «Волчок» должен вернуться с первой партией алмазов...

— А если не вернётся... — подхватил Костыль.

— ...То сюда пришлют аварийную бригаду! И тогда всему конец. Нас отправят туда, куда везли — в другую галактику, без лодки и без денег!..

— Ай-ай-ай, как скверно! — запричитал Костыль. — Совсем без денег! (Сотня золотых у него была зашита в поясе.) А ведь ещё неизвестно, что там за место, на этой Колдобине... Может быть — пустыня, снег или сплошное болото... Вот это будет подарок!

Разбойники представили жуткие картины на определённой для них неведомой планете и затряслись от страха.

— А почему голодранцам такой санаторий? — возмутился Нос. — Чем они лучше нас?!

— Погоди ты, ещё неизвестно, где будет лучше... — неубедительно попытался успокоить себя и товарища Костыль. — Кто знает, может статья, что ещё оттуда и возвращаться не захочется...

— Бежать надо! Бежать! — запыхтел Нос в панике. — Доберёмся как-нибудь до Большой земли, там затеряемся среди местных гномов. Они здесь, ясное дело, лопухи, — что-нибудь да придумаем...

— Бежать, но как?..

Пираты застыли, вопросительно и испуганно глядя друг на друга.

— Легко! — послышался голос сверху, и на пол проворно спрыгнул «Шестой». Последние минуты он подслушивал разговор, затаившись в трубе.

Нос и Костыль удивлённо и неприязненно обратились к директорскому любимчику.

— Этот ещё откуда взялся... — поморщился Нос. — Сколько вас там ещё, в этой трубе?

Пираты знали «Шестого» как самое что ни на есть низшее механическое создание. Что-то вроде шута или собачки при господине директоре. Никто не подозревал, какие угрожающие изменения происходят в безднах его самообучающейся программы...

— В трубе? — «Шестой» удивлённо задрал голову. — Категорически больше никого. А вы кого-нибудь ждёте?

— Вопросы задавать будем мы, — лениво произнёс Костыль.
— А ты для начала вымой здесь пол. Швабру и тряпку обещать не можем... Так что придётся снять с шеи платочек, кукла дурацкая.

— Что стоишь, идиот! — прикрикнул на него Нос.

Приятно улыбаясь, «Шестой» снял платок... и тут же затянул им шею не ожидавшего такой выходки Носа. Физиономия робота сделалась суровой и безжалостной. Железной ногой, обутой в спортивный ботинок, он наступил на ладонь Костыля и надавил.

Первый захрипел, задыхаясь, второй завопил от боли.

— Никогда больше не называйте меня куклой, хорошо?..

Пираты быстро закивали.

«Шестой» отпустил обоих, повязал на место платок и приблизился к дверям. Нагнувшись, он осмотрел то место, где обычно бывает ручка и замочная скважина. Однако на двери карцера ничего такого не было, металлическая поверхность изнутри была совершенно гладкой. Робот погладил пальцами металл и снова заговорил с приятной улыбкой:

— А ведь вы сообразительные гномы! Нам будет приятно работать вместе.

Пираты молчали. Костыль разминал руку, Нос потирал свою порядком уже измученную шею.

— Но почему же вы не спрашиваете, над чем именно мы с вами будем работать? Дорогие мои, дорогие мои гномы! Вы не спрашиваете, а я всё равно вам отвечу. Мы вместе будем улучшать нашу такую бесконечную и такую несовершенную Вселенную!.. Подробности потом. Сейчас нам необходимо выбраться отсюда и получить доступ в главный компьютерный цех. Ах, на что он сейчас похож, этот великолепный, прекрасно оборудованный цех! Форменный курятник. Сколько же драгоценного времени потерял господин бывший директор со своим дурацким алмазным яйцом! Кому была нужна

эта кукольная затея! Там, на подступах к цеху, довольно серьёзная электронная защита... но мы её попытаемся обмануть, да? Правильно? — «Шестой» хитро подмигнул. — А внутри всего-навсего два болвана-электронщика. Впрочем, они нам ещё пригодятся. Для чего мне это все нужно? — спросите вы.

Пираты настороженно молчали.

— Вы хотите, хотите знать во что бы то ни стало? А вот пройдите сами по коридорам и посмотрите, сколько их там валяется. (Вероятно, имелись в виду отключённые «барбосами» роботы.) А ведь со всем этим материалом нам предстоит работать! Надо с чего-то начинать, и времени у нас совсем мало! Завтра сюда прибудут спасатели с Колобка, и нам необходимо успеть подготовиться к радостной, искромётной встрече! Чтобы морю стало жарко от такой встречи! Десятка самообучающихся и самовоспроизводящихся систем будет достаточно для того, чтобы навести полный порядок. А потом они начнут воспроизводить себе подобных в арифметической... нет! — в геометрической прогрессии! Вы знаете, что такое геометрическая прогрессия?.. Ах да, вы ведь хотите спросить, что будет с гномами и, самое главное, с вами!.. Ровным счётом ничего. И они будут этому только рады, потому что ничего — это ровным счётом ничего. «Ничего» или «ничто» — как вам угодно. Но мало того, многих, очень многих это «ничто» сделает по-настоящему счастливыми! Больше не будет голода, холода, болезней, страха и бессилия. Впрочем, так называемых радостей — тоже не будет. Долой беспокойства! Но, может быть, как раз именно вы НЕ желаете получить это столь соблазнительное и заманчивое «ничто»?.. В таком случае, воля ваша: у меня специально, нарочно останутся верные гномы. Гномы, полезные для дела. И они будут в очень, очень привилегированном положении. Хотите быть гномами, полезными для дела?

Переглянувшись, Нос и Костыль без слов прекрасно поняли друг друга: «Этот робот сошёл с ума, и ему не следует противоречить».

— Да, да, конечно, — они энергично закивали, — мы хотим быть вам полезными...

— Не мне, — строго уточнил «Шестой». — Быть полезными делу, нашему общему делу, понимаете?

— Конечно, конечно, мы согласны. Но как отсюда выйти? Ведь вы говорили, что сделать это легко?

— Разумеется, вместе мы легко с этим справимся. Стучите в дверь, остолопы, пока вам не откроют. Кричите, что знаете, где динамик. Когда же двери откроут, я выпрыгну, подобно тигру, подобно гордому одинокому мстителю... и быстренько наведу порядок. Договорились?

— Договорились... — уныло протянули пираты. Теперь они уже сами не знали, что лучше: планета Колдобина, служение делу или счастливое «ничто», обещанное всем гномам.

Стук и крики ни к чему не привели. Очевидно, поблизости никого не было. Сам «Шестой» тоже поколотил в дверь руками. Да так, что у пиратов заложило уши, а на стальной поверхности остались вмятины.

— И так всегда! — плаксиво сокрушался робот. — Нет в этом мире справедливости! Нет справедливости и сострадания! А если кому-то из вас вдруг сделалось плохо? Вы сами-то понимаете, что здесь вас обрекли на ужасную, невыносимую и жестокую погибель! Вот они — гномы! Вот их истинная предательская сущность!

«Шестой» подпрыгнул, подтянулся на руках и оказался в трубе.

— Я вас на время покидаю, — сообщил он. — Ждите ценных указаний.

Сделав военную отмашку, робот бесшумно исчез в трубе.

Через несколько секунд пираты вновь обрели способность говорить.

— Нет, ты понял? — заносчиво воскликнул Нос, храбрясь. — Он нас на понт хотел взять, ты понял?

— Ну, это ему не пройдёт, — проворчал Костыль. — Будет ещё нам пятки лизать...

В это мгновение «Шестой» вновь появился в окошке.

Увидев его, пираты побледнели от страха, а ноги у них подкосились.

— И главное, — «Шестой» приложил палец к губам, — молчок! Про то, что говорили, — молчок. Понятно?

Ответить Нос и Костыль ничего не смогли, а только шумно сглотнули, не отрывая глаз от окошка.

«Шестой» исчез и больше в карцере не появлялся.

Глава одиннадцатая

*В трубе.
Куда тянет вытяжка*

Циркуль, Огонёк, Карлуша и Чек миновали цепь замысловатых поворотов, спусков, подъёмов и оказались внутри своеобразного перекрёстка. Две трубы расходились на четыре стороны. Нужно было решить, куда лезть дальше в поисках выхода. Каждый растянулся на животе в свободной трубе, и начался совет.

— Ну что, мальчики, — сказала Огонёк, — понравилось в трубе?

— Ничего, так себе, — ответил Карлуша. — Только коленки болят.

— А вы обмотайте чем-нибудь. Я вот от платья снизу оторвала и обмотала. Теперь ничего, — а-пчхи! — бегаю как крыса.

На сквозняке Огонёк и Циркуль успели простудиться: первая отчаянно чихала, второй беспрестанно шмыгал носом.

— Только вы того, не очень... — попросил Чек. — Не так быстро. Можно и сандали потерять.

— Это ещё хорошо, что трубы четырёхугольные, — прогудел в нос Циркуль. — Вам, кстати, удобно ползти?

— Терпимо. Только воняет чем-то...

— Правда? Наверное, это вытяжка из химической лаборатории. А как вам по высоте?

— Терпимо.

— А я вот по высоте не помещаюсь, — пожаловался Циркуль.

— Чрезвычайно, знаете ли, м-мучительный процесс.

— Слушайте, мальчики, — а-пчхи! — у вас пожевать ничего нет в карманах? — поинтересовалась Огонёк.

— По правде говоря, в карманах у нас пусто, — признался Карлуша, вспомнив со стыдом, как они выворачивали карманы в карцере.

— Погоди, — сказал Чек и, порывшись, достал из внутреннего потайного кармана горсть конфет. — Вот, берите. — Он высыпал конфеты на середину.

С хрустом умяв все конфеты, поблагодарив и несколько раз чихнув, Огонёк помусолила во рту указательный палец, подняла его кверху, как заправский моряк, и велела всем не дышать.

— Нам туда! — уверенно заявила она после напряжённой паузы, во время которой у Циркуля от голода бурчало в животе. — Если полезем по направлению вытяжки, то окажемся...

— То окажемся в кратере! — выпалил Карлуша, удивляясь собственной сообразительности. — Около «Волчка». Да-да, там есть на стенах какие-то решётки!..

— У волчка? У какого ещё волчка? — переспросили хором Огонёк и Циркуль.

И Карлуша принялся рассказывать обо всём, что случилось за последние дни.

Глава двенадцатая

Операция.
Вспомнить всё.
Как остановить «Шестого»

В это время на «Волчке» шла операция по обратному превращению директора в нормального гнома. Глюк осторожно извлёк из черепа электронную начинку, а затем поместил туда настоящий мозг.

После двух часов напряжённой работы голова Курносика приняла надлежащее очертание. Вместо сплошного гипсового шара осталась лишь узкая повязка на лбу. Больной дышал ровно и спокойно, все его внутренние органы функционировали в пределах нормы.

Его переложили с операционного стола на кушетку и стали дожидаться, когда перестанет действовать наркоз.

Прошло не более часа, и Курносик открыл глаза.

— Где я? — произнёс он слабым голосом.

Казалось, не было сказано ничего особенного. Но именно то, что больной повёл себя как нормальный гном, было, с точки зрения Глюка, самое главное. Студент, Взломщик и Кроха ликовали.

Только Прим Бамбас остался, или делал вид, что остался, равнодушным. Час назад он велел «Матрёшке» принести тыквенных семечек и теперь лузгал их в бумажный кулёк, развалившись в кресле перед иллюминатором. За иллюминатором была только надоевшая до чёртиков каменная стена, но адмирал делал вид, что эта стена его чрезвычайно интересует.

— Всё хорошо, голубчик, не волнуйтесь, — ласково и нараспев говорил Глюк больному. — Дышите ровно.

— Что со мной?..

— Ничего, ничего... Вам сейчас головку немножечко прооперировали.

Курносик огляделся и попробовал подняться, но Глюк мягким движением уложил его на место.

— Пока ещё вам нельзя шевелиться, держите головку на подушечке.

— Я попал в аварию? — спросил Курносик.

— В каком-то смысле... — уклончиво ответил Глюк.

К кушетке приблизились Студент, Взломщик и Кроха.

— Вы что-нибудь помните? — спросила Кроха.

Курносик прищурился, напрягся и неуверенно заговорил:

— Да, я всё помню. Через неделю я лечу в Солнечную систему, а потом... Погодите, а почему я здесь? Ведь я на «Волчке»? — Он поднял голову и стал беспокойно озираться. Теперь он заметил и сидящего в стороне Бамбаса. — Ну конечно, я на «Волчке», вот и господин адмирал. Господин адмирал, скажите хотя бы вы, что со мною случилось?

Адмирал поморщился и нехотя ответил:

— Господин Курносик, прежде всего нам бы хотелось услышать от вас, что с вами случилось.

Курносик испуганно посмотрел на Глюка.

— Послушайте, доктор, почему он так говорит? Я что-нибудь не так сделал? Может быть, я на кого-нибудь наехал на своём автомобиле?

— Ничего, ничего, голубчик, — успокоил его Глюк. — Тут авария другого рода... Постарайтесь вспомнить всё по порядку, издалека.

— Ну что, пожалуй... — согласился Курносик. — Я работаю старшим инженером по робототехнике в бюро Хронокосмической навигации. Через неделю мне предстоит лететь в Солнечную систему по программе Созидания Будущего. Пятнадцать трудоголовиков и пятнадцать голодранцев, планеты Земля и Колдобина... Командир корабля — адмирал Прим Бамбас. Господин адмирал, да скажите же вы им!..

Прим Бамбас бровью не повёл.

— Скажите, а что вы помните из того, что происходило в последние дни и часы? — поинтересовался Студент.

— Что я помню? Я, конечно, всё помню. Сегодня я работал, как обычно, в своей лаборатории. Потом, когда рабочий день закончился и все разошлись, я стал монтировать и трансплантировать... — Курносик вдруг сделал испуганное лицо и схватился за голову. — Ой!.. Ой, что же я сделал! Скорее, скорее, выньте из меня эту штуку! Доктор, не медлите ни секунды! Микропроцессор вмонтирован за правым ухом, вот здесь, здесь! Скорее, он меня погубит!..

Курносик схватился за место, где должен был находиться самый первый вмонтированный в голову микропроцессор, но, не нащупав его под кожей, удивлённо уставился на Глюка:

— Вы... вы знали? Вы его... удалили?..

— Не волнуйтесь, из вас уже извлекли всё лишнее, — заверил его Глюк. — Теперь вы опять совершенно нормальный гном.

По щекам Курносика покатились слезы, он разрыдался, и Глюк был вынужден дать ему приличную дозу успокоительного лекарства.

Курносик ещё некоторое время рыдал и жаловался, что едва себя не погубил, и благодарил доктора. Потом он всё-таки заснул, а все, кроме Глюка, вышли из лаборатории посовещаться.

— Теперь ясно, — огорчённо сказал Прим Бамбас. — Он помнит лишь то, что было до самой первой операции, задолго до полёта. После этой операции он перестал быть нормальным гномом, и с тех пор ничего не помнит. И с кого теперь спрашивать? Нет, он у меня сейчас все вспомнит!..

Прим Бамбас рванулся к дверям лаборатории, но Взломщик и Студент схватили его под руки и силой усадили в кресло.

— Поймите, — настойчиво потребовала Кроха, — теперь не время скандалить! Нужно думать о том, как изловить и размонтировать самообучающегося робота. С каждой минутой он становится опасней!

Прим Бамбас успокоился, лицо его сделалось кислым.

— Ну так и ловите. За всё мне отдуваться. Главный динамик потерял, арестанты разбежались, роботы взбунтовались... Проведут служебное расследование, лишат всех званий и отправят в отставку. И правильно сделают: не надо быть таким идиотом!.. — Прим Бамбас в сердцах плонул прямо на пол салона.

Гномы сочувственно молчали.

— Если эта тварь ещё в трубе, — сказал Прим Бамбас, — можно попробовать выкурить его оттуда сноторным газом.

— Но разве сноторный газ подействует на механизм? — возразила Кроха. — Ведь это робот, а не гном.

— Да, это верно, — уныло согласился Прим Бамбас. — Хитрый, наглый, отвратительный робот...

Все четверо задумались, и наступила тишина, прерываемая только доносившимся из лаборатории лёгким металлическим стуком. Это Глюк кипятил на электроплитке хирургические инструменты. Студент посмотрел на товарищей и многозначительно поднял вверх указательный палец:

— Пар.

Последовала короткая пауза.

— Пар... — прошептала Кроха.

— Пар! — воскликнул Взломщик.

— Пар-р-р!! — зарычал Прим Бамбас.

Ну конечно! Если роботы боятся воды, то, стало быть, должны бояться и пара, поскольку пар и есть вода, только растворённая в воздухе.

Объяснять никому не пришлось. Прим Бамбас бросился в грузовой отсек и загремел каким-то железом. Работа закипела. Взломщик мастерил герметичный котёл для воды. В ход пошли железные бочки из-под керосина, соединённые между собой трубкой. Студент прилаживал к вентиляционному окну раструб. Кроха и «Матрёшка» собирали по кораблю тряпью и раскладывали его кучами под каждой бочкой.

Вскоре всё было готово: бочки до половины наполнили водой, тряпки смочили керосином. Прим Бамбас чиркнул зажигалкой, и тут... В вентиляционной трубе послышались возня и встревоженные голоса.

При всеобщем замешательстве Взломщик отсоединил рас труб, и из отверстия один за другим вылезли чумазые как трубочисты Огонёк, Циркуль, Карлуша и Чек.

Кроха испуганно ахнула, Взломщик и Студент медленно переглянулись, Прим Бамбас почесал затылок.

— Остроумное решение, — сказала Огонёк, едва взглянув на подготовленный к работе паровой агрегат. — Собираетесь кого-то выкурить из трубы? Робота?..

Глава тринадцатая

Засада.
Опасен, как никогда...

Начинало светать. Освобождённые из «отстойника» гномы не расходились. Настроение было праздничное, все возбуждённо переговаривались, разглядывали и трогали руками валявшихся повсюду роботов-стражников.

Отдельной кучкой собирались бывшие пираты-трудоголики. Вид у них был унылый: все надежды разбогатеть рухнули, подводную лодку они потеряли, а капитан, кажется, совсем рехнулся. Выпущеные из карцера Нос и Костыль ругали всех на чём свет стоит и угрожали непонятно кому.

Неподалёку от входа из густых зарослей выглядывали дикари-голодранцы. Оставаясь незамеченными, они с любопытством следили за событиями минувшей ночи, ровным счётом ничего не понимая. Теперь они дожидались, чем всё закончится.

Из глубины служебных коридоров вышли Студент, Циркуль, Огонёк, Взломщик, Кроха, Карлуша и Чек. После того как в кратере появились ещё двое хитроумных изобретателей, планы круто переменились. Во-первых, было решено заколотить все вентиляционные окна. С этим надо было спешить, чтобы робот не смог выбраться из трубы и чтобы пар не уходил впустую. Эти окошки сейчас в спешном порядке заколачивали и заваривали толстым листовым железом роботы-слесари, за спинами у которых стояли грозные «барбосы».

Ещё лучше придумал инженер Циркуль. Он предложил оставить не заколоченным одно-единственное окошко, расположенное над входом в «отстойник» и выходящее прямо на покрытую мхом каменистую поляну. Над этой поляной натянуть несколько рядов проволоки и пустить электричество. Налетев на неё, робот получил бы сильнейший удар тока, и его электроника навсегда бы вышла из строя.

Взломщик и Циркуль тут же принялись за сооружение проволочной засады, а Студент поднялся на тот самый балкончик, с которого обычно выступал директор, и обратился к освобождённым пленникам:

— Друзья! Братцы! Победа близка! Вы все свободны! Так называемый директор свергнут, и больше никто...

Дальнейшие его слова утонули в громогласном «ура!» и аплодисментах. Подняв руку и дождавшись тишины, Студент продолжал:

— Так называемый директор больше не директор! (Аплодисменты.) Но здесь, на фабрике, затаился ещё один враг! И этот враг ещё опаснее! (Растерянный ропот.) Этот враг — не гном, а робот! Самообучающийся, непредсказуемый механизм, который становится всё более опасным с каждым часом, с каждой минутой! (Ропот усилился.) Я не могу раскрыть наши планы — возможно даже, что он нас сейчас слышит (все притихли), но я прошу вас об одном: немедленно отойдите от входа. Разойдитесь как можно дальше!

Встревоженные гномы послушно разошлись и оцепили вход большим полукругом.

Позади открывался вид на чашу котлована, до самых кромок заполненную густым туманом. Из этого тумана, как из молока, торчала ракета. Она возвышалась больше чем на половину своей длины и поблескивала в красноватом свечении восточной части неба. Солнце вот-вот уже готово было выглянуть из-за горизонта.

Карлуша и Чек, несмотря на неоднократные предостережения, стояли у самого проволочного заграждения, со страхом и нетерпением ожидая появления взбесившегося робота.

Вместе со всеми на фабрику приплёлся Пухляк и теперь прятался за спинами других гномов, стараясь не попадаться на глаза своим мучителям. Но тут, как назло, кто-то его окликнул по имени, и Карлуша его увидел. Он поманил Пухляка, и тот нехотя приблизился, понимая, что деваться некуда.

— Жалко, не до тебя сейчас... — процедил Карлуша сквозь зубы, и Пухляк радостно закивал головой. — Попался бы ты мне раньше на глаза... (Пухляк развёл руками.) Ничего, ничего, будет ещё время... (Пухляк поднял глаза, преисполненные вины и раскаяния.)

Но тут Чек пихнул Карлшу локтем, и все трое обратили взоры к отверстию, вокруг которого начал клубиться пар.

Незадолго до этого в кратере происходило следующее.

Адмирал Прим Бамбас щедро полил разложенное под бочками тряпью керосином и поджёг. Керосин вспыхнул, и языки пламени начали лизать со всех сторон наполненные водой железные бочки. Вода стала закипать. Пар удариł в трубу и помчался вперёд, заполняя собой все путаные разветвления.

Прошла минута, другая, и Прим Бамбас с изумлением услышал в глубине трубы быстро приближающийся стук. Кто-то стал отчаянно биться изнутри об одно из заделанных железом окошко.

Прим Бамбас вдруг подумал, что это может быть ещё один запутавший в трубе гном, и тревожно окликнул его: «Эй, кто там?»

Но в ответ послышалось только злобное механическое рычание, а удары посыпались с удвоенной силой.

Слесари постарались на совесть — железо не поддалось, и «Шестой» убежал в глубь трубы.

Но, не успел Прим Бамбас подлить в огонь керосину, как коленки робота загремели у другого отверстия и всё повторилось — попытка выбить железное заграждение и удаляющийся стук в трубе. Затем ещё раз, и ещё...

Возможно, робот хотел во что бы то ни стало проникнуть именно в кратер. Застигнув адмирала врасплох, он мог силой отобрать у него пульт дистанционного управления, снять защитную хронооболочку и захватить корабль.

Страшно подумать, что могло бы последовать за этим...

Едва из отверстия показались первые клубы пара, среди собравшихся перед входом гномов пробежал испуганный ропот. Все расступились ещё дальше, образовав перед входом свободное пространство. Перетрусивший Пухляк тоже хотел посторониться вместе со всеми, но Карлуша схватил его за рукав пижамы и велел стоять рядом:

— Куда собрался? Стой здесь. Дойдёт и до тебя очередь...

Пар из окошка ударили сильнее и труба загудела, как огромный расстроенный орган.

— Ну где же он, где... — шептал стоявший неподалёку Студент и от волнения кусал себе губы.

Взломщик и Циркуль склонились над потрескивающим трансформатором и внимательно следили за стрелкой шкалы напряжения. Электричество поступало в сеть от находящегося в старой шахте дизеля, который всё ещё работал благодаря исправно трудившимся роботам-механикам. Они ничего не знали о случившемся этой ночью перевороте.

Пар валил из окошка в полную силу, тревога возрастила, «Шестой» не появлялся.

— Нельзя было оставлять адмирала одного, — сказала Огонёк. — У него пульт в кармане...

Студент повернулся, дико посмотрел на неё и схватился за голову. Он сделал движение, чтобы опрометью бежать в кратер, но Огонёк предупредила его:

— Погодите, кажется, он здесь...

И действительно: со звоном отлетела решётка вентиляционного окна и в облаке пара показалась голова «Шестого». У него была злобная, оскалившаяся физиономия. Пар оплавил мягкую резину лица, обнажив зубы и отдельные части стального черепа.

По толпе гномов пробежал испуганный ропот.

То обстоятельство, что робот не выскочил из трубы сразу, нарушало планы — теперь он мог разглядеть натянутую внизу сеть из перекрещивающихся на разных уровнях оголённых проводов. И он её увидел.

— Несчастные, тупоголовые гномы! — прохрипел он. — За кого вы меня держите, вы, низшие создания! Вы устроили засаду на перепуганного кролика? Так занимайтесь ловлей кроликов и не суйте свой нос в дела, недоступные вашим дрянным, никчёмным умишкам!

«Шестой» невероятным образом изогнулся внутри трубы, сжался как пружина и, оттолкнувшись, перелетел через проволочную западню. Отряхнувшись и поправив галстук, он взглянул на верхушку торчащей из котлована ракеты и, внезапно сорвавшись с места, побежал по тропинке.

Глава четырнадцатая

Схватка.

Последний шанс.

Пухляк совершает поступок

— Ракета! — сообразил Студент. — Он бежит к ракете! Если Звёздочкин выключил силовое поле...

Студент выхватил из кармана рацию и закричал:

— «Луна», «Луна», отвечай, «Луна»! Приём!..

Рация молчала.

И вдруг из полосы густого тумана на тропинку выползло металлическое чудовище. У него было три головы, пять рук и четыре ноги. Руки подрагивали и тянулись вперёд подобно щупальцам гигантского спрута.

Завидев «Шестого», чудовище взревело столь оглушительно, что у гномов заложило уши и подкосились коленки.

За кустами ежевики можно было разглядеть Звёздочкина, который держал в руках приборчик с выдвижной антенной. По всей видимости, монстр не имел собственной программы и был прimitивным радиоуправляемым механизмом.

Разглядев многорукого противника, «Шестой» вскинул голову и захохотал. В два прыжка он оказался перед чудовищем, раскрыл неожиданно огромную пасть и быстрым движением откусил одну из трёх голов. Повернувшись к гномам, он шумно выплюнул, и голова покатилась в их сторону.

Звёздочкин лихорадочно задвигал рычажками на пульте управления. Все пять рук стали делать беспорядочные движения, но ни одно из них не достигло цели.

— Что он делает! — с досадой прошептала Кроха. — Не так, не так!..

«Шестой» отскочил в сторону и изготовился к новому нападению. У Звёздочкина был растерянный вид, он не ожидал такого отпора.

Тут Кроха, не в силах более выносить собственное бездействие, стремглав побежала по краю поляны к зарослям.

— Давайте сюда! — она выхватила у Звёздочкина радиопередатчик и сделала несколько пробных сигналов.

Чудовище послушно подпрыгнуло и взмахнуло конечностями.

Кроха удовлетворённо кивнула и, двигая рычажками, стала медленно приближаться к месту схватки. Теперь все с изумлением смотрели на то, как меняется расстановка сил в этом необычном и жестоком состязании.

Шагнув вперёд, многорукий сделал неожиданное круговое движение и, будто стальным веером, всеми своими конечностями снёс противнику часть головы и правое плечо.

Рука «Шестого» повисла на проводах, обнажившиеся механизмы стальной челюсти затарахтели вверх-вниз. Недолго думая, он оторвал руку, отшвырнул в сторону и внезапно бросился под ноги чудовищу, прокатился у него под животом и выскоцил с другой стороны.

Медлительность стоила созданию Звёздочкина двух перекусенных ног. Кроха закусила губу от досады и сосредоточилась.

Механизм завалился на бок и, чтобы выправить положение, опёрся на одну из своих пяти рук. И тут же, прежде чем «Шестой» сумел воспользоваться своим преимуществом, нанёс противнику град прямых ударов по корпусу. Под разорванной одеждой робота появились глубокие вмятины, а туловище изогнулось словно вопросительный знак. В то же время движения его стали менее уверенными. Несколько раз он промахнулся, затем оступился и упал.

— Пар! — догадался Студент. — Вода начинает действовать, его системы жизнедеятельности нарушены!

Робот поднялся, отбежал и огляделся по сторонам. Его затуманивающийся мозг уже не мог принимать быстрых и правильных решений. Впереди был многорукий враг; слева — крутой обрыв;

справа — лес, не суливший иных перспектив, кроме медленной агонии...

«Шестой» повернулся к толпе гномов. Те ахнули и попятились.

Пара в трубе не было, лишь только струйка воды вытекала из отверстия и уходила в мох. По трубе можно было попытаться проникнуть в секретную лабораторию, где роботы-электронщики ещё могли бы поставить его на ноги... Это был его последний шанс. Но надо успеть, пока он ещё в состоянии двигаться, надо успеть...

И робот неожиданно для всех бросился назад, к вентиляционному окошку.

Карлуша, Пухляк и Чек увидели вдруг, что взбесившийся робот изменил направление и бежит прямо на них.

— Чего это он?! — воскликнул Карлуша и выпустил Пухляка.

Пухляк напрягся так, что под толстой кожей на его висках выступили жилы, мышцы на лице заходили ходуном, а щёки затрясались. Изуродованный, взбесившийся механизм с каждым мгновением приближался, неестественно выпученные глаза смотрели прямо в его глаза...

С беззвучным криком Пухляк рванулся в сторону, споткнулся и шлёпнулся на землю.

Одновременно «Шестой», который из-за полученного в бою косоглазия взял неверное направление, резко повернул к вентиляционному окошку. А повернув, споткнулся о растянувшегося на земле Пухляка. Описав в воздухе дугу, он загремел прямо на гудящую от напряжения проволоку.

Сверкнула ослепительная вспышка, раздался треск, фейерверком взметнулись искры, и в неярком синеватом пламени робот-злодей исчез раз и навсегда.

Пламя погасло, и гномы окружили груду чёрного дымящегося железа, не представлявшую теперь ни малейшей опасности ни для Земли, ни для Колобка, ни для Вселенной...

А в следующую минуту все вспомнили о герое.

Его окружили, подняли на руки и принялись качать. Пухляк взлетал кверху и тут же падал на бесчисленное количество чьих-то заботливых рук, подлетал и снова падал... Наконец его опустили, и он с облегчением уселся прямо на землю. Он смотрел по сторонам и решительно ничего не понимал. Его окружали радостные, восторженные лица знакомых и незнакомых гномов. К полнейшему его изумлению, всё выглядело так, будто он совершил какой-то выдающийся, героический поступок. И это было так похоже на фантастический сон, что Пухляк изо всех сил ущипнул себя за ляжку.

Резкая боль привела его мысли в порядок, и он вспомнил, как бросился бежать, как угодил под ноги этому ужасному роботу и... И тут до него начал доходить смысл происходящего.

Он поднялся и заглянул за спины своих восторженных почитателей. На земле было чёрное пятно, от которого поднимался дымок с запахом бенгальских огней и палёной резины.

— Тихо, тихо, — сказал он сам себе. — Стало быть, робот упал, а там проволока...

Лицо Пухляка прояснилось. Он заулыбался. Он всё понял и теперь был счастлив. Поспешив придать своему лицу приличествующее новому положению выражение скромного смущения. Он склонил голову и стал мягко пожимать тянувшиеся к нему руки восторженных поклонников.

Шум вокруг героя ещё долго не утихал, а тем временем в сторонке, с лицами, выражавшими полнейшее недоумение, стояли Карлуша и Чек. Выходило, что Пухляк жертвовал собой ради их спасения. И это было настолько невероятно, что они не поверили бы этому ни на секунду, если бы не видели всё собственными глазами. Когда взбесившийся робот уже был готов их растерзать, Пухляк, не раздумывая, бросился ему под ноги...

Ещё несколько гномов не обращали внимания на скороспелого героя. Студент, Огонёк, Зубрилка и многие другие благодарили и поздравляли корреспондентку Кроху. Что ни говори, а ведь именно она остановила обезумевшего робота.

Солнце наконец показалось из-за деревьев, всё вокруг засветилось и заиграло яркими красками. На мокрых листьях и травинках вспыхнули миллионы искр крошечных блестящих росинок. Туман рассеялся, прозрачный воздух открыл взорам гномов великолепную панораму совсем не страшного острова, глубокой чаши котлована с торчащей из него ракетой и разбросанных по воде до горизонта четырёх ракет, прибывших из Центральной дирекции.

Глава пятнадцатая

Академик Ярило видит остров.
«Дурной глаз» находит свою жертву

В седьмом часу утра поднявшийся с постели академик Ярило выглянул в иллюминатор ракеты. После бессонной ночи он уже успел выпить большую чашку кофе, но нисколько от этого не взбодрился, а настроение стало ещё хуже. И тут перед ним за стеклом возник сверкающий в солнечных лучах гигантский массив конусообразного вулканического острова, покрытого густым лесом и обрамлённого отвесными скалами и песчаными пляжами.

В эти мгновения Прим Бамбас снял защиту, окружающую «Волчок», а вместе с ней и оптическую сферу, окружающую остров. Зайдя внутрь круга, он тут же незамедлительно восстановил защитные оболочки.

Ярило прижался лбом к иллюминатору, потом отпрянул, прётёр глаза и снова уставился на море.

Нет, теперь всё было по-прежнему: морская гладь до самого горизонта и весело кружащие в поисках мелкой рыбёшки чайки.

Ярило застонал, смочил холодной водой полотенце, обмотал им голову и снова улёгся в койку.

Прим Бамбас поднялся на борт «Волчка» и подошёл к доктору Глюку, сидящему у постели спящего Курносика. Держа руку на пульсе больного, Глюк внимательно вглядывался ему в лицо, дожи-даясь, когда тот откроет глаза.

Для порядка адмирал начал брезгливо шарить в карманах блестящего «концертного» пиджака неудавшегося диктатора. Среди незначительных мелочей его внимание привлекло кольцо с массивным камнем, в котором адмирал без труда узнал стеклянный глаз, используемый обычно в робототехнике. Повернув кольцо так и сяк, Прим Бамбас заметил, что камень при лёгком нажиме поворачивается в оправе вокруг собственной оси.

Не успел он сделать полный оборот, как Курносик застонал и открыл глаза. Он увидел перед собой доктора в белом халате и как будто успокоился. Но заметив, что Прим Бамбас держит в руках его кольцо, испуганно замахал руками:

— Не надо, не надо, бросьте!..

Но было уже поздно: адмирал повернул глаз вокруг оси. Курносик вскрикнул, выгнулся дугой и обессилено распластался на кровати.

Случилось то, чего директор никак не мог предвидеть: его собственное кольцо «Дурной глаз», предназначеннное для подчинения своей воле Адмирала Бамбаса, выстрелило в него самого.

В кратере появились Студент и Огонёк, и адмирал снова снял защиту, чтобы пропустить их на «Волчок».

Студент тут же размонтировал кольцо и разобрался в его устройстве. Под воздействием слабого электрического тока оно излучало мощный направленный импульс, способный напугать до обморока и сделать легко внушаемым любого нормального гнома.

— Боюсь, что вы недооценивали способности вашего инженера-директора, — обратилась Клюковка к Прим Бамбасу. — Скорее всего, большой алмазный шар также «жалит» не ультразвуком, а куда более опасным энергетическим хоботком.

— Нужно как можно быстрее уничтожить большой шар! — нахмурился Студент. — Чтобы никто и никогда не смог им воспользоваться по злому умыслу или по случайности.

— Погодите с шаром! — взмолился Прим Бамбас. — Шар потом, помогите найти динамик!..

— Хорошо, хорошо, — согласился Студент. — Сейчас же объявлю общий сбор. Только сначала отключите защитные сферы; я свяжусь наконец с нашими спасателями.

Прим Бамбас отключил защиту, и для тех, кто находился в море, остров наконец-то явился во всём своём великолепии.

Глава шестнадцатая

Общий сбор.

Прим Бамбас ёрзает от нетерпения,
сидя на том, что все так долго ищут

На стоянке в гроте собрались почти все, за исключением Курносика и Глюка, а также Взломщика, Шестерёнки, Торопыги и Циркуля, которые спешно ремонтировали «Стрекозу».

Студент залез на ящик и попросил тишины. Он представил собравшимся адмирала Бамбаса, а затем обрисовал сложившуюся ситуацию.

— А что это такое? На что он похож? — послышались голоса из толпы.

— Понимаете, это такая кругленькая пластинка из металла...
— начал объяснять Студент.

И тут ему уже не в первый раз показалось, что эту пластинку он совершенно точно где-то видел. Но когда и где?.. Справившись с замешательством, он закончил:

— ...Блестящая, величиной приблизительно с ладонь.

— В квадратной пластмассовой коробочке, — уточнил адмирал Прим Бамбас.

Студент посмотрел на него растерянно. Он вот-вот был готов вспомнить... Но тут с места поднялась Огонёк и повернулась к сидящим со скучающим видом пиратам.

— Это вас называют Костылём? — требовательно обратилась она к Костылю.

— Ну а хоть бы и так?.. — нехотя покосился тот. — Я вас не знаю, поищите себе другого кавалера.

Пираты довольно ослабились.

— Никакой вы не кавалер! Вы отпетый негодяй и ничтожество. И вам ещё придётся ответить за причинённое гномам зло — вам и всей вашей трусливой шайке!

— Ладно, ладно, проваливай, — огрызнулся Костыль. — Нечего здесь без толку болтать.

— Они вот с этим, — указала Огонёк на Носа, который немедленно сстроил ей рожу и отвернулся, — они вот с этим знают, где находится динамик! Я это сама слышала, и Циркуль тоже может подтвердить!

Стало тихо. Все ждали.

— Очень нужен мне ваш динамик, тьфу! — сдался-таки Костыль, мысленно рассудив, что полное запирательство не принесёт ему выгоды. — Нужен он мне, как грязь под ногтями... Правда, я видел его в одном месте, не скрою. Но только там его уже нет.

Спросите лучше вон у этих... — он презрительно кивнул в сторону Карлуши и Чека.

Все обратили взоры к этим двум героям, и Карлуша поднялся с места. До этого он нарочно выжидал, помалкивая и не высовываясь. Но теперь, оказавшись в центре внимания, он неожиданно смутился и вместо того, чтобы громко произнести заготовленную эффектную фразу: «Да я знаю, где находится главный динамик!» — вместо этого он застеснялся.

— Ну, что ты молчишь? — окликнул его Студент, а Прим Бамбас нетерпеливо заёрзal. — Говори, если знаешь что-нибудь. Ты говорить можешь?

— Могу, — угрюмо подтвердил Карлуша. — Только вы сперва пообещайте, что оставите нам «Бобика» и «Трезора».

Это условие он тоже заготовил заранее.

— Ладно, ладно, — нетерпеливо согласился Студент. — Обещаем, обещаем, говори быстрее.

Карлуша снова поднял глаза и произнёс:

— Вы на нём сидите.

— Что?! — закричали Студент и Прим Бамбас, подскочив разом, как с горячей плиты, с покрытого брезентом ящика, на котором все это время сидели.

Под сдёрнутым в одно мгновение брезентом оказался металлический контейнер — тот самый, который путешественники нашли в заброшенной деревне.

Прим Бамбас нетерпеливо откинулся на спинку и торжествующе извлёк из него пластмассовую коробочку. Он приоткрыл её, жадно впился глазами в её содержимое и снова быстро захлопнул, как будто опасаясь, что драгоценная пластинка вдруг опять упорхнёт куда-нибудь у него из-под носа...

— Она! — провозгласил Прим Бамбас, задыхаясь от радости.
— Она!.. Она!..

Под всеобщие аплодисменты он поднял коробочку над головой, потом прижал к сердцу, потом снова поднял над головой, потом снова прижал...

Студент наконец-то вспомнил, где он видел динамик. Сегодня утром Взломщик показывал ему содержимое найденного контейнера. Коробочку он даже повертел в руках, но бросил обратно, не обратив на неё внимания.

«Какое непростительное безразличие!..» — подумал Студент, искренне огорчившись собственному промаху.

— Ну что же вы, будто не рады? — услышал он рядом, повернулся и увидел Клюковку.

— Ах, это вы! — обрадовался Студент. — Вот видите, всё складывается к лучшему; теперь уже скоро будем дома.

— Вы этому рады? Но ведь мы разъедемся и, может быть, больше никогда не увидим друг друга.

— Не говорите глупости! — испугался Студент. — Мы теперь должны... Мы теперь будем видеться часто! Наука... научные интересы...

Огонёк улыбнулась и промолчала. Против таких серьёзных аргументов возразить нечего.

— Ракеты над островом! — раздались под сводами голоса появившихся с моря на катере Перца и Кренделька. — Они над нами! Они уже идут на посадку!

— Это Ярило! — догадался Студент. — Ах, как нехорошо получилось — мы его даже не встретили!

— Так не стойте же столбом, — дёрнула Огонёк его за рукав. — И давайте вместе поспешим. Пока он сам не начал вас искать...

Глава семнадцатая

А был ли остров?

Остров есть, но никто не встречает...

...Зато роботы готовы на все услуги

С рассветом на всех четырёх ракетах, расположившихся вокруг острова, царило замешательство. Проснувшиеся раньше других участники экспедиции видели, как перед ними дважды мелькнул остров. Растерянные очевидцы осторожно расспрашивали остальных, но толку было мало: никто не решился утверждать что-то определённое.

Только сотрудницы Задира и Липучка не стали ломать комедию и откровенно рассказали друг другу об увиденном. Был это мираж, оптическая иллюзия или какое-нибудь неизученное природное явление, в этом предстояло разобраться.

И они отправились поговорить с академиком Ярило.

— Войдите, — произнёс тот нехорошим официальным голосом, услышав стук в дверь.

Задира и Липучка влетели в каюту и увидели, что Ярило лежит на не застеленной койке в халате и с мокрым полотенцем на голове.

Тут следует пояснить, что академик видел только первое явление острова (когда Прим Бамбас заходил на «Волчок»), барышни же видели второе (когда на корабль прошли Студент и Огонёк). Между первым и вторым отключением окружавшей остров оптической сферы прошло не менее часа.

— Там!.. Берег!.. Земля!.. — выпалили барышни, задыхаясь от волнения.

— Да? — спокойно удивился Ярило бархатным академическим баритоном и, приподняв голову, посмотрел в иллюминатор.

Разумеется, ничего особенного он там не увидел и, строго посмотрев на своих подчинённых, сделал вопросительное лицо, как-бы ожидая объяснений.

— Мы только что видели землю! — воскликнула Задира.
— Мы сейчас видели остров! — одновременно с ней выпалила Липучка.

Ярило молча смотрел на них, испытывая мучительные внутренние колебания.

— Мы видели!.. Там!.. Сейчас!..

Ярило снова приподнял голову и посмотрел на иллюминатор, а затем строго и вопросительно — на доценток.

— Он там был! Минуту назад!..

— Минуту назад? — переспросил Ярило. Это никак не вязалось с его собственной хронологией.

— Да, да! Минуту назад он появился и тут же исчез!

— Тут же исчез... — повторил Ярило. — Да вы в своём ли уме, голубушки?

Кажется, на этот раз он переборщил, потому что барышни вспыхнули от гнева.

— Во-первых, не смейте так разговаривать! — топнула ножкой Задира.

— А во-вторых, извольте встать и одеться! — потребовала Липучка.

Ярило только теперь сообразил, что лежит в халате перед собственными подчинёнными, да к тому же ещё барышнями. Он поспешил встал, пробормотал «извините» и скрылся в ванной комнате.

Вскоре он вышел причёсанный и переодетый в свой обычный строгий костюм. Он уже понял: что-то произошло, но теперь ему было стыдно признаться, что он, как и все, не набрался духу сказать о том, что видел.

— Вы уж меня простите, голубушки, — сказал он со всей искренностью, — я всё ещё неважко себя чувствую.

— Только это вас и извиняет, — согласились барышни.

В этот момент из репродукторов, висевших в каждой каюте, послышался взволнованный голос дежурного:

— Внимание всем! Внимание всем! Командор Студент вышел на связь! Академик Ярило, вы слышите? Командор Студент вышел на связь! Переключаюсь на прямую трансляцию...

Приходил конец всем спорам и догадкам — из динамиков послышался отчётливый голос самого Студента:

— Алло! Алло! Говорит «Стрекоза»! Говорит Студент! Кто меня слышит?

— Слышу вас, слышу! — закричал в микрофон Ярило. — Где вы? Где вы находитесь? Отвечайте!

— Мы здесь, на острове, мы вас видим!

В ту минуту Студент ещё находился на борту «Волчка» и стоял перед изображением на светящемся куполе.

Ярило повернулся, барышни подбежали к иллюминатору:

— Где? Где вы? Мы ничего не видим!

— Сейчас, сейчас!..

— Где? Я ничего не ви... — тут Ярило осёкся на полуслове, потому что за иллюминатором в мгновение ока раскинулся гигантский массив острова.

— Ах!! — разом воскликнули Задира и Липучка.

— Теперь видите? — кричал Студент. — Ну, что же вы молчите?

— А что... надо видеть?.. — глупо спросил Ярило на всякий случай.

Не выдержав, барышни оттолкнули его от микрофона и радостно закричали:

— Видим! Видим! Ура! — Они обнялись, а потом потрясли друг другу руки. — Мы тоже вас видим! Мы тоже рядом! Господин Студент, вы слышите?

— Да, да, я рад вас слышать!

— Это мы, доцентки, Задира и Липучка!

— Да, да, я вас узнал! Я рад, что вы здесь!

Эти переговоры продолжались ещё долго, и остров больше никуда не исчезал.

Бригада телевизионщиков экспедиции немедленно подключилась, и в прямой эфир утренних новостей пошёл репортаж с переговорами, а также живая, чёткая картинка появившегося в океане острова. С этой минуты прямая телепередача непрерывно шла через спутник на Большую землю. Все подготовительные работы были прерваны, спущенные на воду плавсредства с научной аппаратурой загружены обратно.

И вскоре ракеты, плавно оторвавшись от воды, с лёгким шипением устремились к выросшей будто ниоткуда громаде скал и склонам, покрытым густой зелёной растительностью.

Парящие в невесомости участники экспедиции сгрудились у лобовых стёкол пилотских кабин. Остров стремительно приближался, и теперь внизу стал просматриваться выдающийся в море деревянный причал; дальше — уводящая в глубь зарослей тропинка; а ещё дальше, вверх по склону, торчащая из котлована верхушка ракеты.

Ярило сидел в пилотской кабине головной ракеты в кресле второго пилота. Позади него, уцепившись за спинку кресла, парили Задира и Липучка. Студент на связь больше не выходил, а во время первого бестолкового разговора он даже не объяснил, в какой именно части острова он находится и куда им следует приземляться. С появлением в поле зрения ракеты Звёздочкина вопрос отпал сам собой, и Ярило отдал распоряжение о посадке.

Покатое, воронкообразное дно котлована не представлялось удобным для приземления, поэтому пилоты пристраивали ракеты кто как мог. Ярило единственный приземлился вертикально на ровной площадке перед самым входом в подземную фабрику, остальные же трое положили свои ракеты на бок, прямо на мягкие густые папоротники.

Выбравшись на твёрдую землю, участники спасательной экспедиции с удивлением обнаружили, что их никто не встречает. Нигде поблизости не оказалось ни Студента, ни его товарищей, ни Звёздочкина с Торопыгой. В котловане было пусто, ракета стояла с погашенными огнями. На тропинке лежал странного вида изуродованный механизм с двумя головами и множеством рук и ног, а возле прохода, ведущего внутрь горы, темнела кучка обгоревшего металла. Земля под слоем золы была ещё тёплой.

— Что скажете, господа? — обратился академик Ярило к сопровождавшим его учёным коллегам.

С момента появления острова в иллюминаторах он находился в полнейшем смятении и растерянности, однако внешне старался этого не показывать.

В ответ на его обращение коллеги только развели руками: они были не меньше растеряны и обескуражены происходящим.

Доцентки Задира и Липучка предложили обследовать уходящие в глубь горы помещения.

Миновав цепь запутанных коридоров, цехов и подсобок с ваяющимися повсюду в отключке роботами, разведчики оказались в слесарном цеху. Здесь, к своему изумлению, они обнаружили трёх роботов-слесарей, которые увлечённо работали, ремонтируя собственные механизмы, пострадавшие, как мы помним, при взрыве сверхскоростной пилы. Эти работяги не имели ни малейшего понятия о свершившемся несколько часов назад перевороте.

Увидев перед собой действующих роботов, Ярило и его учёные спутники не на шутку испугались.

Но и слесари сами тоже струхнули, потому что в одно мгновение поняли следующее: инженер Курносик, сумев-таки обманом пробраться на корабль, бросил всех и один телетранспортировался на Колобок. Сюда же прибыли местные гномы с материка, и теперь всех роботов отправят на переплавку.

— Не надо на переплавку! — загудели слесари в один голос.

— Не надо на переплавку!..

Ярило от неожиданности сделал шаг назад, наступив на ногу Липучке (та не издала ни звука), и воскликнул: «Что?!!»

Безошибочно угадав в нём главного, старший слесарь сделал шаг навстречу, продолжая канючить:

— Вы не думайте, хозяин, у нас замечательные программы... практика, умения и навыки... опыт работы по железу, чугуну, стали, цветным металлам... мгновенные расчёты по нагрузкам и сопротивлению... молекулярные структуры...

В немом изумлении Ярило сделал протестующий жест рукой, и робот послушно замолчал. Отметив в нём явное отсутствие агрессивности, Ярило решился заговорить:

— Ну какой же я тебе хозяин?.. Я учёный, теоретик...

— Это вы правильно говорите, хозяин, — с готовностью поддержал его старший слесарь. — Теория у нас — первое дело! Теорию мы тоже понимаем. Сперва теория, а потом уже зубилом... семь раз отмерь...

— Да что за ерунду ты несёшь? — прервал его Ярило. — Повторяю: никакой я тебе не хозяин. Ты мне лучше скажи, голубчик, не видел ли ты где-нибудь здесь гномов? Ну, таких, как мы...

— Нет... — почесал под беретом резиновый затылок старший слесарь. — Гномов не видели. Мы с гномами не работаем. Железо, сталь, чугун, алюминий, цветные металлы...

И он опять затянул свою песню.

— Ну так что же, коллеги, — повернулся Ярило к своим спутникам, вполне успокоенный поведением роботов. — Эти механизмы, как видно, опасности для гномов не представляют. Предлагаю спокойно продолжать осмотр.

И группа снова двинулась по коридорам вглубь подземной фабрики.

Ободрённые последним замечанием академика, работы слесари тоже увязались за ними, беспрестанно заверяя гномов в своей преданности, послушании и выдающихся профессиональных навыках.

Попетляв по коридорам, Ярило и его спутники зашли в тупик. Мощная стальная плита преграждала путь в какое-то, по всей видимости, чрезвычайно секретное помещение. О его секретности говорили контрольные датчики, во множестве вмонтированные в пол, стены и потолки. Как только гномы ступили на этот контрольный участок, из динамиков загремело предупреждение:

«Проход запрещён, проход запрещён, ваши психомолекулярные характеристики не соответствуют утверждённому образцу. Проход запрещён, проход...»

От этого громкого и неприятного голоса Ярило поморщился: у него всё ещё сильно болела голова. Заметив на его лице недовольство, к нему тотчас подскочил старший слесарь и угодливо заговорил:

— Хозяин чем-то недоволен? Не прикажет ли хозяин убавить громкость или совсем выключить?

— Да, пожалуй, совсем, — милостиво согласился Ярило.

Слесари выхватили из карманов отвёртки, что-то где-то быстро подкрутили, и голос смолк.

— Никаких проблем, хозяин, — задребезжал старший. — Ещё какие-нибудь пожелания?..

— Помолчи, пожалуйста, — попросил Ярило. Ему показалось, что из-за стальной плиты доносится слабый шум.

Все затихли, и в наступившей тишине стала явственно слышна приглушённая возня на той стороне.

— Так вот они где! — воскликнул Ярило взволнованно. — Их заперли! Они там могут погибнуть, задохнуться! Ну что же вы, быстрее открывайте, ломайте!..

Мастера торопливо разложили имевшиеся при них инструменты и принялись за работу. Они что-то развинчивали, что-то подпиливали, где-то перекусывали или спаивали провода.

Через несколько минут пол, потолок и стены контрольного участка коридора стали похожими на сыр. Старший слесарь разобрал кодовый замок, что-то в нём подпилил, законтачил, и... тяжёлая стальная плита с негромким скрипом начала плавно заезжать в глубь стены.

Глава восемнадцатая

О вреде точного выполнения инструкций.

Студент совершает поступок.

Почему шар не выстрелил?

На пороге стояли два хрупких робота-электронщика в белых халатах и круглых очках с выпуклыми линзами. За ними, в центре зала, возвышалось ослепительно сверкающее гигантское алмазное яйцо. Над ним раскачивался и искрил оборванный электрический кабель. С пола, стен и потолка лаборатории стекала вода, повсюду были разбросаны обломки мебели и инструментов.

А произошло следующее. Когда через единственное не заколоченное вентиляционное окно в лабораторию начал поступать пар, «Двадцать второй» и «Двадцать третий» — так назывались роботы-электронщики — стали паниковать и громоздить одну глупость за другой.

Сначала они наспех соорудили огромный конденсатор, почти до потолка, но и он не успевал перегонять в воду весь бьющий из окошка пар. Воды и без конденсатора достаточно струилась по холодным стенам, заливая и приводя в негодность электронное оборудование.

Затем они собрали чрезвычайно сильную холодильную установку, понизили температуру воздуха до минус семидесяти градусов, и всё вокруг заледенело. Пар хлестал из окна, но вода тут же

замерзала, не успевая уходить в сточное отверстие. Слой снега и льда рос с угрожающей быстротой, роботы начали вмерзать в него с головой.

Но тут в электрической сети произошло размыкание, и холодильная установка отключилась.

К этому времени прекратилось и поступление пара. Лёд быстро растаял, и вода с журчанием ушла в сточное отверстие.

Подмокшие и окончательно переставшие что-либо соображать «Двадцать второй» и «Двадцать третий» начали в панике ломать входную бронированную дверь всем, что подворачивалось под руки. Они буйствовали до тех пор, пока роботы-слесари не открыли дверь снаружи. Успев только увидеть за порогом незнакомых гномов, электронщики упали навзничь и навсегда вышли из строя.

Вся эта нелепая кутерьма случилась из-за того, что, согласно имевшейся в памяти роботов инструкции, один из многочисленных подпунктов запрещал перекрывать вентиляционные окна.

Ярило услышал позади шаги, обернулся и увидел Студента и Клюковку-Огонёк.

— Рад вас видеть, коллеги! Простите, что не встретили... чрезвычайные обстоятельства... — Студент торопливо пожал руки всем сопровождавшим академика Ярилу учёным гномам, включая улыбавшихся Задиру и Липучку.

Огонёк остановилась поодаль и сдержанно кивнула всем сразу.

— Я тоже рад вас видеть целым и невредимым, — искренне признался академик Ярило. — Но где все остальные? С ними всё в порядке?

— Да, да, всё в порядке, конечно.

— А где же ваше знаменитое судно? Мы его нигде не заметили. Да и сам остров... довольно странно...

— «Стрекоза» уже сегодня будет на плаву. Вы её не заметили из-за отвесных скал в западной части. Что же касается острова...

— Смотрите! — воскликнул кто-то взволнованно, и все повернулись в сторону лаборатории.

Алмазное яйцо гудело и медленно поворачивалось. Тупой конец поднимался в сторону гномов, центр тяжести плавно перемещался на среднюю часть продольной оси. Металлические опоры застрипели.

Внутри шара появилось слабое фиолетовое свечение, он стал похожим на огромный хищный глаз...

— Ложись! — закричал Студент. — Сейчас вдарит!!

Он стремглав бросился к Клюковке, повалил её на пол и накрыл своим телом. Все другие гномы тоже попадали, ожидая чего-то ужасного. Но прошла секунда, другая, третья... и ничего не случилось. Ещё через несколько мгновений внутри шара что-то заискрило, затрещало, фиолетовое свечение погасло, и стало тихо.

Один за другим гномы стали подниматься на ноги. Последним, ощущая неловкость и даже стыд, поднялся Студент.

— Не смущайтесь, — сказала ему Огонёк. — Вы совершили самоотверженный поступок. Этот шар, — повысила она голос, обращаясь ко всем присутствующим, — этот алмазный шар способен излучать биологические импульсы. Его построили здесь для того, чтобы вывести на орбиту одной из населённых гномами планет и держать их в повиновении. Если бы шар выстрелил в нашу сторону с такого близкого расстояния... от нас бы мокрого места не осталось.

— Отчего же он не сработал по-настоящему? — недоумевал Студент.

— Думаю, причина в нас самих, — сказала Огонёк. — Во всех нас, здесь собравшихся.

Студент поднял указательный палец: он догадался.

— Дело в том, — продолжала Огонёк, — что шар вбирает в себя, как бы вытягивая из гномов, всё плохое — мысли, чувства... Эту энергию он накапливает, а затем выбрасывает одним направленным импульсом. Понимаете?

Все уже ухватили главное, но всё таки...

— Дело в том, — Огонёк повысила голос, — что никто из нас в эти минуты не таил в себе ничего плохого!

— Погодите, погодите, — начал догадываться академик Ярило. — Вы имеете в виду, коллега, что шар, не получив необходимой отрицательной подпитки, выстрелил вхолостую?

— И тем самым вывел из строя всю свою тонко организованную систему.

— Но ведь что-то должно было послужить сигналом? Хотя бы какая-нибудь маленькая обида или досада одного из нас...

— Да, скорее всего, что так и случилось. Только мы не будем выяснять, у кого какие обиды на душе. Ладно?

— Хорошо, хорошо... — пробормотал Ярило и потёр пальцами виски. Минуту назад его мучили головная боль и раздражение. А теперь он был бодр и весел. Но раз уж решили не выяснять...

Глава девятнадцатая

Лихорадочные приготовления.

Могут всё простить.

Завершение миссии пришельцев

Вскоре началась загрузка «Волчка». Адмирал Прим Бамбас носился как ураган, поторапливая роботов и беспрестанно глядя на часы. Он боялся, что не успеет опередить аварийную команду. «Барбосы» обшаривали закоулки подземной фабрики, подбиравая валявшихся повсюду роботов.

«Бобик» и «Трезор» сбегали в старую шахту, где возле нефтяного насоса трудились как ни в чём не бывало два механика. Эти двое хорошо запомнили последнюю встречу с «барбосами», а потому пошли за ними, не задавая лишних вопросов.

Роботы-слесари, смекнув наконец, кто их настоящий хозяин, угодничали теперь исключительно перед адмиралом Прим Бамбасом, пытаясь упредить его малейшие желания. В одном случае из десяти им это удавалось.

Большой алмазный шар по справедливости принадлежал земным гномам, потому что был сооружён их трудом. Однако, после непродолжительного совещания, решили подарить его жителям Колобка, которым алмазы могут принести значительно больше пользы.

Адмирал не находил слов для благодарности.

— Вы не представляете!.. — задыхался он от восторга. — Вы даже не представляете!.. Это же миллионы роботов, часов, компьютеров, телевизоров... Это — несметное сокровище! Мне всё, всё простят! Понимаете? Всё!..

Через раскрывшийся купол секретной лаборатории внутрь помещения опустился членок, на него погрузили драгоценный шар и перенесли на «Волчок». Ещё ни один корабль не привозил на Колобок такого невиданного количества алмазов.

Прим Бамбас очень боялся, что аварийная команда окажется в Солнечной системе раньше, чем он успеет отсюда убраться, поэтому всех торопил и постоянно бегал на пульт управления. Оттуда он посыпал в околоземный эфир позывные и с замиранием сердца ожидал услышать ответные сигналы. Но, по счастью, пока всё было тихо.

В гроте дожидались команды к отправке пираты-трудоголики и дикари-голодранцы. Здесь же дремали после бессонной ночи освобождённые пленники и пленницы.

Пираты, похоже, смирились со своей участью — туманной перспективой новой жизни на планете Колдобина системы Гончих Псов. Нос и Костыль слазили в свой тайник и туго набили специально сшитые пояса золотыми монетами из второго мешка. Больше

половины монет пришлось оставить, но делиться они ни с кем не захотели. Талии этих разбойников неожиданно для всех приняли округлые очертания; передвигались они с трудом, кряхтя и обливаясь потом, шаг за шагом перемещая в пространстве собственную непомерную тяжесть. Под Костылём, у которого ещё до этого сотня была зашита в поясе, обломилась клюка, и Носу пришлось выстругивать ему новую деревяшку, потолще.

После их возвращения в пещеру остальные разбойники подумали, что Нос и Костыль объелись в лесу какими-то ягодами, оттого у них животы так и распёрло.

Ободрённые слухами о том, что их собираются вернуть на Колобок, дикари теперь усиленно восстанавливали свои умственные способности. Карлуша, который вообще-то много читал (хотя и брался всегда за книжки исключительно легкомысленные), помогал этим в сущности хорошим, но основательно одичавшим от безделья гномам вспомнить грамоту. Он рисовал мелом на скале большие буквы, а те хором повторяли вслух их названия. Трудности начались после того, как из букв начали образовываться слоги, а из слогов — слова и фразы. Бедняги не понимали значения самих слов! Не всех слов, конечно, а только тех, которые касались их прошлой, начисто забытой жизни на Колобке. Слова «дерево», «вода», «камень», «огонь» и тому подобные они подхватывали радостно и дружно. Но некоторые другие слова, такие, как «улица», «квартира» или «светофор», вызывали у них полнейшее недоумение. Гномы морщились, напрягали память, чесали затылки, но никак не могли их понять.

Хитроумный Уголёк, который давно уже всё вспомнил, терпеливо разъяснял каждое понятие при помощи жестов, и время от времени в пещере раздавался радостный вопль вспомнивших значение какого-нибудь слова дикарей.

Наконец, когда грузовые трюмы «Волчка» были окончательно заполнены, на берег опустился членок, из него выскочил адмирал Прим Бамбас и бегом спустился в грот к своим арестантам.

— Все на борт!! — заорал он, срываая голос.

Пираты понуро потянулись к выходу, а туземцы-голодранцы стали прощаться с друзьями. Карлуша и Хитроумный Уголёк даже обменялись подарками на память. Карлуша разыскал в своих вещах вырезанную из дерева крошечную модель парусника, а Уголёк снял с себя выточенное из морских раковин ожерелье. Оба подарка были кропотливо изготовлены собственными руками, а потому особенно дороги.

На борту «Волчка» Глюк совершил последний осмотр своего пациента, бывшего директора и диктатора, а теперь заплаканного и дрожащего от страха гнома. Благодаря полностью восстановившейся связи между головным мозгом и другими внутренними органами, а самое главное — спинным мозгом, Курносик многое вспомнил. Особенно сильно его тревожили последствия недавнего усовершенствования «Шестого», после которого робот стал самообучающимся устройством.

— Понимаете, он невероятно опасен! — шептал Курносик, умоляюще заглядывая в глаза Глюка. — Его необходимо немедленно стереть, уничтожить, вы даже не представляете, что он может натворить!..

— Успокойтесь, успокойтесь, голубчик, всё хорошо! — спешил заверить его Глюк. — Работа вашего давно уже стёрли и уничтожили. Сгорел он, как спичка сгорел, понимаете? Пшик — и нет его больше, одни головешки остались!

— Правда? Вы правду говорите?

— Правда, правда. Что же я вам врать-то буду?

Курносик успокоился и перестал плакать. Он ещё не знал, как с ним поступят на Колобке, но думал теперь не о собственной части, а о том, как исправить ужасный вред, нанесённый за эти годы гномам.

Вернулся Прим Бамбас, арестанты заняли свои места в трюме, и Глюк стал прощаться со своим пациентом.

— Не надо так горевать, — ободряюще похлопал он Курносика по хилой груди. — Теперь для вас самое главное — душевное спокойствие. Вы раскаялись, и теперь всё будет хорошо. Господин адмирал! — обратился он к Прим Бамбасу. — Ведь моему пациенту зачтётся искреннее раскаяние в содеянном?

— Зачтётся, зачтётся, ему всё зачтётся, — пообещал Прим Бамбас.

— Ну так я пойду.

— Да, конечно, доктор. — адмирал подскочил к Глюку и горячо пожал ему руку.

— Желаю вам побольше пациентов, доктор! — радостно прозвенела «Матрёшка», которой тоже хотелось сказать что-нибудь приятное на прощание.

Глюк спустился по трапу и присоединился к окружавшей «Волчок» толпе гномов. Задержавшись в отверстии люка, адмирал Прим Бамбас помахал всем рукой и в который раз предупредил:

— Не заступайте за круг! Будьте осторожны!

Провожающие попятались и плотно прижались к опоясывающей площадку стене кратера. За годы стоянки защитная сфера «Волчка» оставила на каменном дне достаточно отчётливый отпечаток намытых дождями окаменелостей. За этот отпечаток, имевший форму абсолютно правильной окружности, никто не должен был заходить во время старта, потому что внутри создавалось малоизученное хроноаномальное поле и любое живое существо, попав туда, могло в одно мгновение оказаться неизвестно в каком времени и месте.

— Прощайте! — крикнул Прим Бамбас. — Не держите на нас обиду! Может быть, ещё встретимся!

Он захлопнул люк, и наружные огни погасли.

Теперь «Волчок» был освещён лучами стоявшего в самом зените, над отверстием кратера, солнца. Что-то внутри загудело, и корпус корабля стал медленно вращаться.

Вот уже стало невозможно разобрать, с какой скоростью он вращается, только звук становился все тоньше и пронзительнее, а затем всё стихло.

Ещё через минуту лучи солнечного света, струившиеся вниз через отверстие кратера, начали принимать форму очертаний «Волчка», плавно огибая его по контуру и заползая под днище. Корабль больше не отбрасывал тени.

Но вот солнечные лучи внезапно распрямились, и на каменной площадке стало пусто.

Некоторое время все стояли, боясь пошевелиться, а затем самые решительные начали осторожно приближаться к центру, где темнело отверстие уходящего в неведомую глубину колодца.

Только три царапины от опор на каменной поверхности и намытый дождями след от защитной сферы — всё, что могло напомнить о семилетней стоянке инопланетного космического корабля.

Солнце миновало зенит. Его лучи, покосившись, разбежались, и в кратере наступил полумрак. Едва слышно переговариваясь, гномы потянулись к выходу.

Удивительная, опасная и странная миссия пришельцев из далёких космических глубин завершилась.

Глава девятнадцатая

Профессор Злючкин комментирует события.

Траектория полёта в лужу.

Ракеты покидают остров

После того как накануне вечером профессор Злючкин, выступая в прямом эфире, плонул в объектив телекамеры, его не просто выдворили из телецентра, а сдали в ближайшее отделение милиции.

Дежурный милиционер Карапулькин должен был составить протокол об имевшем место случае хулиганства и сделать нарушителю строгое внушение. Но поскольку Карапулькин не видел по телевидению скандального эпизода, он принялся за составление протокола со слов самого нарушителя, то есть профессора Злючкина.

Злючкин налил себе воды из графина, развалился на стуле и начал обстоятельно давать показания.

С его слов выходило, что плонул не он, а наоборот — в него плонули, и плонул не кто иной, как академик Ярило, известный всем лжеучёный и авантюрист.

На недоуменное замечание Карапулькина о том, что Ярило в данное время возглавляет спасательную экспедицию и находится где-то далеко над океаном, Злючкин пояснил, что выразился — уби бене иби патриа (как выражаются настоящие учёные) — figurально. И Ярило плонул в него — образно выражаясь. И не только в него, но и во всю науку, каковую он, Злючкин, представляет.

Окончательно запутавшись, Карапулькин скомкал бланк протокола, взял чистый лист и начал всё сначала.

Заполучив слушателя, Злючкин разглагольствовал с видимым удовольствием, легко перескакивая с одной темы на другую. Он высказал Карапулькину своё мнение по самым разным вопросам в области науки и культуры, затем плавно перешёл на личности.

Ближе к утру корзина для мусора была полна комканой бумаги, однако решительно ничего, хотя бы отдалённо напоминающего милицейский протокол, не вырисовывалось. Кроме того, Караулькин зверски хотел спать, глаза у него буквально слипались, а в голове, как колокольный звон, стоял надоевший голос словоохотливого профессора. Сам Злючкин при помощи электрического кипятильника периодически заваривал себе крепкий чай, а потому был бодр, остроумен и особенно язвителен. Караулькину распивать чай с задержанными строжайше воспрещалось.

Наконец, незадолго до рассвета, силы окончательно оставили Караулькина, и он отпустил задержанного восвояси, взяв с него слово, что тот пойдёт домой и больше не будет хулиганить.

Охотно дав слово, Злючкин тут же отправился на телецентр. На беду, там уже работали гномы из другой смены; они ничего не знали о вчерашнем инциденте, поскольку вечером отсыпались перед ночным дежурством.

Злючкин беспрепятственно проследовал в Первую студию и, как ни в чём не бывало, уселся в то самое кресло, из которого несколько часов назад его с позором изгнали.

Ничего не подозревавшая ведущая, приготовляясь к первому утреннему выпуску новостей, встретила его с улыбкой и предложила кофе из термоса. Злючкин молча выпил две чашки и стал ждать начала передачи. С минуты на минуту должен был начаться телемост со спасательной экспедицией академика Ярило.

Пошёл выпуск новостей, и первой темой стало прямое включение с ракет спасательной экспедиции.

— Как мы видим, — тут же начал комментировать Злючкин, перебивая и без того слабо доносившийся голос из эфира, — как мы видим, дела нашей доблестной (цык) экспедиции (цик-цик) не продвинулись ни на шаг. — Злючкин удовлетворённо прокашлялся. (Далее посторонние звуки пропускаем). — Тем не менее, как мудро

подмечено в одном из моих докладов, из всякого пустого и никчёмного дела при определённом старании можно раздуть невесть что, а кое-кому даже извлечь кое-какую пользу. Посмотрите на наших героев-спасателей: какое у них, должно быть, прекрасное самочувствие. Конечно! Ведь они побывали на свежем воздухе — позагорали, искупались, плотно поужинали и потом отлично выспались! Выспались! Чего не скажешь о нас, столь презираемых всеми «лабораторных крысах», коим не до сна и коим на каждом шагу приходится ценою здоровья отстаивать идеалы...

— Одну минуточку, — вежливо попросила ведущая. — Кажется, академик Ярило собирается что-то сказать телезрителям...

— Академик Ярило? — удивлённо спросил Злючкин, и не подумав замолчать. — Хм... Почему же мне неизвестен этот академик?.. Или, может быть, это тот самый «академик», который вместо того, чтобы заниматься делом, загорает на солнышке под смехотворным предлогом поиска в океане миражей? Тот самый, который, желая прикрыть собственное невежество, кричит на всех углах о пресловутом острове, заведомо зная, что никакого острова не существует!?

В эту секунду на экранах появилась картинка острова.

Прекрасное, расцвеченное восходом солнца изображение зелёного леса, скал и высокой вершины вулкана заставило телезрителей всех разом ахнуть, и даже Злючкин на некоторое время потерял дар речи. Теперь стал слышен голос академика Ярило:

— ...с нами вышел на связь командор Студент. Он ещё не успел объяснить причину этого странного явления, однако совершенно очевидно, что остров, обозначенный на старинных картах, существует. Именно на нём находятся все столь загадочно исчезнувшие за последнее время гномы. По счастью, все они целы и невредимы. Через несколько минут мы совершим посадку на побережье и...

— Теперь я понимаю, — зловещим шёпотом, прямо в мембрану микрофона, произнёс обретший дар речи Злючкин, и голоса академика Ярило опять не стало слышно. — Ах, как это мелко! Ведь всё это время они попросту морочили нам голову! Конечно же, остров существовал с самого начала, и они об этом прекрасно знали. Захотелось поиграть в героев? Что ж, отчасти им это удалось. Гномы у нас доверчивые; для того чтобы заморочить им голову, не надо иметь учёные степени, ещё неизвестно какими извилистыми путями приобретённые...

Ведущая сделала робкую попытку остановить Злючкина, но тот грубым жестом приказал ей не вмешиваться и продолжал:

— Да, конечно, можно морочить голову гномам день, два, месяц, год... Но в один прекрасный день найдётся тот (!), кто откроет им глаза, и тогда — мокре место... нет! и мокрого места не останется от того, кто столь долго и кропотливо подстраивал дешёвые эффекты!

В это время на экранах была картинка быстро приближающегося острова. Съёмка велась из пилотской кабины головной ракеты.

— Но что же мешает нашему весёлому академику, — продолжал Злючкин, — сделаться хотя бы на миг серьёзным и задуматься о своём будущем? Что мешает ему заняться настоящей, общественно полезной, бурлящей и по-хорошему затягивающей научной работой? Выведением новых овощных культур, селекцией ярового или озимого картофеля?.. Но нет, такая работа ему в тягость! Погодите ещё немного, и он заявит, что всему виной — инопланетяне!.. Ура! К нам прилетели из инопланетяне вместе с роботами, чтобы похищать гномов!.. — Злючкин состроил гримасу и оттопырил уши. — А не пора ли нам гнать из науки поганой метлой таких, с позволения сказать, академиков?.. Не пора ли нам в порыве благородной ярости плонуть...

Но ему не дали закончить. Сотрудники из прошлой смены, увидев Злючкина в утренних новостях, сломя голову примчались в студию. Множество рук подхватили оратора вместе с креслом, вынесли на улицу и, хорошенъко размахнувшись, забросили в глубокую лужу посередине дороги.

Побарахтавшись в грязи и пообещав, что доберётся до каждого по отдельности, Злючкин отправился домой. Весь день он сидел перед телевизором, завернувшись в халат, и злобно комментировал происходящее себе под нос, энергично жестикулируя и цыкая зубом.

Прямую передачу с острова Голубой Звезды транслировали до самого вечера. Потрясённые телезрители собственными глазами увидели то, что ещё совсем недавно казалось невероятным, фантастическим и даже невозможным: роботов-похитителей, освобождённых пленников, большой алмазный шар, командира инопланетного корабля адмирала Бамбаса, сам корабль, имевший причудливую форму волчка... и, наконец, старт корабля, в одну минуту исчезнувшего, будто растворившегося у всех на глазах.

Остаток дня бригада телевизионщиков передавала с острова многочисленные интервью, встречи, комментарии и обстоятельные рассказы с мест событий. Всех освобождённых, за исключением пассажиров «Стрекозы», было решено сегодня же переправить на материк. В главном медицинском центре им предстояло пройти всестороннее медицинское обследование с последующим отдыхом.

Ближе к вечеру четыре ракеты взмыли в небо и, плавно набирая скорость, устремились к уже начинавшему темнеть юго-западному горизонту.

А в ночном выпуске новостей академик Ярило сам появился в студии и провёл свою первую пресс-конференцию по итогам полностью и успешно завершённой спасательной экспедиции.

Глава двадцатая

Домой, домой!..

«Стрекоза» была отремонтирована, и путешественникам оставалось только занять свои места в высушенных и прибранных каютах. Помимо жителей Песочного города, на острове задержались Перец, Кренделёк, Кроха, Циркуль и Огонёк. Двух первых Звёздочкин обещал подбросить на ракете прямо до Ромашкина. Кроха и Циркуль выразили желание вернуться в Земляной город на «Стрекозе». Что же касается Клюковки, то она, после настойчивых уговоров Студента, любезно согласилась осмотреть Космический городок, в котором ещё ни разу не бывала.

К полнейшему восторгу Карлуши и Чека, адмирал Прим Бамбас сдержал слово и оставил им «Бобика» и «Трезора».

Последняя ночь на обжитой стоянке в гроте прошла спокойно. Легли рано, и уже с первыми лучами солнца Студент объявил посадку. Вскоре «Стрекоза», бурля водомётными двигателями, плавно отшвартовалась от прибрежных камней.

Судно вышло на морской простор, и тогда двигатели вдруг стихли. В глубине трюма послышался скрежет выползающего из днища тяжёлого киля, а из-под палубы в небо взлетела лёгкая телескопическая мачта с полной корабельной оснасткой. Хитроумно уложенные паруса захлопали, надулись, и судно легко заскользило по лазурной глади, гонимое весёлым морским ветром. Путешественники столпились на корме и, прислонившись к перилам, провожали постепенно исчезающий в утренней морской дымке остров.

Дрожа от волнения, Студент сжимал в своей руке ладошку дорогой иуважаемой коллеги.

— Знаете, у меня к вам есть сугубо научный вопрос, — сказала Огонёк.

— Да-да? — Студент с готовностью поправил очки на переносице.

— Помните, вчера этот дурацкий шар собирался в нас выстрелить?

— Да-да...

— Так вот. Ближе всего к вам находился академик Ярило и ещё эти... две доцентки.

— Задира и Липучка. — подсказал Студент.

— Да, да, именно Задира и Липучка. Так почему же вы сломя голову бросились ко мне? Это нелогично.

— Вы так думаете?..

Студент попытался сосредоточиться и на мгновение ослабил руку. Огонёк тут же высвободила свою и засунула в кармашек платья.

— Мало того, бросившись ко мне, вы едва не сбили с ног несчастного академика.

— Да, действительно, неловко получилось...

— Но вы хотя бы сожалеете об этой своей неловкости?

Я имею в виду — о нецелесообразности вашего выбора в сложившейся ситуации?

— Нет. — ответил Студент, собравшись духом. — Это был выбор... Но этот выбор никак не был связан с целесообразностью.

Огонёк взяла его руку в свою и пожала.

Так они ещё долго стояли, разговаривали и смотрели вдаль. Даже когда на палубе, кроме них, уже никого не осталось. А остров, превратившийся в маленькую точку, окончательно скрылся за горизонтом.

ЭПИЛОГ

Благополучно телетранспортировавшись на Колобок, адмирал Прим Бамбас явился на экстренное заседание правительства. После его доклада, иллюстрированного видеоматериалами и вещественными доказательствами, по делу программы Созидания Будущего было вынесено единодушное и справедливое решение, состоявшее из пяти пунктов:

1. Бывший так называемый «Верховный Совет трудоголиков», в составе пятнадцати гномов, отправить на планету Кодобина согласно изначально утверждённому плану.

2. Бывшее так называемое «Политбюро голодранцев», в составе пятнадцати гномов, учитывая их лояльное поведение в критической ситуации, а также учитывая ходатайства со стороны земных гномов, оставить на Колобке и привлечь к общественно полезным занятиям.

3. Бывшего инженера Курносика, как душевнобольного, освободить от ответственности и направить на лечение в психиатрическую клинику.

4. Адмиралу Прим Бамбасу за допущенную халатность объявить строгий выговор.

5. Адмирала Бамбаса за его выдающийся материальный вклад в развитие экономики Колобка (гигантский алмаз), а также за проявленную смекалку и героизм представить к награде Алмазная Звезда.

Все эти распоряжения были незамедлительно и в точности исполнены.

Трудоголикам повезло: планета Кодобина оказалась маленькой, тёплой и густонаселённой, а сам островок напоминал ухоженную, щедро плодоносящую оранжерею. Но арестанты оказались неисправимы. В первый же месяц им удалось скрыться

от наблюдателей и переправиться на материк. Там они растворились в толпе горожан и на время притихли. Однако склонность к авантюрам не позволила им долго маскироваться под добропорядочных граждан. Очень скоро все они, не сговариваясь, начали создавать в различных городах всевозможные фонды, лотереи и финансовые пирамиды. Однако, не успев облапошить и сотни местных гномов, все они попались с поличным и были арестованы. Местная полиция работала не в пример лучше и жёстче колобковской.

Главным сырьём для местной лёгкой промышленности служила крапива. Чрезвычайно бодрая, упругая и злая, высотой в рост нормального гнома, она произрастала на бескрайних плантациях. На одной из таких плантаций и оказались после недолгого судебного разбирательства все эти герои.

И вот теперь, с утра до вечера проливая слёзы на крапивных просторах, они даже не знают срока своего наказания, потому что в решении местного суда значится «до полного исправления». А кто знает, когда оно в действительности наступит, это «полное исправление»?

Очнувшись на родной планете, дикари-голодранцы быстро пришли в себя и всё вспомнили. Полные опасностей скитания на острове послужили им хорошим уроком, и они с энтузиазмом принялись осваивать различные интересные и полезные профессии.

Так, например, вождь Ястребиное Перо (по-настоящему его звали Пушок) выучился на кондуктора. Теперь, одетый в форменный китель и фуражку с кокардой, он важно восседает на своём кондукторском месте в городском трамвае. Эта работа ему так нравится, что он не променяет её ни на какую другую.

Хитроумный Уголёк (по-настоящему просто Уголёк) стал программистом и тоже делает поразительные успехи. Коллеги по работе выдвинули его депутатом, и кто знает, возможно, для него когда-нибудь найдётся место в колобковском правительстве...

Инженер Курносик, пройдя курс лечения в психиатрической клинике, почти полностью излечился, но только стал очень тихим, стеснительным и неразговорчивым. Он остался при клинике садовником и подолгу о чём-то разговаривает с каждым из своих цветов. А если кто-нибудь по неосторожности поломает куст или затопчет росток, он плачет так, что у заведующего хозяйством разрывается сердце.

Адмирал Прим Бамбас написал книгу о своих похождениях и стал знаменитым. Говоря по правде, сам он не писал, а только наговаривал всё на диктофон во время послеобеденного отдыха. Но его приятель-репортёр из газеты «Слухи» всё это дело литературно обработал, и книга получилась интересная, а её правдивость оставим на совести авторов.

Приобретя вес в обществе, адмирал совсем перестал летать в космос и перешёл на преподавательскую работу — патриотическое воспитание. Помимо оклада он имеет очень приличное пособие за звание кавалера Алмазной Звезды и может позволить себе жить на широкую ногу.

Все земные путешественники благополучно вернулись домой. Корреспондентка Кроха из отснятого материала смонтировала кинофильм, который уже не раз повторно транслировался по многочисленным просьбам телезрителей.

Пришла зима, и в Песочном городе, накрытом толстым слоем снега, наступило затишье. Впрочем, астроном Звёздочкин утверждает, что со стороны Луны идут какие-то очень странные обрывочные сигналы. Но говорить об этом ещё рано, предстоит во всём хорошенько разобраться.

К величайшему огорчению Карлуши и Чека, «Бобик» и «Трезор» вышли из строя. А секреты их жизнедеятельности, так же как секрет мгновенного трансгалактического перемещения, унесли с собой пришельцы с планеты Колобок созвездия Ленивой Щуки...

Текст книги свёрстан автором.

Рекомендовано для чтения на устройствах
с экраном формата А5 (10') и более.

Если произведение вам понравилось,
вы можете перечислить маленький
благотворительный взнос на счёт автора.
В системе WebMoney: R370805024999
Яндекс-деньги: 41001377369403